Ч
И-37

Изменения в системе словосочетаний

М., 1964

66876

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

66276

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
XIX ВЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
академика *В. В. Виноградова*
и доктора филологических наук *Н. Ю. Шведовой*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

4
И 37

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

66876

ПРЕДИСЛОВИЕ

В русском литературном языке XIX в. словосочетания были той синтаксической категорией, которая подвергалась очень существенным изменениям, обусловленным как действием идущих из предшествующих периодов тенденций внутреннего развития самой этой категории, так и разнообразными влияниями других факторов — грамматических, словообразовательных и лексических. В результате взаимодействия всех этих факторов изменения в системе словосочетаний были явлением сложным и многогранным.

1

В XIX в. окончательно изживается идущая исстари и — в остаточных явлениях — отмечающаяся еще и в языке XVIII в. одна из специфических черт словосочетаний древнерусского языка — нерасчлененность выражаемых ими отношений. Словосочетания в древнерусском языке были категорией, качественно отличной от словосочетаний современного языка; это особое качество заключалось, в частности, в том, что семантическое «ядро» словосочетаний в ряде случаев объединяло в себе в виде единого сложного значения в той или иной степени близкие, связанные друг с другом или порождаемые одно другим значения. Так, например, в древнерусском языке не было глагольно-именных словосочетаний, специально выражающих собственно причинные отношения: это значение не было отчленено от значения целевого; многие именные (субстантивные) сочетания также несли в себе нерасчлененное, сложное значение.

Общая тенденция развития словосочетаний по направлению к современности заключалась в утрате этой семантической нерасчлененности. Функции многих словосочетаний, по характеру своего значения сложных, постепенно распределяются между сочетаниями других типов; вырабатываются новые модели, характеризую-

щиеся, по сравнению с предшествующим состоянием, определенностью и конкретностью выражаемых в них отношений. В XVIII в. мы застаем одну из последних стадий этого процесса. В это время еще функционировали в языке как живые модели некоторые конструкции, к значениям которых нельзя подходить с современной меркой. Так, например, некоторые глагольно-именные сочетания с предлогами *для (ездит для уроков), из (работает из хлеба)* в это время сохраняли в себе сложное объектно-причинно-целевое значение, и было бы анахронизмом, классифицируя, определять их как собственно объектные, причинные или целевые. Постепенно число таких конструкций сокращается и, что особенно важно, они утрачивают свойства живой модели, перестают быть продуктивной схемой построения и превращаются в застывающие осколки когда-то живых «рядов». На протяжении XVIII—XIX вв. процесс утраты моделей с нерасчлененными значениями протекает — под воздействием многих факторов — особенно активно и по существу завершается.

Другой характерной чертой древнерусского языка в области словосочетаний было наличие нескольких моделей для выражения одного, самого общего значения и меньшее по сравнению с современностью количество сочетаний, выражающих частные оттенки одного общего значения или более конкретные, определенные его виды. Отсюда — большая свобода взаимозамещений, отсутствие строгой закрепленности за той или иной моделью определенного «узкого», конкретного значения. Это свойство с достаточной определенностью проявляется еще в языке XVIII в., а порожденные им явления можно наблюдать и позднее. Идущей из древности недифференцированностью функций словосочетаний или, иными словами, многофункциональностью падежных форм и предлогов объясняется наличие и в языке нового периода дублетных словосочетаний, в которых с современной точки зрения необъяснимо равнозначное употребление разных по форме зависимых компонентов, ср.: *выйти в вал* и *выйти на вал, потопить при береге* и *потопить у берега, учитель в красноречии* и *учитель красноречия, знаток в уборах* и *знаток уборов* и т. д.; ср. еще, например, бóльшую, чем в современном языке, свободу взаимозамещений причинных словосочетаний с предлогами *по* и *за, по* и *с, по* и *из*. В XIX в. такая дублетность резко сокращается: возобладавшей, как правило, оказывается модель, выражающая то или иное значение (пространственное, качественно-определительное и т. п.) в наиболее обобщенном виде, освобожденная от частных и в ряде случаев ставших немотивированными смысловых «наслоений». Естественно, что этому процессу часто противодействуют факторы лексические, давление узуса, нередко приводящее к созданию штампов или лексикализации предложно-именных сочетаний.

Важно подчеркнуть, что этот процесс характерен именно для дублетных конструкций; там, где не было прямых смысловых сов-

падений (дублетности), старая конструкция, хотя бы и характеризующаяся немотивированным для современного языка употреблением предлога или всего предложно-падежного сочетания, сохраняется как живая модель; ср., например, неспадающую употребительность глагольно-именных словосочетаний с *из* с родит. пад. со значением активного внутреннего стимула к действию (*спросил из любопытства, убил из ревности*). Эти движения происходили на фоне более широких и общих процессов, в тесном взаимодействии с ними.

Развитие литературного языка в XIX в. характеризуется обогащением новыми моделями словосочетаний всех разрядов, значительным расширением менее употребительных в предшествующие эпохи разрядов (адъективных и наречных словосочетаний), изменениями в функционально-стилистическом использовании отдельных моделей и их групп. Это приводило к распространению в языке моделей, так или иначе соотнесенных друг с другом, синонимичных.

На протяжении всего XIX в. во всех разрядах словосочетаний отмечается рост предложных конструкций за счет беспредложных. Процесс этот не был прямолинейным: иногда встречались и обратные замены (*ср. урок из географии — урок географии, знаток в картинах — знаток картин*). Однако несомненно общее распространение предложных словосочетаний за счет беспредложных, характерное не только для русского, но и для других славянских языков. Предложные словосочетания по сравнению с беспредложными семантически более четки, они более определенно и однозначно выражают тот или иной частный вид отношений. XIX век был той эпохой, когда возобладали предложные конструкции в соотносительных рядах: *входить воротами — входить через ворота, товарищ путешествия — товарищ по путешествию, родник прозрачной воды — родник с прозрачной водой, далеко родины — далеко от родины, глубокий содержанием — глубокий по содержанию* и др.

В связи с ростом предложных словосочетаний возникают новые или шире употребляются ранее наметившиеся параллельные взаимозаменяемые модели, такие, как *полезный обществу — полезный для общества, сделай мне — сделай для меня* и др.

Внутри системы предложных словосочетаний в это время происходили свои движения и перемещения. Прежде всего, рост предложных моделей связан с изменениями в самих предлогах, с развитием в них новых значений и функций, с расширением сферы выражаемых ими отношений. На основе более древних и более конкретных значений продолжают возникать значения новые, более отвлеченные. Это приводит, с одной стороны, к грамматикализации некоторых предлогов, к превращению их в чисто формальные, «пустые предлоги» (В. В. Виноградов), лишенные или почти лишенные собственного значения; с другой стороны, возникает потребность в новых, конкретных по значению предлогах.

Так, например, наряду с употреблением моделей, в которых предлоги выражают первоначальные более конкретные значения, все шире распространяются модели, в которых предлоги выступают в более отвлеченных значениях; например, *от* в причинном значении (*покраснел от смущения, красный от смущения*), *в* в ограничительном значении *(важный в военном отношении, опытный в диалектике, точность в движениях)* и т. д. В ряде моделей предлоги могут выступать как чисто грамматические показатели синтаксической связи, например: *походить на мать — похожий на мать, убедиться в своей правоте — убежденность в своей правоте* и т. п.

На протяжении XIX в. растет употребление моделей с однозначными предлогами. Освобождение первообразных предлогов от многофункциональности связано с появлением новых специализированных предлогов; в XVIII—XIX вв.— первоначально в сфере деловой речи, а затем и в общелитературном употреблении — получают распространение словосочетания с однозначными производными предлогами и предложными сочетаниями: *вследствие, благодаря, по причине, в силу, по случаю, ввиду, в связи с, с целью, в видах, по направлению к* и др. Это было развитие специализированных и однофункциональных средств выражения вполне определенных частных значений — таких средств, которые не допускали двусмысленности или неясности смысла. Соотношение между сочетаниями с первообразными и производными предлогами активно менялось.

В результате всех этих процессов в системе словосочетаний с непроизводными предлогами усилилось расчленение основного массива их живых моделей на две неравные группы. С одной стороны, это были конструкции, обладающие относительно широкой употребительностью, но в разной степени лексически несвободные; именно они-то и взаимодействовали наиболее активно со словосочетаниями, строящимися с помощью новых специализированных предлогов (ср.: *с усталости* и *вследствие усталости, в результате усталости, благодаря усталости, по причине усталости* и т. д.). С другой стороны, в языке сохраняется и продолжает активно функционировать весь огромный массив таких конструкций с первообразными предлогами, которые, не будучи ни лексически или функционально ограничены, ни стилистически окрашены, выражают самые общие и постоянные виды отношений; таковы были многие словосочетания с предлогами *до, за, для, ради, из-за* и др. *(пришел до обеда, бранил за шалости, сделал ради сына, опоздал из-за дождя* и т. п.).

2

Для языка XIX в. характерен рост лексической несвободности многих непродуктивных типов словосочетаний с непроизводными предлогами. Это были в основном словосочетания с узкими, част-

ными значениями, уступавшие место или словосочетаниям с новыми специализированными предлогами, или живым и массово употребительным моделям таких словосочетаний с непроизводными предлогами, которые вбирали в себя все частные оттенки общего значения и активно распространялись во все сферы функционирования непродуктивных, остаточных образований. Так, в соотношении типа *не проехать за дождями — не проехать из-за дождей* первый член ряда представлял собою непродуктивную и лексически ограниченную конструкцию, которая, однако, в языке XVIII в. функционировала еще довольно свободно; в XIX в., в результате последовательного лексического «усыхания», приведшего в конце концов к сохранению в языке отдельных лексикализующихся предложно-падежных сочетаний реликтового характера (см. ниже), эта конструкция уходит из живого употребления. Аналогичным был путь, который прошли, лексически все более замыкаясь, причинные конструкции с предлогом *с (сказать с горя, падать с усталости)*, целевые конструкции с предлогами *в* и *на* и др. Яркой иллюстрацией развития лексической несвободности словосочетаний могут служить конструкции с беспредложным дательным приименным, уступавшие место построениям с родит. пад. *(причина молчанию — причина молчания, цена деньгам — цена денег* и т. п.): на протяжении XIX в. последовательно сокращаются те семантические группы существительных, с которыми мог сочетаться дат. пад.; в частности, к концу века полностью утрачивается употребительность таких сочетаний с существительными конкретной семантики *(ведомость делам, роспись книгам)*; с другой стороны, ряд таких сочетаний фразеологизируется (ср. *делу конец*). Таким образом, для XIX в. можно говорить о характерном и активно протекавшем процессе закрепления за определенным типом словосочетаний узкого круга слов или слов определенной семантической группы.

Конечной стадией этого процесса было перерастание отдельных предложно-падежных сочетаний в новые «сращения» лексикализованного характера. Такими реликтами когда-то живых конструкций становятся к концу XIX в. сочетания типа *за неимением* (ср. еще в XVIII в. живые сочетания типа *за скоростью шьют на живую нитку, за стуком не слыхал), в назидание, в утешение, в шутку* (ср. в XVIII — начале XIX в.: *сказать в засвидетельствование, пишу ему в досаду*), *на память, на показ* и др. Для некоторых из таких сочетаний следующим этапом развития было их функциональное обособление, превращение их в сочетания модального («вводного») характера *(к счастью, к досаде* и т. п.).

3

Морфологическая природа стержневого слова словосочетания обычно определяет строение словосочетания. Соответственно в кругу моделей словосочетаний могут быть выделены такие, которые

типичны для той или другой части речи (глагола, существительного и т. д.). На протяжении XIX в. наблюдается тенденция к дальнейшему разграничению моделей словосочетаний, свойственных различным частям речи. Однако наряду с этим интенсивно протекал и прямо противоположный процесс унификации организуемых категориально различными словами моделей под влиянием словообразовательных и семантических связей стержневых компонентов. В языке последовательно осуществлялось выравнивание моделей, организуемых словами словообразовательно родственными, но относящимися к разным частям речи. Наиболее активно такая унификация проходила в системе субстантивных словосочетаний с главным словом — отглагольным именем. По разным линиям здесь осуществлялась тенденция к единообразию именных и глагольно-именных моделей под влиянием и при явном возобладании глагольной схемы. Именно воздействием словообразовательных связей стержневых слов объясняется возобладание построений с дат. пад. над построениями с родит. пад. в соотносительных рядах типа *служба отечества — служба отечеству* (ср. *служить отечеству*); возобладание построений с творит. пад. над построениями с родит. пад. в соотносительных рядах типа *торговля рабов — торговля рабами* (ср. *торговать рабами*). Аналогичные процессы происходят в развитии соотношений беспредложных и предложных субстантивных словосочетаний. В соотносительных рядах типов *зависимость родителей — зависимость от родителей, надпись истукана — надпись на истукане* и т. п. абсолютно возобладавшими оказались предложные словосочетания, поддержанные синтаксико-словообразовательными связями с глагольно-именными сочетаниями (ср. *зависеть от кого, надписать на чем* и т. п.).

Словообразовательные связи стержневых слов не были единственным фактором, влиявшим на унификацию моделей именных и глагольных словосочетаний. Не менее важные и, может быть, более глубинные изменения происходили под влиянием связей семантических: словосочетания со стержневым словом, относящимся к той или иной семантической группе, в своем втором компоненте «подравнивались» к моделям других типов, организуемым словами других категорий, но тех же семантических рядов. Так, под влиянием моделей, организуемых словами со значением чувства, внутреннего отношения (*любовь, чувство, ненависть к кому*), родит. пад. в словосочетаниях со словом *отвращение (отвращение от чего)* уступает место дательному *(отвращение к чему);* сочетания типа *басня спасения* оказываются вытесненными сочетаниями типа *басня о спасении* — под влиянием общего типа сочетаний, организуемых словами со значением мысли и говорения (ср. *мысль, просьба, слова о спасении, думать, говорить* и т. п. *о спасении*). Аналогичные процессы происходят в системе наречных словосочетаний: под влиянием «управления» отложительных глаголов *(убегать от врагов, удаляться от города* и т. п.) наречные словосочета-

ния типа *далеко родины* вытесняются сочетаниями типа *далеко от родины*. Теми же процессами словообразовательной и семантической аналогии вызывались колебания типа *согласно чему и с чем* (ср.: *согласить с чем), соответственно чему* и *с чем* (ср. *соответствовать чему, соответственный чему и с чем),* где дательный был поддержан принадлежностью стержневого компонента к семантической группе слов со значением сходства подобия.

4

Активизация или ослабление тех или иных моделей словосочетаний могли быть непосредственно связаны с активизацией или ослаблением в языке той категории или группы слов, к которой принадлежит главное или зависимое слово сочетания. Этот фактор нельзя не принимать во внимание, так как часто только им могут быть объяснены на первый взгляд непонятные рост или спад употребительности тех или иных продуктивных моделей словосочетаний.

Так, активизацией в языке XIX в. всей категории качественных прилагательных и обогащением их синтаксических функций объясняется интенсивное развитие и появление новых типов адъективных словосочетаний с главным словом — прилагательным в полной форме. С другой стороны, сужение сферы применения и утрата ряда функций у кратких форм влекут за собой явное сокращение круга образуемых ими моделей словосочетаний. Прямым следствием этих процессов явился разрыв соотносительности адъективных словосочетаний, организуемых полными и краткими формами. Ростом употребительности и пополнением состава наречий с качественными и эмоционально-оценочными значениями была вызвана активизация соответствующих адъективных и наречных словосочетаний: в XIX в. экспрессивно окрашенная речь обогащается соединениями типа *невыразимо милый, удручающе скучный, необыкновенно жарко, неслыханно дорого, чарующе хорошо, бесконечно долго* и т. п. В XIX в. в публицистической, научной, художественной речи возрастает роль образованных от основ прилагательных отвлеченных существительных — названий качеств; соответственно явно активизируются целевые глагольно-именные сочетания с предлогом *для* типа *сказать для ясности, прибавить для твердости* и т. п. С конца XVIII в. развиваются притяжательные значения в образованных от фамильных имен прилагательных на *-ский*; соответственно возрастает роль и употребительных словосочетаний типа *гоголевский «Ревизор», пушкинская эпоха,*— и это происходит несмотря на то, что в более общем ряду соотношений типа *ответчиковы слова — слова ответчика, докторское предписание — предписание доктора* роль словосочетаний с зависимым прилагательным на всем протяжении XIX в. последовательно ограни-

чивается, что, в свою очередь, связано с резким сокращением употребительности и утратой стилистической «нейтральности» всем классом притяжательных прилагательных.

5

В XIX в. наблюдается тенденция к распространению в языке таких моделей именных словосочетаний (особенно адъективных), которые не обусловлены функцией стержневого слова в предложении (например: книга *полезна для детей;* книга, *полезная для детей; полезная для детей* книга и т. д.). С другой стороны, сохраняется известное число и таких моделей, которые обусловлены функцией стержневого слова в предложении. Это отчетливо обнаруживается в некоторых именных словосочетаниях — субстантивных и адъективных. Так, например, в соотносительном ряду типа *друг брату — друг брата* сочетания с родит. пад. функционируют свободно, а сочетания с дательным закрепляются в своей исконной функции предикативно значимых структур: *он друг брату, я им сосед;* на протяжении XIX в. такое разграничение моделей по функциям становится почти правилом, причем дательный закрепляется в сочетаниях, включающих название лица (ср. ранее более свободное употребление: *начало делу, конец беседе* и т. п.).

Однако закрепление за словосочетанием той или другой синтаксической функции не обязательно было связано с разграничением дублетных моделей. Например, некоторые обособившиеся от соответствующих полных форм краткие прилагательные в сочетании с инфинитивом или предложно-падежной формой *(любопытен знать, известен о чем)* оказываются в возможностях своего функционирования строго ограниченными: это всегда и только сказуемое. Та же функция является единственно возможной для трехчленных групп с полными формами типа *нахожу возможным сообщить, не считает необходимым спорить.* Как правило, синтаксическая «прикрепленность» словосочетания связана с его предикативным или полупредикативным функционированием.

6

На протяжении XIX в. в литературном языке осуществляются стилистические перемещения, передвижения разных типов словосочетаний из одной сферы речи в другую или локализация тех или иных моделей в узкой речевой области. Это прежде всего связано с сосредоточением многих типов утративших продуктивность словосочетаний в разговорной речи и соответственно — в отражающих ее жанрах художественной литературы. Первоначально равно свойственные и «живому разговору», и деловой, официальной, научной речи, многие из таких сочетаний к концу века оказываются уже категорией стилистически значимой и, как правило, связываются с

непринужденной речью или оказываются даже за пределами литературного употребления. Именно такова, например, была судьба глагольно-именных причинных и причинно-целевых словосочетаний с предлогами *от, по, с, из (бьется из хлеба, с холоду посинел* и т. п.).

Эти процессы протекали в русле общей тенденции к освобождению книжной — деловой, научной, публицистической — речи от непродуктивных, часто семантически нечетких либо так или иначе «связанных» моделей. Именно поэтому прежде всего в книжной речи укрепляются словосочетания с новыми однозначными производными предлогами. В дальнейшем такие сочетания расширяют сферу своего применения: развивающаяся уже с середины XIX в. общая сильная тенденция к их стилистической «нейтрализации» несомненна.

В связи с вопросом о стилистических изменениях следует особо отметить уход или резкое сокращение употребительности словосочетаний, связанных с узким жанром (или кругом жанров) художественной литературы и развивавшихся в недрах этого жанра. Изменения литературных вкусов и направлений, смена художественных приемов непосредственно отражаются на судьбе таких конструкций. В этом смысле показательно, например, резкое сокращение употребительности именных словосочетаний типа *дева красоты, муж добра, ангел нежности* и т. п.: будучи характерной приметой поэтической речи и романтизированной прозы, такие сочетания после 30-х годов XIX в. резко идут на убыль и во второй половине века вообще перестают употребляться.

В настоящей работе рассмотрены изменения далеко не всех типов словосочетаний: сюда не вошли главы, посвященные изучению так называемых объектных глагольных словосочетаний с зависимым существительным; не рассмотрены подробно многие типы собственно именных и адъективных конструкций. Объясняется это прежде всего невозможностью охватить в одной работе весь подлежащий исследованию материал; в ряде случаев таким объяснением служит наличие уже опубликованных работ, специально посвященных детальному изучению тех или иных видов словосочетаний в русском литературном языке XIX—XX вв.; наконец, многие конструкции не нашли здесь освещения потому, что на протяжении XIX в. в их структуре и функциях не произошло существенных изменений. С другой стороны, следует подчеркнуть, что в предлагаемых ниже главах рассматриваются в основном явления грамматические, т. е. такие, которые связаны с изменениями в структуре и функциях словосочетаний как синтаксических единиц; изменения, вызванные факторами лексического порядка, т. е. движениями в семантике стержневого слова, к «грамматической» истории словосочетаний не относятся и в настоящей работе не освещаются или освещаются только в связи с другими моментами

развития. Лишь попутно и далеко не полно затрагиваются здесь и изменения в соотношениях словосочетаний и синтаксических групп других видов (типа *пришел для разговора — пришел, чтобы поговорить; доложил по прибытии — прибыв — когда прибыл* и т. п.): такое исследование должно опираться на более широкие разыскания в области стилистических перемещений и перегруппировок во всей системе литературного языка нового времени.

Структура словосочетаний, их функции, изменения в их соотношениях как в русском, так и в других славянских языках постоянно привлекают внимание исследователей. Эти вопросы освещаются как во всех общих синтаксических курсах, так и в очень многих специальных исследованиях монографического характера, диссертациях, статьях и т. п. Литература о словосочетаниях — и как о собственно «номинативных единицах» языка, и как о вычленяемых из состава предложения различных по характеру синтаксически связанных группах — настолько богата, что обозрение ее, даже очень суммарное, могло бы составить целую книгу. Поэтому в настоящей работе не было возможности при анализе отдельных типов словосочетаний ссылаться на все те работы, в которых эти конструкции так или иначе описываются и объясняются. Однако очевидно, что авторы в своем исследовании опираются на весь богатый опыт изучения словосочетаний и широко используют выводы и материалы, введенные в научный оборот другими исследователями.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Глава

ИЗМЕНЕНИЯ В ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ

Развитие глагольно-именных словосочетаний в XIX в. представляет собой продолжение давно начавшихся процессов, из которых главным был процесс освобождения от многофункциональности. В древнерусском языке, как и в других славянских языках, каждое беспредложное и предложное словосочетание использовалось для выражения нескольких значений. Многофункциональность форм порождала ряды дублетных конструкций [1], имеющих одинаковый лексический состав и полностью совпадающих по значению, но различающихся по форме.

В определении значения многих словосочетаний решающую роль часто играло не только лексическое значение компонентов, но и контекст: большое место в системе словосочетаний занимали конструкции со сложным, нерасчлененным значением (ср.: *привожу в улику* — «привожу в качестве улики» и «привожу с целью уличить»).

Путь к «кристаллизации» значений, к созданию и укреплению однозначности конструкций лежал через развитие дифференцированных способов выражения определенных значений и их оттенков. Такая дифференциация осуществлялась не только посредством включения в систему глагольно-именных сочетаний конструкций со специализированными предлогами (*в течение, вследствие, во время* и т. п.): основную роль в сокращении многофункциональности и дублетности форм играло распределение значений и закрепление значений и их оттенков за определенными формами словосочетаний. В процессе этого распределения некоторые формы или полностью освобождались от одного из своих значений, или

www.ruslang.ru

[1] Под дублетными конструкциями в данной главе понимаются конструкции, полностью совпадающие по значению и не различающиеся по сферам употребления; под синонимическими — конструкции, различающиеся оттенками значения или сферами употребления.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК СССР

начинали выражать его при строго определенных условиях, создававшихся или обязательным присутствием дополнительного конструктивного элемента (ср.: *работать весь день* и *работать каждый день*), или лексико-семантическими ограничениями. В результате всех этих процессов складываются новые правила построения словосочетаний.

Таким образом, в развитии глагольно-именных словосочетаний взаимодействовали два фактора — грамматический и лексический: система грамматических средств, служащих для выражения разных значений, и лексико-семантические группы слов, вещественные значения которых «участвуют» в формировании значения конструкции в целом. Интенсивность действия каждого из этих факторов по отношению к разным группам словосочетаний на разных этапах их развития была неодинакова [2]. Так, например, в первые десятилетия XIX в. на развитие целевых словосочетаний существенное влияние оказывали процессы, происходившие в системе отглагольных существительных; к концу века действенным фактором в развитии этих же сочетаний становятся новые сложные предлоги и соединения, выполняющие функции предлогов. Затухание той или иной конструкции всегда связано с все возрастающими лексическими ограничениями, распространяющимися, равным образом, на имена существительные. Часто этот процесс приводил к образованию устойчивых соединений, к адвербализации именной или предложно-именной части либо к фразеологизации всего сочетания. Напротив, тенденцию к активизации проявляли те сочетания, при построении которых не возникало никаких лексических ограничений (ср., например, временные конструкции с предлогом *до*).

К концу XVIII — началу XIX в. создалось такое соотношение, при котором в системе пространственных, временных и причинных конструкций беспредложные сочетания явно уступали место сочетаниям предложным (беспредложные конструкции с целевым значением вообще отсутствовали). Беспредложные конструкции здесь противостоят предложным как уходящие и непродуктивные дублеты.

Основной сферой употребления беспредложных конструкций в XIX в. становятся объектные словосочетания с их разными оттенками значений (конструкции с дат. косвенного объекта, с винит. прямого объекта и др.); заметную роль беспредложные сочетания играют также в системе конструкций, обозначающих действие и орудие или способ его осуществления (с творит. орудия или способа).

В системе предложных сочетаний в XIX в. оказываются проти-

---

[2] См.: В. М. Филиппова. Наблюдения над развитием некоторых глагольных словосочетаний в русск. лит. языке XIX в. «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. V. М., 1962.

вопоставленными конструкции с неспециализированными и специализированными предлогами. Хотя в конце XVIII — начале XIX в. первые преобладают, однако уже в это время конструкции со специализированными предлогами проявляют тенденцию к активизации: вступая во взаимодействие с конструкциями первого типа, они или снижают их вес в общелитературном употреблении, или оттесняют их в ту или иную узкую сферу речи.

Изменение соотношений между словосочетаниями, направленное на образование однозначных словосочетаний,— с одной стороны, таких, однозначность которых определяется специализированной формой, с другой стороны, таких, однозначность которых связана со «строгими» условиями построения,— и составляет основное содержание развития глагольно-именных сочетаний в XIX в.

Начало XIX в. застает разные глагольно-именные сочетания на разных этапах их развития. Многие глагольно-именные конструкции уже к концу XVIII в. были непродуктивны или утрачивали продуктивность. Но «уход» конструкций из литературного языка, т. е. выключение их из системы нормализованных образований, осуществлялся крайне медленно. Конструкции, потерявшие продуктивность, явно вытесняемые другими, еще долго встречаются даже в нестилизованных текстах. Это свидетельствует об их жизненности. В то же время изменение в соотношениях между словосочетаниями не всегда приводило к полному возобладанию той или иной конструкции: иногда сохранялись обе модели, совпадающие по значению, но различающиеся по сферам употребления. Многие непродуктивные лексически ограниченные сочетания локализуются в какой-либо одной речевой сфере, а иногда превращаются в характерологическое средство стилизации.

РАЗВИТИЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ ПРИЧИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Система словосочетаний, выражающих причинные отношения, в конце XVIII — начале XIX в.

§ 1. В древнерусском языке существовала сложная система причинных конструкций. Для выражения причинных отношений употреблялись формы с творительным беспредложным *(мерети гладом);* с родительным с предлогами *от (от гордости пропадете), с (прибиша всех с ярости), из (из гладу мряху), для (выпуща болести для), за ради (скончевахуся за отечество ради), ради (грехов моих ради тужу);* с дательным с предлогами *по (по грехом нашим сотворися скорбь велика), про (про сестру его погибоша), за (за воровство казнити), по (по что ныне трепещеши);* с творительным с предлогом *за (не велел бог мне жить за скудостию*

моею); с предложным с предлогом *о (не опечалитеся о словеси сем)* и др.

Уже в древнерусском языке за той или иной конструкцией закреплялись определенные семантические группы слов — существительных и глаголов; выражение тех или иных оттенков общего причинного значения также было связано с определенной формой сочетания [3]. Так, в конструкциях с предлогом *от* существительное обозначало причину-источник действия, в конструкциях с дат. пад. и предлогом *по* — причину-основание для осуществления действия, в конструкциях с винит. пад. и предлогом *за* — внутреннюю мотивировку совершения действия, в конструкциях с предлогом *из* — внутреннее побуждение к действию [4].

Некоторые конструкции не имели «индивидуальных» оттенков, были широкими в семантическом плане. Таковы были конструкции с беспредложным творительным [5], с родительным с предлогом *для,* с винительным с предлогом *про,* с предложным с предлогом *о.* Число таких конструкций в ходе развития языка постепенно сокращается, а конструкции, обладающие частными оттенками в значении, напротив, развиваются.

В древнерусском языке не было конструкций, специально выражавших только причинные отношения. Последующее развитие системы причинных сочетаний характеризуется появлением и закреплением новых, специализированных средств выражения собственно причинных отношений и их различных оттенков. В XVIII в. в литературный язык входят предлоги *вследствие, благодаря, по причине, в силу, по случаю;* сочетания с этими предлогами вступают в активные соотношения с сочетаниями, построенными при помощи первообразных предлогов.

Так к концу XVIII — началу XIX в. сложились две основные группы сочетаний, выражающих причинное значение: сочетания с первообразными предлогами, для которых выражение причинных отношений было лишь одной из многих возможных функций, и сочетания с производными, специализированными предлогами, единственной функцией которых было выражение причинных отношений. Эти две группы сочетаний, резко различавшихся по ха-

---

[3] См.: В. А. Иванова. Предложные конструкции, выражавшие причинное значение, в древнерусском языке. «Вестн. МГУ», 1957, № 2, стр. 127; Н. И. Букатевич. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русск. лит. языке, ч. II. Одесса, 1958, стр. 79—100; Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русск. языка. М., 1956, стр. 386—394.

[4] Об этих значениях см.: В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1938, стр. 689—691.

[5] См.: К. И. Ходова. Творительный причины.— В кн.: «Творительный падеж в славянских языках». М., 1958, стр. 159. См. также: В. А. Иванова. Указ. соч., стр. 137; ее же. Падежные конструкции без предлогов, выражавшие причинное значение, в древнерусском языке. «Вопросы истории русск. языка». М., 1959, стр. 284.

рактеру выражаемых отношений, различались также по употребительности и продуктивности. В конце XVIII — начале XIX в. наиболее распространенными во всех сферах речи были конструкции с первообразными предлогами. Основная линия последующего развития системы словосочетаний, выражающих причинные отношения, определялась изменением соотношений между этими двумя группами сочетаний.

Словосочетания с первообразными предлогами

§ 2. Среди сочетаний с первообразными предлогами выделялись две группы конструкций: конструкции малоупотребительные, явно вытесняемые, уходящие и конструкции употребительные, но в разной степени лексически ограниченные.

К первой группе относятся конструкции с родит. пад. с предлогами *для (для продолжающейся по ночам колики остались в постели)* и *ради (ради военного времени остановлены все каменные работы)*. В языке конца XVIII — начала XIX в. они выступают как остаточные: предлог *для* к этому времени стал основным средством построения сочетаний с целевыми отношениями; за предлогом *ради* закрепилась функция выражения целевых отношений, осложненных оттенком причинного значения[6]. В причинных конструкциях эти предлоги отмечаются редко, и уже в первые десятилетия XIX в. — преимущественно у авторов, речевые навыки которых складывались в XVIII в.[7] Предлог *для* часто выступает в соединении со словом *причина,* которое лексически подчеркивает значение всего сочетания.

Куда еще... ни один европейский корабль *не проникал, ради* великих *льдов* (Щербат., Путеш. в землю Офирскую, 1, II); Семена же от других дерев *для своей тяжести не могут загнаны быть* на пожарище (Лепехин, Путеш., 4, II); *Для малого* моего тогдашнего *возраста, принужден был прибавить* один год (Болот., 1, 25); Какая бы то *причина* была, *для которой* меня он *опасался* (Там же, 34); Дружба счастливая и долговременная не *должна быть нарушена для причины столь маловажной*

---

[6] Нельзя согласиться с мнением, что в сочетаниях с предлогом *ради*, в состав которых входят любые абстрактные существительные, этот предлог «выступает в отчетливом причинном значении, равносильном значению таких, к примеру, предлогов, как *ввиду, из-за, по причине*» (А. М. Финкель. Предлог *ради* в причинном значении в русск. лит. языке. «Труды филол. фак-та Харьковского гос. ун-та», т. 8, 1960, стр. 18—19).

[7] Употребление предлога *для* в причинном значении отмечено Ф. И. Буслаевым («Опыт исторической грамматики». ч. II. М., 1958, стр. 311). Об использовании предлогов *для* и *ради* в причинном значении в начале XVIII в. см.: О. И. Иванова. Глагольные предложные конструкции в деловой речи начала XVIII в. Автореф. канд. дисс. Куйбышев, 1953, стр. 9.

(Карамз., И. Г. Р., II, II); И *для этой смешной причины* ты *хочешь продать* свое счастие? (Жуковск., Валерия, I, 6); *Для той же причины я остерегался* преждевременно вмешиваться в дела сенатских департаментов (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 7).

Во вторую группу входили конструкции с родит. пад. с предлогами *с (умерла с печали), от (плакал от радости), из (не напечатал из скромности);* с дат. пад. с предлогом *по (по своему состоянию не могут жениться);* с винит. пад. с предлогом *через (через вспыльчивость свою попался в беду);* с творит. пад. беспредложным *(Великобритания цвела войною);* с творит. пад. с предлогом *за (не могли за дороговизною купить хлеба).* К этой же группе относились конструкции с винит. пад. и предлогом *за (поссорился с ним за его систему),* лексически ограниченные не со стороны существительного, а со стороны глагола.

Характерная черта сочетаний этой группы — наличие у каждого из них своего особого оттенка причинного значения; такой оттенок создавался главным образом значением предлога; в сущности, им определялось и лексическое наполнение всей конструкции. Эта дифференциация по оттенкам общего значения обеспечивала таким сочетаниям относительно устойчивое положение в системе причинных конструкций. В то же время необходимо подчеркнуть, что хотя в конце XVIII — начале XIX в. уже были достаточно ясны как функции тех или иных конструкций, так и границы их лексического наполнения, однако еще была возможна относительно свободная их взаимозаменяемость.

Кратко остановимся на характеристике каждой из перечисленных конструкций.

1. Наиболее продуктивными и употребительными были сочетания с предлогом *от,* обозначавшие действие и его источник или стимул: предлог *от,* указывающий на начало, исход действия, более других первообразных предлогов был приспособлен для выражения причинных отношений. Кроме того, в системе глагольно-именных сочетаний конструкции с предлогом *от* не были так многофункциональны, перегружены значениями, как, например, конструкции с предлогами *на* или *в.* В силу особенностей своего значения, предлог *от* мог присоединять к глаголу разнообразные существительные: названия действий, чувств, состояний, качеств, процессов речи и мысли, конкретных предметов и др. Конструкции с этим предлогом не были стилистически окрашены.

Задыхался от досады (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 3); Сердца каменных скал *содрогались от воплей* сего преступника (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, VI); *От удара* рука *побагровела* (Сл. АР, I, «Багроветь»); И пальцы, и ум *окостенели от мороза* и *мерзлых книг* наших (Вяземск., п. А. Тургеневу, 2 сент. 1816); *От тесноты* крыльца *остановился* так близко ко мне (Д. Дав., Мат-лы для воен. ист., Тильзит в 1807 г., II); *Бу-*

дет это не *от нехотения*, а разве *от неумения* (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 1); Это время я *мало делал*, часто *от лености* (Н. Тург., Дневн., 5, 7 авг. 1810); Я *от любви* теперь *увяну* (Батюшк., Выздоровление); [Достоинство великокняжеское] *упало* вместе с государством *от разновластия* (Карамз., И. Г. Р., V, II); *от жены пьешь горькую чашу* (Жуковск., Красн. карбункул); *от капусты раздуются* (Растопч., Дружеск. посл.); *Нельзя проехать от множества барок* (Н. Тург., Дневн., 3, 19 июля 1808); На пирах лишь *морщатся от мухи* (Крыл., Муха и пчела); [Конь] *становится на дыбки от осины*, шумящей листьями перед ним (Вяземск., п. А. Тургеневу, 7 дек. 1818).

2. То же значение имели конструкции с родит. пад. с предлогом *с*. Однако соотношение с конструкциями с предлогом *от* здесь не было полным: оно распространялось только на такие конструкции, в которых существительные являлись названиями чувств, состояний, а также на незначительное количество конструкций с другими существительными. Ср.:

покраснели с досады (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 2);

краснеет от досады (В. Е., 1802, № 7);

умирали со скуки (Моск. Мерк., 1803, июнь);

умирать от скуки (Жих., Зап. совр., I, 30 июля 1806);

не знают с радости, к кому и приравняться (Крыл., Собачья дружба);

плакал от радости (В. Е., 1802, № 4);

с усталости в сон крепкий *погрузился* (Крыл., Пловец и море).

умирал от усталости (В. Е., 1802, № 1).

Для характеристики конструкций с предлогом *с* важно, что круг входящих в их состав существительных — названий чувств и состояний — был очень узок и ограничен; это слова *горесть, горе, досада, злость, злоба, испуг, печаль, радость, скука, смех, стыд, тоска, усталость, отчаяние*, причем слова эти, как правило, не имеют при себе определений. Все это свидетельствует о тенденции к превращению предложно-падежной части причинных конструкций с предлогом *с* в устойчивое соединение.

С конструкциями с предлогом *от* соотносились также построения, в состав которых входили существительные — названия предметов пищи, питья: *хлеб, мясо, вода, вино* и т. п.: *заболеть с вина, с мяса* (ср. *заболеть от вина, от мяса*).

Конструкции с предлогом *с*, именным компонентом которых было существительное, не входящее в названные семантические группы, уже для начала XIX в. были не типичны.

С крику выбился из мочи (Жуковск., Пред судилище Миноса); Вещуньина *с похвал вскружилась голова* (Крыл., Ворона и лисица).

3. В конструкциях с предлогом *из* причина обозначалась как активное побуждение, внутренний стимул к действию. По кругу используемых в них существительных эти сочетания были близки конструкциям с предлогом *с*: для них также характерны существительные, называющие явления внутреннего мира человека, особенно названия качеств, свойств характера (*храбрость, трусость*), отношений между людьми (*уважение, ненависть*).

[Ячмень] *из любопытства* в малом количестве *сеяли* в огородах (Озерецковск., Описание Колы); *из благодарности женился* на Марии (Карамз., И. Г. Р., IV, II); *Из осторожности* тебя *караю* я (Крыл., Змея и овца); *Из уважения* к хорошей выдумке, *воздержимся* от критики (Моск. Мерк., 1803, июнь); *говорю из жалости* (Вяземск., п. А. Тургеневу, 20 апр. 1816).

4. Конструкции с дат. пад. с предлогом *по* обозначали действие и его мотивировку, основание (*по короткости своей с именинницей сделал ей смешной сюрприз*). В состав таких сочетаний входили существительные разнообразной семантики, кроме существительных с предметным значением. Особенно часты здесь были названия качеств, свойств. Основной сферой употребления сочетаний этого типа была деловая речь, описательные и повествовательные фрагменты художественной прозы.

По чрезвычайной *беглости* своей, [вкус] *ускользал* от всех непременных правил (Моск. Мерк., 1803, февр., Об уме и вкусе); Здесь *по свойству материи необходимо надлежало допустить* подразделения (М. Каченовск., Рассужд. о похвальн. словах Ломоносова, Тр. Об-ва люб. росс. слов., 1812 г., кн. 5, ч. 3); *воспитанною по ее сиротству* в нашем семействе (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 2); Не хотел *по скромности изъявлять* ему *любопытства* (В. Е., 1802, № 8); Смелое предположение, которое до сего времени, *по неудовлетворительному сравнению языков, осталось неисследованным* (Тр. Вольн. об-ва соревноват. просвещ., 1818); *По многочисленным урокам* австрийских войск, русские *не смели ожидать* французов в Браунау (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, Заключ.).

5. Конструкции с творит. пад. с предлогом *за* были широко распространены в языке начала XIX в. Так же как и конструкции с дат. пад. с предлогом *по*, они обозначали действие и его мотивировку, обоснование. Но эти два типа конструкций различались, во-первых, по кругу используемых в них существительных, во-вторых, по оттенкам значения. В конструкциях с творит. пад. вторым компонентом обычно служили существительные — названия действий, явлений природы, реже — другие отвлеченные существительные, в частности названия качеств и свойств, т. е. здесь чаще всего употреблялись именно те существительные, которые почти не встречались в построениях с дат. пад. с предлогом *по*. В конструкциях с творит. пад. существительное часто обозначало при-

чину, препятствующую осуществлению действия; это своеобразие значения сыграло важную роль в их дальнейшей судьбе.

За гуляньями и другими подобными *недосугами* я точно *не успел рассказать* тебе (Жих., Зап. совр., I, 18 апр. 1805); *За делами службы не успевает кончить* труда (Вяземск., Ст. зап. кн., 3); Собрались в Париж, но *за скорым отъездом* Софьи Петровны, вероятно, туда *не поедут* (А. Тург., п. П. Вяземскому, 17 июля 1817); Последняя жатва *пропадает* у несчастного крестьянина *за непогодою* (В. Раевск., О рабстве крестьян); Неприятельский флот... *за противным ветром не мог* целую неделю *приблизиться* к берегу (В. Е., 1802, № 3).

Следует заметить, что в конце XVIII — начале XIX в. в конструкциях с творит. пад. возможно было употребление и конкретных существительных.

За превеликими песками и за изломанием телег *ночевал*... (Васильев, Дневн., 3 сент. 1774); *За льдом проехать не могла* (Мордв., Зап.); Он *за рассадою печь* хлеб никак *не мог* (Крыл., Крест. и собака).

6. Широко распространенные в конце XVIII — начале XIX в. конструкции с винит. пад. с предлогом *через* и с творит. беспредложным обозначали действие и причину, способствующую его реализации, достижению положительного или отрицательного результата *(получил я особливую радость чрез приезд в полк зятя моего; представил себе все то, что теряю своим отъездом отсюда)*.

Среди других причинных сочетаний обе эти конструкции занимали особое место: причинное значение в них осложнялось значением способа, образа действия. Это препятствовало их включению в синонимические ряды с другими конструкциями с собственно причинным значением.

Конструкции с предлогом *через* не были ограничены ни лексически, ни стилистически.

Дворянство само, *через большую исключительность* прав своих, *начало бы уважать* более свое состояние (Сев. вестн., 1805, ч. 5); *Через худое распоряжение* коменданта весь батальон и гренадерские роты *принуждены были сдаться* мятежникам (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 1); *Чрез бережливость*... *приумножает* свой достаток (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, Крестьяне в Галиции).

В конструкциях с творительным беспредложным, так же как и в конструкциях с предлогом *через*, возможны были существительные разных семантических групп, за исключением конкретных существительных.

Свежесть лишь вода *движеньем сохраняет* (Крыл., Пруд и река); Утес... *веков теченьем поседевший* (Жуковск., Герой); *Содействием* и *пособием* его *развил* свой конный завод (Жих., Зап. совр., I, 19 янв. 1805); Сим-то *беспорядком воспящается*

общество в своем течении к назначенной им цели (Сев. вестн., 1805, ч. 5).

7. Сложное причинно-объектное значение имели конструкции с винит. пад. с предлогом *за*; поэтому они, как и построения, описанные в п. 6, не входили в синонимические ряды с другими причинными конструкциями. Конструкции с винит. пад. и предлогом *за* обозначали действие и его мотивировку как возмещение, воздаяние за что-либо. Со стороны существительного эти сочетания не знали ограничений; но такое ограничение шло от глаголов: для конструкций с винит. пад. с предлогом *за* характерны так называемые глаголы воздаяния (*пожаловать, хвалить, дарить, награждать, поощрять, наказывать, казнить, присудить, сослать, арестовать* и т. п.). Стилистических ограничений в употреблении таких конструкций не было.

Расхвален был... за благоразумное распоряжение (Болот., 1, 41); *Выслали* из Парижа... *за смелые политические мнения* (Моск. Мерк., 1803, май).

§ 3. Характерной чертой функционирования причинных конструкций с первообразными предлогами в конце XVIII — начале XIX в. была бóльшая, чем в языке XIX и тем более XX в., свобода употребления, возможность взаимозамещений; иными словами, те частные значения и оттенки, которые названы выше как характерные для тех или иных конструкций, еще не были для них строго закрепленными и единственно возможными. Так, по-видимому, более свободной была возможность синонимического употребления конструкций с предлогами *по* и *из, по* и *с, по* и *за*, ср.:

Любил власть *по тщеславию* (Карамз., И. Г. Р., V, III) и: *любил не из тщеславия* (Д. Дав., Встреча с великим Суворовым, II). *По* страстной *любви* к мадам Кафка *намерен* на ней *жениться* (Жих., Зап. совр., II, 10 сент. 1806) и: *из любви* к миру *покоряется* (Пантеон иностр. слов., I, Ист. Франц. революции). *Перенесено было... по одному* только видимому *упрямству* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 7) и: *из одного упрямства делают* стихи по-старинному (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 1). *По собственному побуждению служил* молебен (Жих., Зап. совр., I, 19 февр. 1805) и: *делают добро и зло из собственного побуждения* (Тр. Вольн. об-ва соревноват. просвещ., 1818). Промысел сей *оставили, по неимению* всех нужных к тому потребностей (Озерецковск., Описание Колы) и: *сдались... за неимением* съестных припасов (Н. Тург., Дневн., 17 апр. 1808). Ср. также: *По простоте, с простоты* легко *вмешаться* можно в чужие хлопоты (Сл. АР, I, «Вмешиваться»).

Семантически наиболее емки были построения с предлогом *от*: имя в них могло обозначать не только источник, стимул, но и препятствующую причину, причину-мотивировку, способствующую причину.

Орудия *остались на месте от неимения передков и упряжей* (Д. Дав., Мат-лы для воен. ист., Воспом. о сражении при Прейсиш-Эйлау, III) (ср. *за неимением*); Я *продолжаю заниматься* по большей части и *от привычки* (Н. Тург., Дневн., 4 февр. 1811) (ср. *по привычке*); *От умственной работы... приучается* он *обдумывать* те предметы, которые... (Жуковск., Писатель в об-ве) (ср. *благодаря умственной работе*).

Предлог *от* мог также выступать в том значении, которое закрепилось за предлогом *вследствие*, т. е. употреблялся в конструкциях, обозначавших «действие и его обоснование как следствие чего-либо».

От безрассудного *пристрастия* и *ослепления* к иностранным мы *обращаемся из людей в обезьяны* (Растопчин, Вести, XII) (ср. *вследствие безрассудного пристрастия*).

Словосочетания с производными предлогами

§ 4. В конце XVIII — начале XIX в. функционировали следующие конструкции с производными предлогами: с родит. пад. и предлогами *по причине* (*не мог доплыть по причине* сильных *бурь*), *вследствие* (*вследствие* многих *переговоров согласились*), *в силу* (*уничтожилось в силу договора*), *по случаю* (все *ликовало по случаю победы*); с дат. пад. и предлогом *благодаря* (*прославился благодаря дарованию*).

1. Конструкция с предлогом *по причине* была наиболее продуктивной. Этот предлог, самим своим лексическим значением отчетливо выражавший причинные отношения, мог присоединять к глаголу любые существительные, в том числе и конкретные.

По причине трудных ночных *переходов* ... много *отставало* людей от полков (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, Воинск. записки, город Кремс); *Отвечаю* тебе только *сегодня... по причине отлучки моей* из Вологды (Вяземск., п. А. Тургеневу, 15 янв. 1813); [Река] *по причине крутого стока ...не замерзает* (Озерецковск., Описание Колы); *По причине сгоревшего* моего *домика* я *выпросил ... временное пристанище* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 8); *По причине* легкого *груза*, судно наше ... *скользило* по камням (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2, Буря).

Сочетания с предлогом *по причине*, выражавшие общее причинное значение, могли вступать в синонимические отношения с любыми другими конструкциями с причинным значением.

2. Конструкции с предлогом *вследствие* обозначали действие и его обоснование как следствие чего-либо; лексическое значение предлога делало его наиболее приспособленным для передачи отношений причины и следствия и способствовало активизации таких конструкций, особенно в деловой речи. В состав этих конструк-

ций входили различные отвлеченные существительные, часто — названия процессов, действий.

Вследствие темных *догадок предпринимает* дальное путешествие (Моск. Мерк., 1803, февр., Росс. лит-ра. Новые книги); *Вследствие определения* бывшего заседания, *объявил* Обществу... (Тр. Об-ва люб. росс. слов., 1812, кн. 6, ч. 4); *Вследствие* мудрого *наказа* его *были* в разных городах России *открыты* при церквах училища (Тр. Вольн. об-ва соревноват. просвещ., 1818 г.); [Недоверие] *усилилось вследствие различия* их характеров и *одинаковости* их положения (Д. Дав., Багратион); Вспомнить о бедственной участи, *постигшей* одну великую актрису *вследствие* ее *неблагоразумия* и *легкомысленного поведения* (Жих., Зап. совр., II, 11, 12 и 13 апр. 1807); *Вследствие* сего *приглашения* Иван младший со всем семейством и *прибыл* в дом Ивана старшего (Нарежн., Два Ивана, 1, III).

По значению конструкции с предлогом *вследствие* были соотносительны с конструкциями с предлогом *от*.

3. Конструкции с предлогом *в силу*, также употреблявшиеся преимущественно в деловой речи, сближались с построениями с дат. пад. и предлогом *по* в их основном значении: «действие и его мотивировка». Однако в описываемое время в составе конструкций с предлогом *в силу* фиксируется очень узкий круг существительных: это главным образом названия различных официальных документов: *указ, приказ, договор, инструкция, повеление, трактат, наставление* и т. п. Лексическое значение предлога *в силу* в сочетании со значением существительного придавало таким конструкциям особый оттенок значения — соответствия действия чему-либо.

Разменивать в силу инструкции (ПСЗ, 1801, XXVI, § 19823); Португалия *отдала в силу Баядосского трактата* Гишпанию (В. Е., 1802, № 8); *Уничтожилось* бытие знаменитого (Братства меченосцев *в силу... договора* (Карамз., И. Г. Р., IX, I); *В силу* последовавшего *совещания* все *принялись за работу* (Нарежн., Два Ивана, 1, III).

В случаях совпадения лексического состава словосочетания или лексической близости компонентов, сочетания с предлогами *в силу, по* и *вследствие* были равнозначны, ср.:

В силу высочайшего... *повеления*, линия *ведена* (ПСЗ, 1800, XXVI, § 19283); [Беглый солдат] *по* данному мне *повелению... повешен* (Держ., донесение к М. Пальтову, 24 авг. 1774); [Виселицы] *вследствие* высочайших *повелений ... уничтожить* (ПСЗ, 1801, XXVI, § 19824).

4. То же значение заключалось и в конструкциях с предлогом *по случаю*. Однако, под влиянием семантики предлога, здесь выявляется специфический оттенок значения: причина в этих сочетаниях обычно представлялась как нечто выходящее из рамок обычного, иногда непредвиденное. В качестве именного компонента

здесь часты названия событий, действий, знаменательных дат, дней.

В конце XVIII — начале XIX в. эти построения характерны как для официально-деловой речи, так и для писем и мемуаров; встречаются они и в повествовательных частях художественной прозы.

[Дворяне], *по случаю ссоры* их на сейме с ландмаршалом, торжественно *отказались* от своих прав (В. Е., 1802, № 6); *По случаю мира веселятся* (Н. Тург., Дневн., 2, 14 июля 1807); *По случаю праздничных дней* театр *был битком набит* (Жих., Зап. совр., I, 12 апр. 1805); *По случаю* этого *рескрипта* все наши записные стихотворцы *приударили в перья* (Там же, 28 дек. 1805).

Как по отношению к другим конструкциям, так и по отношению к конструкциям с предлогом *по случаю* существовала возможность замены их другими. Эта возможность возникала главным образом в тех случаях, когда существительное не относилось к группе указанных выше слов.

По случаю сочиняемых по высочайшему повелению *атласов* губерниям *отпускают* ... на искупление сказанных атласов... потребное число денег (ПСЗ, 1800, XXVI, § 19269); Гражданское разделение земельного пространства *подвергается* частным *изменениям по случаю права обладания* (Пестель, «Русск. Правда», 4, 9); *По случаю такой езды* саксонских почтальонов я не прежде как по прошествии семи часов *получил ответ* от Ланского (Д. Дав., Занятие Дрездена).

Если в состав сочетания входило существительное конкретного значения, такие сочетания оказывались в отношениях полного синонимического соответствия с сочетаниями других форм.

5. Конструкции с предлогом *благодаря* специализировались в том значении, которое в конце XVIII — начале XIX в. было характерно для форм с творит. пад. беспредложным и с винит. пад. с предлогом *через (движеньем вода сохраняет свежесть; через бережливость приумножается достаток)*; существительное обозначало причину, способствующую реализации действия. Но, в отличие от этих конструкций, в сочетаниях с предлогом *благодаря* причинное значение превалировало, а значение образа, способа действия было ослаблено. Уже в этот период конструкции с предлогом *благодаря* были очень активны. Ограничений ни со стороны имени, ни со стороны глагола в них не было.

Благодаря его неусыпным *трудам*, полк фельсгеймский *обмундирован* (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 1); *Благодаря* гнусному *корыстолюбию* наших изменников ... все сие *остается без действия* (Пантеон иностр. слов., I); Трудностей в самой материи, *благодаря* его *лекциям* для меня *нет* (Н. Тург., п. А. Тургеневу, 18/30 янв. 1810); Теперь опять, *благодаря морям, Пошел* он *в пастухи* (Крыл., Пастух и море); *Благодаря*

некоторым знакомым *повесам*, вчерашнюю ночь напролет я *прогулял* (Жих., Зап. совр., I, 1 янв. 1806); *Благодаря полиции*... все было *приведено в порядок* (Н. Тург., п. А. Тургеневу, 20 дек. 1808/1 янв. 1809); Какие искусные и остроумные писатели, *благодаря французам, становимся* мы в российском языке (Шишк., Рассужд.).

В общей системе причинных сочетаний, функционировавших в языке конца XVIII — начала XIX в., сочетания с первообразными предлогами были наиболее активны. Существовавшая уже в древнерусском языке специализация форм этих сочетаний для выражения разных оттенков причинного значения к этому времени окончательно определилась. Процесс смысловой дифференциации форм был непосредственно связан с лексическими ограничениями, главным образом со стороны существительного. Однако в это время еще сохраняются сравнительно широкие возможности взаимозаменяемости конструкций. В случае полного совпадения и значений, и условий построения двух сочетаний одно из них обнаруживает признаки потери продуктивности и затухания.

Сочетания с производными предлогами специализировались в передаче разных оттенков причинного значения; исключение в отношении специализации представляет форма с предлогом *по причине*, имевшая общее причинное значение и соотносившаяся со всеми собственно причинными сочетаниями. Может быть, благодаря такому особому своему положению среди сочетаний с производными предлогами конструкции с предлогом *по причине* были малоактивны и не обнаруживали тенденции к развитию.

Основные тенденции развития причинных конструкций в XIX в. были предопределены сложившимися к концу XVIII в. соотношениями сочетаний с первообразными и производными предлогами.

Изменения в системе словосочетаний, выражающих причинные отношения, в языке XIX в.

Изменения в соотношениях конструкций с родительным падежом с предлогами С и ОТ

§ 5. В начале XIX в. конструкция с родит. пад. с предлогом *с* уже потеряла продуктивность; однако она была еще употребительна с небольшим количеством существительных. Так, с существительными — названиями чувств, состояний эта конструкция, постепенно убывая, сохраняется на протяжении всего XIX столетия в текстах повествовательного характера, отражающих непринужденную, разговорную речь. Отсутствие в их составе определений придает таким сочетаниям характер устойчивых соединений.

Не от горя *плачу, с радости* (Черн., Дневн., 1852—1853, 2); *С досады перечитал* все привезенные с собою рукописи (Ко-

рол., п. А. С. Короленко, 19 июня 1888); *С горя* и отчаяния *хотела наложить на себя руки* (Гусев-Оренб., Пастырь добрый, IV); Начала *хохотать со злости* (Боборык., Китай-город, 5, I); *трясутся со страху* (Эрт., Гард., 2, V); Я запасаюсь свечами и книгами, чтобы *не умереть со скуки* на пароходе (Ленин, п. М. А. Ульяновой, 16 сент. 1898. Соч., т. 37, стр. 118).

Те же тенденции наблюдаются и в сочетаниях с очень ограниченным количеством существительных других семантических групп:

Как *удалось* мне ... *не погибнуть* прямо *с голоду* (Корол., п. А. М. Скабичевскому, 2 ноября 1892); *утомился с дороги* (Осколки, 1881, № 4); Щеки его *с мороза смотрели свежо* (Боборык., Китай-город, 3, XXV).

В первой половине XIX в. такие сочетания изредка можно встретить и в стилистически нейтральных контекстах, а иногда и в стихотворной речи.

Убаюкает гармонией сфер, и вы *уснете будто с маковки;* зато пробснетесь от жажды угара (Марл., Фр. «Н.», IV); *умер с горя* и *с вина* (Герц., Зап. одн. мол. чел., Ребячество); *С ветру, с ненастья вымок, продрог* (Катен., Леший); *С* одного *хмельного духа Закружится* голова (Вяземск., К старому гусару); Не принесет он новых *песней* вам, *И с них не затрепещут* перси ваши (Кюхельб., 19 октября 1838 г.); А *с лютой пытки* мало ли что *скажешь!* (Мей, Псковитянка, I, 6).

Во второй половине XIX в. относительную свободу лексического наполнения таких сочетаний можно наблюдать только в речи, стилизованной под «народность» и просторечье.

[Кабанов] *С этакой-то неволи* от какой хочешь красавицы жены *убежишь!* (Остр., Гроза, II, 4); [Любим Карпыч] *С этих-то слов* я опять *стал зашибаться* немного (Остр., Бедн. не порок, I, 12); У нас *с показа руки не отвалятся* (Будильн., 1865, № 25); *С ваших-то* столичных *речей,* может статься нам, лесным дурам, *плакать придется* (М.-Печ., На горах, 2, 3, 17); Не ведаю, *с чьих речей* сам-то ... *накинулся* на меня (Леск., Соборяне, 1, 5); *Захворала с родов*, померла (Эрт., Гард., 1, IV).

С существительными, не являющимися названиями чувств, состояний, даже в стилизованных контекстах чаще строятся конструкции с предлогом *от*. Интересно соседствующее употребление:

Одышка *стала одолевать* его *от тесноты* и *с досады* (М.-Печ., На горах, 1, 2, 17).

Конструкции с существительными конкретного значения закрепляются в речи разговорной и в отражающих ее художественных текстах.

Эк его там *с квасу-то раздувает!* (Гонч., Обл., 1, VIII); Мещанин *сгорел с вина* (Дост., Прест. и наказ., 2, VI); В голове-то *с водки стало мутиться* (М.-Печ., На горах, 1, 1, 7); Ишь

тебя *с белого-то хлеба подмывает*! (Эрт., Гард., 1, V); *Полинял, полинял*, брат, в Питере-то! Чай, все *с колбасы* (Там же, 2, II).

Показательна фразеологизация ряда сочетаний: *с пьяных (безумных) глаз* (*наговорить, сделать, затеять* и т. п.), *с жиру бесится, с большого ума* (*делать* что-нибудь) и др.

Ограничение конструкции с родит. пад. с предлогом *с* непосредственно определялось развитием конструкций с предлогом *от*, лексически гораздо более свободных и стилистически не локализованных [8].

§ 6. В течение XIX в. конструкция с предлогом *от* постепенно освобождалась от выражения тех оттенков причинного значения, которые не были для нее основными и для передачи которых в системе языка выработались другие, более точные средства. Этот процесс сопровождался развитием лексических ограничений этой конструкции со стороны имени. Так, к концу XIX в. все реже отмечается употребление в этих конструкциях существительных — названий качеств, свойств, общественных явлений, а также существительных одушевленных. В первой половине века конструкции с таким значением и составом можно встретить как в речи повествовательной, разговорной, так и в научной и деловой.

Дело *не получило успеха*, сказывают, *от влияния* французов (Моск. телеграф, 1826, № 6); *От худых дорог* почта *стала приходить позже* (Я. Грот, п. П. Плетневу, 8 окт. 1840); Наконец я *ушел от жару и* некоторой *скуки* (Плетнев, п. Я. Гроту, 19 дек. 1840); Случалось даже иногда путешественнику, *от изнурения* лошадей, *дойти* до станции *пешком* (Гонч., Фр. «Пал.», Из Якутска); *От Аграфены Степановны ... изволила съехать* со двора (Булг., Ив. Выж., XXVI); [Феклуша] Другие *от суеты не видят* ничего (Остр., Гроза, III, 1); [Юлинька] Он *от капризу не хочет* твоего счастия (Остр., Доходн. место, IV, 2); Все это дело *от откупа вышло* (Искра, 1859, № 4); *От этого от самого тюленя* брательнику моему... кончина

---

[8] Нельзя считать доказанным высказанное в очень интересной статье Л. Н. Засориной утверждение, что «предлог *от* присоединяет обстоятельство, совпадающее по времени с состоянием, наличествующее в момент состояния-следствия», а «предлог *с* присоединяет обстоятельство, непосредственно предшествующее моменту обнаружения состояния-следствия, он вносит оттенок временной последовательности в причинные отношения» (Л. Н. Засорина. Опыт системного анализа предлогов совр. русск. языка. Предлоги со значением причины. «Уч. зап. ЛГУ», № 301, 1961, стр. 68—69). Приведенные в статье параллели и сопоставления не всегда убедительны. Кроме того, показательно, что конструкции с предлогом *с* проявили тенденцию к потере продуктивности и к стилистической локализации, в то время как наличие «индивидуального» оттенка в значении обеспечивает конструкции сохранение продуктивности.

приключилась (М.-Печ., На горах, 1, 1, 6); Стадо каждый вечер по улицам прет — *от пыли соседа не видать* (Бунин, Деревня, II).

Активизация конструкций с предлогом *вследствие*, выражавших причинно-следственные отношения, способствовала закреплению за конструкциями с предлогом *от* лишь одного из вариантов причинного значения: «действие и его источник, стимул». Такая специализация значения влекла за собой заметное сокращение употребительности конструкций с предлогом *от* в стилях научном и деловом. В конструкциях с предлогом *от* сосредоточиваются преимущественно существительные — названия чувств, состояний, внутренних качеств; в то же время на протяжении всего столетия сохраняют употребительность такие конструкции с существительными — названиями явлений природы, действий, конкретных предметов.

С существительными — названиями чувств и состояний:

Сердце ее *прыгало от самодовольствия* (Вельтм., Саломея, 1, V); Горбун *чуть не задохся от злобы* (Некр. и Станицк., Три стр. света, 7, III); Не знал, куда *деваться от тоски* (Гонч., Обл., 1, VIII); *побледнел от испуга* (Дост., Униж. и оскорбл., 1, IX); *дрожащая от волнения* (Пассек, Из дальн. лет, I, I); *обезумев от горя* (Верес., Без дороги, I); *рассмеялся от радости* (Эрт., Гард., 1, IX); *обомлел от страха* (Л. Андреев, У окна).

С существительными — названиями действий:

От сильного наружного *удара... освободился* шток (Морск. сб., 1856, июль); *От* усиленных *трудов* и *изысканий ... впал в* злую *чахотку* (Сверб., Зап., I); *от нажимания... поднимается* вверх (Сеченов, Физиол., 1, I, § 23); *запыхался от ходьбы* (Боборык., На ущербе, 1, XVIII).

С существительными — названиями явлений природы:

Много *потерпели от наводнений и от засух* (Моск. телеграф, 1826, № 5); Поля *колыхались от* предутреннего *ветра* (В. Соллог., Тарантас, XX); Зелень ряки ... нередко *от* утренних *морозов увядает* (Фет, Мои воспом., II, IV); *синеть от холода* (Гарин-Мих., Детство Темы, X).

С конкретными существительными:

От вина поболит голова (Марл., Фр. «Н.», I); *От* крепкого *табаку подаешь в обморок* (Некр. и Станицк., Мертв. озеро, XXXIX); Пугливо *бросались на землю от* жилистого *кулака* (Там же, XLIV); пламя, *окрашенное от натрия* (Менд., Осн. химии, 2, XXIV); Мы оба вместе, он *восторженный от рома*, я навеселе от чая, грядем в университет (Сверб., Зап., I); *потемневшая от пота* шея лошади (Купр., Молох, IV); И сердце у нее легонько *замирало* и *теснилось*, не то от веселой радости, не *то от* вишнево-сладкой *шерри-бренди* (Ф. Солог., Мелк. бес, XIV).

В течение XIX в. в состав конструкций с предлогом *от* переходят те существительные, которые в начале XIX в. были характерны для конструкций с предлогом *с*; особенно показательны в этом смысле материалы, отражающие разговорную речь, близкую к просторечью.

Выйдет из тебя от тоски да горя пьянчужка (Златовратск., Устои, 1, 2, III); Подарил я ей, дуре, платок заграничный, а она взяла да истаскала его паизнанку... Понимаешь? *От дури* да *от жадности* (Бунин, Деревня, III); Задрожал я, *трясусь от радости* (Эрт., Гард., 1, IV).

Таким образом, предлог *от* закрепляется в конструкциях, имеющих значение «действие и его источник или стимул»; эти конструкции вытесняют дублетные конструкции с предлогом *с*. Но, в свою очередь, конструкции с предлогом *от* в значении «действие, состояние как следствие чего-либо» уступают место конструкциям с предлогом *вследствие*[9].

Развитие конструкций с родительным падежом с предлогом ВСЛЕДСТВИЕ в их соотношении с конструкциями других форм

§ 7. Предлог *вследствие* своим лексическим значением показывает, что действие или состояние, выраженное глаголом, есть результат другого действия или состояния. Это ставит сочетания с предлогом *вследствие* в особое положение по отношению к таким построениям, в которых причина обозначается как источник, стимул действия, и обеспечивает возможность включения в них самых разнообразных существительных. Поэтому естественно, что конструкции с предлогом *вследствие* далеко не всегда были соотносительны с причинными построениями с предлогом *от*, за которыми как основное закрепилось значение «действие и его источник».

Основной сферой употребления конструкций с предлогом *вследствие* была речь деловая, научная, публицистическая. Но наличие в них особого оттенка причинного значения способствовало их интенсивному продвижению во все сферы литературного языка. Ограничения коснулись здесь только речи разговорной и поэтической. В письмах, мемуарах, в описательных и повествовательных фрагментах художественной прозы конструкции с предлогом *вследствие* в языке XIX в.— особенно второй его половины — занимают заметное место.

В деловой и научной речи:

Вследствие этих вращательных *движений*, меньшая звезда *бывает* то прямо на восток, то прямо на запад от большой (Б-ка

[9] Об употреблении предлога *от* в причинных конструкциях в современном языке см.: Л. Н. Полова. О значении предлога в совр. русск. языке. (предлог *от* + родит. пад. в значении причины). «Уч. зап. ЛГУ», № 235, 1958. Исследования по грамматике русск. языка, 1, стр. 190—208.

для чт., 1834, т. VII, ч. 3); *Вследствие* этого *открытия*, акварельной живописи *можно было сообщить* ту яркость колорита, которой... (Морск. сб., 1856, июль); [Известь] *образует* одну сплошную массу, *вследствие процесса*, происходящего после высыхания или удаления воды (Менд., Осн. химии, 2, XXVI); Душа *потерпела, вследствие действия* на нее физической причины, известного рода *изменение* (Владиславл., Совр. направления в науке о душе, I); [Курок] *вследствие твердости* пружины... *соскочил* с ее пальца (Судебн. заключ., 1868); *Вследствие* подобного *расположения* вращение верхней пары колес *вызывает* вращение нижней пары (Осколки, 1881, № 7); Известные черты организации *не исчезают* не только *вследствие* «первого», но даже и «повторного» *скрещивания* (Тимиряз., Бессильн. злоба антидарвиниста, X); Отлив *произошел*, вероятно, *вследствие понижения* дна (Ключевск., Курс русск. ист., I, III); Развитой человек, по мнению тогдашних прогрессистов, *являлся* на свет божий *вследствие ознакомления* с известной областью знания (Каблиц, Осн. народничества, I, Введ.).

В художественной литературе, очерках, мемуарах, письмах:

Вследствие этого *разговора послали* тотчас за почтовыми лошадьми (Погорельск., Монастырка, 2, XXII); *Вследствие* этих двух *надобностей*, в другой вечер *последовала* новая случайная встреча русой головки с уланом и его усами (Бутк., Пб. верш., 2, Первое число, VI); *Вследствие уроков* своего наставника-эмигранта, почтенный родитель его *имел* следующие правила (Вельтм., Саломея, 1, I); Вдруг почтмейстер... *вследствие* ли внезапного *вдохновения*, осенившего его, или чего иного, *вскрикнул* неожиданно (Гоголь, М. д., 1, X); Весь *трясся*, постоянно, не переставая, *вследствие* страстной *наклонности к пьянству* (Вс. Крестовск., Пб. труш., 5, XXIV); [Рыбная промышленность города] *слабеет вследствие неправильного лова* (Слепцов, Письма об Осташкове, 2); физически *страдали ... вследствие изнеженного воспитания* (Гарш., Из воспом. ряд. Иванова, III).

Конструкции с предлогом *вследствие* проникают и в ту группу причинных сочетаний, в которых существительные обозначают чувства, состояния. Здесь наблюдается бо́льшая смысловая близость к конструкциям с предлогом *от*, выражающим значение действия и его источника.

Еще чаще *краснею я вследствие сознания* своего недостоинства (Белинск., п. М. Бакунину, 16 авг. 1837); Неприличное выражение, *вырвавшееся* у него *вследствие досады* (Бутк., Пб. верш., 2, Первое число, III).

Характерны случаи дублетного употребления тех и других сочетаний в языке середины и второй половины XIX в.:

Не знаю, *от моих ли слов*, или *вследствие* своего собственного *размышления ... смягчился* (Стасов, Автобиогр., VI);

Вследствие ли душевной *усталости*, или просто *от дорожного утомления*... острог и присутственные места *кажутся* вам *приютами* мира и любви (С.-Щ., Губ. оч., Введ.).

Близость конструкций с предлогом *вследствие* с сочетаниями других типов наблюдается и в других случаях. Так, например, появляются случаи их употребления в значениях, свойственных конструкциям с предлогами *в силу, из-за.*

Прибегнем к известным уже нам *законам* Архимеда и Мариотта. *Вследствие первого*, мы *повесим* в котле какую-нибудь тяжесть (Козловск., Краткое начертание теории паровых машин, 2, Совр., 1837, т. VII); Результаты этих трудов ... *не могут подлежать* правильному *сравнению* с выводами новейших исследований, *вследствие недостатка сведений* (ЖМНП, 1854, февр., II).

Сближение конструкций с предлогом *вследствие* с другими конструкциями не изменяло главной тенденции их развития: они активизировались и закреплялись в значении «действие как результат, следствие другого действия, состояния, явления».

Изменения в употребительности конструкций с родительным падежом с предлогом ИЗ

§ 8. В функционировании конструкций с предлогом *из* на протяжении XIX в. не произошло заметных изменений. Смысловые соотношения с другими типами конструкций и связанные с ними возможности взаимозамещений, существовавшие в конце XVIII в., почти не менялись. Это объясняется тем, что в своем основном значении — «действие и внутреннее побуждение к нему» — данная конструкция не конкурировала с другими, не вступала ни в какие дублетные ряды.

На протяжении всего XIX в. в конструкциях с предлогом *из* используются разнообразные существительные — названия качеств, свойств, чувств, состояний, процессов мысли, т. е. существительные, которые могут выражать внутренний стимул к действию. Естественно, что поскольку конструкции с предлогом *из* имеют свое специфическое значение, отличающее их от конструкций с предлогами *с* и *от*, в их построении могут участвовать почти все существительные, характерные и для конструкций с предлогами *с* и *от*. Глаголы в конструкциях с предлогом *из* обычно называют процесс как активное выявление, в отличие от глаголов в конструкциях с предлогом *от*, называющих действие, пассивное в отношении источника, его вызывающего. Различие в оттенках значений обеспечило устойчивое сосуществование этих конструкций. Ср.:

Сжег его тотчас из опасения или *из ревности* (Пушк., п. Л. Пушкину, 7 апр. 1825) и· *От ревности* печальной бог Спокойно *подремать не мог* (Пушк., Амур и Гименей); *Сделал* это только *из желания* идти наперекор гегелистам (Никитенко,

Дневн., 21 июня 1834) и: *Заколотилось* сердце *от желания* сейчас же, сию минуту выйти замуж (Вельтм., Саломея, 7, IV); *Из зависти клевещет* на молодую свою соперницу (Лерм., Кн. Л., VI) и: Сами бесы будут *краснеть от зависти* (Марл., Лейт. Белозор, VIII); Селифан *из боязни*, чтобы не получить от барина подарка, *попятился* несколько назад (Гоголь, М. д., 1, XI) и: [Овца] *трепещет от боязни* (Булг., Ив. Выж., I). Никто из очевидцев, *из страха* быть убитым, *не решился поспешить* на помощь (Осколки, 1881, № 2) и: *Стиснул от страха* зубы (Чех., Нервы); *Выпив* пять или шесть чашек,— впрочем, больше по привычке пить чай в конторе, нежели *из удовольствия*... (Эрт., Гард., 1, IX) и: *затрепетал от удовольствия* (Там же, 2, VI); — Вы *выдумываете*! Чуть не прибавила: «*из* худо скрываемой *зависти*» (Боборык., На ущербе, 7, XIX) и: *злятся от зависти* (Ф. Солог., Мелк. бес, VIII); Не *из трусости не имел он с нею* ... объяснения, а *из жалости* к ней (Боборык., На ущербе, 2.XIII) и: *заплакал от жалости* (Л. Андреев, Большой шлем); *Из* смутного *желания разбередить* свою злобу спросил... (Купр., Молох, IV) и: *сгорал от желания рассказать* (Осколки, 1881, № 7); Он это *сделал... из ненависти* к братьям (Пассек, Из дальн. лет, I, II) и: *вздрагивающие от ненависти* голоса (Эрт., Гард., 1, X).

Такой параллелизм конструкций с предлогами *из* и *от* не был полным. Некоторые существительные на протяжении всего XIX в. фиксируются только в конструкциях с предлогом *от* (например, *горе, печаль, радость, тоска, грусть, бешенство* и др.). По-видимому, это объясняется не языковыми факторами, а реальной невозможностью для определенных чувств, внутренних состояний выступать в качестве активной, осознанной причины действия.

Таким образом, устойчивыми в употреблении оказались конструкции с предлогом *из* с существительными — названиями явлений внутреннего мира. Конструкции с другими существительными вытесняются из литературного языка. В сущности, такое вытеснение началось давно: уже в начале XIX в. здесь не было живой модели. Позже в сочетании с предлогом *из* в составе таких конструкций фиксируются только отдельные существительные: *пустяки, безделица, необходимость* или соединения типа *из чего, из того, из каких причин.*

У пас *употребляют* прозу как стихотворство: *не из необходимости житейской* (Пушк., Мат-лы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»); *Не из пустяков* ли ты *горюешь*? (Дружинин, Пол. Сакс, VII); Стоит это, чтобы *из такой безделицы поправлять!* (Плетнев, п. Я. Гроту, 8 окт. 1840); Как это можно с фамилией *тащиться в ссылку из таких пустяков!* (Герц., Б. и д., 4, XXVI); Раздоры *вспыхивали из малейших пустяков* (Некр. и Станицк., Мертв. озеро, XI); Зачем сами-то вы так к нам *напрашиваетесь, из каких причин?* (Дост., Прест.

и наказ., 4, V); Не стыдно ли двум ученым сословиям... *напасть* так на бедняка, и *из чего?* (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); *Огорчаться-то не из чего* (Черн., Что делать? 2, XXIII); Вам с нами *ссориться не из чего* (Боборык., Китай-город, 2, XI).

В последние десятилетия XIX в. разговорная речь и просторечие становятся основной сферой употребления таких конструкций [10]. Здесь возможно было использование более широкого круга существительных, например:

Муж *из пятака в копку не сядет* (Лейкин, Свет Яблочкова); У них опять эти *пустяки вышли.* — Какие пустяки? — *Из телят* (Слепцов, Трудн. время, X).

Соединение предлога *из* с существительным — названием лица в данных конструкциях, по-видимому, исключалось. Соединения с местоимением, указывающим на лицо, были возможны:

Верди, тот великий и осуждаемый Верди, *из которого готовы перессориться* меломаны (Б-ка для чт., 1857, т. CXLI, февр.).

Изменения в употребительности конструкций с дательным падежом с предлогом ПО

§ 9. Процесс ограничения возможностей лексического наполнения причинных конструкций с первообразными предлогами проявился и в истории конструкции с дат. над. и предлогом *по*, в начале XIX в. широко распространенной и продуктивной.

За построениями с предлогом *по* закрепились существительные — названия качеств, свойств живых существ, отношений между ними, психических и физических состояний, реже — чувств. Существительные этих семантических групп были характерны и для конструкций с предлогами *из, с* и *от*. Но конструкции с предлогом *по* имели свой оттенок значения: «действие и его мотивировка»; это обеспечило им особое место в ряду причинных конструкций с первообразными предлогами. Кроме того, несомненно, что известную роль в употреблении отдельных слов в сочетаниях той или другой формы сыграла традиция, установившаяся на предшествующем историческом этапе, для которого была характерна меньшая смысловая дифференцированность форм.

Конструкции с существительными — названиями различных явлений, связанных с внутренним миром человека, сохранили широкую употребительность в разных сферах речи. Их бóльшая частотность в собственно повествовательной речи по сравнению с речью научной, публицистической, официальной объясняется не стилистической прикрепленностью конструкции, а большей употребительностью характерных для данных сочетаний слов в стилях «неделовых».

[10] Интересно отметить, что Тургенев считал небрежной и неправильной фразу: А я *из этого не решился* прежде, нежели было нужно, оставить умирающую женщину (п. А. Герцену, 16 янв. 1857).

Доводы, до сих пор, *по непонятной близорукости, ускользавшие* от всех мыслящих людей (Тимиряз., Опровергнут ли дарвинизм? I, Русск. мысль, 1887, № 5); *По глупости и невежеству не знают* настоящей дороги к личному счастью (Каблиц, Осн. народничества, I, IV); *По живости характера* и врожденной беспечности *не выдерживала* тайны (Пассек, Из дальн. лет, I, XII); *По* своей *крайней податливости*, он часто *соглашался* (Стасов, Автобиогр., V); Глупость, на которую я *шел ... по малодушию* (Боборык., Проездом, XII); *По склонности* своей, *предпочла отказать* этому молодому человеку (Гарш., Над. Никол., XVII); *По глупости* неудовольствие вам *причинил* (Эрт., Гард., 2, II); *По свойству* своей оптимистической *натуры* она *не хочет* больше думать о настоящем (Гарин-Мих., Детство Тёмы, III); Вы *уходите по благородству и честности* (Суворин, Дневн., 29 марта 1899); Порядочно *проголодались* — *по незнанию* местных нравов (Корол., п. А. С. Короленко, 19/31 июля 1893).

Продуктивными и употребительными остаются также конструкции с предлогом *по*, строящиеся с существительными — названиями качеств и свойств и с глаголами, называющими действия или отношения. Такие построения находились в смысловых соотношениях с конструкциями с родит. над. с предлогами *из* или *от*.

По этой же самой причине, *по феодальной значительности* своей, дворянство испанское никогда *не было в милости* у королей (В. Боткин, Письма об Исп., Совр., 1847, т. V); Золото *по мелкости* его *уносится* водою (Москвит., 1856, т. II, № 6); Эстамп.., которым он *дорожил по красоте* экземпляра (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Спутники бросились к нему на помощь, но *по тяжеловесности* его особы ничего более *не могли сделать* (Стрекоза, 1876, № 19); Ее фигура вызывала пристальные взоры заводской молодежи, совершенно *лишенной, по отдаленности* от города, женского общества (Купр., Молох, III).

В отличие от сохранивших употребительность конструкций с предлогом *по*, в состав которых входили существительные — названия явлений внутреннего мира человека, а также названия качеств и свойств, конструкции с существительными, относящимися к другим семантическим группам, в течение XIX в. снижают свою активность, особенно в сферах деловой речи. К середине века намечаются группы существительных, постоянно повторяющихся в подобных конструкциях; к концу века эти группы становятся все более определенными. В зависимости от лексических значений существительных, в конструкциях с предлогом *по* создаются различные дополнительные оттенки причинного значения.

Для описываемых конструкций характерны были следующие группы существительных.

1. Названия официальных документов: *закон, постановление, указ, распоряжение*; сюда же — существительные *принцип, тради-*

ция, привычка. В конструкциях с этими словами совмещаются значения причины и соответствия, причем последнее может быть усилено лексическим значением глаголов, например: *поступать по закону, наказать по закону* (такие сочетания относятся к конструкциям со значением: «действие и способ, образ его осуществления»).

2. Названия актов, отражающих отношения между людьми: *жалоба, просьба, ходатайство, требование* и т. д. В конструкциях с этими словами ясно выявляются отношения действия и его основания.

3. Существительные: *ошибка, недоразумение, случайность, нечаянность, необходимость, невозможность, ненадобность, негодность*; сюда же — *неимение, недостаток* и т. п.

4. Существительные, своим лексическим значением указывающие на причинную зависимость: *причина, случай, повод, основание, условие, обстоятельство.* При этих существительных обязательны распространяющие слова; при словах *причина, случай, повод*, т. е. таких, которые сами входят в состав причинных предлогов, обязательно согласованное определение.

Вот примеры употребления таких сочетаний:

1. *По повелению* отца *прогнал* его (Костом., Русск. ист., 1, IV); Прикрытие... *ушло по чьему-то приказанию* в середине дела (Л. Толст., В. и м., 1, 2, XX); *По приказу губернатора, отдал* его *учиться* (М.-Печ., На горах, 1, 1, 7); *По* неизменному *правилу* всех казенных училищ, мы *получали* от нашего училища все платье и белье (Стасов, Автобиогр., II); *Не раскланялись* друг с другом *по принципу* (Будильн., 1865, № 3).

2. *По просьбе* матери *привозил* туда управляющего (Л. Толст., Воскрес., 2, I); *Прекратила* эти вечеринки *по жалобе* всех квартирантов (Боборык., Китай-город, 4, II); что именно *могли с ним сделать по* княгининой *жалобе* (Ф. Солог., Мелк. бес, XXIV); *По обвинению* в растрате сумм... *суду предан* (Судебн. заключ., 1879); *Сделал это... по требованию* моей матери (Славутинск., Жизнь и похожд. Триф. Аф., I); *Делала подлог по поручению* своей бабушки (Осколки, 1881, № 15); *Был* у Туркиных только два раза, *по приглашению* Веры Иосифовны (Чех., Ионыч, IV).

3. Она и одета не так хорошо, как другие, и не блестит, *по недостатку средств* (Черн., Что делать? 2, XIX); Успел пережить вражду *разошедшихся* с ним *по недоразумениям* людей (Ш.-Мих., Лес рубят — щепки летят, 1, 11, V); *По ошибке поставил* [сапоги] в ваш номер (Чех., Сапоги); *По* странной *случайности*, его картины ... *давали* ему самые скудные средства (Осколки, 1881, № 1); средства, к которым *прибегают по необходимости* (Корол., п. А. Эртелю, 11 февр. 1898); Доказать их необходимость мы *по неимению* нужных *данных не можем* (Владиславл., Совр. направления в науке о душе, II).

4. *По какому случаю* эти увеселения *значились* в каталоге (Слепцов, Письма об Осташкове, 4); *по вышеприведенным обстоятельствам, подозревали*, что... (Судебн. заключ., 1878); мир, *по какому-то поводу собравшийся* у старостиной избы (Златовратск., Устои, 1, 1, III); *По этой причине* теперь [картины] и *сняты* с 9-й передвижной (Осколки, 1881, № 18); *По неизвестным причинам убавили* пособие (Ленин, п. М. А. Ульяновой и М. Т. Елизарову, 14 февр. 1898. Соч., т. 37, стр. 86).

Сказанное о тенденции к некоторому ограничению конструкции с предлогом *по* со стороны существительных не означает, что в ее составе не могли употребляться другие существительные. На протяжении всего XIX в. в этих конструкциях отмечаются и другие существительные, но важно, что такое употребление по направлению к концу XIX в. явно убывает. Сочетания с этими существительными имели разные оттенки значения.

Убеждали Казимира, *по супружеству* его с сестрою покойного Владислава, *объявить притязание* на его престол (Телеск., 1831, № 9); Домогался короны королевской от папы; но *не имел* в том *успеха, по влиянию немцев* (Там же); *По гаремным интригам... приказал* однажды *отрубить* Осману голову (Бутк., Пб. верш., 1, Порядоч. чел., VII); Должен был ехать в Петербург, но *по* неожиданному *приезду* Демидовой он *остался* (Я. Грот, п. П. Плетневу), 21 дек. 1840); «Глас патриота на взятие Варшавы» *написал* Дмитриев тоже в Сызрани, *по неверному слуху* о покорении польской столицы (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); *По первому неприятному письму* старосты... *стал создавать* в уме план разных перемен (Гонч., Обл., 1, I).

Заметную тенденцию к угасанию проявили в XIX в. конструкции с предлогом *по*, соотносительные с конструкцией с творит. пад. с предлогом *за*, в которых существительное (всегда с отрицанием) обозначало препятствующую причину.

Книги, *возвращенные* из учебных заведений *по ненадобности* (ЖМНП, 1854, февр.); *Гибнут* от голода *по недостатку рыбы* или зверей (Гонч., Фр. «Пал.», Из Якутска); Связать эти факты между собою ... мы, *по неимению нужных данных, не можем* (Владиславл., Совр. направления в науке о душе, II); *простудившись по неимению* порядочной *шубы* (О. Шапир, Кандидат Куратов); Если этого *не сделано*, то уж, вероятно, *не по отсутствию желания* (Тимиряз., Бессильн. злоба антидарвиниста, 11).

Предложно-именная часть некоторых конструкций с предлогом *по* иногда превращалась в устойчивые соединения [11], по функциям близкие или к наречиям (*по обычаю, по необходимости*), или к вводным словам (*по предположению*).

[11] См.: А. Д. Григорьева. К изучению синтаксиса предложного управления в русск. лит. языке первой трети XIX в. «Материалы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. II. М.—Л., 1951, стр. 189.

§ 10. Ограничения словосочетаний с предлогом *по* сопровождались усилением роли равнозначных с ними конструкций с предлогом *в силу*. Приблизительно с 60—70-х годов XIX в. конструкции с предлогом *в силу* активно проникают в сферу функционирования конструкций с предлогом *по*. Сфера их употребления расширяется: из речи официальной, где образовался и сам предлог *в силу*, эти конструкции проникают в речь научную и публицистическую и быстро в ней распространяются.

Если в начале XIX в. в конструкции с предлогом *в силу* могло входить небольшое число близких по значению существительных (*указ, распоряжение, приказание*), то в последующие десятилетия в этот круг втягиваются разнообразные отвлеченные существительные. Постепенно становится возможным употребление в этих конструкциях существительных — названий качеств, чувств, внутренних состояний.

В силу таких *соображений* хозяйка *стала выталкивать* ее из квартиры (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XL); *Командированный в силу* этих *известий* Горданов застал дело в тяжком кризисе (Леск., На ножах, 5, 4); Родители, *в силу* этой *власти, могут принимать* домашние исправительные меры против детей (Речь прокурора А. К. Колоколова, 1876). Иное же никогда народным и не было, а *представлялось* нам *таким в силу* нашего реформенного *возбуждения* и *славословия* (Речь присяжн. повер. Жуковского, 1879); *В силу* своих *спиритуалистических тенденций, спешит отвергнуть* всякое взаимодействие между телом и духом (Н. Грот, Психология, I, 1, 1); *В силу* этой *общности* своих идеалов автор *стоит вне* литературных и общественных *партий* (Русск. богатство, 1880, март); Может быть, это *произошло в силу* моей *неспособности* или *неумения* взяться за дело, а может быть, и *в силу общих причин* (Гарин-Мих., Неск. лет в деревне. Предисл.).

С 60—70-х годов XIX в. в активное соотношение с конструкциями с предлогом *в силу* вступают конструкции с предлогом *ввиду*, который к этому времени определился как одно из средств выражения причинных отношений: конструкции с этим предлогом были лишены оттенка значения основания, соответствия, свойственного конструкциям с предлогом *в силу*. Наибольшее распространение эти конструкции получают в деловой речи — научной, публицистической, официально-канцелярской, значительно реже они используются в повествовании.

Знакомство наше ... *ввиду известных* вам *обстоятельств укрепится* еще более (Дост., Прест. и наказ., 2, V); *Ввиду болезненного состояния* Горданова и Подозерова, *подчинили* их *домашнему аресту* (Леск., На ножах, 4, 3); *Ввиду подобного ответа уничтожался* единственный и последний повод для мнимой

ревности (Речь присяжн. повер. Хартулари, 1878); *Ввиду* ее все возрастающей *ласковости* он *не верил* этим слухам (Эрт., Гард., 2, IX); *Ввиду* такого *разнообразия* различений, едва ли *правильно было* бы *приписывать* Немесию какие-нибудь определенные взгляды на предмет (Н. Грот, Психология, I, 1, 2); Высшее начальство ... *ввиду многочисленности* проявившихся у нас *талантов, решило устраивать* концерты (Стасов, Автобиогр., V); *Ввиду обширности* предмета и многочисленности исторических данных, мы можем ... *ознакомить* читателей с началом дипломатических отношений римской курии с Россией (Осколки, 1881, № 17).

Изменения в употребительности конструкций с творительным падежом с предлогом ЗА

§ 11. Конструкция с творит. пад. с предлогом *за* в конце XVIII — начале XIX в. была продуктивна и широко употребительна. Но в дальнейшем в судьбе этой конструкции произошли большие изменения. От десятилетия к десятилетию большой и разнообразный круг существительных, входивших в состав этой конструкции, заметно суживается. Из этого круга, за немногими исключениями, выходят существительные — названия состояний, свойств, явлений природы и др., например: *за усталостью, за стыдом, за леностью, за дряхлостью, за сиротством, за убожеством, за соседством, за опасностью, за погодою, за распутицею, за дождями* и др. Относительную, хотя и сокращающуюся продуктивность эта конструкция сохраняет приблизительно до середины века. В это время в ее составе еще отмечаются разнообразные существительные; она встречается у разных авторов, в нестилизованных контекстах.

Теща моя *отлагала свадьбу за приданым* (Пушк., п. П. Плетневу, 29 сент. 1830); *За картами не успевает* даже *побывать* в собрании (Отеч. зап., 1843, т. I); *За дождем ... остался дома* (Плетнев, п. Я. Гроту, 4 окт. 1840); *вышед за ранами* в отставку (Булг., Ив. Выж., XVIII); *За скоростью шьют на живую нитку* (Гоголь, п. матери, 20 мая 1827); Самого шара, *за отдаленностью*, уже *не видим* (Б-ка для чт., 1834, т. VII, ч. 3); *За теснотою* и *отдаленностью не может принять* меня у себя (Отеч. зап., 1839, т. III); *За сумятицею* в Москве, *не успели отправкою* (Основьяненко, 1812 год, Отеч. зап., 1843, т. III); Дело *расходилось за спором* (В. Одоевск., Кн. Мими, I); Вспомнил про супругу свою, *оставленную за хозяйством* в казанской деревне (В. Соллог., Тарантас, I); [балеты], о коих у нас вовсе *понятия не имеют за страстию* к дидлоизму (С. Шевырев, Итальянск. театры, Телеск., 1831, № 1): Я всю ночь *не мог уснуть за этой Теолиной* (Б-ка для чт., 1854, т. VII, ч. 1); *За расстроенным здоровьем* своим Покровский *не мог продолжать занятий* (Дост., Бедн. люди, II).

Уже в первой половине XIX в. среди существительных, входящих в состав конструкций с предлогом *за*, большое место занимали существительные с отрицанием *не: за неимением, за недостатком, за недосугом, за неумением, за неспособностью, за невозможностью* и т. п., а также *за отсутствием*. Такой лексический состав соответствовал закрепившемуся за данной конструкцией значению: «действие и причина, препятствующая его реализации».

Больной может *умереть за невозможностью достать* ложку ревеня (Пушк., Путеш. в Арзр., 5); Да двое руку приложили *за неумением* писать! (Пушк., п. А. А. Дельвигу, июнь 1825); *не поехал за неимением бального платья* (Пушк., п. Н. Н. Пушкиной, 27 авг. 1833); *За недостатком* [добычи] *вымещали* свою *досаду* разрушением (Марл., Письма из Дагестана, II); *не пишу за недостатком времени* (Я. Грот, п. П. Плетневу, 20 дек. 1840); *За небытностью* моей *в городе договорен был* другой суфлер (Щепк., Зап. актера, IV); Портрет, *за несходством, уничтожен* (Плетнев, п. Я. Гроту, 12 дек. 1840).

Во второй половине XIX в. существительные этой группы становятся специфическим признаком причинных конструкций с предлогом *за*. В конце века обнаруживается тенденция к сосредоточению таких построений в научной и официально-канцелярской речи. Однако и в речи повествовательной такие конструкции сохраняются на всем протяжении XIX в.

Оставил университет, за неимением чем содержать себя (Дост., Прест. и наказ., 1, III); *выбрасываются за ненужностью* (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XXXVIII); Отдать ребенка на воспитание ... *не могла за неимением денег* (Засодимск., Темн. силы, XIII); *За неприсмотром* пруды и колодцы *заилились* (Фет, Мои воспом., 1, 1); *За недостатком помещения* давно уже *покинули* землю (Л. Андреев, Баргамот и Гараська); Домик его *за ненадобностью стоял заколоченный* (Эрт., Гард., 2, I); *За отсутствием управляющего* свидетель *исполнял...* его *должность* (Судебн. заключ., 1879); *За неимением места, пришлось поместить* их в слишком уменьшенном виде (Осколки, 1881, № 2); *За невозможностью найти* подходящую *аргументацию...* г. Страхов *довольствуется* и выписками из Негели (Тимиряз., Бессильн. злоба антидарвиниста, VI); *За недостатком времени вынужден ограничиться* этими набросками (Корол., п. А. М. Скабичевскому, 22 ноября 1892).

Круг существительных без префикса *не*, включаемых в состав конструкций с творит. пад. с предлогом *за*, к концу века становится все у́же, все чаще повторяются здесь одни и те же существительные: *за хлопотами, за темнотою, за шумом* (и другие существительные, обозначающие звуки: *за громом, за стуком* и т. п.), *за болезнью, за старостью, за смертью, за кончиной* (последние чаще в речи деловой).

За старостью на другой же день *забывала* гостью (Панаева. Воспом., 3); *не мог жениться за болезнью* (Суворин, Дневн., 23 сент. 1893); *восстановлена быть не могла за смертью автора* (Римск.-Корс., Лет. моей музык. жизни, XII); *За смертью не успел описать* этих событий (Ключевск., Курс русск. ист., I, V); Про чудеса *едва ли и вспомним за хлопотами* (Гл. Усп., Нр. Растер. ул., V, 2); *За стуком* Тихон Ильич *не слыхал* ответа (Бунин, Деревня, I).

Сказанное не означает, что другие существительные совсем были вытеснены из таких конструкций; речь идет об общей тенденции в их развитии. В то же время в речи деловой, у писателей старшего поколения, в стилизованных контекстах в конструкциях с предлогом *за* и во второй половине XIX в. можно встретить разные существительные отвлеченных и конкретных значений.

Выбывших оттуда *за дряхлостью лет* или *за крайним тупоумием* (Будильн., 1865, № 18); *За переселением* или преждевременною *смертью* раков *лишены будут* знакомого блюда (Искра, 1859, № 35); Никто из порядочного люда *за поздним временем* нам *не попадался* (Сверб., Зап., I); Я *за болезнию* и *за статьею* о Тютчеве ... *бросил* мною начатую статью (Дост., п. жене, 26 июля 1873); чтобы вы *перестали* в суде *действовать за прекращением* уголовных *преступлений* (Речь присяжн. повер. Спасовича, 1876); Чины, *оставившие свои части* по болезни или *за ранами* (ПСЗ, 1895, XV, § 1221); *Пропустил* денек-другой *за* тогдашней *сутолокой* (Ленин, п. М. А. Ульяновой, 25 мая 1897. Соч., т. 37, стр. 46); *За разъездами мог* десять раз *забыть* (Ленин, п. М. Т. Елизарову, 4 янв. 1898. Соч., т. 37, стр. 77).

Развитие конструкций с родительным падежом с предлогом ИЗ-ЗА

§ 12. Рост лексических ограничений и стилистическая локализация конструкций с творит. пад. с предлогом *за* и ограничение конструкций с дат. пад. с предлогом *по* были связаны с распространением конструкций с предлогом *из-за* [12]. Если в первые десятилетия XIX в. случаи их употребления отмечаются как редкие, то позднее они начинают интенсивно вытеснять дублетные конструкции [13]. Этому способствуют почти неограниченные возможности лексического наполнения конструкций с предлогом *из-за* и широта их значения: сочетания с предлогом *из-за*, как и ряд других причинных сочетаний, обозначали действие и его мотивировку, ср.: *умереть за невозможностью достать лекарство — уме-*

[12] А. Х. Востоков уже в первом издании своей «Русской грамматики» (СПб., 1831, § 134, стр. 269) характеризует предлог *из-за* как причинный.

[13] См.: О. И. Иванова. Указ. соч., стр. 9; А. М. Финкель. К истории предлога *из-за* в причинном значении. «Филол. науки», 1961, № 2, стр. 38.

реть из-за невозможности достать лекарство; выходит в отставку по неприятностям с начальством — выходит в отставку из-за неприятностей с начальством; из пустяков горюешь — из-за пустяков горюешь; перессорились за него — перессорились из-за него. В наибольшей степени конструкции с предлогом *из-за* сближались с конструкциями с творит. пад. с предлогом *за*, ср.: *не уехали за непогодою — не уехали из-за непогоды.*

Сочетания с предлогом *из-за* находят широкое применение в повествовательной и разговорной речи и к середине века становятся здесь основным средством выражения причинных отношений. В стилях деловой, научной, публицистической речи построения с предлогом *из-за* вступают в активные соотношения с конструкциями с предлогом *ввиду*.

В конструкциях с предлогом *из-за* неограниченно употреблялись существительные — названия лиц и конкретных предметов. Это обстоятельство особенно усиливает позиции этих построений в системе причинных сочетаний, так как в состав соотносительных с ними конструкций с другими предлогами (с дат. пад. с предлогом *по*, с творит. пад. с предлогом *за*) эти существительные не могли входить совсем.

С существительными — названиями лиц и личными местоимениями:

Боится, чтобы они *из-за него не пострадали* (Пушк., Кирджали); чтобы *из-за тебя чего-нибудь не вышло* (Гоголь, М. д., 1, I); Я *готова возненавидеть* танцы *из-за танцоров* (Марл., Фр. «Н.»); *Принужден был беспокоить* его *из-за приезжих* (Я. Грот, п. П. Плетневу, 20 авг. 1840); *Из-за тебя получил* от директора выговор (Щепк., Зап. актера, III); *Из-за меня* и ее *стали попрекать* (Гонч., Обл., 1, XI); *Из-за* его *сестрицы застрелился* (Ш.-Мих., Тина, XIII); Меня *из-за вас*, сударь, *обругали* тут (С.-Щ., Губ. оч., Неприятн. посещение); Все *грехи из-за баб идут* (Златовратск., Устои, 1, 3, I); *волнуется из-за* своей *жены* (Ленин, п. А. И. Елизаровой-Ульяновой, 21 дек. 1897 г. Соч., т. 37, стр. 73); Борьба обоих миров *идет из-за человека* (Ключевск., Курс русск. ист., I, VI).

С существительными предметных значений:

Разошлись из-за денег (Плетнев, п. Я. Гроту, 30 авг. 1840); *брань идет из-за карт* (Слепцов, Трудн. время, IV); чтобы они *не ссорились из-за каждой тряпки* (Панаева, Воспом., 4); *Придрался* к Родьке *из-за новых гужей* (Бунин, Деревня, I); *Чуть не поссорился* с ним *из-за* этого *столика* (Боборык., Китай-город, 2, III); Твоя старуха *из-за курицы* каких мне словес *наговорила* (Гусев-Оренб., Кахетинка, III).

С существительными отвлеченных значений:

Мне на старости лет *должно идти просить милости из-за* всех *капризов* твоих (Некр. и Станицк., Мертв. озеро, XII); *Чуть не погубил себя из-за* такого *ничтожного обстоятельства*

(Дост., Прест. и наказ., 4, VI); *Из-за* своего *хлопотанья* по делу этому *потерял* он и *место* (Славутинск., Жизнь и похожд. Триф. Аф., II); *Разгорячился из-за* каких-то *фантазий* (Черн., Что делать?, 3, XXII); *Из-за фанаберии* какой-то *не хотите извиниться* (Л. Толст., В. и м., 1, 2, V); *волноваться из-за пустяков* (Ш.-Мих., Лес рубят — щепки летят, 2, IV, II); Увидала, *из-за какого мотива совершилась* тут попытка на кражу (Стасов, Автобиогр., V); Неприятностей, которые *могут случиться* в будущем *из-за этого знакомства* (Ф. Солог., Мелк. бес, XXVIII); Порядочные люди *из-за кружковых счетов разделились* (Корол., п. А. М. Горькому, 4 июля 1895).

Особую группу составляли такие сочетания с предлогом *из-за*, в которых значение причины соединяется со значением цели. Преобладание того или иного значения определяется лексическим значением компонентов или контекстом. Эти конструкции функционировали в речи повествовательной и разговорной, не проявляя тенденции к затуханию в силу своего особого значения.

Из-за интересов прихода он *забывал* свои собственные интересы (Гусев-Оренб., Пастырь добрый, II); Так и дни свои кончит, не узнав, что такое за счастье бывает на земле, особенно *из-за которого* люди *режутся* и *топятся* (Боборык., Китай-город, 4, XVII); *Из-за* этой *надежды простительно*, право, *загнать* рассудок, анализ, критическую мысль в самые дальние закоулки души (Корол., п. С. А. и А. С. Малышевым, [1887]).

Развитие конструкций с предлогом БЛАГОДАРЯ

§ 13. В противоположность конструкции с творит. над. и предлогом *за*, в XIX в. утратившей продуктивность, конструкция с предлогом *благодаря* от десятилетия к десятилетию активизируется. Хотя конструкция с творит. над. и предлогом *за* обладала особым оттенком причинного значения и, казалось бы, должна была сохраниться в языке, она была вытеснена конструкцией с предлогом *из-за*, лексически не ограниченной и более приспособленной для выражения значения: «действие и причина, препятствующая его осуществлению».

Конструкция с предлогом *благодаря* выступает как развивающаяся: у нее есть свое специфическое значение способствующей причины. Построения с этим предлогом проникают во все сферы речи. В их составе фиксируются разнообразные существительные, в том числе и названия лиц. Конкретные существительные для них не характерны, но возможны.

Благодаря сдержанности и *благоразумию* нашего профессора все *обошлось благополучно* (Никитенко, Дневн., 16 янв. 1826); *Благодаря болтливости* ямщика... меня *принимали* как придворного временщика (Пушк., К. д., XIII); *Благодаря* прыткому *коню*, я уже *ускакал* за заставу (С. Глинка, Зап.

о М., 6); Город наш *украсился, благодаря попечению* гражданского правителя, садом (Гоголь, М. д., 1, I); *Благодаря* моей *наблюдательности*, я хорошо *понял* дух времени (Щепк., Зап. актера, VII); *Благодаря мужам науки*, Уже теперь *слабеет* смех (Стрекоза, 1876, № 30); *Благодаря* этому искусному *изложению ... успел убедить* своих читателей (Тимиряз., Опровергнут ли дарвинизм? I, Русск. мысль, 1887, № 5); Войны ... *могли окончиться плохо* для обеих сторон, *благодаря потере* многих жизней в битвах (Каблиц, Осн. народничества, I, I); *Благодаря* неожиданной *задержке, пришлось возвращаться* в самую грозу (Эрт., Гард., 1, XI); Ватага *скрылась из глаз благодаря выступающему камню* (Гарин-Мих., Детство Тёмы, VI); *Благодаря* моим *трудам ... положат* в карман миллионы (Купр., Молох, V); Публики, *благодаря позднему часу*, в аптеке *не было* (Чех., В аптеке).

Изменения в употребительности конструкций с предлогами ПО ПРИЧИНЕ, ПО СЛУЧАЮ

§ 14. Своеобразна была судьба конструкций с предлогом *по причине*. Если конструкции с другими специализированными предлогами теснили построения с многофункциональными предлогами, то роль сочетаний с предлогом *по причине*, специализированным для передачи только причинного значения, по направлению к концу XIX в. явно ограничивается. Здесь проявилась действовавшая в языке тенденция к дифференциации форм выражения различных оттенков причинного значения. Предлог *по причине* имел очень широкое, общее значение «причины вообще»; поэтому такие построения, вступая в соотношения с самыми разнообразными конструкциями, выражающими разные оттенки причинного значения, сами в то же время не имели своего «индивидуального» оттенка. Естественно, что при выборе форм этим построениям предпочитались другие, обладающие свойством дифференцированно выражать разные оттенки общего причинного значения.

В первой половине XIX в. конструкции с предлогом *по причине* были еще довольно употребительны; ближе к середине века они фиксируются уже значительно реже. Позднее они выходят из ряда активных конструкций, хотя и используются отдельными авторами. Основная сфера их употребления — научная, публицистическая речь, в меньшей степени — повествовательная проза.

[Соловьев] *содержат* в клетке единственно *по причине* их сладостных *песен* (Атеней, 1828, № 10); *По причине* своей *неопытности* и *мягкосердия ... запустил* хозяйство (Пушк., Пов. Белк., От издателя); *Не может* ее *остановить* именно *по причине* родственных *связей* (В. Одоевск., Кн. Мими, IV); *Терпит по причине* собственного *добродушия* (Гоголь, М. д., 1, VI);

По причине преобразования канцелярии ... *оставлен за штатом* (Бутк., Пб. верш., 1, Сто рублей); Русская литература, несмотря на свою юность, или, правильнее, *по причине своей юности, испытала* уже различные изменения (Телеск., 1851, № 11); *Едва мог держаться* [на коне] *по причине тучности* (Погодин, Норманск. период русск. ист., В. кн. Святополк); Частию *по причине сложности явлений* внутреннего опыта и по трудностям точного исследования их, частью вследствие вредных влияний, перешедших сюда из метафизики, психология *находится* еще *в зачатке* (Вундт, Осн. психологии, VI, 25).

С конкретными существительными сочетания с предлогом *по причине* отмечаются или в речи, близкой к просторечию, или в речи стилизованной. Из общелитературного употребления они вытесняются конструкциями с предлогом *из-за*, а также более сложными построениями в структуре предложения.

Вышла оказия по причине луны (Бутк., Пб. верш., 1, Партикулярн. пара); *совестилась по причине денег* (Черн., Что делать? 3, XIV); *Оставил театр по причине хриплого голоса* (Чех., К свадебн. сезону).

В конце века случаи нестилизованного употребления конкретного существительного в таких конструкциях единичны.

Не хотели возвращаться домой прежней дорогой *по причине* живших на ней варварских *жестоких народов* (Ключевск., Курс русск. ист., I, IX).

§ 15. Конструкции с предлогом *по случаю* в XIX в. не испытали значительных изменений ни в отношении лексических ограничений, ни с точки зрения соотношений с другими причинными конструкциями. Их стабильность сохранялась благодаря особому оттенку их значения: причина в них представляется как нечто выходящее из рамок обычного, иногда непредвиденное. Такие конструкции, строящиеся с существительными — названиями действий, событий, памятных дней, сохраняют устойчивую употребительность в разных сферах речи.

В доме ее *происходила* страшная *суета по случаю приезда* Тавровского (Некр. и Станицк., Мертв. озеро, XXXVI); статья, *написанная* в Париже, *по случаю рождения* Дофина (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); *Выразил удовольствие по случаю* моего *прибытия* (Пассек, Из дальн. лет, I, VII); *По случаю* еще *неотделанных комнат ... приемов ... делать* у нас *не могли* (Там же, V); *По случаю полой воды ... были сняты* деревянные подпорки (Фет, Мои воспом., II, V); *Угрожала* теперь скандалом *по случаю пропажи* ребенка (Леск., На ножах, 5, 19); *По случаю праздника была иллюминация* (Бунин, Деревня, II); Несколько рабочих *было арестовано и выслано, по случаю демонстрации* (Плех., Рабоч. движение в 1891 г.).

Конструкции с существительными — названиями лиц сосредоточиваются в речи разговорной, близкой к просторечью.

Сколько ты *напримаешься испугу по случаю господ?* (Эрт., Гард., 2, IV).

До последних десятилетий XIX в. изредка встречаются конструкции с существительными, не входящими в указанные выше семантические группы. Эти конструкции не имели того оттенка в значении, который был специфическим для сочетаний с предлогом *по случаю*.

За стол он *садился* всякий день сам-двадцать, *по случаю непомерного количества* дочек, племянниц (С.-Щ., Губ. оч., Неприятн. посещение); *По случаю убожества, ценностей не производил* (С.-Щ., Соседи); *По случаю привольного житья*, вся прежняя крепостная прислуга *осталась в доме* (Фет, Мои воспом., II, V).

Изменения в конструкциях с «осложненными» значениями

§ 16. Конструкции с винит. пад. с предлогом *через*, с беспредложным творит. и с винит. пад. с предлогом *за* занимали особое место в системе причинных конструкций: причинное значение в них было осложнено значением образа, способа действия (в первых двух) или объектным (в конструкциях с предлогом *за*).

1. Конструкции с винит. пад. и предлогом *через*, в которых существительное обозначало способствующую реализации действия причину, строились как с отвлеченными существительными, так и с названиями лиц и личными местоимениями. Они отмечены у Пушкина, Марлинского, Достоевского, Чернышевского, Некрасова в авторской речи, в письмах, в речи персонажей — носителей литературного языка; встречаются они и в публицистике. Все это дает основание заключить, что употребление таких сочетаний в языке XIX в. не противоречило литературной норме. В то же время тенденция к ограничению употребительности этих конструкций обнаружилась уже в первой половине века.

Вот примеры употребления сочетаний с *через* в XIX в.:

Если князь Волконский и был ранен, то так уж *случилось* от его несчастья, а *не через* его собственную *храбрость* (Пушк., Зап. Моро-де-Бразе); Много *потерял во мнении* товарищей *через* свою *предосудительную связь* (Марл., Фр. «Н.», VI); Ты *через меня пострадал* (Лерм., п. С. А. Раевскому, ноябрь-дек. 1837); *Через вас потерял* я, по крайней мере, триста (Вельтм., Саломея, 1, III); Ребеночек, который *может заболеть через* нашу *нужду* и умереть (Дост., п. Майкову, 16 окт. 1869); Я довольно *перенес через вас* сегодня (Дост., Идиот, 1, VIII); Ему было жалко женщину, сильно *пострадавшую через него* (Черн., Что делать? 3, XXIX); Училище *ничего не теряло через такое хозяйство и распорядок* (Стасов, Автобиогр., VI); *Через бедность* крестьян в стране *не может существовать* никакой промышленности (Русск. богатство, 1880, июнь).

Приблизительно до 60-х годов были широко употребительны конструкции, в которых предлог *через* сочетался с местоимениями *то, это*, указывающими на действие, состояние, процесс.

Уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель, или само собой так случилось, но только у него *через это очутилось* лишних двадцать рублей (Гоголь, Шинель); В разговоре этом Анюта не нашла ничего подозрительного, хотя сожалела, что прибытие ее в Полтаву и следственно *свидание* с тетушкою *чрез то отдалится* (Погорельск., Монастырка, 2, XIX); Не советуйте отдавать Сашу: *чрез это можно погубить* всю его будущность (Черн., п. родным, 16 ноября 1846); К тому же он уже потерпел от него наказание, а *через это* почти *считает себя очищенным, сквитавшимся* (Дост., Зап. из М. дома, 1, I).

С середины XIX в. основной сферой бытования конструкций с предлогом *через* становится разговорная речь. Ближе к концу века многие писатели используют их как средство характеристики речи персонажей или в стилизации.

В кутузке *сидел*, в кутузке, идолы! А *через кого*? Сохрани бог, ежели *через нас* (С. Каронин, Снизу вверх, I); Ты думаешь, что Егорку Корнюшкина *не через меня прогнали?* (Чех., Разговор человека с собакой); *Через тебя приходится* сорок два целковых в печку бросить (Эрт., Гард., 1, XII).

2. Конструкции с беспредложным творительным в первой половине XIX в. еще сохраняли некоторую активность, однако значительно меньшую, чем построения с предлогом *через*. С середины века они фиксируются редко. Это объясняется тем, что причинное значение падежной формы здесь «заглушалось» основным для творительного беспредложного инструментальным значением.

Мы *ожили* твоим *старанием* (Н. Полевой, Эмма, III); Я когда-нибудь *погибну изменою* (Марл., Мулла-Нур, Заключ.); Не желая, чтобы г. Грот *терял по службе переходом* своим в его ведомство (Плетнев, п. Я. Гроту, 3 дек. 1840); Я *изнемог* недоговоренным *чувством* (В. Одоевск., Русск. ночи, 9); питомец твой *тобою погибает* (Веневит., Спокойно дни мои цвели в долине жизни...).

Затухание этой конструкции не сопровождается заметными лексическими ограничениями, но сфера ее употребления суживается: после 40-х годов XIX в. это преимущественно повествовательная проза, в меньшей степени — разговорная речь.

Чиновник и помещик, *милостями вашими* токмо *не разоренный* (Искра, 1859, № 1); *Не видавшего* в целый год *ее стараниями* почти ни одной настоящей благородной девицы (Дост., Униж. и оскорбл., 1, IV); Это недурные люди... Мало их, но *ими расцветает* жизнь всех (Черн., Что делать? 3, XXIX); Я *умираю жаждой* (Леск., На ножах, 3, 17); Девочка... *умерла корью* (Л. Толст., п. жене, 13 июля 1872); Я слишком

утомлен; *устал разлукой* с семьей..., *тюрьмой* (Речь подсуд. Тальма, 1895).

Итак, на протяжении XIX в. из форм, обслуживающих значение «действие и причина, способствующая его осуществлению», почти совсем перестает употребляться форма с беспредложным творительным, а форма с предлогом *через* становится резко ограниченной стилистически.

3. Конструкции с винит. пад. с предлогом *за*, в силу своего объектно-причинного значения («действие, совершающееся в воздаяние, в возмещение других действий, фактов, качеств и т. д.» [14]) не соотносящиеся с собственно причинными сочетаниями, в XIX в. не претерпевали изменений ни со стороны лексического состава, ни со стороны употребительности или стилистической характеристики. В этих конструкциях постоянно повторяются одни и те же глаголы — *наказать, наградить, хвалить, оштрафовать* и т. п., а также глаголы, обозначающие проявления различных эмоций.

Слегка *за шалости бранил* (Пушк., Е. О., 1, III); *уважать за откровенность* (Никитенко, Дневн., 24 июня 1827); *журила ее за рассеянность* (Погорельск., Монастырка, 1, VI); Меня *бранят* и *грозят* мне *за все, за что бы должно хвалить* (В. Одоевск., Русск. ночи, 4); грозились *наказать за любопытство* (Станицк., Семейство Тальниковых, 1); *За смелость* свою он щедро *вознаграждался* (Некр. и Станицк., Мертв. озеро, I); *Приговорили* к четырем тысячам *за убийство* начальника (Дост., Зап. из М. дома, 2, II); *Нападает* на генерала Форра... *за* поразительную *медленность* и *беспорядок* (Осколки, 1881, № 15); Узнал, что *ссылаюсь за побег* (Корол., п. пермскому губернатору, июнь 1881); *Кляла* себя... *за* свою *бестактность* (Боборык., На ущербе, 3, XXI); Старший сын *за что-то арестован* (Л. Андреев, Большой шлем).

Соотносительные с причинными сочетаниями конструкции с винительным падежом и предлогом *за*, в состав которых входили глаголы, не имеющие значения воздаяния, возмещения, а также не являющиеся названиями чувств, характеризуются незначительной и все сокращающейся употребительностью. Приблизительно до середины XIX в. они отмечаются как стилистически нейтральные.

Не тужи, что *за меня есть не будешь* ты три дня (Пушк., Ск. о ц. Салтане); Где Онег[ина] 2 часть? Здесь ее требуют, *остановилась за нее* продажа других глав (Пушк., п. С. А. Соболевскому, ноябрь 1827); Веселится теперь, когда я *за нее слег* в смертельную постель (Марл., Вечер на бивуаке); *Вражда происходила за предпочтение*, оказанное моею матерью

[14] См.: Л. Н. Попова. Причинные оттенки некоторых предлогов в русском языке. «Филол. науки», 1958, № 3.

моему отцу (Булг., Ив. Выж., XIV); Нельзя примирить двух дам, *поссорившихся за манкировку* визита (Гоголь, М. д., 1, VIII); *Повздорил* с отцом невесты *за роспись* приданого (Григорович, Капельм. Сусликов, IV); *Боялись* с ним *связываться за придирчивый*, взыскательный и вздорный его *характер* (Дост., Зап. из М. дома, 1, II); Рано *потерял карьеру за дружбу* с Сперанским (Черн., Что делать? 3, XXIX).

Во второй половине XIX в. такие построения сосредоточиваются в речи разговорной, близкой к просторечью.

Наблюдения над развитием глагольно-именных сочетаний, выражающих причинные отношения, показывают, что в кругу этих сочетаний на протяжении XIX в. заметно изменяется соотношение между конструкциями с первообразными и производными предлогами. Этот процесс был обусловлен основной тенденцией в развитии таких сочетаний — тенденцией к закреплению определенных форм за определенными оттенками причинного значения. В группе конструкций с первообразными предлогами значительную роль играют усиливающиеся по сравнению с началом XIX в. тенденции к лексическим ограничениям, главным образом со стороны существительного. Из ряда сочетаний, сближающихся по оттенкам значения и лексическому составу, вытесняются сочетания, конструктивно ограниченные, а также сочетания, форма которых, в силу своей многофункциональности, была «неприспособленной» к четкому выражению причинных отношений.

Конструкции с производными предлогами (кроме конструкций с предлогом *по причине*) активизируются как формы, передающие разные оттенки причинного значения, и постепенно расширяют свои функции. За каждой из причинных конструкций закрепляется свое значение, а в случаях сближения значений происходит стилистическая локализация. Это не означает, что употребление одной конструкции вместо другой к концу XIX в. стало совсем невозможным: такое употребление не исключается. В то же время основной тенденцией развития сочетаний с причинными отношениями остается тенденция к дифференцированному выражению различных оттенков причинного значения. Этой тенденцией объясняется появление в самом конце XIX столетия новых предложно-падежных сочетаний *в результате, в связи с*, выступающих в роли предлогов.

РАЗВИТИЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЦЕЛЕВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 17. В истории глагольно-именных сочетаний с целевыми отношениями доминирующей была тенденция к образованию таких средств выражения, которые были бы максимально абстрагированы от лексических значений компонентов сочетания.

Путь развития целевых глагольно-именных словосочетаний, как и словосочетаний других типов, в основном заключался в движении от большого разнообразия неспециализированных, многозначных сочетаний к сокращению этого разнообразия, в замене неспециализированных конструкций специализированными, однозначными.

Так, в древнерусском языке для выражения целевых отношений могли быть использованы следующие сочетания: с дательным беспредложным (*сташа обеду*); с творительным беспредложным (*приедет своими делы*); с локативом и предлогом *о* (*послаша о миру*); с локативом и предлогом *по* (*по хлебе работать*); с винительным и предлогом *в* (*посланы в защищение*); с винительным и предлогом *на* (*бяше людем на мятеж*); с винительным и предлогом *по* (*пошлет по наместника*); с родительным и предлогом *дѣля* (*сниде не праведных дѣля, но грешных*); с родительным и предлогом *для* (*держати те книги крепости для*); с родительным (или винительным) и предлогом *ради* (*своего ради спасения давати*); с дательным и предлогом *к* (*не пойдет ко ответу*) [15]. Ни одна из этих конструкций не была специализированной: целевое значение возникало в них под воздействием лексического значения компонентов, контекста. Целевые отношения как самостоятельный тип отношений в это время еще не определились [16].

Как полагают исследователи, целевые сочетания развивались на базе одного из типов пространственных сочетаний, а именно такого, в котором существительное называло направление движения, действия, обозначенного глаголом. Естественно поэтому, что судьба сочетаний с целевым значением первоначально была тесно связана с судьбой сочетаний с пространственным значением. Из сочетаний, выражавших пространственные отношения, наиболее «пригодными» для выражения целевых отношений оказались конструкции, точно и определенно передававшие значение направленности: конструкции с дат. пад. с предлогом *к* и с винит. пад. с предлогом *на*. Такие конструкции устойчиво сохраняются

---

[15] См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893—1912. Т. I, стр. 323, 324, 669, 790—793, 1392; т. II, 1895, стр. 262, 982, 1507; т. III, 1912, стр. 11; Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 290, 311; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русск. лит. языку. Изд. 3. Киев, 1950, стр. 266; А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIII, 1956, стр. 19—24; В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961, стр. 45, 54; Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 394—402; Н. Н. Букатевич. Указ. соч., стр. 38—48; Е. Н. Богданова. К вопросу об употреблении в древнерусском языке приглагольных грамматических средств, служащих для обозначения причины, основания и цели действия.— В кн.: «Вопросы истории русск. языка». Изд-во МГУ, 1959, стр. 241—242.

[16] См.: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 259.

в кругу целевых сочетаний. Сочетания с предлогами, не имевшими столь отчетливого значения направленности, или совсем перестают служить для выражения целевых отношений, или сохраняются как средства выражения сложных, контаминированных значений. Так, рано, по-видимому до XV в., выходит из широкого употребления форма с дательным беспредложным [17], закрепившаяся как средство выражения объектных отношений («действие и его адресат»). Не сохраняются в кругу целевых сочетаний и построения с локативом: они специализируются как объектные.

Наиболее активно взаимодействовали с другими целевыми конструкциями конструкции с винит. пад. и предлогами *в* и *на*.

Сочетания с дат. пад. и предлогом *к* и винит. пад. и предлогами *в* и *на* не только в древнерусском языке, но и в дальнейшем своем развитии испытывали влияние пространственных сочетаний, имевших такую же форму. Например, недифференцированное употребление предлогов *в* и *на* с винит. пад., долго сохранявшееся в некоторых пространственных сочетаниях, близость функции предлога *к* к функциям предлогов *в* и *на* (в выражении значения направленности) повлияли на недифференцированное употребление этих предлогов при конструировании целевых сочетаний.

До XVIII в. фиксируется немало конструкций с предлогами *в* и *на*, имеющих совпадающий лексический состав: *дать на съедение — в съедение, идти на встретение — во стретение* [18]. Такие сочетания были взаимозаменяемы, хотя могли различаться тонкими оттенками значения (например, в сочетании *дать в съедение* более отчетливо выражены целевые отношения, в сочетании *дать на съедение* есть оттенок внутреннего назначения). Позднее эти конструкции все более расходятся по значениям и по условиям образования.

Предлоги *дѣля*, *для*, *ради* в древнерусском языке участвовали в построении причинных и целевых сочетаний, значения которых еще не были достаточно дифференцированы [19]. Предлоги *на* и *по* уже в XVI в. выходят из системы активных средств выражения причинных отношений [20]; но они оставались в ряду средств, используемых при конструировании целевых и объектно-целевых сочетаний. С XVII в. усиливается роль предлога *для* как собственно целевого предлога [21].

---

[17] См.: А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 21.

[18] См.: О. П. Ермакова. Словосочетания, выражающие целевые отношения в совр. русск. языке. Канд. дисс. М., 1955, стр. 50 (машинопись).

[19] См.: Л. П. Якубинский. Указ. соч., стр. 258, 259; А. В. Попов. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, стр. 91.

[20] См.: Е. Н. Богданова. Указ. соч., стр. 232–239.

[21] См.: В. А. Иванова. Предложные конструкции, выражавшие причинное значение в древнерусском языке; Е. Н. Богданова. Указ. соч.; М. Х. Партенадзе. Предложные конструкции в грамотах XVII в. Канд. дисс. М., 1953, стр. 82.

Словосочетания, выражающие целевые отношения, в конце XVIII — начале XIX в.

§ 18. К концу XVIII — началу XIX в. сложились три типа целевых конструкций.

К первому, развивающемуся типу относится форма с предлогом *для*, специализировавшимся к этому времени в оформлении целевых отношений в их «чистом виде» [22]. В конструкциях с причинными отношениями предлог *для* в это время фиксируется редко (см. § 2 главы «Развитие словосочетаний, выражающих причинные отношения»). Специализированное целевое значение предлога *для* делало возможным его употребление в конструкциях с разным лексическим составом: в них могли входить глаголы как с конкретным, так и с отвлеченным значением и существительные — названия разнообразных действий и состояний (*копать для осушения, ездили для рыбной ловли, призван для объявления решения, отважиться для спасения, посылают для любопытства, сказал для досады, говорили для назидания*).

Ко второму типу целевых словосочетаний принадлежат такие, в которых «чисто» целевые отношения создаются в определенных лексических условиях или в условиях широкого контекста. Это формы с винит. пад. и предлогом *в (наказать в страх другим)*, с винит. пад. и предлогом *на (острить меч на сокрушение тиранства)*, с дат. пад. и предлогом *к (определить помощника к облегчению)*. Значение таких сочетаний часто может быть воспринято двояко. Так, в конструкциях с предлогом *на* целевое значение часто сочетается с значением пространственным (*съезжаются на богомолье*); два значения могут иметь некоторые конструкции с дат. пад. и предлогом *к*, например: *два флота построены к сражению* (*построены, чтобы сражаться* и *построены так, как нужно для сражения*). Такой тип конструкций к концу XVIII в. определился как вытесняемый.

Третий тип конструкций — сочетания, целевое значение которых осложнено каким-либо другим: причинным, объектным, способа действия. Они ни при каких условиях не могут выражать чисто целевых отношений. Комбинированное, сложное значение таких сочетаний является их особенностью. К этому типу относятся сочетания: с родит. пад. и предлогом *ради* (*делаю ради славы, остался ради детей*); с родит. пад. и предлогом *из* (*состязаться между собою из одной славы*); с винит. пад. и предлогом *за* (*проливать кровь за отчизну*); с винит. пад. и предлогом *по* (*пошли по ягоды*); трехчленные конструкции с винит. пад. и предлогом *под* (*отобрать землю под шелковые заведения*). К третьему типу сочетаний примыкают сочетания с предложными соедине-

[22] Нельзя согласиться с тем, что предлог *для* оформился как целевой только в середине XIX в. (см. О. П. Ермакова. Указ. дисс., стр. 172).

ниями *в знак* и *во имя* (*подарить в знак благодарности, пожертвовать во имя дружбы*).

В конструкциях с родит. пад. и предлогами *ради* и *из* и с винит. пад. и предлогом *за* целевое значение соединяется с причинным значением, со значением побуждения к действию. В конструкциях с творит. пад. и предлогом *за*, с винит. пад. и предлогами *по, под* целевое значение слито с объектным значением. В конструкциях с предложными соединениями *в знак, во имя* соединяется значение цели и способа действия.

Сочетания, относящиеся к третьей группе, не взаимодействовали с сочетаниями двух первых групп, т. е. не входили с ними в дублетные и синонимические ряды.

Изменения в группе конструкций с неспециализированными предлогами

§ 19. К концу XVIII — началу XIX в. среди конструкций, которые могли служить для выражения собственно целевых отношений, сложились две основных группы: живая и продуктивная конструкция с родит. пад. и предлогом *для* и терявшие продуктивность конструкции с винит. пад. и предлогами *в* и *на* и с дат. пад. и предлогом *к*.

Судьба целевых сочетаний с винит. пад. и предлогами *в* и *на* и с дат. пад. и предлогом *к* в основном определилась к началу XIX в.

Если в языке XVII в. фиксируется функциональная дублетность и частые случаи полного совпадения лексического состава целевых конструкций с предлогами *в*, *на* и *к* (*дать в съедение — дать на съедение; трудиться к общей пользе — трудиться на общую пользу*), то в XVIII в. дублетность этих построений сокращается. Развивается тенденция к закреплению за каждым из этих сочетаний ограниченного круга глаголов и существительных; это свидетельствует об уменьшении продуктивности таких сочетаний. В конце XVIII и в первые десятилетия XIX в. тенденция к лексической замкнутости целевых конструкций с предлогами *в*, *на* и *к* усиливается. Так, для конструкций с предлогом *в* становятся характерными глаголы, обозначающие процессы речи, мысли, и существительные — названия тех же процессов, а также существительные — названия состояний, чувств, отношений между людьми (*сказать в засвидетельствование, в подтверждение оных указов было опубликовано, в утешение говорю, пишу ему в досаду*); для конструкций с предлогом *на* — глаголы направленного движения, глаголы *дать, звать* и близкие к ним по значениям (*устремились на разрушение, следуют полки на поражение злодея, предавал на разграбление, призывала на помощь*); для конструкций с предлогом *к* — глаголы конкретного действия, мысли и некоторые другие (*к составлению сей картины изобрел все составы, учредить*

к усовершенствованию различных частей наук, подносит губернатору к подписанию). Как было отмечено выше, в конструкциях с предлогами *в, на* и *к* на целевое значение наслаивался оттенок другого значения, например в конструкциях с предлогами *в* и *к* — образа действия, в конструкциях с предлогом *на* — пространственного. Этот оттенок определялся лексическим значением компонентов и значением предлога.

Конструкции с винит. пад. и предлогом *в*:

В доказательство ... побожусь (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 1); *сказать в оправдание* (В. Е., 1802, № 4); *в предупреждение* его отлучек, *приказывали* (Жих., Зап. совр., II, 24 февр., 1807); *говаривал* любимым своим генералам *в поучение* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, Кратк. замеч. о тактике французов); *рассказал в извинение* (Крыл., Кукушка и горлинка).

Конструкции с винит. пад. и предлогом *на*:

[Д а ш а] *Увез* дочек сюда *на покаяние* (Крыл., Урок дочкам, 1); *двинулись на подпору* прусскому корпусу (Д. Дав., Мат-лы для воен. ист., Воспом. о сражении при Прейсиш-Эйлау, III); *предлагаем* их *на рассмотрение* (Моск. Мерк., 1803, янв.); *вытребованы* были *на головомытье* (Жих., Зап. совр., I, 10 дек. 1805); *лететь на защиту* ...отечества (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, О походах венгерск. женщин); *пошлю* ее к тебе *на съедение* (А. Тург., п. П. Вяземскому, 9 окт. 1818); Карамзина *предает на ругание* площадной черни (Вяземск., п. А. Тургеневу, 24 авг. 1818); *явить* ее [мумию] народу *на поклонение* (Вяземск., Ст. зап. кн., 2).

Конструкции с дат. пад. и предлогом *к*:

Казнены всенародно *к устрашению* ... злодеев (Карамз., И. Г. Р., V, I); обществ, *учреждаемых к распространению* отечественной словесности (Тр. Об-ва люб. росс. слов., 1812, кн. 6, ч. 4); *употребляет* силу и хитрость *к исполнению* своих намерений (Сев. вести., 1805, ч. 5); *к* совершеннейшему же *выражению всемогущества требуются* обе сии принадлежности (Там же).

Названные выше ограничения не были абсолютными: в целевых построениях с предлогами *в, на* и *к* в начале XIX в. возможны были и глаголы, не типичные для этих сочетаний. Например, среди глаголов, входящих в конструкции с предлогом *в*, фиксируются и глаголы со значением конкретного действия (*делать, дарить*), и глаголы движения (*ехать, идти*), и глаголы типа *просить, помириться, согласиться.*

Видим детей, *убивающих* мать *в отмщение* за отца (Жуковск., Электра и Орест); Он *простил* митрополита Пимена единственно *в досаду* Киприану (Карамз., И. Г. Р., V, I); *погибнуть в удовольствие* мнимых богов (Там же, I, IX); *в исправление* буйного нрава его, *посадить* в батуринскую тюрьму

(Нарежн., Два Ивана, 2, IX); *отдать в удовлетворение* ненасытной жадности (Жих., Зап. совр., I, 28 ноября 1805); Он *ездил* во французский спектакль единственно *в мое воспоминание* и для того, чтоб сообщить мне... (Там же, II, 26 дек. 1806).

Конструкции с предлогом *на* уже в начале XIX в. были менее разнообразны по лексическому составу, чем конструкции с предлогом *в*. Здесь более четко определились ограничения со стороны значения глагола: основной массив конструкций с предлогом *на* в это время составляют конструкции с глаголами направленного движения и только изредка в них отмечаются глаголы, относящиеся к другим семантическим группам, например глаголы конкретного действия, речи.

Острили мечи на конечное *сокрушение* тиранства (Карамз., И. Г. Р., IV, VII); имели полную свободу *пользоваться* не только на обстройку их и домашний обиход, но даже и *на продажу*... (ПСЗ, 1801, XXVI, § 19812); *не выдумывали* злоухищренных правил *на унижение* других народов (Тр. Вольн. об-ва соревноват. просвещ., 1818).

В конструкциях с предлогом *к*, помимо глаголов действия, фиксируются глаголы речи, мысли (*велеть, придумать*), а также существительные — названия действий, отвлеченных понятий.

Ко успокоению всех, имеющих... общее владение, повелеваем (ПСЗ, 1801, XXVI, § 19823); *пригласил, к свиданию* со мной, князей кабардинских (Ермолов, Зап., II, Зап. во время управления Грузией): *скажу* еще *к увенчанию* похвалы (В. Е., 1802, № 1); средства, *придуманные* ею *к передаче* ученикам своим всех тайн искусства (Жих., Зап. совр., II, 15 мая 1807).

Однако случаи употребления в целевых сочетаниях с предлогами *в, на* и *к* слов, не типичных для этих сочетаний, немногочисленны. В начале XIX в. состав их в основном стабилизовался.

По направлению к середине века лексическая замкнутость конструкций с предлогами *в, на* и *к* возрастает, возможность их дублетного употребления уменьшается; наблюдаются лишь единичные случаи употребления одних и тех же лексем в сочетаниях разной формы (*послал на утешение — послал в утешение — послал к утешению; дали в подкрепление, дали на подкрепление; употребить к пользе — употребить на пользу — употребить в пользу*).

С 60—70-х годов XIX в. дублетные целевые конструкции с винит. пад. и предлогами *в* и *на* представляют собой остаточное явление [23], ср.:

---

[23] Интересно отметить, что сочетания с винит. пад. и предлогом *в* не приводятся некоторыми грамматистами первой половины XIX в. среди сочетаний, используемых для выражения целевых отношений (см., например: П. М. Перевлесский. Начертания русского синтаксиса. М., 1847, стр. 52).

Отправиться в поиски (III.-Мих., Лес рубят — щепки летят, 1, I, IV) и: Она *отправилась на поиски* (Там же, II); *прочел на поученье* (М.-Печ., На горах, 2, 4, 2) и закрепившееся в языке *в поучение*.

В литературном языке остаются лишь такие построения с предлогами *в* и *на* с одними и теми же существительными, в которых глагольные компоненты относятся к разным семантическим группам. Эти сочетания расходятся в оттенках значения, например: *дать в подкрепление* и *идти на подкрепление;* в первом сочетании есть оттенок образа действия, во втором — пространственный. Возможность взаимозамены предлогов в них исключается.

§ 20. Процесс распределения и закрепления слов между конструкциями с предлогами *в* и *на* часто сопровождается процессом «срастания» предлога и имени, а иногда — фразеологизацией всей конструкции. Так, устойчивыми становятся соединения предлогов *в* и *на* со следующими существительными: *в благодарность, в вознаграждение, во всеуслышание, в доказательство, во избежание, в извинение, во исполнение, в награду, в наказание, в насмешку, в объяснение, в оправдание, в опровержение, в осуждение, в отместку, в память, в подкрепление, в подражание, в подтверждение, в похвалу, в предостережение, в пример, в утешение, в шутку; на зло, на память, на показ, на потеху.*

Приближаются к фразеологическим конструкции с предлогом *на*, организуемые глаголами направленного действия: *предать на посмеяние, выставить на позор, отдать на разграбление, дать на хранение, отдать на съедение, представить на рассмотрение, взять на воспитание* и др.

Некоторые из предложно-падежных соединений обнаруживают признаки адвербиализации, например: *в шутку, в насмешку, в похвалу, в отместку, в пример, в пользу, в угоду, в наказание, в удовольствие, на показ, на потеху, на зло, на смех* и др. [24] Характерным признаком этого процесса является постоянное употребление таких соединений без определений.

Адвербиализуясь, предложно-падежная часть конструкций с предлогами *в* и *на* часто теряет свое целевое значение, приобретая значение образа действия (*сказал в шутку*). Иногда «срастание» существительного с предлогом сопровождается изменением управления, ср.;

Решился в назидание его рассказать ему причины моей поездки (Л. Толст., Юность, VIII) и современное: *в назидание кому.*

Тенденция к «срастанию» предложно-именной части проявилась также в некоторых целевых конструкциях с дат. пад. и предлогом *к*. В соединенных с этим предлогом некоторых существи-

---

[24] См.: О. П. Ермакова. Указ. соч., стр. 98—126.

тельных — преимущественно тех, которые обозначали чувства, состояния,— развивались модальные значения. Эти соединения оторвались от глагола и стали функционировать в качестве вводных слов; таковы: *к удовольствию, к огорчению, к досаде, к облегчению, к радости, к счастью* и др.

Таким образом, главным и объединяющим судьбу целевых конструкций с винит. пад. и предлогами *в* и *на* и дат. пад. и предлогом *к* в XIX в. были нарастающая замкнутость и «деформация» именной части этих конструкций.

§ 21. Свободное употребление глаголов и существительных в целевых построениях с предлогами *к, на* и *в*, т. е. употребление в их составе таких глаголов и существительных, которые не были характерны для этих построений, к середине XIX в. становится все более редким (особенно в конструкциях с предлогом *на*) и к концу века затухает: такое употребление встречается преимущественно у авторов, чья деятельность связана с традициями первой половины века, или используется как средство стилизации.

Конструкции с винит. пад. и предлогом *в*:

В опору и защиту моим не крепким телесным силам *держал* я у себя в приязни двух атлетов (Сверб., Зап., I); это прекрасное, легкое состояние, *ниспосылаемое*, как бы *в ослабу* душе (Леск., На ножах, 3, 16); в помощь себе и *в сотрудничество пригласил* меня (Бусл., Мои воспом., XXII).

Конструкции с винит. пад. и предлогом *на*:

Московский мещанин, *отданный* Зонненбергу... *на изучение* переплетного *искусства* (Герц., Б. и д., 2, XVIII); То бесы *творили* свои *пакости на смущенье* людей и *на* их *погубление* (М.-Печ., На горах, 1, 2, 21); Не на радость и *не на роскошество* старец Вассиан в пустыню *вселился* (С.-Щ., Губ. оч., Отставн. солдат Пименов).

Конструкции с дат. пад. и предлогом *к*:

Можно ли выдумать еще что-нибудь *к* моему *угнетению?* (Герц., Б. и д., 3, XXII); На завтра же его *вызвали к* вторичному *наказанию* (Дост., Зап. из М. дома, 1, IV); *сделать к достижению* намерения сего новые *усилия* (Л. Толст., В. и м., 1. 1, XVI); что *предпринять к* его *спасению* (Леск., На ножах, 4, 14); *вызван к* личному *объяснению* (Леск., Соборяне, 1, 5).

Из целевых конструкций с предлогом *к* остается к концу века преимущественно в официально-канцелярской речи небольшое количество фразеологизировавшихся сочетаний-штампов: *принять к сведению, предложить к исполнению.*

Принимаются тоже *к исполнению* заказы на монограммы (Стрекоза, 1876, № 23, Объявления); Медали могут быть *заказываемы к исполнению* гальванопластическими снимками (Там же); *принимали к разбирательству* всевозможные дела (Фет, Мои воспом., II, IV); *принял дело к* своему *рассмотрению* (Там же, V).

Многие конструкции с винит. пад. и предлогами *в* и *на*, компонентом которых были отглагольные существительные, также сосредоточиваются в официальной речи и находят отражение в соответствующих фрагментах литературных произведений. Особенностью таких конструкций является обязательная трехчленность, определяемая лексическим значением существительного.

...*Спрошенный в разъяснение* показания Юханцева (Судебн. заключ., 1879); Королевская академия наук в Турине, *в исполнение* завещания доктора Цезаря Александра Бресса, *напоминает*... (Осколки, 1881, № 17); Предприимчивые янки, *во избежание* перегрузки товаров и пересадки пассажиров с поезда на пароход... *решили устроить* корабль (Там же, № 12); не имея возможности *отдавать на прочтение* их много времени, принужден был установить известную очередь (Корол., п. Н. Д. Городецкой, 1 июля 1899).

§ 22. Из всего сравнительно широкого в конце XVIII — начале XIX в. круга конструкций с предлогами *в, на* и *к* остается продуктивной только часть конструкций с предлогом *на*: это конструкции, организуемые глаголами направленного движения (*ехать на празднование*). Такие построения выходили за пределы собственно целевых конструкций: благодаря лексическому значению глагола целевое значение в них могло соединяться со значением пространственным; они обозначают движение с целью осуществления какого-нибудь действия:

Пехота его *двинулась на подкрепление* своей кавалерии (Москвит., 1856, т. II, № 6); чиновнику, *ехавшему* туда *на следствие* (Гонч., Обл., 1, II); Они, как бойцы, *шли* в мир *на завоевание* счастья (Ш.-Мих., Лес рубят — щепки летят, 1, I, VI); *выехала* из деревни *на окончание* дела (Леск., На ножах, 5, 14); сторож, *вышедший на* ночное *дежурство* (Л. Андреев, У окна); *ехал ... на празднование* серебряной свадьбы (Боборык., Китай-город, 4, XXV); *прибыл* в Киев *на совет* (Костом., Русск., ист., 1, IV).

Оттенок пространственного значения обеспечил и устойчивость конструкций с предлогом *к*, в состав которых входят глаголы *приглашать, звать* (и близкие к ним по значению) в соединении с существительными *обед, ужин, завтрак* и т. п.

Нужно непременно *крикнуть к* общему *столу* и Сатира с Иваном Забытым (Златовратск., Устои, 1, 2, IV).

Развитие конструкций со специализированными предлогами

Конструкции с предлогом ДЛЯ

§ 23. Из предложных целевых конструкций наиболее продуктивными были конструкции с предлогом *для*. Они были шире других по охвату используемых в них глаголов и существительных:

в них включались глаголы со значением конкретного действия, отвлеченного действия, глаголы движения, речи; вторым компонентом в них могли быть существительные из разных семантических групп, объединяемые общим значением процесса. Среди существительных — названий процессов большое место занимают отглагольные существительные, которые в конце XVIII — начале XIX в. составляли один из самых значительных слоев книжной лексики. Это обстоятельство, несомненно, сыграло роль в сосредоточении конструкций с предлогом *для* главным образом в деловых сферах речи, а также в мемуарах и письмах образованных людей того времени. В разговорно-бытовую речь такие конструкции не проникли: здесь прочно удерживались равнозначные конструкции с *чтобы* и инфинитивом.

Ров сей начали *копать ... для* осушения *солончака* (Озерецковск., Описание Астрахани); *вооружился* единственно *для освобождения* их от неволи (Карамз., И. Г. Р., I, VII); Славяне сами *ездили для купли* и *продажи* в чужие земли (Там же, III); *пойдем* с ним на суконные фабрики *для осмотрения* работы (Н. Тург., п. А. Тургеневу, 29 апр./11 мая 1809); *пришел* в Новгород *для собрания* войска (Сев. вестн., 1805, ч. 5); *путешествуете для поправления* здоровья (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 2); *отправил* двух художников *для искания* древностей (В. Е., 1802, № 2); *отправлю* к аббату... письмо Василья Львовича *для помещения* в «Conservateur» (А. Тург., п. П. Вяземскому, 1 июня 1814); *вызван* из деревни *для начальствования* (Д. Дав., Встреча с фельдмарш. гр. Каменским).

К середине XIX в. активность собственно целевой конструкции с предлогом *для* несколько снижается. Отчасти это связано с ограничениями в образовании отглагольных существительных на *-ение* (*-ание*) [25], с исчезновением отдельных значений и употреблений у некоторых существительных. Так, в приводимых ниже сочетаниях с точки зрения последующего развития системы целевых конструкций перестают отвечать норме не компоненты сочетания по их грамматической и семантической отнесенности и не форма сочетания, а имена существительные по их словообразовательной структуре или лексическому значению.

Эскадра *отряжена для защищения* Адриатического моря (Моск. телеграф, 1826, № 8); *для любопытства* читателей *выписывал* несколько стихов (Там же, № 18); *приехать* к нему *для* окончательных *условий* (Пушк., п. М. А. Корфу, 14 июля 1833); *приставляют* к ним *для стражи* своих мальчишек

[25] В русском литературном языке конца XVIII — начала XIX в. в образовании имен действия с суффиксами *-ние, -ение, -тие* было меньше «запретительных» и ограничительных условий; действие этой модели было более активным, чем в последующие десятилетия (см. «Очерки по исторической грамматике русск. лит. языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964).

(Пушк., Путеш. в Арзр., 1); *держит* англичан *для зажжения* города (Марл., Лейт. Белозор, VII); *для услуги* лекарю Октону *назначили* парубка (Лажечн., Басурман, 1, 8); панов, *приезжающих* в Украину *для откормления...* (Бутк., Пб. верш., 2, Хорошее место, II); *Для заведения* новых пароходов *предположено* выпустить 600 акций (Совр., 1847, т. V).

В середине XIX в. с конструкцией с предлогом *для* в деловых стилях начинают конкурировать конструкции с предлогами *с целью* и *в видах*; но главенствующее положение сохраняется за конструкциями с предлогом *для*, отчетливыми по значению и включающими в свой состав широкий круг глаголов и существительных.

В конструкцию с предлогом *для* могли входить все те глаголы и существительные, которые к началу XIX в. закрепились в конструкциях с предлогами *в, на, к* и стали характерными для целевых построений с этими предлогами. Процесс фразеологизации таких конструкций и адвербиализации их именной части (см. § 20), сопровождавшийся семантическим «перерождением» многих из этих построений, способствовал возобладанию построений с предлогом *для* как свободной синтаксической модели. Ср.:

Для очевиднейшего *доказательства* всего сказанного *объясню* цель и содержание разговоров (Атеней, 1828, № 11) и: *В* новое *доказательство* тому, *упомяну* о следующем (Вяземск., Моя исповедь); Я *решился объяснить* ему правила грамматики и риторики не столько для собственной пользы, как *для назидания* молодых словесников (Пушк., Возраж. на ст. «Атенея») и: Умирая, мог он, себе в отраду, другим *в назидание сказать...* (Вяземск., С. Н. Глинка); *для избежания* сих крайностей *старайся* о сохранении спокойствия духа (Атеней, 1828, № 21) и: *Во избежание измены,* никто *не знал...* где будет ночлег (Марл., Ам.-Бек, IV).

Выше была отмечена тенденция к преобразованию в модальные слова предложно-именной части конструкций с предлогами *в, к, на,* включавших в свой состав существительные — названия чувств, состояний. В сочетаниях с предлогом *для* с теми же словами выражается чисто целевое значение.

[К у к у ш к и н а] Я мать... *хлопочу для счастья* своих детей (Остр., Доходн. место, II, 4). Ср.: *На его счастье* в это... время... *стал славянский вопрос* (Л. Толст., А. К., 8, I); Я жил: в товариществе с... мальчишками..., *для удовольствия* которых *изобретали* всевозможные средства (Писемск., Тыс. душ, 1, VII). Ср.: Как бы то ни было, Брянский *выполнил роль* Ахилла *к общему удовольствию* знатоков (Жих., Воспом. ст. театр., IV).

§ 24. Особое место среди сочетаний с предлогом *для* занимали сочетания, в которых существительные были названиями качеств, например: *сказать для ясности, прибавить для твердости.* Мало распространенные в начале века, подобные конструкции активи-

вируются к 40—50-м годам. Их активизация — в значительной мере результат роста употребительности существительных соответствующей словообразовательной группы. В то же время нужно отметить отсутствие конкурирующей формы для сочетаний, включающих данные слова: сочетания с предлогом *для*, имевшие своим компонентом существительные — названия качеств, в отличие от сочетаний, в состав которых входили отглагольные существительные, не соотносились с конструкциями с винит. пад. и предлогами *в* и *на* и с дат. пад. и предлогом *к*. Невозможны были конструкции типа «сказать в ясность», «прибавить к твердости». Использованию предлогов *в, на, к* в целевых конструкциях с существительными — названиями качеств препятствовала неспециализированность этих предлогов в выражении целевых отношений, с одной стороны, с другой,— отсутствие значения процесса у данных существительных.

Естественно, что конструкции с существительными — названиями качеств не могли соотноситься и с глагольно-инфинитивными конструкциями (с примыкающим инфинитивом).

Близки по значению к конструкциям с существительными — названиями качеств глагольные конструкции с союзом *чтобы*, присоединяющим инфинитив *сделать, стать, быть* с зависящим от него прилагательным, ср.: *сказать для ясности (дальнейших обстоятельств) — сказать, чтобы сделать ясными (дальнейшие обстоятельства)*. Однако конструкции с союзом *чтобы*, локализующиеся в деловой речи, не оказали влияния на функционирование конструкций с предлогом *для*: эти последние находят свободное применение и в деловой, и в повествовательной, и в разговорной речи.

Для исторической *верности*, мы *должны сказать*... (Пушк., Франц. Акад.); первые *для краткости буду называть* разговорами (Атеней, 1828, № 11); Это изнанковая сторона любви, которая, *для прочности*, всегда *подбивается* ненавистью (Сенковский, Предубеждение, Б-ка для чт., 1834, т. VII, ч. 1); *напились для смелости* вина (Костом., Русск. ист., 1, V).

§ 25. К развивающимся конструкциям с предлогом *для* относятся также построения, обозначающие действие, совершаемое в интересах лица (*работать для дочери* в значении «работать для благополучия дочери»). Целевое значение таких конструкций подчеркивается их несоотносительностью с конструкциями с беспредложным дательным адресата (ср. *принес тебе — принес для тебя*). В отличие от целевых конструкций с отглагольными существительными, употребительность которых к середине века несколько снижается, конструкции с предлогом *для* с существительными — названиями лиц в XIX в. активизируются [26].

---

[26] См.: О. И. Иванова. Указ. соч., стр. 9.

Она не могла же не признаться, что я *приехал* сюда *...для нее* (Пушк., Роман в п., 8); *вышла* за него *для сына* (Лерм., Кн. Мери, 16 мая); *работает* для науки, а *не для больных* (Черн., Что делать? 3, X); *для себя*, для комфорта своего, даже для спасения себя от смерти себя *не продаст*, а *для другого* вот и *продаст* (Дост., Прест. и наказ., 1, IV); Отец *работает, трудится для нас* (Ш.-Мих., Лес рубят — щепки летят, 2, III, VIII).

§ 26. Целевые конструкции с предлогом *для*, в состав которых входили отглагольные существительные, находились во взаимодействии с глагольно-инфинитивными конструкциями, причем не только с такими, в которых инфинитив непосредственно примыкал к глаголу (*пришел мириться*), но и с конструкциями с союзами *дабы* и *чтобы* (*пришел, чтобы мириться*) [27]. Целевые отношения в конструкции с примыкающим инфинитивом создавались только при условии, если организующий сочетание глагол обозначал направленное движение. Следовательно, глагольно-инфинитивные сочетания могли соотноситься только с частью конструкций с предлогом *для*: *отправил искать — отправил для искания*; *пришел собирать войско — пришел для собирания войска*. Глагольно-инфинитивные построения с союзами *дабы* и *чтобы* употреблялись шире и свободнее. «Книжность» отглагольных существительных была препятствием для распространения конструкций с предлогом *для* в повествовательной и разговорной сферах речи. Построения с союзами *дабы* и *чтобы* не знали таких ограничений. Они не были ограничены и со стороны глагола: в качестве организующего члена в их состав могли быть включены любые глаголы со значением непроизвольного действия (общее ограничение для всех целевых конструкций) и любые инфинитивы. Их позиции укреплялись также способностью к большему распространению зависимой части, а также возможностью употребления при инфинитиве отрицательной частицы *не*.

Глагольно-инфинитивные конструкции с примыкающим инфинитивом и с союзом *чтобы* сохраняют употребительность на протяжении всего XIX в. В сфере разговорной речи формы с инфинитивом остаются основным средством выражения целевых отношений. Активность глагольно-инфинитивных построений с *чтобы* возрастает и в стилях деловых — по мере снижения употребительности конструкций с предлогом *для*, обусловленной ограничениями со стороны отглагольных существительных (см. § 23).

Чтобы смирить твое самолюбие, *объявляю...* (Пушк., Роман в п., 4); *пригласил* меня к одной почтенной старушке, *чтоб аккомпанировать* какой-то приехавшей барышне (Н. Павл., Именины); что *делать, чтобы достигнуть* того, что нужно (Доброл., Когда же придет наст. день?); *Чтобы исполнить* это, я *должен*

---

[27] См.: К. А. Тимофеев. Инфинитивные предложения в русск. лит. языке, докт. дисс. М., 1951, стр. 200, 454 (машинопись).

был обманывать (Дост., Подросток, 1, 5, I); *запел, чтобы заглушить* мой голос (Чех., Дома).

Конструкции с союзом *дабы* уже в начале XIX в. не имели широкого распространения[28]; их судьба связана с судьбой союза *дабы*. В силу книжности этого союза они не находили себе применения в повествовательной и разговорной речи. Однако до середины века в деловой речи, в повествовательных фрагментах художественной прозы союз *дабы* функционирует в глагольно-инфинитивных целевых построениях без специальной стилистической окраски. Ср. у Пушкина:

Рано утром *поехал* к Муромскому, *дабы* откровенно с ним *объясниться* (Барышня-кр.); Туда уже *отправился* Кирилла Петрович, *дабы встретить* там молодых (Дубр., XVIII).

Конструкции с предлогами С ЦЕЛЬЮ и В ВИДАХ

§ 27. Во второй половине XIX в. система средств выражения целевых отношений обогащается в результате активизации специализированных целевых предлогов *с целью* и *в видах*.

Предлог *с целью*, изредка встречающийся в первой половине века, закрепляется в литературном языке приблизительно с 60-х годов. Он функционирует только в сочетании с глаголом (или с отглагольными существительными), присоединяет к глаголу только отглагольные существительные или существительные — названия процессов; это объясняется лексическим значением этого предлога. Совершенно исключаются в конструкциях с предлогом *с целью* конкретные и одушевленные существительные. Конструкции с предлогом *с целью* сосредоточенные в основном в деловой речи.

Объехала экспедиция... большую часть России *с целью* исторических *исследований* (Никитенко, Дневн., 27 марта 1827); *согласовать движения* обоих глаз *с целью ясного видения* (Сеченов, Физиол. оч., II, Органы чувств); *с целью предупреждения* злоупотреблений... *будет установлено* правило (Стрекоза, 1876, № 24); *С целью осуществления* назревших истин общественные деятели нашего времени *должны стать в ряды* уже существующих общественных сил (Каблиц, Осн. народничества, I, Введ.); *нападать* на других *с целью грабежа* (Там же, I).

В построениях с отглагольными существительными предлоги *для* и *с целью* взаимозаменяемы.

Сильным «конкурентом» глагольно-именных сочетаний с предлогом *с целью* оказались глагольно-инфинитивные построения с тем же сочетанием, выполняющим здесь союзную функцию. В них свободнее используются инфинитивы с разным значением. Сфера их употребления та же, что и у аналогичных конструкций с зави-

[28] См.: К. А. Тимофеев. Указ. соч., стр. 761.

симым именем; однако они довольно свободно употребляются в повествовательной речи.

Он *приезжал* в Петербург *с целью поговорить* с министром (Никитенко, Дневн., 8 авг. 1834); В эту-то семью *постучалась* Глафира *с целью помириться* с давно не виданным братом (Леск., На ножах, 5, 18); *Составились* тайные общества *с целью добыть* конституционную форму правления (Пассек, Из дальн. лет, I, X); Появилось желание *овладеть* чужою личностью... *с целью продать* ее на рынке (Каблиц, Осн. народничества, I, I); *приехал с целью поступить* в какой-нибудь полк (Гарш., Из воспом. ряд. Иванова, 1); *Закончу* изложение... одной оговоркой *с целью предупредить* возможное недоразумение (Ключевск., Курс русск. ист., I, VIII).

§ 28. Появившиеся во второй половине XIX в. целевые конструкции с предлогом *в видах* не нашли широкого распространения, по-видимому, вследствие полного совпадения значения, условий формирования и сферы их употребления с конструкциями с предлогом *с целью*.

В видах ускорения и *упрощения* делопроизводства... *разрешить соизволил* (О денежных выдачах..., Морск. сб., 1856, июль); выкапывать пещеры и *поселяться* в них, *в видах спасения* (Костом., Русск. ист., 1, III); *можно было, в видах предупреждения* зла, *просить* о более строгом надзоре (Фет, Мои воспом., II, V); Наказание... *было совершено в видах исправления* (Судебн. заключ., 1876); *В видах облегчения* ревизии... *будут установлены* однообразные правила счетоводства (Стрекоза, 1876, № 24); *делали бы* что-нибудь *в видах противодействия* распространяющемуся злу (Каблиц, Осн. народничества, I, I).

В художественной прозе конструкции с предлогом *в видах* отмечаются редко. Они встречаются во фрагментах, сближающихся с деловой речью, или употребляются с определенным стилистическим заданием.

Коллеру, как старому служивому и ефрейтору, поручили молодого рекрутика, *в видах наставления* и *обучения* его конвойному делу (Дост., Зап. из М. дома, 2, IX); Техоцкий *не приглашен* Марьей Ивановной... *в видах сохранения* добрых нравов (С.-Щ., Губ. оч., Приятн. семейство); *В видах предупреждения* на будущее время несчастий, строго *запретил* жителям деревни Грачевки купаться в реке (Салов, Грачевск. крокодил, I).

Изменения в конструкциях с осложненными значениями

Среди глагольно-именных сочетаний в начале XIX в. наблюдаются построения, в которых целевые отношения соединяются с причинными и объектными.

Причинно-целевые конструкции

§ 29. В конце XVIII — начале XIX в. причинно-целевое значение выражалось конструкциями с родит. пад. и предлогами *для* (*для сего смотра стояли дня три*), *ради* (*приехал ради тебя*), *из* (*служу из чинов*).

Причинно-целевые конструкции с предлогом *для* занимают очень небольшое место в группе других конструкций с этим значением. В них сохраняется старое, нерасчлененное значение предлога *для*. Причинно-целевые отношения в этих сочетаниях создавались лексическим значением компонентов или определялись контекстом.

Все науки *истощаются для* новых *средств* защиты или истребления людей (В. Е., 1802, № 3); встретил генерала Петра Семеновича Муравьева, *приехавшего* из деревни *для скачек* (Жих., Зап. совр., I, 22 апр. 1806); *остались* в саду *для фейерверка* (Н. Тург., Дневн., 4/15 авг. 1808); *Для венца* Сегодня ночью у крыльца Я *ждать* вас буду (Борат., Цыганка, VI); Страсть художника не начинается усыплением души и не кончится семейственным бесчувствием, чем так *дорожат* люди *для* мелких *уступок счастия* (Н. Полевой, Живописец, I); В целой губернии едва несколько человек *выписывают* газеты, и то единственно *для* тяжебных *объявлений* и *для запаса* к нелепым толкам в политике (Булг., Ив. Выж., VII); всякий день начала *ездить для уроков* к принцессе Ольденбургской (Плетнев, п. Я. Гроту, 4 окт. 1840).

Мало распространенные и в конце XVIII — начале XIX в. причинно-целевые конструкции с предлогом *для* к середине века явно идут на убыль, а к 60-м годам совсем выходят из употребления.

Причинно-целевое значение имели конструкции с существительными *выгода, польза, благо, слава, почести* и т. п. Функционирование этих слов в качестве указателя стимула действия определяется их лексическим значением. Сочетания с этими словами в первой половине века занимают большое место в группе причинно-целевых сочетаний с предлогом *для*. Они сохраняются в языке на протяжении всего XIX в.

Уступая часть власти своей *для государственного блага...* (В. Е., 1802, № 4); Греки *жили* для услаждения чувств, *для славы* (Тр. Вольн. об-ва соревноват. просвещ., 1818); *трудясь для общей пользы* (М. Качеповск., Рассужд. о похвальн. словах Ломоносова, Тр. Об-ва люб. росс. слов., 1812, кн. 5, ч. 3); Цицерон уговорил меня *познакомиться* с ним *для общей пользы* (Я. Грот, п. А. О. Ишимовой, 4 ноября 1840); *мог* бы *сделать* то же *для блага милого... существа* (Лажечн., Басурман. 2, 1); *погубить* ее *для своей выгоды* (Черн., Что делать? 3, II); Я *для твоей же пользы* тебя *предупреждаю* (Ш.-Мих., Тина, X); Эти документы *могут послужить для пользы защиты*

(Судебн. заключ., 1879); *для моего же блага отказывается* от меня (Л. Толст., Воскрес., 3, XXV).

§ 30. Причинно-целевые конструкции с предлогом *для* соотносились с конструкциями с предлогами *ради* и *из*, а во второй половине XIX в. также и с конструкциями с предлогом *из-за*. В этом соотношении возобладали построения с предлогами *ради* и *из-за*.

Конструкции с предлогом *из* имели причинно-целевое значение тогда, когда в их состав входили отвлеченные существительные *благо, выгода, польза* и т. п. (*писать из славы*). Следовательно, такие конструкции находились во взаимодействии только с частью конструкций с предлогом *для*. Уже в начале XIX в. конструкции с предлогом *из* по употребительности занимали последнее место в группе конструкций с причинно-целевым значением; но до середины века они не имели ярко выраженной стилистической окраски. После 40-х годов они фиксируются преимущественно в контекстах, отражающих разговорную речь, тогда как конструкции с предлогом *для* (с тем же лексическим составом) не были ограничены сферой употребления.

Причинно-целевые конструкции с предлогом *для* с другими существительными во второй половине XIX в. уступают место конструкциям с предлогами *ради* и *из-за*. Конструкции с предлогом *ради* имели оттенок книжности, ср.:

Лучше уже *думать* о нем дурно, *ради истины* (Бутк., Пб. верш., 2, Первое число, IV); Реостат *вводится* в цепь первичной спирали индукционного аппарата только *ради компенсации* колебаний гальванического тока (Сеченов, Физиол., 1, I, § 21).

В то же время конструкции с предлогом *ради* были основным средством выражения причинно-целевого значения. Здесь возможны были любые существительные — названия качеств, действий, процессов (ср. ограничения со стороны имени в причинно-целевых конструкциях с предлогами *для* и *из-за*). В последние десятилетия XIX в. отчетливее проявляется тенденция к сосредоточению конструкций с предлогом *ради* в научной, публицистической и эмоционально приподнятой речи, т. е. там, где не нашли себе применения равнозначные конструкции с предлогами *для* и *из-за*; но это не исключало употребления конструкций с предлогом *ради* и в обычной повествовательной речи.

Изобрела целую подходящую историю — и все это *ради умягчения сердца* старого скряги (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XXXIII); Он *гонялся* за Александром Прохоровым... *ради рекогносцировки* во враждебном лагере (Ш.-Мих., Лес рубят — щепки летят, 2, IV, II); Для них уже не нужно спайки и дисциплины; и никто *не будет истязать* их *ради* этой *спайки* (Гарш., Из воспом. ряд. Иванова, VIII); *ради* одного мишурного диалектического *торжества* на суде, *намерен* своею речью *ввести* вас в заблуждение (Речь присяжн. повер. Хартулари, 1878); Чудеса, искусно *практикуемые*, *ради* большого *привле-*

чения легковерных крестьян (Осколки, 1881, № 18); *ради последовательности* придется... совершенно *отрицать* психическую сторону явлений (Вундт, Осн. психологии, IV, 24); рисунок, который Дарвин, как сам выражается, *приводит* только *ради простоты изложения* (Тимиряз., Опровергнут ли дарвинизм? I, Русск. мысль, 1887, № 5); Правящие классы *заставляют работать* рабов не по силам *не ради улучшения* материального существования этих тружеников (Каблиц, Осн. народничества, I, I).

В разговорную речь проникли некоторые соединения существительных с предлогом *ради*, ставшие устойчивыми: *шутки ради, скуки ради, ради потехи, ради интереса, любопытства ради* и т. п.

С конструкциями с предлогом *ради* соотносились конструкции с винит. пад. и предлогом *за*, образуемые следующими глаголами и устойчивыми глагольно-именными сочетаниями: *умереть, страдать, жертвовать, отдать жизнь, проливать кровь* (за кого — что), например: Кровь наших *проливается за спасение* отечества (Растопчин, От главнокомандующ. в М., VIII). В этих конструкциях на протяжении XIX в. не произошло изменений.

По сфере употребления причинно-целевые конструкции с предлогом *для* были близки конструкциям с предлогом *из-за*. Конструкции с предлогом *из-за*, закрепившиеся в языке к середине XIX в. как причинные, распространились в разных сферах речи. Но в причинно-целевом значении они фиксируются главным образом в речи разговорной и повествовательной, например: Я и за Акулькой-то больше *из-за пляски погнался* (Эрт., Гард., 1, IV).

Во второй половине XIX в. широко распространились причинные конструкции с предлогом *из-за* с существительным — названием лица. При известных контекстуальных условиях в подобных построениях на причинное значение могло наслаиваться целевое. Только исходя из всего содержания высказывания, а чаще из более широкого контекста, можно определить, обозначает ли существительное только причину, вызвавшую данное действие, или одновременно называет цель действия. Причинно-целевые конструкции с предлогом *из-за* вступают во взаимодействие с аналогичными конструкциями с предлогом *ради* (*остался ради тебя, остался из-за тебя*).

— Я,— говорит: — Евстигнеюшка, *из-за тебя*, смотри, какой *грех на душу приняла*! (С.-Щ., Губ. оч., Порфирий Петрович); Ты думаешь, тетеря, я *из-за тебя хлопочу?* (Чех., Последн. могиканша); постараюсь удалить эту язву Вахнова, которого мы *держим из-за раненого отца* (Гарин-Мих., Детство Темы, VI).

В силу специфики своего значения, причинно-целевые конструкции не могли соотноситься с «чисто» целевыми глагольно-инфинитивными конструкциями с примыкающим инфинитивом и с союзом *чтобы*.

§ 31. Объектно-целевое значение создавалось в глагольно-именных сочетаниях при том условии, если существительное в них обозначало конкретный предмет, на овладение которым направлено действие. Для выражения этого значения в конце XVIII — начале XIX в. использовались конструкции с родит. пад. с предлогами *из* (*бьется из хлеба*), *для* (*писал для денег*), *ради* (*женился ради имения*); с винит. пад. и предлогом *по* (*пошли по воду*); с творит. пад. и предлогом *за* (*ушли за ягодами*). Последние две конструкции не были соотносительны с тремя первыми.

Конструкция с предлогом *из* уже с начала XIX в. отмечена как вытесняемая, но до середины века ее можно встретить в речи разговорной и повествовательной. Позднее ее употребление ограничивается сферой просторечия.

Такие книги *пишутся* только *из денег* (Вяземск., Ст. зап. кн., 2) *грабят* эстафету *из одних сапогов* (Моск. телеграф, 1825, № 19); *не захочешь рисковать* 1000 р. *из дюжины помады* (Киреевск., п. Н. Языкову, 21 ноября 1833); *бьются из хлеба* (Н. Полевой, Живописец, II); *из лакомого блюда* или *бутылки вина ... толпятся* в дом ко всякому пролазе (Булг., Ив. Выж., XIV).

Затухает также в XIX в. употребление аналогичных конструкций с предлогом *для*.

Покойник, автор сухощавый, *Писал для денег* (Пушк., Покойник, автор сухощавый ...); Никто не был в праве сказать, будто бы я *женился для имения* (Б-ка для чт., 1834, т. VII, ч. 1); не совсем чист от общего греха — *писать для денег* (Шевырев, Парижские эскизы, Москвит., 1841, ч. 1, № 2).

Сочетания с предлогом *ради* остаются в литературной речи, но, в отличие от сочетаний с *из*, имеют характер «книжности».

Ради злата ... Внемли наш влюбленный плач (Пушк., ⟨О, Массон⟩); *Приготовляясь, денег ради*, На вздохи, скуку и обман (Пушк., Е. О., 1, LII); ...к которому он часто *хаживал ради* усладительной *варенухи* (Бутк., Пб. верш., 2, Хорошее место, II); *женившийся* на ней *ради денег* (Ш.-Мих., Тина, X); *расточают* [перлы красноречия] *ради презренного металла* (Осколки, 1881, № 16, Очерки иностр. жизни); *живут* хуже животных — только *ради куска хлеба* (Чех., Дом с мез., III).

Во второй половине XIX в. с описываемыми конструкциями с предлогами *из, для, ради* сближаются функционально и по сфере употребления некоторые конструкции с предлогом *из-за*, в которых, благодаря семантике предложения или более широкому контексту, создавалось объектно-целевое значение. Эти конструкции становятся основными для выражения данного значения.

[Любим Карпыч] *Паясничать* на морозе-то *из-за куска хлеба* (Остр., Беди. не порок, III, 15); ведь не впервой *кувыр-*

каться из-за куска хлеба (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XXV); *из-за двугривенного надрывают грудь* в работе (Эрт., Гард., 2, VIII); *сидишь* у меня *из-за вина* и *сигар* (Гарш., Встреча); Из-за этакой погани, *из-за курицы*, ты меня *под беду подвела!* (Гусев-Оренб., Кахетинка, III).

Особое место в ряду объектно-целевых конструкций занимали сочетания с винит. пад. и предлогом *по* и с творит. пад. и предлогом *за*. В них употреблялись только глаголы направленного движения (*идти, ехать, лететь* и т. п.), а также глагол *послать* и синонимичные ему. Такие конструкции имели значение: «движение, направленное к предмету с целью овладения этим предметом» или «движение, направленное к лицу с целью позвать, пригласить его куда-либо» (*идти по грибы — идти за грибами, послать по воду — послать за водой; поехать по лекаря — поехать за лекарем, послать по старосту — послать за старостой*). Основной формой для выражения данного значения с начала XIX в. была форма с творит. пад. и предлогом *за* [29]. В этих сочетаниях в течение XIX в. не произошло существенных изменений.

Конструкции с предлогом *по* уже с первых десятилетий XIX в. отмечаются только в разговорной речи [30]. К середине века они оказываются за пределами литературного языка, за исключением некоторых отдельных сочетаний, сохранившихся в разговорной речи (*пойти по ягоды, по грибы*) [31].

Таким образом, в конце XIX в. как активные функционируют целевые конструкции с предлогами *для, с целью, в видах*; они соотносятся с равнозначными глагольно-инфинитивными конструкциями. Не «чисто» целевыми конструкциями являются конструкции с родит. пад. и предлогом *ради*, с творит. пад. и предлогом *за* и с предложно-падежными соединениями *в знак* и *во имя*.

Сопоставление форм, используемых для построения целевых сочетаний в начале XIX в. и в конце его, показывает, что в этой группе сочетаний в течение столетия произошли значительные изменения. Тенденция к вытеснению неспециализированных форм специализированными в системе целевых конструкций прояви-

---

[29] В Словаре АР о предлоге *по* с винит. пад. сказано, что он употребляется «вместо предлога *за: послать по лекаря, по священника*». Из этого можно заключить, что конструкция с творит. пад. и предлогом *за* была основной.

[30] В Словаре 1847 г. (статья «По») конструкция *идти по дрова, по ягоды* сопровождается пометой «простонародн.»; в Словаре Даля (т. I), напротив, такая конструкция квалифицируется как более правильная: «*идти за водою, за грибами*, правильнее (?) — *по воду, по грибы*».

[31] Объектно-целевые конструкции с предлогом *по* широко употребляются в диалектах (см.: И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. О различительных явлениях русских говоров в области предложных словосочетаний [печатается в «Изв. АН СССР, ОЛЯ»)]). Интересно отметить, что в говорах в том же значении отмечена конструкция с предлогом *для: поехал для дров*.

лась особенно сильно. Потеряли продуктивность конструкции с винит. пад. и предлогом *в* и с дат. пад. и предлогом *к*; из сочетаний с винит. пад. и предлогом *на* остается в литературном языке только одна группа сочетаний, ограниченная узкими лексическими рамками. Предложно-именные соединения, входившие ранее в состав конструкций с винит. пад. и предлогами *в* и *на*, адвербиализуются; предложно-именная часть некоторых конструкций с дат. пад. и предлогом *по* переходит в разряд вводных слов.

В первой половине XIX в. возрастала употребительность конструкций с предлогом *для*, специализировавшимся в передаче целевых отношений. Однако ко второй половине века, в связи с закреплением в литературном языке новых целевых предлогов *с целью* и *в видах* [32], употребительность конструкций с предлогом *для* несколько сокращается, главным образом в стилях деловых. В речи разговорной, повествовательной «конкурентом» этих конструкций являются глагольно-инфинитивные построения.

РАЗВИТИЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 32. Глагольно-именные сочетания, выражающие пространственные отношения, в своем развитии подчинялись общей, характерной для всех славянских языков [33] тенденции в развитии глагольно-именных сочетаний — тенденции к вытеснению беспредложных конструкций предложными. В то же время предложные сочетания с пространственным значением находились в активных и постоянных соотношениях с беспредложными [34].

---

[32] См.: «Очерки по исторической грамматике русск. лит. языка XIX в. Глагол. Наречие. Предлоги. Союзы». М., 1964.

[33] См.: В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках, стр. 249; С. Б. Бернштейн. Методы и задачи изучения истории значений и функций падежей в славянских языках.— В кн.: «Творительный падеж в славянских языках». М., 1958; А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках.

[34] См.: П. А. Лавровский. О языке северных русских летописей. СПб., 1852; А. Никольский. О языке Ипатской летописи — РФВ, 1899, т. XLII, № 3—4; Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи.— ИОРЯС, 1919, т. XXIV, кн. 2, стр. 156—164; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русск. лит. языку, стр. 263; С. П. Обнорский. Очерки по истории русск. лит. языка старшего периода. М.—Л., 1946; Е. Ф. Карский. Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи.— В кн.: «Труды по белорусскому и другим славянским языкам». М., 1962; А. Д. Григорьева. Предложность и беспредложность в древнерусском языке. «Докл. и сообщ. Ин-та русск. языка АН СССР», вып. 1. М.—Л., 1948; В. Н. Топоров. Указ. соч.; Г. Тагамлицкая. Из истории предложных конструкций в русском и болгарском языках. София, 1957 [«Годишник на висшия институт за театрално изкуство», т. I, 6, 1956], стр. 230; Т. П. Ломтев. Очерки по исто-

www.ruslang.ru

В отличие от беспредложных пространственных конструкций с родительным *(отступи Кыева)*, винительным *(людие же бежаша внешнии граде)*, дательном (*идох Переяславлю*) и локативом *(седе Кыеве)*, сравнительно рано вытесненных предложными конструкциями, беспредложные сочетания с творит. пад. сохранились до настоящего времени, но не со всеми значениями. В древнерусском языке в них было два основных значения [35]: «движение и неограниченное пространство, этим движением преодолеваемое» *(дорогами побегоша)* и более узкое значение: «действие и ограниченное пространство, через которое оно осуществляется» *(входят одинеми вороты)*. Первые уже в памятниках старшей поры были синонимичны с предложными конструкциями с дат. пад. и предлогом *по (поеха по чистому полю)*; вторые — с конструкциями с винит. пад. и предлогами *в, чрез, сквозь* (*полезе в двери, изрони чресь злато ожерелие, доити до търгу сквозъ город*). Конструкции с творит. пад., соотносительные с предложными конструкциями с винит. пад., к началу XIX в. сохраняются, только если в их состав входят глаголы сов. вида, обозначающие направленное движение, преимущественно с приставками *про, по, при;* пространственное значение в таких конструкциях ослаблено значением образа, способа действия (*прошли сенями, повел огородом*). Конструкции первой группы остались в употреблении, но были ограничены глаголами направленного движения несов. вида и существительными — названиями протяженного пространства (*шел лесом*); в их значении также есть оттенок образа, способа действия. Таким образом, из всех беспредложных конструкций к концу XVIII в. в системе пространственных сочетаний функционируют только конструкции с творительным.

Вторая черта, характеризующая процесс развития глагольно-именных сочетаний и особенно ярко проявляющаяся в развитии пространственных конструкций,— это тенденция к преодолению нерасчлененности функций падежей [36]. Особенно долго сохраняется нерасчлененность функций предлогов: еще в начале XVIII в. отмечается использование предлогов *в* и *на, с, от* и *из* в одних и тех же позициях (*вышли в вал* и *на вал*; *приехал с Москвы* и *из Москвы; выехал из острова* и *с острова*) [37].

рическому синтаксису русского языка, стр. 232—240; Н. И. Букатевич. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русск. лит. языке, ч. I. Одесса, 1957, стр. 26.

[35] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 437; Е. А. Седельников. Беспредложные конструкции с творит. пад. в древнерусском языке.— В кн.: Вопросы изучения русск. языка. Алма-Ата, 1955, стр. 115—119; А. М. Булыгина. Творительный места беспредложный.— В кн.: «Творительный падеж в славянских языках». М., 1958, стр. 246.

[36] О недифференцированном употреблении винит. пад. и локатива см.: А. В. Попов. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, стр. 91.

[37] См.: О. И. Иванова. Глагольные предложные конструкции в деловой речи начала XVIII в. Автореф. канд. дисс.

Колебания отмечаются и в употреблении разных предложных конструкций (*ездить до порубежных городов — к порубежным городам — в порубежные города*; *ехали между островов — между островами*) [38].

Словосочетания, выражающие пространственные отношения, в конце XVIII — начале XIX в.

§ 33. К концу XVIII — началу XIX в. в результате охарактеризованных выше тенденций сложилась система пространственных сочетаний, очень незначительно отличающаяся от современной.

Беспредложные конструкции занимали в этой системе обособленное и очень незначительное место: это были лексически ограниченные сочетания с творит. падежом, удерживавшиеся рядом с конструкциями с дат. пад. с предлогом *по* в силу своего специфического оттенка значения образа, способа действия (ср. *шел берегом — шел по берегу*). Следует, однако, отметить, что в XVIII — первых десятилетиях XIX в. в составе таких конструкций чаще, чем в последующий период, встречаются собственные названия государств, городов, рек и т. п., например: *ехали Свирью* (Мордв., Зап.); *едем* мы *Лифляндиею* (Н. Тург., Дневн., 24 июня 1808) [39].

Как основная форма для передачи значения: «направленное движение и пространство, по которому оно происходит», уже к концу XVIII в. закрепилась форма с дат. пад. и предлогом *по*: *шедши по* самой лучшей *улице* в Лионе (Фонв., п. сестре 20 ноября/19 дек. 1777); Оба *идут* тихо *по* широкому и чистому *двору* (Изм., Рыжий конь, II).

Конструкции с творит. пад., строящиеся с глаголами ненаправленного движения (*прогуливаться опушкой, носиться* в пустоте *пространством* бесконечным) уже к этому времени устарели: для выражения собственно пространственного значения предпочиталась дублетная форма с дат. пад. (*прогуливался по опушке*).

Таким образом, беспредложные словосочетания к началу XIX в. в сущности переставали служить для выражения пространственных отношений.

К началу XIX в. литературный язык обладал богатой и разнообразной системой предложных пространственных сочетаний. Для построения таких сочетаний использовались первообразные и производные предлоги: *до, из, от, у, с* (с родит. пад.); *к* и *по* (с дат. пад.); *через* (с винит. пад.); *над* (с творит. пад.); *при* (с предл.

[38] О синонимических отношениях между предложными конструкциями в древнерусском языке см.: О. С. Мельничук. Історичний розвиток функцій і складу прийменників в українській мові. «Слов'янське мовознавство», III. Київ, 1961.

[39] О конструкциях типа *входить воротами, сквозь ворота, доставлять морем* см. § 32.

пад.); *в* и *на* (с винит. и предл. пад.); *за, под, пред* (с винит. и творит. пад.); *из-за, из-под* (с родит. пад.); *меж, между* (с родит. и творит. пад.); *сквозь* (с родит. и винит. пад.); *близ, вблизи, вдоль, вне, внутри, внутрь, возле, вокруг, впереди, кругом, мимо, напротив, около, окрест, поверх, подле, позади, посреди, против, сбоку, сверху, сзади, среди* (с родит. пад.); *навстречу* (с родит. и дат. пад.); *навстречу к* (с дат. пад.).

Колебания в употреблении пространственных словосочетаний в языке XIX в.

§ 34. По сравнению с другими типами сочетаний, пространственные сочетания на протяжении XIX в. претерпели мало изменений. Эти изменения происходили в основном в группе конструкций с первообразными предлогами. В сочетаниях с наречными предлогами в течение XIX в. наблюдаются только стилистические передвижения некоторых конструкций [40].

В конце XVIII — начале XIX в. обнаруживаются колебания между сочетаниями с первообразными предлогами: *поехать в Камчатку — поехать на Камчатку; поставить в театре — поставить на театре; выписать с театров — выписать из театров; пойдем по нём — пойдем по нему; потопил при береге — потопил у берега; пробирался между камней — пробирался между камнями; идти навстречу его — идти навстречу к нему — идти навстречу ему.*

В зависимости от факторов, влиявших на изменение соотношений этих конструкций, среди них выделяются три группы, различающиеся как по степени употребительности, так и по лексическому составу.

К первой группе относятся такие сочетания, колебания в употреблении которых обусловлены общим и очень давним процессом дифференциации функций падежей и предлогов; здесь лексические факторы не играют роли. Вторую группу составляют конструкции, на судьбу которых большое влияние оказали именно лексические факторы: изменения в значениях слов, в их употреблении, семантическая аналогия. Характерно, что такие колебания фиксируются в узком круге сочетаний — таких, в состав которых входят существительные, сочетающие в своем значении понятие о вместилище с понятием о поверхности или понятие о месте с понятием о процессе деятельности. В истории таких сочетаний большую роль играла традиция, а также стилистический фактор. В третью группу входят конструкции, колебания в употреблении которых связаны с процессом формирования новых предлогов.

---

[40] Так, например, в повествовательной и разговорной речи к концу века снижается частота употребления конструкций с предлогами *близ, подле, возле*, а употребительность равнозначных с ними конструкций с предлогом *около* возрастает.

Колебания, обусловленные факторами грамматического порядка

§ 35. В группу сочетаний, колебания в употреблении которых обусловлены процессом дифференциации функций предлогов и падежей, входят конструкции с предл. пад. и предлогом *по*, дублетные с конструкциями с дат. пад. с тем же предлогом: *идти по нём — идти по нему*; конструкции с предл. пад. и предлогом *при*, дублетные с конструкциями с родит. пад. и предлогом *у* и некоторыми другими конструкциями с производными предлогами *(около, близ* и др.*)*: *рос при подошве горы — рос у подошвы горы;* конструкции с родит. пад. с предлогом *между*, дублетные с конструкциями с творит. пад. с тем же предлогом: *скользил между деревьев — скользил между деревьями.*

1. Конструкции с предлогом *по* с предл. и с дат. пад. к концу XVIII в. сохраняли соотносительность только при наличии в них значения «движение и поверхность, по которой совершается движение». Из конструкций с предл. пад. с этим значением употреблялись только те, в которых вторым компонентом было местоимение [41].

Я видел путь, я *плыл по нем* (Жуковск., Из «Дон-Кишота»); *По вас* лишь малые суда С боязнью *плавают* (Орлов, Волга, Моск. телеграф, 1826, № 8); Все равно, Аравийские или Европейские степи: только я ни за что *не поеду по них* (Б-ка для чт., 1834, т. VII, ч. 1); *По нем* едва *шевелились* волны (Гонч., Фр. «Пал.», Атлантическ. океан); Он долго *водил по нас* своими кроткими тусклыми глазами (Чех., Святою ночью).

2. Сочетания с предлогом *при* уже в начале XIX в. встречаются не часто; значение «действие и пространство или место, в непосредственной близости к которому оно осуществляется», закрепилось за конструкциями с родит. пад. с предлогом *у* и синонимичными им сочетаниями с *около, вблизи* и др.

Блокировал при голландских *берегах* флот французский (Марл., Лейт. Белозор, I); *пролита* кровь *при дверях* дочерниной комнаты (Лажечн., Басурман, 2, 6); *случилось при могиле* ... отца их (В. Одоевск., Русск. ночи, 8).

3. В отличие от утрачивающихся конструкций с предл. пад. с предлогами *по* и *при*, на протяжении всего XIX в. употребляются как равнозначные две конструкции с предлогом *между* (*меж*): двучленные и трехчленные сочетания с родит. и творит. пад. ед. и мн. числа [42].

---

[41] В середине XVIII в. здесь еще возможно было существительное. См. у Сумарокова: *по сухом пути* (Кошка).

[42] Конструкции с винит. пад. *(запусти пальцы меж пальцы)*, отмечаемые Далем (т. II, стр. 314), в XIX в. находились за пределами литературной нормы.

Двучленные и трехчленные конструкции различались по значениям. Двучленные конструкции с существительным во мн. ч. (или в ед. ч. с собирательным значением) означали действие, совершающееся среди каких-либо однородных предметов: *ехали между островов, пробирался между льдами, шел между народа, сокрыт между толпою*; трехчленные конструкции с существительным в ед. или во мн. ч.— «действие, совершающееся в промежутке, на пространстве между двумя предметами или двумя группами однородных предметов»: *между Волги и Яика находятся*; *находились между Тавридою и Днепровским устьем.*

В начале XIX в. конструкции с родит. пад. были широко распространены, хотя и менее, чем конструкции с творит пад. Они не различались ни по своему значению [43], ни по возможностям лексического наполнения, ни стилистически.

Конструкции с родит. пад.:

Между гор бывают обыкновенно деревни (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, Венгрия); *журчит между* зеленых *берегов* (Пантеон иностр. словесн., I, Армидин сад); *пробирался между камней* (Жуковск., Из писем к вел. кн. А. Ф., I); Там старца дряхлого *между дерев встречаю* (Саларев, Прест. Барневельта, Тр. Об-ва люб. росс. слов., 1812, кн. 6, ч. 3); увидели Наполеона, *скачущего ... между двух рядов* старой гвардии (Д. Дав., Мат-лы для воен. ист., Тильзит в 1807 г., II); Изящные науки ... *входят во вкус между латышей* (Сев. вестн. 1805, ч. 5).

Конструкции с творит. пад.:

Долины *между горами находящиеся* (Озерецковск., Описание Колы); [река], *текущая между отлогими берегами* (Тр. Об-ва люб. росс. слов., 1812, кн. 5, ч. 3); *Между* высокими густыми *деревами ... стоит* лик Жан Жака Руссо (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, VIII); *Между маршалами скакал* сам Наполеон (Д. Дав., Мат-лы для воен. ист., Тильзит в 1807 г., II); Дух мира и дружбы ... *распространился между индейцами* (В. Е., 1802, № 4).

О колебании в употреблении этих конструкций есть интересное замечание Карамзина: «Давно уж русские говорят: *между полями* и *между полей*, соображаясь иногда с приятностью слуха» [44]. Это замечание подтверждает мысль о том, что выбор этих

---

[43] Утверждение Востокова, что «наречия *между, промежду,* управляя родит. пад., показывают путь, управляя творит. пад., показывают место действия» («Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная». СПб., 1831, § 134, стр. 274), не подтверждается материалами. Ср. равнозначное употребление двух форм в одном контексте: *Между лентяем и брюзгой, Между тщеславья и пороком Нашел* кто разве ненароком Путь добродетели прямой (Держ., Фелица). Аналогичные случаи приводятся ниже.

[44] Н. М. Карамзин. Великий муж русской грамматики.— В кн.: Н. М. Карамзин. Сочинения, т. III. СПб., 1848.

форм мог определяться внешними факторами. Так, Жуковский почти в одной строфе, руководствуясь, по-видимому, требованиями ритма и рифмы, по-разному строит сочетания с *между (меж)*:

И тихий под стопами Был слышен шум, и долго, стон *Пуская, меж стенами, Между обломками* столбов. Как бледный дым, мелькала Бредуша тень ... вдруг *меж кустов* Вдали она *пропала* (Вадим).

В «Сельском кладбище» то же существительное *кусты* с предлогом *меж* стоит в творит. пад.: *скитаясь меж кустами.*

С аналогичным «подчинением» формы сочетания рифме встречаемся у Языкова:

Там, где в блеске горделивом, *Меж* зеленых *берегов* Волга *вторит* их отзывом Песни радостных пловцов (Чужбина); Величавая река *между* цветущими *брегами Играет* ясными струями (Ала).

Ранее других из группы конструкций с родит. пад. выбывают конструкции, в состав которых входили два разных существительных ед. ч. и конструкции с существительными собирательных значений (собственно собирательные и близкие к ним).

Уже в начале XIX в. случаи употребления родит. пад. в конструкциях с двумя существительными в ед. ч. редки и встречаются преимущественно в стихах [45].

Пролетел и *опустился Между моря* и *небес* (Пушк., Ск. о ц. Салтане); и бранную *повесил* лиру *Меж* верной *сабли и седла* (Пушк., В. Л. Пушкину); *хотел втереться между О'Браена и его дамы* (Б-ка для чт., 1834, т. V, кн. 9).

Как основные в этих случаях уже значительно ранее утвердились конструкции с творит. пад.

Другая разновидность конструкций с предлогом *между* — конструкции с родит. пад., включающие существительные собирательного значения *(И слух между народа шел...* — Крыл.) также затухает. Уже в первой половине века фиксируются лишь отдельные случаи ее употребления, например: змеи ... *увивались между толпы* (Лерм., Ученический перевод стихотворения Байрона «Darkness»).

С утвердившейся в литературном языке конструкцией с творит. пад. и предлогом *между* в свою очередь «конкурирует» форма с родит. пад. и предлогом *среди*. Употребительность конструкций с *между* снижается от десятилетия к десятилетию, суживается сфера ее бытования. Показательно, что у Пушкина в конструк-

---

[45] Интересно использование двух разных падежных форм в одном сочетании: *между мною и любимого*. Безнадежное «прости» (Марл., Осень); залог живой *Меж праха милого и мной* (Козлов, Кн. Нат. Бор. Долгорукая) (см.: Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М., 1954, стр. 360).

циях со словами *народ, толпа* отмечен только один случай употребления предлога *меж* (в стихотворном тексте): *Меж* белоглавой их *толпою* Открытый остров *вижу* там (Когда порой воспоминанье...). Во всех остальных случаях используется предлог *среди:*

Рожден Среди богатого *народа* (Цыганы); *Среди толпы затерянный певец* (Кн. А. М. Горчакову); *стоит среди толпы* друзей непросвещенья (К Жуковскому).

До середины XIX в. конструкция с предлогом *между* в указанной позиции, с явным затуханием, наблюдается в разных сферах речи, у разных писателей, к концу века — только у отдельных авторов (например, у Л. Толстого, Эртеля).

Княжне натолковали, что русский язык *может быть употребляем* только *между черным народом* (Булг., Ив. Выж., XVI); Слово «за границу» *имеет между нашей молодежью* какое-то странное значение (В. Соллог., Тарантас, XVI); *нахожусь* на другой почве, *между другим народом* (В. Боткин, Письма об Исп., Совр., 1847, т. V); Он *ввел* было гимнастику *в моду между светскою молодежью* (Тург., Отцы и дети, VII); *распространяющих* это учение... *между* всем *народом* (Л. Толст., Воскрес., 3, XIX).

Дублетные конструкции с одним существительным — названием предмета или лица в первой половине XIX в сосуществуют как равнозначные.

Конструкции с родит. пад.:

Между пустынных *скал бродящий* (Борат., Дельвигу); *ходили ... между гор* (Марл., Фр. «Н.», VI); *притаясь между кустов* (Пушк., Бонапарт и черногорцы); *между камней* разрозненных *течет* (Лерм., Стояла серая скала ...); *висит между цветов* (Лерм., Дума); *засунула* ее *между* старых *бочек* (Загоск., Росл., III, V); Дорога *тянулась между скал* (В. Одоевск., Русск. ночи, 5).

Конструкции с творит. пад.:

Провели ночь между утесами (Марл., Ам.-Бек, II); *скрылся между деревьями* (Пушк., Дубр., XV); *Между* враждебными *брегами Струился* Неман (Пушк., Сто лет минуло, как тевтон ...); *бродит ... между камнями* (В. Одоевск., Русск. ночи, 5); *перелетая между горами* (В. Боткин, Письма об Исп., Совр., 1847, т. V); *журчит между цветами* (Н. Полевой, Живописец, I).

Наблюдаются случаи использования обеих падежных форм в одном предложении, например:

Между посеянного чистыми семенами *ячменя родится* дикий овес, *между чечевицею* дикий горошек (Главн. осн. земледелия, Моск. телеграф, 1826, № 8).

Во второй половине века употребительность формы родит. пад. заметно уменьшается. Однообразнее становится круг существи-

тельных: здесь часто повторяются слова *берега, горы, холмы, леса, цветы, кусты, деревья, деревни, окна* и др.[46]

Шла между неподвижных *берегов* (С. Акс., Детск. годы Багр.-вн., Зима в Уфе); *покоится* тело его *между кустов* (Гонч., Обл., 4, X); реку, *извивающуюся между* зеленых *лугов* (Бажин, Степан Рулев, IX); *пошла между стульев* (Л. Толст., В. и м., 1, 1, III); *Между окон стоял* письменный стол (Черн., Что делать? 2, VIII); *ковыляя между кресел* (Стрекоза, 1876, № 29); *Между гор ... ходят* серые туманы (Осколки, 1881, № 1); *Между деревьев ... мелькали* пятна лунного света (Корол., п. А. С. Короленко, 1 окт. 1889); *бродил между* ... заводских *зданий* (Купр., Молох, XI).

Многие сочетания существительных в родит. пад. с предлогом *между (меж)* фразеологизировались, ослабив или совсем утратив при этом пространственное значение: *пропускать между ушей, читать между строк, уходить между рук, путаться между ног, очутиться между двух огней, между четырех стен, упомянуть между слов.*

Конструкции с личными существительными выходят из широкого употребления раньше, чем конструкции с существительными — названиями предметов[47]. Показательно, что первые чаще наблюдаются в стихотворной речи, в романтической прозе:

Глупых можно тьму *сыскать Между дам и между нами* ... Даже, даже *меж царями* (Пушк., С позволения сказать...); *бродишь между муз* (Пушк., Посл. цензору); *стоял между изгнанников друзей* (Лерм., Последн. сын вольности); шопот одобрения *разливался между женщин* (Марл., Ам.-Бек, I); *между красавиц ... искал* (Борат., Цыганка, III).

В других случаях фиксируются дублетные словосочетания с творит. пад.: *явился между людьми* (Пушк., Дубр., IV).

В середине и второй половине века сочетания с родит. пад. очень редки.

Быть бы ему *между вас,* женщины (Гонч., Фр. «Пал.», Сингапур); *прошел между* собравшихся на дворе *каторжных* (Дост., Зап. из М. дома, 2, VIII).

Таким образом, несмотря на то, что тенденция к преобладанию формы с творит. пад. наметилась давно, колебания в употреблении творит. и родит. пад. с предлогом *между* продолжаются в течение всего XIX в.

Хотя построения с родит. пад. уже в конце XVIII в. количественно уступали построениям с творит. пад., они сохранились в

---

[46] Родит. пад. в конструкциях с этими словами встречается и в наше время, см.: А. П. Бояров. Глагольные словосочетания с пространственным значением в совр. русск. лит. языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955.

[47] См.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, § 251, стр. 483.

литературном языке до конца XIX в. Исключение составляли конструкции с существительными — названиями лиц, во второй половине XIX в. единичные.

Колебания, обусловленные факторами лексического порядка

§ 36. К конструкциям, колебания в употреблении которых были обусловлены факторами лексического характера, относятся конструкции с винит. пад. с предлогами *в* и *на* и предл. пад. с теми же предлогами (*посылает на контору — посылает в контору*; *остановились в острове — остановились на острове*); с винит. и предл. пад. с предлогами *на* и *в* (*появился на улицу — появился на улице*; *в ученый комитет поселился — в ученом комитете поселился*); с родит. пад. с предлогами *с, из, от* (*выехал из острова — выехал с острова*; *вернулся с поездки — вернулся из поездки*; *возвратился от ужина — возвратился с ужина*).

Неустойчивость форм с указанными предлогами отмечалась современниками. Так, Фонвизин писал: «Обычай иногда позволяет *на* употреблять вместо *в* и *во*, например, вместо: *живу в Москве, в Кубани, в Луговой, идем в рынок, в поле*,— говорится: *живу на Москве, на Кубани, на Луговой, идем на рынок, на поле* и проч.» [48]. В этих строчках представляет интерес не только констатация колебаний в выборе форм, но и тот факт, что Фонвизин предпочитает некоторые конструкции, уже в начале XIX в. вытесняемые (например, *идем в рынок*). О неустойчивости сочетаний с предлогами *в* и *на* свидетельствует такое колебание у Н. И. Тургенева: в сочетании *явился в трибуне* над предлогом *в* поставлен другой — *на*, а на полях — знак вопроса [49].

Определить правила употребления предлогов *в* и *на* пытался Н. Греч: «Предлоги *в* и *на* смешиваются иногда в употреблении, когда действие обращается не именно во внутренность и не именно на поверхность предмета: *на море*, и *в море; в Миллионной*, и *на Миллионной; в кухне*, и *на кухне*. В этом случае можно положить следующие правила: когда действие обращается на предмет, состоящий из большой открытой плоскости, представляющейся как бы одною своей поверхностью, преимуществует предлог *на*: *на острову, на площади, на рынке, на дворе, на Выборгской стороне, на Песках;* в названиях улиц следует употреблению: *в Миллионной, в Морской, в Грязной, в Гороховой* и *на Невском проспекте, на Литейной, на Моховой, на Фурштатской*. В Москве преимуществует *на: на Тверской, на Дмитровке*. При названии переулков употребляется предлог *в: в Глухом переулке*. Предлог *в* означает дейст-

---

[48] Д. И. Фонвизин. Опыт российского сословника.— В кн.: Д. И. Фонвизин. Собр. соч. в двух томах, т. I. М.—Л., 1959, стр. 231.

[49] См. дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806—1811 г. (т. I), Архив бр. Тургеневых, вып. 1. СПб., 1911, стр. 106.

вительное, точное движение предмета в определенное место, во внутренность другого; *на* — движение приблизительное, не точное: *повар на кухне*; *собака на кухне*; *лошади в конюшне*; *козел на конюшне. Корабль плавает в море. На море бывает страшно»* [50].

Колебания, обусловленные лексическими факторами, ярко обнаружились в сочетаниях со словами *театр, сцена, спектакль, представление, концерт, опера, маскарад* и т. п. По частоте употребления основными здесь были сочетания со словом *театр*. Если это слово выступало в значении «помещение, где происходит спектакль», то уже в конце XVIII в. в сочетании последовательно употреблялись предлоги *в* и *из;* в значении «сцена» (прямом и переносном) существительное *театр* присоединялось к глаголу посредством предлогов *на* и *с* [51].

Ходили в театр (Фонв., п. сестре, 20 ноября 1777); *имеет в театре* свою ложу (Фонв., п. П. Панину, 18/29 сент. 1778); *иду в театр* (Карамз., П. р. п., Берлин, 2 июня 1789); *пришел в театр* (Жих., Зап., совр., II, 15 янв. 1807); *был я в* Пашковском публичном *театре* (Н. Тург., Дневн., 26 ноября 1807); *возвращаясь из театра* (Жих., Зап. совр., II, 1 февр. 1807).

Из числа последних тенор Самойлов *взят на* петербургский *театр* (Жих., Зап. совр., I, 12 февр. 1805); *решился выписать с* разных немецких *театров* несколько хороших актеров (Там же, II, 20 мая 1807); *выводили на театр* бедствия и пороки людей (Тр. Вольн. об-ва соревноват. просвещ., 1818); «Андромаха» наконец *отдана на театр* (Пушк., п. П. Катенину, 4 дек. 1825) [52]; *На театрах* Лондонских беспрестанно *являлись* французские маркизы и повара (Телеск., 1831, № 9); *дебютировать на Московском театре* (Булг., Ив. Выж., XXIV); *поступила на театр* (Некр. и Станицк., Мертв. озеро, XVIII); *игравшего* с большим успехом *на* императорском *театре* роли «злодеев» (Стасов, Автобиогр., V).

Такое соотношение удерживалось до середины XIX в. С середины века частота построений с предлогом *на* сокращается. Это было непосредственно связано с изменениями в лексической структуре слова *театр:* оно теряет второе из названных значений, целиком уступая его слову *сцена,* в конструкциях с которым, как правило, всегда употреблялся предлог *на.*

Дух века *требует* важных *перемен* и *на сцене* драматической (Пушк., Наброски предисловия к Б. Г.); Брянский... *имеет*

---

[50] Н. И. Греч. Чтения о русском языке, ч. II. СПб., 1840, стр. 206—207. См. также: Ф. И. Буслаев. Ист. грам., § 251, стр. 485.

[51] Ср.: «Теперь поспешим идти наверх, чтобы *не опоздать в театр;* сегодня будет *играна на нем* комедия» (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, IX).

[52] Эта форма сочетаний с существительным *театр* в данном значении является у Пушкина единственной.

более благородства на сцене (Пушк., Мои замеч. об русск. театре); ее лучше изучать, нежели *видеть на сцене* (Б-ка для чт., 1834, т. VII, ч. 2); *На немецкой сцене поставлена* была опера «Фенела» (Панаева, Воспом., 1); *не бывшею... на сцене* (М. П. Мусоргск, п. М. И. Федоровой и П. А. и С. П. Наумовым, 3 авг. 1879); два сезона подряд *играл на сцене* (Чех., Перв. любовник).

В свою очередь, употребление предлогов *в* и *из* в сочетаниях глаголов движения или пребывания со словами *спектакль, концерт* вызывалось семантическими ассоциациями со словом *театр* в первом значении («помещение, где происходят спектакли»).

Глубокая грязь не мешает им прытко *бегать из спектакля в спектакль* (В. Е., 1802, янв., № 1); Я *вышел из спектакля* вполне очарованный (Жих., Зап. совр., II, 1 дек. 1806); *поехали* они *во французский спектакль* (Вяземск., Ст. зап. кн., 10); *попал в концерт* (Пушк., п. П. Вяземскому 14 марта 1830); *пойду в концерт* (Я. Грот, п. П. Плетневу, 13 сент. 1840); *поехал в итальянское представление* (Б-ка для чт., 1834, т. VII, ч. 1); *был в концерте* (Никитенко, Дневн., 5 февр. 1828); узнала, *приехав на спектакль* (Панаева, Воспом., 3); *бываете в концертах* (Боборык., Китай-город, 4, XIV); *увидимся в маскараде* (Стрекоза, 1876, № 23).

Ср.: не пропускал случая *быть* где-либо *на концерте* (М. Глинка, Зап., 4); *играется на* публичных вечерах и *концертах* (В. Боткин, п. А. Фету, 26 февр. 1866, Фет, Мои воспом., II, II); *На* этот *концерт съехалась* вся Москва (Боборык., Китай-город, 4, XVIII); *идет* на любительский *спектакль* (Брюсов, Дневн., 24 авг. 1892).

§ 37. Итак, в колебании конструкций с предлогами *в, на, с, из, от* большую роль играла семантическая аналогия, благодаря которой то или иное сочетание «втягивалось» в ту или иную группу сочетаний и подчинялось ей по форме.

Возможность употребления двух форм для отдельных конструкций иногда сохранялось долго, хотя преобладающая форма в XIX в. уже определилась. Вот некоторые примеры таких колеблющихся конструкций.

Конструкции с винит. пад. с предлогами *в* и *на:*

В рынок он *пошел* (Крыл., Трумф. I, 7); *поедет* хоть *в Камчатку* (Н. Тург., п. А. Тургеневу., 13/25 янв. 1810); *влечет в родину* своего счастья (Марл., Лейт. Белозор, V); *ворваться в площадь* (Гоголь, Борис Годунов. Поэма Пушкина); *в каторгу пошел* (Дост., Прест. и наказ., 5, IV).

Ходил на рынок (Н. Тург., Дневн., 8 июля 1808); *возвращается на родину* уже в старости (Пушк., Путеш. из М. в Пб., Рекрутство); *возвратились на степи* своего востока (Пушк., О ничт. лит-ры русск.); *Привезет* он мне *на дом* невесту (Пушк., Будрыс и его сыновья).

Конструкции с предл. пад. и предлогами *в* и *на:*

Нарта — род саней, *в Камчатке употребляемых* (Сл. АР, III, «Нарта»); *Есть в свете* добро, есть и зло (Н. Тург., Дневн., 25 июня 1808); Тело Татищева *предано земле в погосте* (Пушк., О Татищеве); *в чужбине* дни *скончаю* (Борат., Песня); после *были в китайском базаре* (Вяземск., Ст. зап. кн., 11); Капитан Захаров *в достопамятном сражении* при Бородине *начальствовал* батареею (С. О., 1812, № 4); что *случилось в нашей земле* (Ключевск., Курс русск. ист., I, V).

Как *скучно жить на сем свете* (Н. Тург., Дневн., 28 марта 1807); *грабивших* суда купеческие *на Финском заливе* (Карамз., И. Г. Р., IV, V); *был на сражении* при Гохмете (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 1); городок *построен на* прекрасной *долине* (В. Е., 1802, № 2); часть конницы и артиллерии, находившихся на нашем правом фланге и *на центре*... (Д. Дав., Мат-лы для воен. ист., Воспом. о сражении при Прейсиш-Эйлау, III); *столкнулся на поезде* железной дороги с Норовым (Никитенко, Дневн., 31 мая 1856).

Ср. конструкции с родит. пад. с предлогом *из*, соотносительные с конструкциями с предлогом *в*:

Убегают из родины своей (Ф. Глинка. Письма русск. офицера, 1, Бедствия войны); *приехать из Камчатки* (Киреевск., п. Н. Языкову, 11 апр. 1834); *не выпустили* ли опять Наполеона *из острова?* (Гоголь, М. д., 1, X); удобно *переноситься из места в место* (В. Одоевск., Русск. ночи, 3); *из каторги нельзя было* никому *убежать* (Дост., Зап. из М. дома, 2, IX).

Господствовавшей формой сочетаний со словами *улица* (и названиями улиц), *этаж* в конце XVIII — начале XIX в. были конструкции с предлогами *в* и *из: пошел в улицу, переехал из улицы, жил во втором этаже.* Такие сочетания широко использовались в разных сферах речи.

Я *живу в* единственной *улице* единственного городка на острове (В. Е., 1802, № 2); *бродил... из улицы в улицу* (Карамз., Н. р. п., Лейпциг, 15 июля 1789); *прискакавши в ту улицу* (Изм., Евгений, 5, IV); *пошел в другую улицу* (Н. Тург. Дневн., 2 июля 1808); *идут* они *в четвертый этаж* (Изм., Евгений, 2, I).

В то время уже в первые десятилетия XIX в. фиксируются конструкции с этими словами с предлогом *на:*

Подите с ним *на улицу* (В. Е., 1802, № 2); *встретясь* со мной *на Мясницкой*... (Растопч., Вести, IV).

Преобладание конструкций с *в* и *из* со словами *улица, этаж* сохраняется приблизительно до середины века. Но активно конкурировать с ними конструкции с предлогами *на* и *с* начали раньше, с 30—40-х годов. Интенсивность этого процесса и время, в которое новая форма стала преобладающей, различны по отношению к конструкциям с разными словами. Однако для всех подобных постро-

ний «переломными» были 50—60-е годы. Так, например, конструкции типа *идти в улицу, жить в улице* широко представлены в языке Пушкина, его современников, у писателей 40-х годов. Наряду с ними распространены дублетные сочетания с предлогом *на*. По направлению к концу XIX в. употребительность конструкций с предлогом *на* растет, конструкций с предлогом *в* — падает. Общей картины не меняет то, что у отдельных авторов (Гончаров, Достоевский) конструкция с предлогом *в* остается предпочитаемой. В последние десятилетия XIX в. конструкция с предлогом *в* явно затухает. Устойчиво сохраняется она лишь с отдельными названиями улиц.

Перешли в Гороховую, поворотили в Мещанскую (Гоголь, Зап. сумасш., 3 окт.); *вышел в Морскую* (Герц., Кто виноват? 1, VI); *жительство имела в Садовой* (Бутк., Пб. верш., 1, Почтен. чел., II); *живет в Сергиевской улице* (Черн., Что делать? 4, IV); *в Миллионной* каждый... *мог указать* (Ш.-Мих., Лес рубят — щепки летят, 1, I, V); *жили в Бронной* (Боборык., На ущербе, 1, XVIII). Но ср.: *потащились* с Басманной *на Никитскую* (Пушк., Гробовщ.); *жила на Миллионной* (Лерм., Кн. Л., IX); *жил на Литейной* (Бутк., Пб. верш., 1, Ленточка); *пройти на Знаменскую* (Ш.-Мих., Лес рубят — щепки летят, 1, I, IV).

Аналогичные изменения происходят с конструкциями со словом *этаж*.

Слово *служба, собрание, заседание, должность* и под. в первой половине XIX в. употреблялись преимущественно с предлогами *в* и *из*.

Пошел в военную службу (Пушк., Начало автобиогр.); *не принимают в службу* (В. Одоевск., Кн. Мими, IV); *определиться в службу* (Булг., Ив. Выж., XVII); *служивший в военной службе* (Пушк., Кирджали); *выйти из службы* (К. Масальск., Дон Кихот XIX в., Б-ка для чт., 1834, т. VII, ч. 1); прямо *из должности отправился* в квартиру (Бутк., Пб. верш. 2, Первое число, V); Он еще *из должности не приходил* (Гонч., Обл., 3, II).

Во второй половине XIX в. здесь также возобладали сочетания с предлогами *на* и *с*.

В конструкциях с существительным *служба*, присоединяемым к глаголам движения, уже и в первой половине века предпочитался предлог *на*. Так, у Пушкина в конструкциях с глаголами движения отмечается только этот предлог.

Чиновный люд... *на службу шел* (Медн. всадник, II); *спешу на службу* я (Альфонс садится на коня...).

§ 38. Сочетания с некоторыми словами сохраняли колебания в употреблении предлогов *в* и *на, из* и *с* на протяжении всего XIX в. и позднее. Таковы конструкции с существительными конкретных значений *деревня, село, квартира, кухня, коридор, подъезд* и др. Для этих сочетаний характерна наметившаяся во второй половине XIX в. и утвердившаяся позже стилистическая прикрепленность форм: сочетания с предлогами *на* и *с* к концу XIX в. проявляют

тенденцию к локализации в речи разговорной, связанной с диалектной. Это находит отражение в литературе:

На селе куры *бродили* по улице (Слепцов, Трудн. время, I); Он *пришел с деревни* (Л. Толст., Воскрес., 2, VI); Ты, душенька, *не сбегаешь* утречком *в деревню?* (Эрт., Гард., 1, XII); *Спросите на деревне,* коли не верите (Чех., Злоумышленник); Пашка... *бросился* в палату оспенных, оттуда — *на коридор* (Чех., Беглец); *не)деревне погасиут* огни (Бунин, Ант. ябл., I).

Таким образом, наблюдения над конструкциями с предлогами *в* и *на*, *с* и *из* показывают, что в XIX в. колебания в их употреблении устранялись. Однако полной унификации форм сочетаний, строящихся при помощи этих предлогов, не произошло, тем более что в индивидуальном употреблении часто сохраняются конструкции, проявившие тенденцию к архаизации, или оказывается предпочтение одной из двух конкурирующих конструкций.

Колебания, связанные с формированием новых предлогов

§ 39. К сочетаниям, колебания в употреблении которых были обусловлены незавершившимся процессом формирования предлогов, относятся построения с *навстречу, навстречу к,* на протяжении всего XIX в. с разной степенью употребительности функционировавшими в сочетаниях с дат. пад. Кроме того, как единичные отмечаются до середины века конструкции с *навстречу,* управляющим родит. пад.

Хозяин *бросился навстречу Петра* (Пушк., А. П. В., IV); вскочили на коней и *понеслись настречу поезда* (Марл., Ам.-Бек, I); Он *пошел навстречу гостей* (Н. Полевой, Живописец, IV).

Сочетания с предлогом *навстречу* к концу века оказываются возобладавшими.

В XIX в. наблюдается значительное количество таких построений, в которых образования *навстречу* и *навстречу к* выступают в функции полупредложной-полунаречной. Это относится главным образом к конструкциям с существительными — названиями лиц или личными местоимениями. Наличие в языке сочетаний с *навстречу* и *навстречу к,* обладающих разной степенью «опредложенности», поддерживается существованием наречия *навстречу.* Сам факт сосуществования дублетных форм — *навстречу* и *навстречу к* свидетельствует о том что предлог *навстречу* еще не окончательно обособился от наречия. Вот несколько примеров, иллюстрирующих дублетность конструкций с предлогами *навстречу* и *навстречу к:*

Вышли навстречу своему *государю* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, Воинск. зап., Город Кремс); *летит навстречу к Эйлалии* (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 1); *бегите... навстречу батюшке* (Марл., Лейт. Белозор, VIII); *бегу навстречу*

к мужу моему (Марл., Фр. «Н»); *вышла навстречу* своим *избавителям* (Погодин, Норманск. период русск. ист., В. кн. Святослав); *выступил навстречу к* новгородскому *князю* (Там же); *поскакал навстречу* своей *невесте* (Некр. и Станицк., Мертв. озеро, LXI); *пошла навстречу к Марку Семенычу* (Там же, LXIV); *Двигались* они *навстречу толпе* (Боборык., Обречена, IV); торопится *идти навстречу к гостю* (Ф. Солог., Мелк. бес, X).

Колебания в употреблении предлогов *навстречу* и *навстречу к* были связаны с процессом становления предлога *навстречу*.

В середине XIX в. система средств, выражающих пространственные отношения в глагольно-именных сочетаниях, обогатилась новым предложным образованием *по направлению к*, взаимодействовавшим с предлогом *к*. Эти две формы не были дублетными: сочетания с предлогом *по направлению к* обозначали, что место или объект является только ориентиром движения, а не его конечным пунктом. Такие конструкции получают распространение в конце XIX в. в описательной и деловой прозе.

Армия... *пошла по направлению к Герзель-аулу* (Пассек, Из дальн. лет, I, XXI); *бежал по направлению к селу* (Златоватск., Устои, 1, 2, I); *заворачивает* [лошадь] *по направлению к мельнице* (Салов, Мельница купца Чесалкина); дорога, *вившаяся* среди ржи *по направлению к Санинскому лесу* (Верес., Без дороги, I); *протянул* руку *по направлению к Дворцовому саду* (Боборык., Обречена, XXIII); *пошел по направлению к доменным печам* (Купр., Молох, XI); *простираясь... по направлению к западу* (Ключевск., Курс русск. ист., I, III).

Итак, в системе глагольно-именных сочетаний, выражающих пространственные отношения, в XIX в. не произошло таких изменений, которые захватывали бы какие-либо существенные звенья этой системы: в ней не наблюдается сдвигов, меняющих соотношение между различными формами, обслуживающими различные пространственные значения. Закрепление в литературном языке второй половины века нового предложного образования *по направлению к* не повлекло за собой вытеснения других форм и не вызвало каких-либо стилистических перемещений конструкций. Изменения, фиксируемые на протяжении XIX в., имеют частный характер, охватывают незначительное по отношению к общей массе пространственных сочетаний количество конструкций. Эти изменения относятся к отдельным конструкциям, входящим в группу с одним из вариантов пространственного значения; колебания отмечаются в сочетаниях лишь с некоторыми существительными. Лишь немногие изменения определяются грамматическим фактором — идущей издавна тенденцией к дифференциации функции падежей и предлогов. Изменения в других конструкциях связаны с процессами, происходящими в лексике.

ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ, ВЫРАЖАЮЩИХ ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 40. Одно из основных направлений в развитии временных глагольно-именных сочетаний заключалось в сокращении количества форм с первообразными предлогами, выражающих данные отношения, а также в уменьшении многофункциональности форм [53]. Так, из системы форм, использовавшихся для построения временных конструкций в древнерусском языке, выпадают формы с винит. пад. и предлогом *о (об нощь вьсю труждьшеся)*, с родит. пад. и предлогом *из (из млада прилежааху)*, с родит. пад. и предлогом *против (противу свету вострубиша велми трубами)*. К концу XVIII в. теряют продуктивность формы с локативом и предлогом *о (того же лета о госпожине дни поиде Витовтъ)*, с локативом и предлогом *при (при девятом часе испусти дух)*, с винит. пад. и предлогом *по (и тако по вся лета творяше)*, с дат. ед. ч. и предлогом *по (не подобаеть по свету пира тврити)*, с родит. пад. и предлогом *от (кто емлеть по 10 кун от лета на гривну)*.

Некоторые формы утрачивают те или другие функции, становятся однофункциональными. Так, например, форма с винит. пад. и предлогом *через (не бысть снега через всю зиму)* из двух выражаемых ею значений: «действие, длящееся определенный отрезок времени» и «действие и момент его совершения» — утратила первое. Выходит из употребления конструкция с винит. пад. и предлогом *на*, обозначающая действие, совершающееся в один из моментов указанного времени *(на весну почяша пьсати)*, но остается конструкция со значением «действие и его продолжительность» *(пришел на минуту)*.

Тенденция к устранению многофункциональности форм была общей для всех свободных сочетаний. Другая характерная черта развития свободных сочетаний — вытеснение беспредложных конструкций предложными — также свойственна временным конструкциям [54]. Сокращаются беспредложные конструкции с родит., винит. и творит. падежами, занимавшие в древнерусском языке значительное место *(тои же осени да ему отець волость; утро послю по вы; приде мартом месяцем)*; совсем перестали употребляться беспредложные формы с дат. и локативом *(ездити лете звери гонить)*.

---

[53] См.: П. А. Лавровский. О языке северных русских летописей; А. Д. Григорьева. К отношениям предложности и беспредложности в древнерусском языке; В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках; Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русск. языка; А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках.

[54] Об аналогичном процессе в сербско-хорватском языке см.: М. Ивич. Из проблематики падежных временских конструкција. «Јужнословенски филологи», књ. XXI, 1955—1956.

Специфической чертой собственно временных конструкций с существительными — названиями отрезков времени было распределение существительных между сочетаниями разных форм, вследствие чего именная часть таких конструкций приближается к устойчивым соединениям. Тенденция к образованию своего рода штампов в составе таких временных конструкций действовала и в XVIII в.[55], а особенно интенсивно — в первые десятилетия XIX в.[56]

В тех конструкциях, в которых время осуществления действия обозначается опосредствованно, через другое действие или процесс, эта тенденция не могла действовать: круг существительных здесь не был ограничен. Однако в отдельных случаях изменения, наблюдаемые в этой группе конструкций, были связаны с процессами, происходящими в словообразовании, в лексике. Так, например, судьба конструкций с предложн. пад. и предлогом *по* в значительной степени определялась историей отглагольных существительных.

Естественно, что все эти процессы — затухание отдельных временных конструкций, изменения в соотношениях между сочетаниями разных форм, закрепление существительных за сочетаниями определенных форм — протекали неравномерно.

§ 41. К концу XVIII — началу XIX в. в русском языке сложилась разветвленная система глагольно-именных сочетаний с временными отношениями. Характерной чертой этой системы было стилистически не дифференцированное употребление равнозначных форм. Так, например, значение «действие, совершающееся в один из моментов указанного времени» выражалось следующими формами: сочетаниями с родит. пад. *(сего утра решились не идти);* с винит. пад. *(вчерашний день пришло решение);* с творит. пад. *(достроил сими днями);* с дат. ед. ч. и предлогом *по (по утру собрались);* с винит. и предлогом *в (встретились в осень);* с винит. и предлогом *на (отправились в путь и на вечер приехали в волость);* с предложн. и предлогом *в (в вечеру отужинали);* с предложн. и предлогом *при (при рассвете переведен был);* с предложн. и предлогом *о (о рождестве была пирушка);* с предложн. и предлогом *на (на сей ошибке был ранен);* с родит. и предлогом *во время (случилось во время ночи);* с творит. и предлогом *за (спросил за обедом);* с творит. и предлогом *с (выехал с рассветом).*

Значение «действие, совершающееся до указанного времени», выражалось формами с родит. пад. и предлогом *до (увидеться до отъезда);* с родит. и предлогом *прежде (прибыли прежде полудня);* с творит. и предлогом *перед (сказал перед засыпанием);*

---

[55] См.: Н. В. Ламзикова. Синонимические словосочетания с временным значением в русск. языке XVIII в. «Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та», т. XXV, 1959, стр. 99—136.

[56] Такое распределение констатируется А. Х. Востоковым (Русск. грам., стр. 294).

с винит. и предлогом *под (под вечер пошел в театр);* с родит. и предлогом *накануне (накануне большого ужина сказал);* с дат. и предлогом *к (к ночи сделался мороз);* с родит. и предлогами *около, близ (оставил после около полуночи, возвратился близ полудня).*

Значение «действие, совершающееся после указанного времени», выражалось формами: с родит. и предлогом *после (после Робеспьерова падения пошел опять в службу);* с предложн. и предлогом *по (по десятидневном путешествии увидел море);* с дат. и предлогом *по (по коротким извинениям согласился);* с творит. и предлогом *с (озарится лучами славы с окончанием дня и боя);* с винит. и предлогом *через (через два года снова пошел);* с винит. и предлогом *спустя (откланялись спустя два часа).*

Много форм использовалось при построении сочетаний со значением: «действие, длящееся в названное время».

а) Значение «действие, длящееся в пределах названного времени», выражалось сочетаниями с винит. беспредложным (*веселости продолжались всю неделю);* с винит. и предлогом *в (вазы с цветами стояли во всю зиму);* с винит. и предлогом *за (за день ходит по сту раз);* с винит. и предлогом *через (привык через зиму);* с родит. и предлогом *в течение (в течение года продавали);* с родит. и предлогом *в продолжение (в продолжение шести лет приготовлялся);* с дат. и предлогом *по (смотрят по целому часу).*

б) Для выражения значения «действие, длящееся с определенного момента» («длящееся действие, начало которого совпадает с началом какого-либо временного отрезка или другого действия»), служили следующие формы: форма с родит. и предлогом *с (привык с малолетства);* с родит. и предлогом *из (из давнего времени поселены);* с родит. и предлогом *от (знал от младенческих лет).*

в) Сочетания, обозначавшие действие, длящееся до указанного временного отрезка или другого действия, имели формы с родит. и предлогом *до (жил до этого времени);* с винит. и предлогом *по (платил по смерть).*

В этой массе конструкций были как непродуктивные, отмирающие, в той или иной степени несвободные, так и продуктивные, развивающиеся. Судьба тех и других требует особого рассмотрения.

Непродуктивные конструкции

§ 42. Как уже было сказано, для конца XVIII — начала XIX в. не удается установить стилистическую дифференциацию временных конструкций. Однако в это время уже отчетливо определились продуктивные и непродуктивные модели. Непродуктивны были следующие модели: с родит. беспредложным *(сего утра решились не идти);* с предложн. и предлогом *при (при вечере блеснет);* с предложн. и предлогом *о (о весне был выбран);* с дат. ед. ч. и пред-

логом *по (по утру собрались);* с винит. и предлогом *в (охотились в осень);* с винит. и предлогом *на (на утро встретил);* с предложн. и предлогом *в (в вечеру отужинали);* с дат. и предлогом *по (по короткому времени объявили);* с родит. и предлогом *из (любил из детства);* с родит. и предлогом *от (знал от младенчества).*

Утрата продуктивности протекала по-разному в двух группах сочетаний с временным значением: в сочетаниях с существительными — названиями отрезков времени и в сочетаниях с существительными — названиями действий, процессов. В первой группе большая часть конструкций продолжала оставаться употребительной, но число входящих в их состав существительных было очень ограниченно. Во второй группе некоторые конструкции или совсем утрачивались, или сохранялись только в какой-нибудь определенной речевой сфере.

Особенностью конструкций с существительными — названиями временных отрезков было также то, что эти существительные, в силу своего отвлеченного значения, в большинстве случаев входили в сочетания в соединении с конкретизирующими их словами: *прошлый, будущий, следующий год; в год революции, в 1802 год, в минуту печали, в первую же минуту* и т. п.

Конструкции с существительными — названиями действий, процессов характеризуются тем, что существительные в них, обозначая время действия, указывают вместе с тем на обстоятельства, в которых совершается действие. Эти обстоятельства, в зависимости от лексических значений компонентов, могут быть условными, причинно-следственными; иногда временное значение в таких конструкциях осложняется значением пространственным *(убит в бою).*

Утрата продуктивности определялась разными причинами: адвербиализацией именной или предложно-именной части некоторых сочетаний, в которых существительные употреблялись без конкретизирующих слов *(приехал ночью, на утро, укреплялись веками);* стремлением к освобождению от дублетных форм *(случилось прошлого года, прошлый год, прошлым годом; любил из детства, от детства, с детства);* тенденцией к закреплению за одной формой одного определенного значения; наконец, тенденцией к закреплению существительных определенной лексической группы за сочетанием определенной формы.

Адвербиализация именной или предложно-именной части словосочетания

§ 43. Из временных сочетаний, внутри которых происходит процесс адвербиализации именной части, в конце XVIII — начале XIX в. выделяется группа конструкций, объединенных значением «действие, совершающееся в один из моментов названного времени», следующих типов: *при вечере блеснет, занимаются в осень, решился на утро, ужинали в вечеру, вернется по весне, случилось*

утром. Из перечисленных моделей наименее продуктивны и употребительны были модели *при вечере блеснет, уедет о зиме;* чаще отмечаются конструкции типа *занимаются в осень; решился на утро, ужинали в вечеру;* более распространенными были конструкции типа *вернется по весне,* но по кругу используемых в них существительных и по частоте употребления и они уступали конструкциям с беспредложным творительным [57].

Когда-то, *о весне*, зверями В надсмотрщики медведь *был выбран* над ульями (Крыл., Медведь у пчел); Луна сквозь облак дымный *При вечере блеснет* (Жуковск., К Блудову); *В осень* рыбною ловлею по озерам *занимаются* лопарки (Озерецковск., Описание Колы); Да *работала ль* ты *в лето?* (Крыл., Стрекоза и Муравей); *Суда на утро восшумели* (Батюшк., На развалинах замка в Швеции); *В вечеру отужинали* мы с ней только вдвоем (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 2); *В вечеру лег* я спать дома на канапе (Н. Тург., Дневн., 27 окт. 1806); *Я в ночи... Отторжен был судьбою* от матери моей (Батюшк., Умирающий Тасс); *увидев по утру* следы опустошения (В. Е., 1802, № 8); *по утру* люди *сказали* (Моск. Мерк., 1803, июнь); *по вечеру обвенчались* на милых грешницах (Нарежн., Два Ивана, 3, XXI); Он в море корабли *отправил по весне* (Крыл., Фортуна и Нищий).

В дальнейшем некоторые из таких конструкций совсем выходят из употребления, а у конкурирующих с ними словосочетаний именная часть проявляет тенденцию к адвербиализации. Так, затухает употребление в литературном языке конструкции типа *прибыть о зиме*. Такая форма была «неудобна» в том отношении, что предложн. пад. с предлогом *о* мог заключать в себе при равных лексических условиях два значения: «действие, совершающееся в один из моментов названного времени» («прибыть зимой») и «действие, совершающееся около названного времени», т. е. «действие и приблизительное время его совершения» («прибыть перед самой зимой» или «прибыть после зимы»). В сочетаниях, организуемых глаголами речи, мысли, эта форма вообще не могла быть применена для выражения временных отношений: предложным падежом здесь выражались объектные отношения *(сказать о зиме)*. За фор-

---

[57] Греч отмечает конструкцию с творительным как преобладающую с существительными— названиями времен года и частей дня: «Времена года и части дня поставляются в падеже творительном, например: *весною, летом, осенью, зимою; утром, днем, вечером, ночью;* иногда в падеже дательном с предлогом *по*, например: *по весне, по лету, по осени, по зиме; по утру* (слитно, как наречие), *повечеру*» (Н. И. Греч. Практическая русск. грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1827, § 342, стр. 331). Обращает на себя внимание замечание Греча о «наречности» *повечеру*. Востоков конструкцию с творит. пад. также считает основной, хотя конструкцию с дат. пад. и предлогом *по* дает в ряду употребительных конструкций без всяких помет (А. Х. Востоков. Русск. грам., ч. II, гл. II, § 135, 136, стр. 276, 278).

мой с предложн. пад. с предлогом *о* в языке закрепляется объектное значение.

Также утрачиваются сочетания типа *блеснет при вечере,* со вторым компонентом — названием временного отрезка. В языке закрепляются сочетания, построенные по модели *уехать при наступлении вечера,* соотносящиеся с сочетаниями типа *уехать с наступлением вечера.*

Среди сочетаний с винит. пад. и предлогом *на* уже в первые десятилетия XIX в. очень редко фиксируются такие, в которых существительные не имеют при себе конкретизирующих слов.

Я сам буду на вечер к ней (Булг., Ив. Выж., IX); Уверял..., что *воротишься на весну* и возвратишь весну душе моей (Марл., Фр. «Н.», IV).

Из двух значений таких конструкций: «действие, совершающееся в один из моментов названного времени», и «действие и его продолжительность» сохраняется второе.

В числе «уходящих» конструкций были конструкции типа *прибыл в зиму* (т. е. зимой) и *случилось в ночь* (т. е. ночью). Устойчивы здесь были построения с существительными *полночь, полдень, сумерки* и названия дней недели *(в полночь, в полдень, в сумерки, в понедельник* и т. п.).

До середины века отмечаются конструкции с сочетаниями *в ночи, в ночь.*

В ночь Маша *занемогла* (Пушк., Метель); *еду* сегодня *в ночь* (Пушк., Выстрел); я *в ночи* сюда *прокралась* осторожно (Пушк., Полтава, 2); *в ночь унесет* ветром (Некр. и Станицк., Три стр. света, 4, VI).

Изредка они встречаются и позже в повествовании и в разговорной речи.

Конструкции с винит. пад. и предлогом *в,* организуемые глаголами сов. вида, помимо значения «действие, совершающееся в один из моментов названного отрезка времени», могли обозначать также: «действие и время, затраченное на это действие» *(написал в ночь);* в этом последнем значении они соотносились с конструкциями типа *написал за ночь.*

Конструкции типа *уехали по весне,* непродуктивные уже в начале века, но более распространенные, чем конструкции типа *уехали о весне* и *уехали на утро,* к середине века утрачивают употребительность; они отмечаются только в повествовательной речи.

По утру кончились его нестерпимые страдания (Жуковск., п. С. Пушкину, 15 февр. 1837); *По вечеру шла* в лавочку (Дост., Неточка Незв., II).

К концу XIX в. такие конструкции локализуются в просторечии и в стилизованных контекстах.

По зиме на Москве торжество и пиры большие *происходили* (М.-Печ., Ст. годы, VI); Я *по зиме* три раза вашей милости *отписывал* (Славутинск., Жизнь и похожд. Триф. Аф., X);

Было это, братец ты мой, *по весне* дело (С.-Щ., Губ. оч., Аринушка); *Решили свадьбу играть по осени* (М.-Печ., На горах, 1, 1, 8); *Я по зиме гонял* быков в Питере (Эрт., Гард., 2, XII);

Предложно-падежное сочетание *по утру,* как и однозначное сочетание *на утро,* адвербиализуется; в общелитературном употреблении закрепляется сочетание с винит. пад.

С конструкциями типов *уехал по утру, уехал на утро, в ночи прокралась, в ночь занемогла* в первой половине XIX в. конкурировали конструкции типа *уехал утром,* выступавшие в том же лексическом составе, т. е. с существительными — названиями времен года, частей суток, со словами *год, час, время, пора.*

Конструкция типа *скучать по вечерам,* обозначающая действие, повторяющееся в одни и те же временные отрезки, сохраняет продуктивность и употребительность.

Из всех дублетных конструкций наиболее «жизнеспособными» оказались построения типа *поехал весной, вернулся утром;* они обладали только одним значением: «действие, совершающееся в один из моментов названного времени». Но, как и в других конструкциях без конкретизирующих слов при существительном, именная часть здесь адвербиализуется. Построения с творит. пад., оттеснив все другие равнозначные конструкции *(ушел по утру, встретился на утро, заболел в ночь),* закрепились во всех сферах литературной речи [58].

§ 44. Тот же процесс адвербиализации предложно-именной части происходил в конструкциях с винит. пад. и предлогом *под,* обозначающих действие, совершающееся непосредственно перед каким-либо отрезком времени *(заснул под утро).* Уже в конце XVIII — начале XIX в. в таких сочетаниях фиксируется только несколько существительных: *утро, вечер, старость, конец, праздник,* названия праздников *(под рождество, под пасху* и т. п.). Существительные в таких сочетаниях употребляются или без определений или с определением *самый.* В языке XIX в. эти сочетания употребляются как устойчивые образования.

Под вечер я пошел в театр (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, XIV); *Спустились под вечер* в роскошную Судацкую долину (Гриб., п. С. Бегичеву, 12 сент. 1825); Горе тому, у кого ее *не будет под старость* (Леск., Соборяне, 2, 5); Передонов *проснулся под утро* (Ф. Солог., Мелк. бес, XXVII); Этот раствор *под конец смешивают* (Менд., Осн. химии, 2, XXIII).

Конструкции с винит. пад и предлогом *по* имели значение «действие, длящееся до начала какого-либо временного отрезка или какого-либо другого действия»; именная часть в них, как и в конструкциях с предлогом *под,* к началу XIX в. почти перестала быть свободной и выступала в связанном состоянии. Относитель-

[58] Остаются в рамках литературного языка также конструкции с беспредложным творит. мн. ч., временное значение которых осложнено значением образа действия: *работать ночами, не видеться годами.*

но свободные сочетания очень редки даже в последние десятилетия XVIII в.

Сей трактат *содержан был* в тайне *по тот час*, в который... (Фонв., п. П. Панину, 20/31 марта 1778); Он *содержать будет* пребывание наше здесь *по приезд* в Рим (Фонв., п. родным, 9/20 сент. 1784); в Москве и *находился* он *по день* страдальческой своей кончины (Новиков, Опыт ист. сл., А.).

С начала XIX в. и на всем его протяжении эта модель не является «живой»: свободная со стороны глагола, она ограничена узким кругом существительных: *по гроб, по смерть, по конец дней, по конец жизни, по сие время, по сю пору, по сей день.*

Он и *по сие время* совершенно *не отделан* (Озерецковск., Описание Колы); Старушка *получала* у него *по смерть* свой *пенсион* (Жих., Зап. совр., II, 7 дек. 1806); *остается* только *благодарить* бога... *по конец дней* моих (И. Дм., п. В. Жуковскому, февр. 1820); Варшавских книг *по сю пору* еще не получил (И. Дм., п. А. Тургеневу, 15 сент. 1820); И как беседа шла у них, я *по сию не знаю пору* (Крыл., Пустынник и Медведь); каждому из работающих и *не по смерть осужденных* невольников (Вяземск., Ст. зап. кн., 3); Что ты *лежишь по сю пору* как колода? (Гонч., Обл., 1, IV); *по гроб жизни не сумею* (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XXIX); Я этого *по гроб не забуду* (Ш.-Мих., Лес рубят — щепки летят, 2, IV, V).

В последние десятилетия XIX в. из общелитературного языка в просторечие передвигаются соединения *по гроб, по смерть, по конец жизни;* в разговорной речи закрепляется сочетание *по сю пору*, в деловой речи — *по сие время, по сей день*, а также ставшее штампом соединение, обозначающее дату, типа *по 1900 год, по апрель* и т. п., ср.: Мы читали газеты, знали все, что *случилось* в Европе *по март* (Гонч., Фр. «Пал.», От Манилы до берегов Сибири).

Затухание дублетных конструкций

§ 45. В конце XVIII — начале XIX в. функционировали три дублетные беспредложные конструкции: *заболел прошлого года, заболел прошлый год* и *заболел прошлым годом.* Для конструкций с родит. и с винит. пад. характерно было использование в них ограниченного круга конкретизирующих слов: *прошлый, нынешний, завтрашний, вчерашний, этот, тот* и др. Во всех этих сочетаниях возможны были различные существительные — названия временных отрезков. Однако уже в XVIII в. наметилось сокращение частотности некоторых слов в конструкциях с родит. пад.: названий времен года, дней недели.

Для начала XIX в. еще нет оснований говорить о стилистической прикрепленности какой-либо из трех названных конструкций, ср.:

Прошлого лета те места и линии *проходил* (ПСЗ, 1800,

XXVI, § 919283; [К с е н и я] *Вечера сего хочу* с ним *говорить* (Озеров, Дим. Донск., II, 1); *Будущего месяца необходимо должно быть* в «Меркурии» более критики (Моск. Мерк., 1803, февр.); *Прошлого воскресенья приехал* Сергей (Н. Тург., Дневн., авг. 1810); *И той же ночи* в подземелье *Зарыл* мешок (Крыл., Откупщик и Сапожник); *того же дня* [Тильзит и Неман] ... *были достигнуты* армиею нашею (Д. Дав., Мат-ры для воен. ист., Тильзит в 1807 г., I).

Нынешний день начались ... спектакли (Жих., Зап. совр., I, 12 ноября 1805); *Нынешний год бог привел праздновать* этот день у чужих людей (Там же, II, 18 февр. 1807); *Прошедшую ночь читал* Сегюра (Н. Тург., Дневн., 6 июня 1810).

Прошедшею весною не могла я без грусти *слушать* птичек (Карамз., Нат. боярск. дочь); Самый великолепный праздник *нынешней зимою был* в доме госпожи ** (В. Е., 1802, № 8); Охотно с ним *еду*, хоть *нынешним вечером* (Жуковск., Ложн. стыд, III, 3); *Одним вечером ...ходили* мы в лес (Моск. Мерк., 1803, февр.); *прошедшею ночью ехали* (Н. Тург., Дневн., 25 авг. 1808).

Из соотносительного ряда беспредложных конструкций типа *заболел прошлым годом, заболел прошлый год* и *заболел прошлого года* к последним десятилетиям XIX в. выходит конструкция с родит. пад. Количество существительных, включающихся в эту конструкцию, на протяжении XIX в. еще более сокращается. В сущности, к концу века остаются в употреблении лишь отдельные конструкции, именная часть которых близка к устойчивым сочетаниям: *прошлого года, того дня;* конструкции с другим составом *(вчерашнего утра, вчерашнего вечера, этого лета)* встречаются редко. Во второй половине века беспредложные сочетания с родит. пад. приобретают окраску архаичности, например: Я уже это и *сделал того же дня* (Дост., Прест. и наказ., 5, III); *Убирали они* вместе *прошлого года* эту комнатку (Л. Толст., А. К., 2, III).

Ср. более раннее стилистически нейтральное употребление:

Был прошлого года в отряде (Лерм., Тамань); *Прошлого года я верил* моему чувству (Белинск., п. М. Бакунину, ноябрь 1837); *Того же дня ... переехала* (Булг., Ив. Выж., XXII); *пожаловать* к нему *того же дня* (Гоголь, М. д., 1, I).

Из временных конструкций с родит. пад. в общелитературном употреблении сохраняются только конструкции с родительным даты.

Беспредложные конструкции с винит. пад. на протяжении XIX в. не претерпевают изменений ни со стороны своего лексического состава, ни со стороны употребительности. По-прежнему в них включаются названия времен года, дней недели, частей суток. Не меняется здесь и круг конкретизирующих существительное слов (*прошлый, нынешний, тот, этот, один*). Однако по направлению к концу XIX в. усиливается наметившаяся ранее тенден-

ция к сосредоточению этих конструкций в речи повествовательной и разговорной.

Здесь *нынешнее лето веселились* (Черн., п. родным, 28 авг. 1849); *Прошлую зиму* она *втерлась* сюда (Л. Толст., В. и м., 1, 1, XVIII); *Один год получишь* пятьдесят тысяч франков, а другой и сорока не выйдет (Боборык., Проездом, I); *Будущую зиму я буду жить* в Москве (Чех., п. О. Л. Книппер, 30 ноября 1901).

В конструкциях с творит. над. на протяжении XIX в. несколько сокращается круг входящих в их состав существительных. Так, реже встречаются построения с существительными *год, час, минута*. В середине века конструкции с этими существительными представлены как единичные (например: Я ныне близ реки *иду Свободною минутой*. Лерм., Три ведьмы). Позже такие словосочетания отмечаются в стилизованных контекстах.

Хозяин-то мой *прошлым годом* меня новой соломкой *прикрыл* (Левитов, Накануне Христ. дня); Вряд ли *нынешним годом* и удастся мне в Комаров-то попасть (М.-Печ., На горах, 1, 2, 4).

Конструкции с названиями времени года, частей суток не снижают своей частотности и не обнаруживают особой стилистической окрашенности приблизительно до 60-х годов XIX в. Их особенностью, по сравнению с аналогичными сочетаниями с родит. и с винит. над., является возможность включения в них конкретизирующих слов, более разнообразных по значению.

Обокрали прошедшей ночью (Пушк., Дневн. 1833—1835); Свои покои запертые... Он *ясным утром оставляет* (Пушк., Е. О., 8, XXXIX); ...У печки в зимний вечерок, Иль *скучной осенью* ...Поет уныло русская девица (Пушк., Д. в Кол., XIV); *прошедшей зимою прислал* (Киреевск., п. Н. Языкову, 8 янв. 1835); *проснулся* довольно *поздним утром* (Гоголь, М. д., 1, III); *Тихой ночью, поздним летом* Как на небе звезды *рдеют!* (Тютч., Тихой ночью...); Небольшая часть этих сравнений *будет повторена или продолжаема следующею весною* (ЖМНП, 1854, февр.); По прибытии в Астрахань, *нынешним летом* экспедиция тотчас же приступит к работам (Морск. сб., 1856, июль); это *было глубокою осенью* (Дост., Зап. из М. дома, 2, VI); Я только *вчерашним вечером узнал* немного счастья (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XXXIII); *праздничным вечером*... по*потчевал* (Засодимск., Темн. силы, I); *ранним туманным петербургским утром* нечаянно *попался* (Сверб., Зап., II); Это был дождь, *прошенный* и *моленный* Туберозовым *прошедшим днем* (Леск., Соборяне, 1, 5); *Поздним вечером я сидел* у окна (Гусев-Оренб., Агасфен); А эта девчурка *едет* туда одна *ранним утром* (Верес., дороги, I).

К концу века такие конструкции сосредоточиваются в речи повествовательной и разговорной.

Таким образом, из трех соотносительных конструкций — *заболел прошлого года, заболел прошлый год, заболел прошлым годом* — к концу XIX в. вытесняется конструкция с родит. пад., по своему лексическому составу совпадающая с конструкцией с винит. пад. Сохранению в литературном языке сочетаний с винит. и твор. пад. способствовала их неполная дублетность: круг существительных, используемых в конструкциях с винит. пад., был шире, чем в конструкциях с творит. пад. В то же время в построения с винит. пад. в качестве конкретизирующих входили только несколько слов: *прошлый, нынешний, будущий, тот, этот.* Это превращало сочетания *прошлый год, будущую зиму* и т. п. в устойчивые лексические соединения [59].

В отличие от конструкций с винит. пад., в состав построений с творит. пад. могли входить немногие из существительных с временным значением, но выбор конкретизирующих слов не был ограничен. Это делало конструкцию с творит. пад. более «живой»: если конструкции типов *ушел в ночь, ушел на утро,* в сущности, утрачивают свойства синтаксической модели, то конструкции с твор. пад. сохраняют эти качества и существительные в них не теряют своих категориальных значений.

§ 46. Утрачивающимися дублетами к конструкциям с родит. пад. и предлогом *с* со значением «действие, длящееся с названного отрезка времени», были уже в языке начала XIX в. конструкции с предлогами *из* и *от (привык из молодых лет, привык от молодых лет;* ср.: *привык с молодых лет).*

По сравнению с конструкциями с предлогом *с,* эти уходящие конструкции обладали незначительной частотностью. Число входящих в их состав существительных ограничено: это преимущественно названия возрастных периодов (в особенности в конструкциях с предлогом *из*): *детство, младенчество, юность*; из названий временных отрезков для этих конструкций типичны только некоторые: *день, годы (лета), время, пора* (как правило, с определениями, характеризующими возраст: *юношеский, детский* и т. п., или степень давности: *ранний, древний* и т. п.).

Люди сии *из давнего времени ... поселены были* при учугах (Озерецковск., Описание Колы); *Из детства* я к трудам *привык* (Крыл., Старик и трое молодых); *приученный из детства* к повиновению (Карамз., И. Г. Р., I, V).

От самой глубокой древности ... российское дворянство себя *отличало* (ПСЗ, 1801, XXVI, § 919810); *охранявший* меня *от самой колыбели* (Жих., Зап. совр., I, 17 мая 1805); *от юных лет* с родной *расставшись* я страною ... (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, Брату моему Сергею Николаевичу).

---

[59] Уже собственно лексическим процессом является вытеснение сочетаний *вчерашний день, завтрашний день, вчерашним днем, завтрашним днем, одним днем* синонимичными наречиями: *вчера, завтра, однажды.*

В конструкции с предлогом *из* не входили существительные — названия процессов; в конструкциях с предлогом *от* эти существительные крайне редки.

В языке XIX в. конструкции с предлогом *из* фиксируются как единичные; часто они воспринимаются как особенность индивидуального стиля авторов, связанных с языковыми традициями начала века.

Ты *из младости обручена* мне сердцем (Марл., Фр. «Н.», III); *из детства свыклись* (Жуковск., Пожар Зимнего дворца); *Из самого раннего детства* очень хорошо помню (Бусл., Мои воспом., VI).

Конструкции с предлогом *от* встречаются несколько чаще, особенно в стихотворной речи.

Главы изгнанника, *от колыбельных дней* Карающей богине *обреченной* (Батюшк., Умирающий Тасс); *От юношеских лет Привык* позабывать непостоянный свет (Языков, Посл. к А. Н. Очкину); *От ранних лет* я пламень не напрасный Храню в душе (А. А. Дельв., Н. М. Языкову); Он *влюблен от самого младенчества* в женщину, с которой вырос (Марл., Ам.-Бек., VI); *От самых юных лет* я *увидел* бездну, разделяющую мысль от выражения (В. Одоевск., Русск. ночи, 6); *От юношеского возраста начинают искать* невест (Булг., Ив. Выж., XXII); Рассказал ей все *случившееся* со мною *от самого отъезда* из Москвы (Там же); На этой сцене преимущественно *давались, от самого* их *появления*, пьесы Корнеля и Расина (Сверб., Зап., I).

Предлог *от* стабилизовался в некоторых устойчивых сочетаниях: *от колыбели, от рождения, от сотворения мира, от века* [60].

Борясь от самой колыбели с невежеством (Гоголь, О преподавании всеобщ. ист.); трое *не чесанных от колыбели* лакеев (Герц., Кто виноват? 2, III); будто *от рождения* только этим и *занималась* (Некр. и Станицк., Три стр. света, 3, III); Что *делал* человек *от сотворения мира?* (В. Одоевск., Русск. ночи, 4); Он [пассат] *от века дует* одинаково (Гонч., Фр. «Пал.», Плавание в Атлантическ. тропиках).

Из трех равнозначных конструкций — *храню из детства, храню от детства, храню с детства* — продуктивной и стилистически нейтральной осталась конструкция с предлогом *с*: этот предлог оказался наиболее общим и «удобным» средством для передачи значения «начало действия во времени».

В литературном языке конца XIX в. закрепляется определяющееся соединение *начиная с (начиная от)* как специализированное средство выражения значения «действие, длящееся

---

[60] В речи, близкой к диалектной, изредка встречается лексикализовавшееся сочетание *из веков;* ср. у Златовратского: Мы с тобой *из веков* крепко *связаны* (Устои, 1, 1, I).

с начала названного отрезка времени» *(начиная с понедельника* ты *можешь застать* меня дома). В этих конструкциях акцентируется исходный, начальный момент длящегося действия.

Освобождение от многофункциональности форм

§ 47. В конце XVIII — начале XIX в. значительная часть временных словосочетаний использовалась для выражения нескольких временных значений.

Так, сочетания с беспредложным винит. пад. обозначали: 1) действие, совершающееся в один из моментов названного отрезка времени (*прошлый год съездил*); 2) действие, длящееся на протяжении временного отрезка (*путешествовал весь* [*целый*] *год*); 3) действие, повторяющееся в названные отрезки времени (*ездил всякий* [*каждый*] *год*); 4) действие и количество времени, на него затраченное (*писал два часа*).

Сочетания с винит. пад. и предлогом *в* обозначали: 1) действие, совершающееся в один из моментов названного отрезка времени *(вернулся в день битвы);* 2) действие, длящееся в пределах названного отрезка времени *(занимался во все лето);* 3) действие и количество времени, на него затраченное *(построили в год).*

Сочетания с винит. пад. и предлогом *на* обозначали: 1) действие, совершающееся в один из моментов названного отрезка времени *(явился на утро, на тот день не приехали);* 2) действие и время его совершения, определяемое по отношению к предшествующему времени *(заболел на следующий день*); 3) действие и количество времени, на него затрачиваемое *(взял на неделю).*

Сочетания с винит. пад. и предлогом через обозначали: 1) действие, длящееся в пределах указанного отрезка времени (*привык через зиму*); 2) действие, совершающееся спустя какой-нибудь отрезок времени *(встретились через два года).*

Сочетания с родит. пад. и предлогом *около* (и *близ*) обозначали: 1) действие, совершающееся непосредственно перед началом какого-либо отрезка времени (*отправились около вечера*); 2) действие и приблизительно указываемое время его совершения (*собрались около семи часов*); 3) действие и приблизительное количество времени, на него затраченное (*проговорил около двух часов).*

Сочетания с дат. пад. и предлогом *по* обозначали: 1) действие, совершающееся в один из моментов названного отрезка времени (*узнал по весне*); 2) действие, совершающееся после названного отрезка времени (*по рассмотрению согласился*).

На протяжении XIX в. сочетания перечисленных форм освобождаются от некоторых своих значений. Такое «освобождение» обычно происходит тогда, когда возникает возможность двоякого интерпретирования значения конструкции. Утрата одного из значений обусловлена также наличием в языке дублетных форм, более

приспособленных для выражения данного значения; процесс освобождения от многофункциональности непосредственно связан с борьбой дублетных конструкций. Кроме того, большую роль играла общая «нагруженность» данной формы другими значениями, кроме временных.

§ 48. 1. Из четырех значений словосочетаний с беспредложным винит. пад. вытесняемым оказывается значение: «действие, совершающееся в один из моментов названного отрезка времени» (*прошлый год съездил*). Выше упоминалось о том, что построения типа *прошлый год съездил*, конструктивно ограниченные, проявляли тенденцию к локализации в сфере разговорной речи и повествования. Их сильным конкурентом были предложные построения: *съездил в прошлом году, съездил в тот же год, съездил на прошлой неделе.*

Конструкции типа *путешествовал весь год, ездил всякий год* сохраняются; различие в значениях в них создается словами, конкретизирующими существительное; это и обеспечивает сохранение их в языке. Однако в судьбе конструкции со значением «действие и его длительность» происходят некоторые изменения: стилистически нейтральная в начале века, она позднее вытесняется из речи научной, деловой, публицистической; здесь возобладали построения со специализированными предлогами *в течение, в продолжение.* Вот примеры употребления этого словосочетания в первой половине XIX в.:

Гостью, которая *все это время должна оставаться одна* (Жих., Зап. совр., I, 3 окт. 1805); *Тружусь целый день* над стихом (В. Пушк., К. В. А. Жуковскому); Науки ... *младенчествовали целые века* (Тр. Об-ва люб. росс. слов., 1812, ч. 4); *Всю неделю продолжались* различные веселости при дворе (Тр. Вольн. об-ва соревноват. просвещ., 1818); *Весь 1772 год скитался* он за польской границею (Пушк., Ист. Пугач., Об «Ист. Пугач. бунта»); *Всю неделю должен возиться* с мальчиками (Я. Грот, п. П. Плетневу, 21 авг. 1840); *Все время болезни* за Прохором Васильевичем *ухаживала* Анисья (Вельтм., Саломея, 9, I).

2. Словосочетания с винит. пад. и предлогом *в* и с беспредложным винит. пад. в первые десятилетия XIX в. были соотносительны не только в значении «действие, совершающееся в один из моментов названного отрезка времени» (*вернулся нынешний день — вернулся в день битвы*), но и в значении «действие, длящееся в пределах указанного отрезка времени» (*не спал всю ночь — не спал во всю ночь*). Эти две конструкции не различались ни по лексическому составу, ни по сферам употребления. Но в конце XVIII — начале XIX в. наиболее употребительной была предложная конструкция. В качестве второго ее компонента, как и в беспредложной конструкции, чаще выступали названия временных отрезков, реже — названия процессов. В течение всей первой половины века

эта конструкция встречается в художественной литературе — в авторской речи и в речи персонажей, в мемуарах и письмах, в научной и деловой речи.

Во весь тот, день я занималась одною Батильдою (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 3); *питаясь во всю дорогу* одними только улитками (Там же); Он *во весь обед не спускал глаз* с девицы Гейдельберг (Там же, № 2); Бюффон *во всю жизнь занимался* такими идеями (В. Е., 1802, № 6); У меня и в Париже *стояли* на камине вазы с цветами *во всю зиму* (Моск. Мерк., 1803, май); Я *во всю ночь не мог сомкнуть глаз* (Д. Дав., Встреча с фельдмарш. гр. Каменским); *Во все пребывание* свое в Варшаве ... он *писал* его карикатуры (Вяземск., Ст. зап. кн., 2); *Во все это время* Дубровский *не отлучался* из Покровского (Пушк., Дубр., XI); *Во всю ночь* Василиса Егоровна *не могла заснуть* (Пушк., К. д., VI); Только *во все это время* я *любила* бессознательно (Дружинин, Пол. Сакс., XI); *Во всю жизнь* Анюта никого еще *не огорчала* умышленно (Погорельск., Монастырка, 2, XV); продолжение того же состояния, в котором я *находился во всю мою жизнь* (В. Одоевск., Русск. ночи, 4); *Во все это время жил* в палатке при большой Сахарской пирамиде (Атеней, 1828, № 11); *во все свое царствование ... вел* беспрерывные *войны* (Телеск., 1831, № 9); Своим языком *сверлила* меня *во весь обед* (Сенковский, Предубеждение, Б-ка для чт., 1834, т. VII); Сегодня дождь *продолжается во весь день* (Я. Грот, п. П. Плетневу, 18 июня 1840); Вакансии для профессоров начинаются в июне и *продолжаются во все лето* (Моск. набл., 1837, июль, кн. 1); *Должен был во всю свою жизнь ходить пленником* (В. Боткин, Письма об Исп., Совр., 1847, т. V, № 10).

В то же время из деловой речи эта конструкция интенсивно вытесняется равнозначными конструкциями с предлогами *в течение, в продолжение.*

Позднее форма с винит. пад. и предлогом *в* перестает служить для выражения значения «действие, длящееся в пределах указанного отрезка времени», но широко используется при построении сочетаний, обозначающих действие, совершающееся в один из моментов названного отрезка времени.

Значение «действие и количество времени, на него затраченное», продолжают выражать две формы с винит. пад.: беспредложная (*строили два года*) и предложная (*построили в два года*); их сосуществование обусловлено возможностью употребления в каждой из них глаголов только одного вида: в беспредложной — несовершенного, в предложной — совершенного или глаголов со значением результативного действия. Предложная конструкция соотносилась с построениями с винит. пад. и предлогом *за* (*построили за два года*), в начале XIX в. малоактивными, но позднее активизировавшимися.

3. Конструкции с дат. пад. и предлогом *по,* как указывалось выше, утрачивают значение «действие, совершающееся в один из моментов названного отрезка времени» *(случилось по весне).* Затухает в первые десятилетия XIX в. и другое их значение: «действие, совершающееся после окончания какого-либо отрезка времени или другого действия» (*вернулся по рассмотрению дел).* Эти конструкции были малоупотребительны уже в конце XVIII — начале XIX в.; в очень незначительном количестве они отмечаются у Пушкина [61].

По первому выстрелу крепостные казаки и обыватели *разбежались* (Ист. Пугач., 8); *По окончанию работы* Петр *спросил* Ибрагима ... (А. П. В., V); *По* моему *выздоровлению,* я снова *явился* в свете («Из автобиогр. зап.»).

Исследователи отмечают использование таких конструкций в разговорной речи как словосочетаний, противопоставляемых книжной конструкции с предложн. пад. и предлогом *по (приехал по окончании войны)* и нейтральной конструкции с родит. пад. и предлогом *после (приехал после войны)* [62].

К 50—60-м годам построения с дательным типа *возвратился по усмирению* совсем выходят из употребления. В разговорной речи долго бытует конструкция типа *заболела по шестнадцатому году,* к концу века вытесняемая конструкциями типа *заболела шестнадцати лет* или *заболела в шестнадцать лет.* Активной остается форма с дат. мн. ч. и предлогом *по,* обозначающая действие, повторяющееся в одни и те же временные отрезки *(работал по ночам).*

4. Совпадали лексические условия образования двух разных по значению, но одинаковых по форме конструкций с винит. и предлогом *через*: *привык через зиму* («действие и его длительность») и *съездил через год* («действие, осуществляющееся после окончания названного отрезка времени»).

Конструкции с первым значением уже в конце XVIII — начале XIX в. встречаются редко; позже они единичны.

Чрез целую зиму надобно жить без дела до начала весны (В. Я. Колокольников и М. И. Невзоров, п. И. В. Лопухину, 20 ноября 1790); Они так ко мне *через зиму привыкли...* (Болот., 1, 36); грубое невежество, в котором они *через многие годы... закосневали* (Озерецковск., Описание Колы); *сносить* сильное качание *чрез целую ночь* (Там же); Незыблема, тверда *стояла ... чрез шесть веков* (И. Ламанск., Ода на освобожд. Москвы, С. О., 1812, № 5); Победа *колебалась чрез целой день* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, Город Голич на границе

---

[61] См.: А. Д. Григорьева. К изучению синтаксиса предложного управления в русск. лит. языке первой трети XIX в. «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. II. М.—Л., 1951, стр. 183—184, 192, 193.

[62] Там же, стр. 193.

Венгрии); *Посылал* везде одну меня *чрез целый день* (Н. Дурова, Зап., Совр., 1836, т. II); Труды Петра по горнозаводскому делу начались с 1696 года и *продолжались чрез все его царствование* (Совр., 1847, т. IV).

Затухание в этой конструкции значения «действие и его длительность» определялось закреплением в литературном языке, специализированных форм: *преследует, весь день, преследует в течение дня, преследует в продолжение дня.* У конструкции с предлогом *через* сохраняется значение «действие, осуществляющееся после окончания названного отрезка времени» *(вернусь через два часа).*

5. Из трех значений конструкций с предлогами *около, близ* — «действие, совершающееся непосредственно перед началом какого-либо отрезка времени» (*отправились около вечера*), «действие и приблизительное время его совершения» (*собрались около семи часов*) и «действие и приблизительное количество времени, на него затраченное» (*проговорили около двух часов*) — затухает первое значение. Сочетание типа *пришел около* (*близ*) *вечера* входило в соотносительный ряд близких по значению конструкций: *пришел под вечер, пришел к вечеру, пришел перед вечером*; оно было более употребительно, чем конструкции с предлогом *под*, предложно-именная часть которых, как было указано выше, адвербиализуется. Значение непосредственного предшествования в конструкциях типа *пришел около вечера* могло ослабляться лексическим значением предлога *около*, который во временной функции мог указывать на «двустороннюю» приближенность действия к названному временному отрезку: до его начала и после его окончания. Значение предшествования возникало, например, в конструкциях с существительными *вечер, сумерки, ночь, утро, год*; оно, возможно, было и в других случаях при контекстуальной поддержке. Узкие лексические рамки, наличие в разных речевых сферах семантических эквивалентов, более точно передающих разные оттенки значения предшествования (*пришел к вечеру, пришел перед вечером*), обусловили угасание данного значения в сочетаниях с предлогом *около.* Однако за рамки литературной речи конструкции с этим предлогом не выходят; их употребление отмечается вплоть до последних десятилетий XIX в.

Достигли мы, *около вечера*, до утеса (Жуковск., Из писем к вел. кн. А. Ф., 1); *приехавши* в небольшую ярославскую деревеньку *около ночи* (Герц., Б. и д., 1, I); *Около сумерек* все *пошли посмотреть* его роскошную выставку (Пассек, Из дальн. лет., 1, XI).

Предлог *около* остается средством выражения приблизительности и меры длительности (это *было около 7 часов утра*; *проработал около часу*); в этих значениях он используется во всех сферах литературной речи.

Закрепление разных названий временных отрезков за определенными формами словосочетаний

§ 49. Процесс закрепления тех или иных существительных за определенными формами словосочетаний — наиболее характерный процесс для временных конструкций, хотя он и охватывает сравнительно небольшой круг сочетаний — таких, в которых существительные являются названиями временных отрезков: *пришел в одиннадцать часов, родился в 1701 году, уехал на прошлой неделе.* Эти конструкции обозначают действие, совершающееся в определенный момент времени, или действие, совершающееся в один из моментов названного времени. Преимущественное употребление тех или иных существительных в составе таких сочетаний заметно уже в конце XVIII — начале XIX в. Так, в конструкциях с винит. пад. и предлогом *в* наиболее часто встречаются существительные *время* (*пора*), *минута, мгновение, полдень, полночь, сумерки*, названия дней недели, частей суток, времен года; в конструкциях с предложн. пад. и предлогом *в* — названия месяцев; с предлогом *на* — существительные *неделя, рассвет, заря.*

В праздное время бегивал по двору (Болот., 1, 25); *В одну ночь* ... сей князь *презрел* общий страх (Карамз., И. Г. Р., II, XII); Надо было *видеть* его ... *в утро победоносного вступления* нашего в столицу (Д. Дав., Мат-лы для воен. ист., Тильзит в 1807 г., II); *в тот же день уехал* назад (В. Е., 1802, № 7); *В день бала* ... *оделась* (Там же, № 5); *В сии ужасные минуты занимался* только другими (Там же, № 8).

В минувшем месяце мае приехал сюда один ... живописец (Изм., Сатирич. вед., 12 июня 1823); *В июле*, в самый зной, в полуденную пору ... рыдван *тащился* (Крыл., Муха и дорожные); *На прошедшей неделе ходили* мы в здешний музеум (Н. Тургенев, п. А. Тургеневу, 22 июля/3 авг. 1809).

Существительные *год, век, столетие, час* отмечаются в конструкциях как с винит., так и с предложн. пад., но с разными конкретизирующими словами. В сочетаниях с предложн. пад. и предлогом *в* конкретизирующими словами являются порядковые числительные; именная часть, включающая существительные *век, год, столетие*, обычно обозначает дату.

Ров сей *начали копать еще в 1744 году* (Озерецковск., Описание Колы); *В 1776 году* правительство *учредило* сию школу (В. Е., 1802, № 7); Министры *приехали* туда *в первом часу* (Там же, № 8).

В конструкциях с винит. пад. конкретизирующие слова лексически не ограничены.

Сие происшествие *случилось в год ужасный* для Москвы (Карамз., И. Г. Р., V, I); *В первый год моего министерства* ... *озабочен* я был торгами по винному откупу (И. Дм., Взгл. на

мою жизнь, 3, 7); *В часы печальной задумчивости ... я забываю* все (Н. Тург., Дневн., 16 окт. 1806).

И те и другие конструкции, включающие соединения *прошлый год, будущий год, нынешний год, следующий год*, в описываемый период употреблялись без стилистической дифференциации, ср.:

В следующий год ... она *поехала* в северную Россию (Карамз., И. Г. Р., I, VII); *В нынешний новый год* я *поеду* поздравлять родных (Жих., Зап. совр., 1, 2 янв. 1805) и: *В прошедшем году* ... *накопилось* таковое же количество судов (ПСЗ, 1800, XXVI, § 19282); *видел* меня *в прошлом году* (Жих., Зап. совр., II, 25 авг. 1806).

Хотя к концу XVIII — началу XIX в. уже наметилось прикрепление определенных названий временных отрезков к конструкциям с винит. и предложн. пад., однако выбор формы для построений с этими существительными был более свободным. Так, например, слова *лето, минута* (во мн. ч.) отмечаются в конструкциях с предложн. пад. и предлогом *в*.

В первых минутах ничего *не ощущал* (А. М. Кутузов, п. Е. И. Голенищевой-Кутузовой, 6/17 дек. 1790); ты еще *в запрошлом лете* Мне здесь же как-то *нагрубил* (Крыл., Волк и Ягненок).

В дальнейшем продолжается распределение названий временных отрезков между конструкциями с винит. и предложн. пад.; за каждой из них закрепляются определенные лексемы. Так, названия времен года, частей суток, дней недели, слова *секунда, мгновение, момент, минута, час, месяц, год, эпоха, период, время* включаются в сочетания с винит. пад. и предлогом *в*.

Однажды *в зимний вечер* ... тройка *подъехала* (Пушк., Станц. смотритель); *В эту минуту* Грушницкий *уронил* свой стакан (Лерм., Кн. Мери, 11 мая); *В этот же день отдан* был приказ (Москвит., 1856, т. II, № 6); Они *воротились* с матерью уже *в глубокую осень* (С. Акс., Сем. хрон., Жизнь в Уфе); *В субботу* же я непременно *надеюсь встретиться* (Дост., Униж. и оскорбл., 2, II); *В одно утро* она в слезах *прибежала* в комнату Гриши (Некр. и Станицк., Мертв. озеро, XLVII); *в предстоящую ночь намерена* лишить себя жизни (Судебн. заключ., 1787); *В день заседания появился* на суде проект инструкции (Речь присяжн. повер. Жуковского, 1879); *Изложенными в прошлый час* экономическими последствиями ... были подготовлены и последствия политические (Ключевск., Курс русск. ист., I, IX); *В предпоследнюю минуту* она *начала сдерживаться* (Боборык., На ущербе, 3, IV).

За конструкциями с предложн. пад. и предлогом *в* закрепились названия месяцев, слова *час, год* в сочетании с порядковым числительным (для обозначения даты); другие названия временных отрезков входят в сочетания данной формы только в соединении со словами *начало, конец, середина.*

В седьмом часу вставал он летом (Пушк., Е. О., 4, XXXVII); приехав в Петербург *в начале прошлой зимы* (Б-ка для чт., 1834, т. VII); количество шерсти, *ожидаемой в 1843 году* (Там же, 1843, т. LVIII); *В мае* 1795 года его *назначили* ... (Совр., 1847, т. V, № 10); *В середине лета возвратился* я в Москву (Сверб., Зап., I); *в конце шестого дня* Юханцев *объявил* (Судебн. заключ., 1879); *в начале весны заболела* (Пассек, Из дальн. лет, I, XIX); *в первом часу возвращался* домой (Ф. Сологуб., Мелк. бес, XII).

Некоторые дублетные конструкции с винит. и предложн. пад. и предлогом *в* сохранились до конца века, например: *возникло в девяностые годы — в девяностых годах; распространилось в первые десятилетия века — в первых десятилетиях века*, ср.:

В первые годы моего замужества ... *бывал* у нас (Панаева, Воспом., 3) и: *В первых годах нынешнего столетия* живал он у нас (Сверб., Зап., I).

В конструкциях с предложн. пад. и предлогом *на* остаются употребительными слова *неделя, рассвет, заря*, а также соединения существительного *год* с порядковым числительным, обозначающие возраст.

На 15-м году Коля очень быстро *стал изменяться* (Судебн. заключ., 1878); Они уже *ездили* раз, *на прошлой неделе* (Боборык., Обречена, XVI); *На заре отправлюсь* в Биюк-Ламбат (Корол., п. А. С. Короленко, 29 сент. 1889).

Итак, на протяжении XIX в. из системы временных сочетаний уходит целый ряд конструкций. Нежизнеспособность многих из них определилась значительно раньше, и начало XIX в. застает их уже непродуктивными. Конечно, этим не исключалось их спорадическое и стилистически обусловленное употребление. Другие конструкции задерживались дольше, локализуясь в какой-либо определенной речевой сфере или сохраняясь при условиях ограниченного лексического состава. Как правило, утрачивались такие сочетания, которые не заключали в себе четкого выражения временного значения и его оттенков в силу многофункциональности конструкции: временное значение в таких сочетаниях создавалось при очень ограниченных лексических условиях или при контекстуальной поддержке. Из дублетных форм сохранялись те, которые допускали использование в них более широкого круга существительных.

Развивающиеся конструкции

Рядом с конструкциями с первообразными, функционально перегруженными предлогами в языке существовали их активные «конкуренты» — конструкции со специализированными предлогами: *после* (*отдыхал после обеда*), *во время* (*сломал во время игры*), *в течение* (*болел в течение зимы*), *в продолжение* (*молчал*

в продолжение всей встречи). Из конструкций с неспециализированными предлогами наиболее приспособленными для выражения временных отношений оказались построения с предлогами *до* (*знал до войны*), *перед* (*прибыл перед сражением*), *с* (*знает с детства*). Продуктивность всех этих конструкций определяется как особенностями предлогов, четко выражающих значения следования, предшествования, длительности, начального предела и т. п., так и тем, что в эти конструкции включались разнообразные существительные.

Конструкции с предлогом ВО ВРЕМЯ

§ 50. Конструкции с предлогом *во время* в конце XVIII — начале XIX в. находились во взаимодействии с целым рядом временных конструкций, обозначавших действие, совершающееся в один из моментов названного отрезка времени. В этих конструкциях сравнительно редко употреблялись названия временных отрезков; естественно поэтому, что они взаимодействовали с построениями, в которых вторым компонентом были названия процессов. Это конструкции с предложн. пад. и предлогами: *о* (*катаются о масленице*), *на* (*убит на сражении*), *при* (*признался при первом допросе*), *в* (*познакомился в бенефисе*); с винит. и предлогом *в* (*изувечен в войну*); с творит. и предлогом *за* (*сказал за обедом*).

В этом ряду соотносительных сочетаний конструкции типа *катаются о масленице*, утратившие свойства живой модели (см. § 42), употреблялись до 30 — 40-х годов, в повествовании и разговорной речи. Позднее они локализуются в речи разговорной, близкой к просторечию, или используются как средство стилизации.

Вид имеют челночков или лотков, на каких в России *об масленице* деревенские ребята *катаются* с гор (Озерецковск., Описание Колы); должны ли *о святой неделе изломать* все лубки (Шишк., Примеч. на критику. изд. в «Моск. Мерк.»); *о рождестве пошел* в ледник за пивом (Крыл., Два мужика); фокусы ..., какие мы *видим об масленице* в наших лубочных комедиях (Атеней, 1828, № 23); Вы *не скучали бы* здесь *о святках* (Я. Грот, п. П. Плетневу, 13 ноября 1840); пятнадцать *минет о Петрове дни*, как он уехал (Н. Полевой, Живописец, I); *О Святой* все *на картах продул* (Дост., Зап. из М. дома, 2, V); *бывают* гулянки под балаганами *об масленой* и *святой* (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XLIII); *об масляной* песельников *стравил* (Эрт., Гард., 1, IV).

В конструкциях типа *убит на сражении*, *признался при первом допросе*, *познакомился в бенефисе*, *сказал за обедом* собственно временное значение создавалось только или при наличии в сочетании слов, специально подчеркивающих временное значение (*первый, последний, начало, конец, середина,* частицы *еще*),

или при контекстуальной поддержке. В других случаях к временному значению присоединяются другие значения: пространственное, условное, причинное.

Чаще других в конце XVIII — начале XIX в. употреблялись временные конструкции с винит. пад. и предлогом *в*. Как было указано выше (см. § 49), за ними закрепился определенный круг слов — названий временных отрезков, но в отношении других существительных ограничений не было. Временное значение в сочетаниях данной формы особенно отчетливо проявлялось тогда, когда в их состав входили названия действий или явлений природы. Такие конструкции отмечаются в разных сферах речи.

[Корчмы] *в проезд мой были наполнены* гуляющим народом (Карамз., П. р. п., Рига, 31 мая 1789); Где и когда были, и буде *ранены*, то *в какое сражение* и где именно (ПСЗ, 1800, XXVI, § 19262); *в зимние оттепели* и в осеннюю пору *наполнены бывают* водою (Озерецковск., Описание Колы); [липы], которые мы *посадили в рождение* нашей матушки (Жуковск., Ложн. стыд, V, 10); Британия *завоевала* Францию *в правление* Карла VII (В. Е., 1802, № 7); *В самый пыл сражения прискакал* ... главный генерал армии (Там же, № 1); *В следующую кампанию* ... *потерял* он руку (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 1); [Ручеек] *не пересыхает в летние жары* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, V); Однажды *в обед* ... *спросил* он своих людей (Изм., Правосудие русск. барина); *Во вторую кампанию* шведской войны я ездил на границу Финляндии (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3).

Эти конструкции в описываемое время активно взаимодействовали с конструкциями с предлогом *во время*, несколько уступая им в употребительности в сфере деловой речи. Из всех конструкций, обозначающих действие, совершающееся в один из моментов названного отрезка времени, конструкция с предлогом *во время* наиболее четко выражала данное значение; благодаря сохранившемуся лексическому значению, основную «нагрузку» здесь несет предлог. Лексически предлог *во время* более свободен в отношении соединяемых им компонентов сочетания. Состав этих сочетаний не был ограничен: в них относительно редки лишь существительные — названия временных отрезков. Все это обеспечило конструкциям с предлогом *во время* преимущественное положение среди рассмотренных выше других построений с данным значением.

В начале XIX в. большая частотность таких конструкций наблюдается в деловой речи, но это не исключало их употребления и в других речевых сферах.

Низкое место ... *во время разлития Волги подвержено бывает* наводнению (Озерецковск., Описание Колы); *Во время несчастия* Васильева новгородцы *признали* Шемяку своим князем (Карамз., И. Г. Р., V, III); Мореплаватель *во время*

бури не смотрит с таким вниманием на магнитную стрелку ... (В. Е., 1802, № 6); *Во время революции не должно спешить* исправлять несправедливость (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 3); *Во время* тиранического *правления* во Франции Ла Галетиер *заключен* в тюрьму (Моск. Мерк., 1803, янв.); Большая часть песней *сочинены* Давидом *во время его бедствий* (Тр. Об-ва люб. росс. слов., 1812, ч. 3, кн. 5); *во время заседания наблюдается* следующий порядок (Там же, Устав Об-ва); *Во время войны* она ничего *не делает* (Борат., п. А. Ф. Боратынской, 1814).

Дальнейшая история конструкции с предлогом *во время* заключается в ее распространении во всех сферах речи. Она почти абсолютно возобладала в деловой речи и широко распространилась в речи повествовательной и разговорной. Однако процесс этот протекал постепенно. Так, например, Пушкин одинаково использует обе конструкции — с винит. пад. с предлогом *в* и с родит. пад. с предлогом *во время*, ср.;

Лечиться от ран, *полученных* ими *в нынешние походы* (Путеш. в Арзр., 5) и: *Перешли* с Кубани на Дунай *на время походов* графа Миниха (Об «Ист. Пугач. бунта»); *Служил* с честию *в семилетнюю войну* (Ист. Пугач., 3) и: *во время семилетней войны служил* генерал-майором (Там же, Прим. к гл. 8). *В междуцарствие* она *возросла* (2-й том «Ист. русск. народа» Полевого) и: *во время междуцарствия ... сделал* честно свое дело (⟨Опроверж. на критики⟩, ⟨III⟩); *Писанный в минувшее царствование* (п. А. Бенкендорфу, 18 янв. 1831) и: *Во время прошедшего царствования выпросил* майоратство для грузина (Дневн., 12 мая 1834); *В отсутствие Арно* трагедия его «Германик» *игралась* в Париже (Франц. Акад.) и: *Напечатано во время отсутствия* барона Дельвига (Объяснение по поводу заметки об «Илиаде»).

Во второй половине и особенно в конце века конструкция с предлогом *во время* становится основной среди конструкций со значением «действие, совершающееся в один из моментов названного времени или другого действия»; она приобретает массовую употребительность. Вот некоторые примеры:

Во время получения денег ... *утаивались* различные суммы (Судебн. заключ., 1879); снимок с ассигнаций, впервые *появившихся* в обращении *во время Французской революции* (Осколки, 1881, № 2); Учреждения народа находятся в зависимости от завоевателей, как *было* у нас *во время татарщины* (Каблиц, Осн. народничества, I, II); Монголы *застали* Русь на походе, *во время передвижки* (Ключевск., Курс русск. ист., I, VII); *Во время* каких-то *военных упражнений,* он выказал себя... воинственным и бравым (Гарш., Из воспом. ряд. Иванова, IV); *развлекал его ... во время* тревожных *поездок* за докторами (Боборык., Обречена, XXXI).

За конструкцией с винит. пад. к концу XIX в. закрепляется в основном одна лексическая группа существительных, с которыми эти построения употребляются как стилистически нейтральные: это названия явлений природы.

Объездить все устье Невы *в эту бурную погоду, в этот холод, в этот дождь* (Ш.-Мих., Лес рубят — щепки летят, 1, I, I); С помощью электричества *снимать портреты* можно и вечером и ночью, так же, как *в дождь* и *снег* (Осколки, 1881, № 14). *В грозу* ... лошадь *испугалась* (Корол., п. И. Г. Короленко, 10 дек. 1882); *Ездят в бурю* и кончат тем, что утонут в своем море (Гарин-Мих., Детство Темы, XII).

Конструкции с другими существительными закрепляются в разговорной речи и непринужденном повествовании.

Из них одну *принял я в обед* (Чех., Симулянты); Она это *высказала* ему *во второе свидание* (Л. Толст., Воскрес., 2, XXIX); *В холеру* девяносто второго года вся огромная семья Иванушки вымерла (Бунин, Деревня, III).

Итак, к концу XIX в. соотношение между конструкциями с предлогами *в* и *во время* меняется в сторону ограничения первых и распространения вторых.

Конструкции с предлогами В ТЕЧЕНИЕ, В ПРОДОЛЖЕНИЕ

§ 51. Среди развивающихся конструкций большое место занимали конструкции с родит. пад. и предлогами *в течение, в продолжение*. Основным значением их было «действие, длящееся в пределах указанного времени» (*служил в течение, в продолжение зимы*); с ним смыкалось второе значение — «действие и количество времени, на него затраченное» (*служил в течение пяти лет*). Эти конструкции могут иметь также и третье значение — «действие, совершающееся в один из моментов названного отрезка времени» (*в течение, в продолжение этого месяца написал два письма*). Остановимся на конструкциях первого значения, так как они являются основными, связанными с семантикой предлогов, и отчасти на конструкциях со вторым значением.

В первом значении построения с предлогами *в течение, в продолжение* к началу XIX в. соотносились с сочетаниями с винит. пад. с предлогом *через* (*жил через зиму*), с винит. с предлогом *в* (*жил во всю зиму*), с винит. беспредложным (*жил всю зиму*), с винит. с предлогом *за* (*прожил за всю зиму*) и с творит. беспредложным (*жил зимами*). Во втором значении они взаимодействовали с конструкциями с винит. пад. беспредложным типа *служил два года*, т. е. с конструкциями, в которых при существительных имеется количественный показатель, а также с конструкциями с винит. и предлогом *в* (*изъездил в три года*) и с винит. и предлогом *за* (*изъездил за три года*). В последнем случае взаимодействие

осуществлялось при наличии в сочетании глаголов со значением результативного действия.

К концу XVIII — началу XIX в. в группе изучаемых конструкций сочетания типа *жил через зиму* уже не играли существенной роли (см. § 48, п. 4). Незначительное место занимали здесь и конструкции с винит. пад. и предлогом *за*, строящиеся с существительными — названиями временных отрезков [63]. Продуктивными конструкциями в этом ряду соотношений были конструкции типов *жил всю зиму, жил во всю зиму, жил в течение зимы* и *жил в продолжение зимы*. Наибольшую употребительность имела конструкция типа *жил во всю зиму*. Соотносительные беспредложные конструкции (*жил всю зиму*) в начале изучаемого периода были менее употребительны. Еще менее были распространены конструкции с предлогами *в течение* и *в продолжение*, хотя они и свободно включали в свой состав существительные разных значений. Однако сами эти предлоги в это время еще редко использовались; основной сферой их функционирования была деловая речь.

В течение февраля месяца вышло здесь 85 новых книг (В. Е., 1802, № 7); *В течение трех дней грабили* ... монастыри (Карамз., И. Г. Р., II, XVII); *В течение сей зимы* я сам *собирался писать* к тебе (Н. Тург., п. П. Вяземск., 1 апр. 1815); Сии полезные животные ... *в течение нескольких столетий сохранили* свою природную свободу (Тр. Вольн. об-ва соревноват. просвещ., 1818).

Продовольствовать одними ими *в продолжении более четырех месяцев* всю столицу (ПСЗ, 1801, XXVI, § 19853); *в продолжении шести лет приготовлялся* к наблюдениям (Тр. Вольн. об-ва соревноват. просвещ., 1818); Армия... *в продолжение дня перешла* через Прегель (Д. Дав., Мат-лы для воен. ист., Тильзит в 1807 г., I).

Приведенные примеры иллюстрируют соотносительность конструкций с предлогами *в течение* и *в продолжение*, строящихся с названиями временных отрезков. Та же соотносительность наблюдается в этих конструкциях, включающих существительные невременного значения. Наиболее употребительной была здесь конструкция с предлогом *в продолжение*.

В продолжении пути капитан ... *жалеет* о нашем герое (Моск. Мерк., 1803, янв.); *сидел в продолжение всего спектакля* как на иголках (Жих., Зап. совр., II, 5 февр. 1807); *в продолжении службы* своей ... *отличался* (Тр. Об-ва люб. росс. слов., 1812, ч. 4, кн. 6); *В продолжении чтения* автор глазами, киваньем головы... *подкреплял* силу тех выражений (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3).

---

[63] Чаще эта конструкция использовалась для выражения значения «действие, совершающееся до начала какого-либо временного отрезка или другого действия» (*за пятьдесят лет* здесь действительно *были* заводские печи. Сев. вестн., 1805, ч. 5).

Сей деспотизм *оскорблял* все народы *в течение* последней *войны* (В. Е., 1802, № 7); к чему *должны* были *клониться* усилия наши *в течение* сего трехсуточного *отступления* (Д. Дав., Мат-лы для воен. ист., Воспом. о сражении при Прейсиш-Эйлау, II).

На протяжении XIX в. соотношение между конструкциями типа *помогал в продолжение войны, помогал в течение войны, помогал всю войну* и *помогал во всю войну* меняется. Уже к середине века заметно сокращается количество конструкций с винит. пад. в деловой речи: здесь им предпочитаются конструкции с родит. пад., в особенности в тех случаях, когда в состав сочетания входят названия процессов. Наибольшее «тяготение» к названиям процессов проявляет предлог *в продолжение*; предлог *в течение* чаще соединяется с названиями отрезков времени.

В течение.

Совершили [перевод] *в течение шести лет* (Моск. телеграф, 1826, № 6); Дух наш, *в течение тысячелетий*, постепенно *восходил* до той высоты эстетического совершенства... (Телеск., 1831, № 10); Письменный язык... не должен отрекаться от *приобретенного* им *в течение веков* (Пушк., Письмо к издателю).

В продолжение.

В продолжение еще *многих лет*, Сиам *возмущаем был* внутренними *раздорами* (Моск. телеграф, 1826, № 6); *В продолжение некоторого времени* он *мог не принадлежать* более этой академии (Пушк., Франц. Акад.); *В продолжение этого времени* юные государства *окрепли и возмужали* (Гоголь, О средн. веках); Польша *в продолжение сих войн была разорена* совершенно (Телеск., 1831, № 9); [расстояние], на какое он *удаляется* и *приближается* относительно к Земле *в продолжение каждого из своих оборотов* (Б-ка для чт., 1834, т. VII); создать столько, сколько *не истратить* веками *в продолжение долгого их бытия* (Плетнев, п. Я. Гроту, 10 дек. 1840); *в продолжении шестнадцати месяцев служил* проводником Гумбольдту (Совр., 1847, т. V, № 10); Им *позволяется в продолжение 50 лет продавать*... парчи всех сортов (Там же, т. IV, № 7).

Вне сферы официальной, книжной речи по-прежнему остаются основными конструкции с винит. пад., причем частотность конструкции с предлогом *в* несколько снижается, а беспредложной (в особенности с названиями временных отрезков) и с предлогом *за* — возрастает. Но и здесь конструкции типа *путешествовал во весь год* и *путешествовал весь год* испытывают воздействие построений с предлогами *в течение* и *в продолжение*, которые, выходя за рамки деловой речи, распространяются в художественной прозе (в авторской речи), в эпистолярной и мемуарной литературе, ср.:

Он вздохнул о ветхой лачужке, где *в течение осьмнадцати*

лет все *было заведено* самым строгим порядком (Пушк., Гробовщ.); *В течение нескольких месяцев* никогда *не выезжал* со двора, не взяв его с собою (Погорельск., Монастырка, 1, IV); Владельцы этих огородов *занимают их в течение лета* (Бутк., Пб. верш., 2, Хорошее место, IV); *В течение тридцатилетней жизни* и *службы* в провинции, старик *не мог отвыкнуть* от всегдашней поговорки своей (Н. Полевой, Живописец, I); *в течение тридцатилетнего супружества, не пожалели* о своем выборе (В. Соллог., Тарантас, XV); *В течение* всего этого *разговора* Вера нарочно *отворачивалась* от Горского (Тург., Где тонко, там и рвется, ремарка).

Напевал ей что-то на ухо *в продолжение ... котильона* (Марл., Фр. «Н.», II); *в продолжение* этих *переговоров хранила молчание* (Погорельск., Монастырка, 2, XIV); Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего *вытянул* он пять стаканов *в продолжение* своего *повествования* (Пушк., Станц. смотритель); *молчал в продолжение обеда* (Булг., Ив. Выж., XVIII); *В продолжении* всей своей *молодости* этот человек *не пристрастился* ни к чему (Лерм., Кн. Л., VI); *в продолжение дороги ... желал научиться* по-французски (Вельтм., Саломея, 3, IV).

По направлению к концу XIX в. продолжается вытеснение из деловой речи беспредложной конструкции типа *жил всю зиму* конструкциями типа *жил в течение зимы, жил в продолжение зимы*. Но в повествовании и разговорной речи беспредложная конструкция сохраняется. Остаются как стилистически нейтральные конструкции типа *работал два года*; употребление построений типа *жил во всю зиму* затухает; напротив, возрастает частотность конструкций типа *сделал за год*: они становятся более активны, чем равнозначные конструкции типа *сделал в год*.

В целом развитие всего этого ряда соотносительных конструкций в XIX в. проходит под знаком массового распространения конструкций со специализированными предлогами *в течение, в продолжение*; сосуществование самих этих предлогов может быть объяснено отмеченным выше тяготением предлога *в течение* к существительным — названиям временных отрезков, а предлога *в продолжение* к существительным — названиям процессов. Вот ещ некоторые иллюстрации построений с этими предлогами в литературной речи второй половины XIX в.

В течение.

Скорость движения цилиндра *в течение промежутков времени* от раздражения до конца сокращения *остается* всегда *равною* (Сеченов, Физиол., 1, 1, § 24); *нагревая в течение многих часов* при 150—200° смесь (Менд., Осн. химии, 2, XXVII); *в течение* судебного *следствия были моменты*, когда... (Речь прокурора Урусова, 1879); Анализ чувствований *в течение долгих веков имел* совершенно *практический характер* (Н. Грот,

Психология, Вступл.); *В течение выставочного сезона ... устроили* несколько банкетов (Осколки, 1881, № 16); *В течение получаса* один *почувствует* свою силу, другой свое бессилие (Владиславл., Психология, 2, 4); Ваш отбор, говорит Данилевский дарвинистам, *сохраняет* и *сохранял в течение несметных веков* только полезное, совершенное (Тимиряз., Опровергнут ли дарвинизм? I, Русск. мысль, 1887, № 5); *В течение обширного доисторического периода ... следовали* одно за другим ... одни и те же видоизменения общественного строя (Каблиц, Осн. народничества, I, I); отношение к стране, *изменявшееся в течение веков* (Ключевск., Курс русск. ист., I, II); *поддавалась в течение долгих лет* условиям своей жизни (Ш.-Мих., Лес рубят — щепки летят, 1, 1, II); так и *продолжалась* жизнь наших супругов *в течение года* (Леск., На ножах, 5, 28); *в течение нескольких лет* он *не сбивался* с этого пути (Боборык., На ущербе, 2, XXIII); погода, прочно *установившаяся в течение последней недели* (Купр., Молох, IX); руки ... *уродованные* мозолистыми наростами *в течение целых восьмидесяти лет* (Бунин, Деревня, III).

В продолжение.

Газовые трубы, *в продолжение целого месяца, имели* довольно крупные трещины (Осколки, 1881, № 17); *В продолжении десятимесячного заключения не пропустила* ни одного вторника (Речь присяжн. повер. Жуковского, 1879); теория, *в продолжение четверти века занимавшая* лучшие умы (Тимиряз., Опровергнут ли дарвинизм? I, Русск. мысль, 1887, № 5); Многие из своих убеждений она *изменила в продолжение этого времени* (Каблиц, Осн. народничества, I, Введение); *В продолжение значительной части года* [река] и *кормила* его (Ключевск., Курс русск. ист., I, IV); *В продолжение всех летних каникул* все-таки ни разу *не брал* в руки учебников (Салов, Грачевск. крокодил, XXVI); *В продолжение всей его жизни,* сознание недостаточности этой силы в самом себе и *было* главным его *мучением* (Стасов, Автобиогр., V); *В продолжение целой недели называл* ее своим другом (Купр., Молох, VI).

В самом конце XIX в. начинает функционировать предлог *на протяжении*, конструкции с которым еще более точно выражают значение «действие, длящееся в пределах названного отрезка времени» (*уклад, сложившийся на протяжении столетий*).

Конструкции с предлогами ДО, К, ПЕРЕД

§ 52. В конце XVIII — начале XIX в. широко распространены были конструкции с родит. пад. и предлогом *до (до осени зачах)*, с дат. и предлогом *к (к вечеру остановились ночевать)*, а также с творит. и предлогом *перед (заснул перед утром)*. Все они были

связаны одним общим значением: «действие, совершающееся до начала какого-либо отрезка времени или другого действия»; но каждая имела свой оттенок, исключавший дублетность.

Конструкция с предлогом *к* обозначала непосредственное «примыкание» [64] времени действия к названному отрезку времени; чисто временное значение в этой конструкции создавалось при наличии в ней существительных — названий отрезков времени, возрастных периодов (*к полудню прояснилось, к старости ослеп*); с существительными — названиями процессов временное значение конструкции с предлогом *к* получали тогда, когда эти существительные сочетались со словами *начало, конец* и т. п. (*прибыл к концу беседы*). Конструкции с другими существительными, организуемые глаголами направленного действия, имели осложненное значение: временное значение осложнялось целевым (*поспеть к обеду*). По своей семантике построения с предлогом *к* сближались с потерявшими к тому времени продуктивность конструкциями с винит. пад. и предлогом *под (пришел к вечеру — пришел под вечер);* кроме того, они могли соотноситься с конструкциями с родит. и предлогами *около, близ (пришел к вечеру — пришел около вечера)*. Сочетания типа *пришел около вечера* также были лексически ограничены и, как уже упоминалось выше (см. § 48), менее определенно выражали значение «действие, совершающееся в момент, непосредственно примыкающий к названному отрезку времени»: их именная часть могла обозначать и непосредственное примыкание действия к указанному отрезку времени, и близкое его предшествование этому времени. Таким образом, из названных трех соотносящихся конструкций ведущая роль принадлежала семантически четкой и стилистически нейтральной конструкции с предлогом *к*.

И *к утру видит* сон Вадим (Жуковск., Вадим); *К ночи сделался мороз* (Жих., Зап. совр., I, 30 окт. 1805); *К вечеру* неприятные чувствования *утихают* (Н. Тург., Дневн., 21 янв. 1811); Взял на себя труд *постараться* о вырезании оной [печати] *к будущему заседанию* (Тр. Об-ва люб. росс. слов., 1812, ч. 4); *К вечеру* одного прекрасного дня *остановились* ужинать (Нарежн., Росс. Жплбл., 4. V); *К полуночи ввели* нас в особый покой (Там же); *К концу кампании ... были взяты* в плен (Д. Дав., Встреча с велик. Суворовым, I).

Близкой, но не идентичной по значению сочетаниям типа *к вечеру собрались* была конструкция с творит. пад. и предлогом *перед*, именная часть которой обозначала близкое предшествование времени действия началу определенного временного отрезка или какого-либо процесса (*купил перед этим годом, собрались перед битвой*).

---

[64] См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М. 1938, гл. XIII, стр. 293.

Наиболее обычны в сочетаниях с предлогом *перед* были существительные — названия процессов; в конструкциях с этими существительными не были употребительны предлоги *около* и *близ*, обычные в конструкциях с названиями временных отрезков (*достигли перед вечером — достигли около вечера*). Как и конструкции с предлогом *к*, построения с *перед* не были стилистически локализованы.

Обязаны были платить откупную сумму *пред наступлением каждого месяца* (ПСЗ, 1800, XXVI, § 19247); *Перед кричаньем* они свистали (Н. Тург., Дневн., 21 июля 1808); Так *рассуждал* Простаков каждогодно *перед поездкою* в город (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, XII); *Перед обедом* он *толковал* о маневрах (Д. Дав., Встреча с велик. Суворовым, II).

Перед утром выслал он меня (Жуковск., Ложн. стыд, I, 4); *перед вечером возвратился* в хижину (В. Е., 1802, № 8); Ласточки к нам *прилетают перед весной* (Крыл., Мот и ласточка); *Перед полуднем раздался* на дворе семинарском звон колокола (Нарежн., Бурсак, 1, I); *перед вечером ... раскладывали* огни (Д. Дав. 1812 год, II).

Сочетания с предлогом *перед* в некоторых случаях соотносились также с конструкциями с наречным предлогом *накануне*. Возможность взаимозамены создавалась только для конструкций с существительными — названиями процессов при условии, если предлог *накануне* употреблялся в значении «незадолго до чего-нибудь». Чтобы установить семантическую идентичность конструкций с предлогами *перед* и *накануне*, нужны более широкие синтаксические построения, чем словосочетание; в пределах сочетания *накануне* может быть понято и как «незадолго до чего-нибудь», и как «в день, предшествующий чему-нибудь», ср.: *говорил накануне войны* — «говорил незадолго перед началом войны» и «говорил в день, предшествующий началу войны».

Первое значение предлога *накануне* («незадолго до чего-либо») можно назвать ситуативным; основным значением было второе («в предшествующий день»). Это значение отчетливо проявилось в конструкциях со словом *день* и названиями знаменательных дней (*накануне Нового года*).

Накануне того дня генерал Готчинсон и сир Р. Биккертон *получили* первую степень Полумесяца (В. Е., 1802, № 6); *накануне бала* ей *принесли* ... белое атласное платье (Там же, № 5); *Накануне выезда* при закате солнца *повел* я свою подругу к лесному дому (Нарежн., Росс. Жилбл., 4, XI).

Таким образом, конструкции с предлогами *перед* и *накануне* становились взаимозаменяемыми только в контексте.

В отличие от них как дублетные функционировали конструкции с родит. пад. и предлогами *до* и *прежде*. И та и другая обозначали действие, осуществляющееся в один из моментов до наступления названного отрезка времени или какого-либо процесса.

Конструкции с предлогом *до* охватывали более широкий круг существительных и не были стилистически окрашены; форма с предлогом *прежде* явно предпочиталась при построении сочетаний, включающих названия процессов. Заметно также преимущественное употребление таких сочетаний в описательных фрагментах художественных произведений и в речи деловой, где форма с предлогом *прежде* встречается чаще формы с предлогом *до*.

Франция *не делает с нами союза прежде мира* с Портою (Храповицк., Дневн., 29 апр. 1789); *Прежде шестого-на десять века* Британия ничего не значила для Европы (В. Е., 1802, № 7); *Прежде революции* он никогда *не обедывал дома* (Там же, № 6); после неудачной попытки *пробиться* в эту крепость *прежде покорения* ее французами (Д. Дав., Мат-лы для воен. ист., Тильзит в 1807 г., I); Святослав, еще *прежде Олегова возвращения* из орды, *тревожил* баскаковы селения ночными нападениями (Карамз., И. Г. Р., IV, V); Сии ветры, *прежде вступления* своего в жаркий пояс, *были бы удержаны* (ЖДНП, 1821, май).

Несмотря на то, что конструкции с предлогами *до* и *прежде* были равнозначны, дублетность их была ограничена: конструкции с предлогом *прежде* не могли выражать значения «действие, охватывающее все время до названного отрезка времени», т. е. в них не употреблялись глаголы длящегося действия; как уже сказано, в них могло входить не всякое существительное; стилистически они не были нейтральны.

Конструкции с предлогом *к (приехать к вечеру)* и *перед (приехать перед вечером)* занимали самостоятельные позиции по отношению к построениям с предлогом *до* и имели свои дублеты: *приехать к утру — приехать под утро — приехать около утра; приехать к балу — приехать перед самым началом бала; приехать перед вечером — приехать около вечера; случилось перед революцией — случилось накануне революции.*

Соотношение, создавшееся к концу XVIII — началу XIX в. между конструкциями со значением «действие, совершающееся до начала какого-либо отрезка времени или другого действия», предопределило их дальнейшую судьбу. То обстоятельство, что конструкции с дат. пад. и предлогом *к*, с творит. и предлогом *перед*, с родит. и предлогами *до* и *накануне* семантически различались, способствовало их сохранению в языке. Эти конструкции были почти свободны с точки зрения лексического наполнения, что обеспечивало им преимущественное положение среди дублетных построений и неограниченное использование в разных речевых сферах. Вот некоторые примеры их употребления.

Конструкции с предлогом *к*:

Возвратились они домой *к поздней ночи* (Гонч., Обл., 2, IV); *к вечеру почувствовал*, что... (Тург., Где тонко, там и

рвется); В Бисерово *приехали к утру* (Корол., п. Э. И., Э. Г. Короленко и М. Г. Лошкаревой, 29 окт. 1879).

Конструкции с предлогом *перед*:

Перед разлукой я *хотел* с вами *объясниться* (Пушк., Выстрел); архитектура, которая *образовалась перед окончанием средних веков* (Гоголь, Об архитектуре нынешн. времени); Вы у нас *перед болезнью не были*, кажется, с полгода (Черн., Что делать? 3, VII); *Перед отъездом* из Москвы он *схватил* легкую *простуду* (Боборык., На ущербе, 2, XVII); *Перед концом жизни* старик *простил* сына (Суворин, Дневн., 14 апр. 1896).

Конструкции с предлогом *накануне*:

Накануне назначенного дня для походу мать моя долго *говорила* о наших неудачах (Пушк., Дж. Теннер); Штольц *накануне отъезда говорил* Ольге (Гонч., Обл., 2, VIII); *Накануне начала уроков* Тема в первый раз *надел* форму (Гарин-Мих., Детство Тёмы, VI); *Ушел* на свой пароход *накануне* ее *смерти* (Корол., п. В. Н. Григорьеву, 18—20 сент. 1888).

Конструкции с предлогом *до*:

Но то почти неоспоримо, что *до десятого* и *одиннадцатого столетия были* у нас некоторые упражнения в отечественном слове (Тр. Об-ва люб. росс. слов., 1812, ч. 4, кн. 6); Ты *должен видеться* с отцом *до его кончины* (Нарежн., Бурсак, 1, V); Мы *прошли* три мили *до ночи* (Пушк., Моро-де-Бразе); Долг Вяземских я еще *до получения* твоего *письма перевел* на себя (Пушк., п. П. Нащокину, серед. марта 1834); Еще *до александрийских грамматик могло возникнуть сомнение*, одному ли автору принадлежат две поэмы (Москвит., 1856, т. II, № 5); Да, обманывал, уже целый месяц; еще *до приезда отца начал* (Дост., Униж. и оскорбл., 2, I); Ни сожаления, ни презрения Аркадий *не чувствовал* к своему отцу ни *до этого разговора*, ни после (Писарев, Реалисты, IX); *Был* в итальянском походе в войсках Наполеона еще *до его консульства* (Сверб., Зап., II); — А *до Дунаю-то* что *говорили?* — сказал Федоров (Гарш., Из воспом. ряд. Иванова, IX); Новый склад жизни *завязался до них* [монголов] (Ключевск., Курс русск. ист., I, VII).

Во второй половине XIX в. конструкция с предлогом *прежде* теряет свою употребительность: предлог *до* достаточно точно выражал значение «совершение действия до какого-либо предела»; конструкции с этим предлогом не были ограничены со стороны лексической: в них включались существительные любых значений, в том числе и конкретные. Существенным являлся и тот факт, что само слово *прежде* к концу XIX в. приобрело окраску книжности. Кроме того, в слове *прежде* границы между предлогом и наречием были зыбки [65]. Все это обусловило ограничение конструкций с предлогом *прежде*.

[65] Ср.: Она никогда, ни *прежде*, ни *после* решительной *сцены*, не смотрела на Базарова как на нахального циника (Писарев, Реалисты, XIV).

Итак, к концу XIX в. из группы сочетаний, обозначающих действие, совершающееся до начала какого-либо отрезка времени и другого действия, остаются как основные конструкции типа *заснуть к утру, заснуть перед утром, заснуть до утра; явиться к началу собрания, явиться перед началом собрания, явиться до собрания.* Не претерпевает изменений конструкция с предлогом *накануне.*

Конструкции с предлогом ПОСЛЕ

§ 53. В активном взаимодействии развивались две дублетные конструкции, выражавшие значение «действие, совершающееся после указанного отрезка времени или другого действия»: с родит. пад. и предлогом *после (приехали после полудня, после долгого молчания сказал)* и с предл. пад. и предлогом *по (возвратился по долгом времени, по долгом молчании сказал).* Эти конструкции совпадали и по оттенку результативности, создающемуся при наличии внутренней связи между действиями, обозначаемыми существительным и глаголом *(по долгим уговорам согласился).* Равнозначная конструкция с дат. пад. и предлогом *по* к началу изучаемого периода вышла из широкого употребления (см. § 48).

Конструкции с винит. пад. и предлогами *через (вернулся через два года)* и *спустя (вернулся спустя два года)*, идентичные по значению, не были равнозначны с конструкциями типа *вернулся по сдаче дел* и *вернулся после сдачи дел*: в сочетаниях с предлогами *через* и *спустя* указывалось точное количество времени, отделяющее момент совершения действия от названного отрезка времени или другого действия; такого оттенка в значении конструкции с *по* и *после* не имели.

Лексически и контекстуально обусловленными были построения с творит. пад. и предлогом *с* типа *вернется с окончанием дел.* Значение «действие, совершающееся после какого-либо отрезка времени или другого действия», возникало в них только при именной части *с истечением, с окончанием, с отбытием, с отъездом* и при синонимичных словах или при наличии контекста, указывающего на то, что действие, выражаемое глаголом, совершилось после действия, называемого существительным.

Со истечением года ... определенная сумма сполна *собрана* и *доставлена была* (ПСЗ, 1801, XXVI, § 19819); которое из воинств *озарится лучами славы с окончанием дня* и боя! (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, Сражение при Кремсе); *С отбытием императора* все политические сношения с Наполеоном *стали приближаться* к развязке (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 8).

Такие построения в течение XIX в. не подвергались изменениям и место их среди равнозначных сочетаний осталось прежним.

Таким образом, из немногочисленных форм сочетаний, обозна-

чавших действие, совершающееся после указанного времени или другого действия, в начале XIX в., в сущности, конкурировали сочетания типов: *вернулся по сдаче дел* и *вернулся после сдачи дел*. Форма с предлогом *по* не уступала по употребительности форме с предлогом *после*, а в речи деловой и научной даже преобладала.

В условиях построения сочетаний с предлогами *после* и *по* было существенное различие: первые не были ограничены со стороны лексического состава; вторые имели более узкие лексические рамки: в них не входили непосредственно, т. е. вне соединений со словами *наступление, окончание* и синонимичными им, существительные — названия временных отрезков[66] (кроме существительного *время*[67]). Из названий конкретных действий и явлений природы в этих сочетаниях повторяются только немногие: *приезд, отъезд, выезд, выход, путешествие, битва, восход, заход*; из слов со значением состояния часто встречаются *смерть, кончина;* единичны случаи употребления в конструкциях с *по* названий лиц или личных местоимений.

По десятидневном путешествии увидел я море (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 3); *По прошествии 12* часов *приезжают на* ярус (Озерецковск., Описание Колы); *По смерти* своей *оставил* ей великое имение (Сев. вестн., 1805, ч. 5); Наконец, *по коротком времени* ... афиняне *объявляли* правом своим одну силу (Н. Тургн., Дневн., 17 апр. 1808); *По страшной битве той ... возвышен восседал* (Жуковск., Пиршество Александра II); *По приезде* назад домой Добров ... *полетел* к Плутягину (Изм., Правосудие русск. барина); *По наступлении ночи* мы *отступали* к пределам Венгрии (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 1, Город Голич); Смелые поэты, смелые прозаики! Откройте все богатства русского языка: *по вас придут* грамматики (Вяземск., Ст. зап. кн., 2); *По восходе солнца выходил* я из тесной моей спальни на палубу (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3).

Самую большую группу среди сочетаний с предлогом *по* составляли построения с существительными отглагольными и отвлеченного значения.

Леса сии *по отведении* в заводское ведомство *разделены* (ПСЗ, 1800, XXVI, § 19245); *По миновании* назначенного *срока ... присылать* в Инспекторскую экспедицию (Там же, § 19248); Это *было* уже *по взятии Очакова* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3); *По предложении* и *утверждении* сих постановлений, каждый *вступил* в свою должность (Журн. приятн.

---

[66] В первой половине XVIII в. такие сочетания были возможны, например: *по трех годах* в Киев *возвратился* (Кант., Прим. к Сатире III).

[67] Соединение *по времени* уже в начале XIX в. было устойчивым (*по времени* дыни и арбузы *принесены*. Нарежн., Два Ивана, 1, XI); оно не сохранилось в литературном языке.

чт., 1802, ч. 1, № 2); *По пробитии двенадцати часов* оного [огня] *не стало* (Там же, № 3); *по немалом искании нашел* его (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, III).

Хотя в конце XVIII — начале XIX в. конструкция с предлогом *по* отмечается в разных речевых сферах, однако уже в первые десятилетия XIX в. обнаруживается тенденция к сосредоточению ее в деловой, публицистической, научной речи.

В отличие от этой конструкции с *по,* конструкция с *после,* помимо способности включать в себя широкий круг существительных, обладала ничем не ограниченной употребительностью.

Народная сила и храбрость, *после некоторого усыпления,* громом и молниею *возвестили* свое пробуждение (В. Е., 1802, № 4); *После Робеспьерова падения* он *пошел* опять *в службу* (Там же); *После Люневильского мира* Франция *могла бы* всеми силами *напасть* на королевство Неаполитанское (Там же, № 1); *После* такого *несчастия* капитан-паша *снял осаду* (Там же, № 4); *После* краткого *молчания* ... сказал (Журн. приятн. чт., 1802, ч. 1, № 3); *нашли* друг друга *после долговременной разлуки* (Моск. Мерк., 1803, май); *После сражения* любопытство других его видеть *служит* ему наградою (Сев. вестн., 1805, ч. 5); *После осени настанет* зима (Нарежн., Бурсак, 1, IV).

Значительно чаще, чем конструкции с предлогом *по*, встречаются конструкции с *после*, вторым компонентом которых являются конкретные существительные.

После театра слег в постель (Гриб., п. С. Бегичеву, 5 сент. 1818).

Таким образом, уже в первые десятилетия XIX в. конструкция со специализированным предлогом *после* определилась как наиболее активная. На протяжении XIX в. она сохраняет продуктивность и употребительность в разных сферах речи. Напротив, к концу века последовательно сокращается круг существительных, входящих в построения типа *сказал по долгом молчании*; тенденция к стилистической локализации этих конструкций усиливается. Однако окончательного вытеснения формы с предлогом *по* не произошло: приблизительно до 50—60-х годов для сочетаний с отглагольными существительными на *-ание, -ение* форма с предлогом *по* предпочитается.

Оставшись по отбытии графа Паскевича-Эриванского командующим войсками (Марл., Письма из Дагестана, Похол... в 1831 г.); *по изгнании* из Англии *умерший* во Франции (Телеск., 1831, № 9); *по выздоровлении* своем *продал* имение свое (Погорельск., Монастырка, 2, XXII); Премия *устанавливается* ежегодно ... *по рассмотрении* за протекшее время баланса (Отеч. зап., 1839, т. IV); *По отправлении* к вам *письма* ... *провел* часа два за чтением (Я. Грот, п. П. Плетневу, 25 сент. 1840); *По напечатании* книги я немедленно вам *доставлю*, что будет следо-

вать (Вельтм., Саломея, 3, II); Сии требования ... *вносятся* в ведомость *по приобретении книг* (ЖМНП, 1854, февр.); *по изготовлении* [парохода] *отправится в море* (Морск. сб., 1856, июль); *по отступлении* неприятелей тотчас *восстановил* свой лагерь (Москвит., 1856, т. II, № 6).

К концу века сокращается употребительность конструкций с предлогом *по*, в том числе и таких, в которые входят существительные с суффиксами *-ани(е), -ени(е)*. В основном эти сочетания локализуются в деловой, научной, публицистической речи.

По выделении этой соли *остается* маточный рассол (Менд., Осн. химии, 2, XXVI); Пустынь эта, может быть, несколько времени *существовала и по удалении* Антония (Зап. Р. Г. О., 1877, т. VII); *По прочтении обвинительного акта* подсудимая на вопрос о виновности *ответила* отрицательно (Судебн. заключ., 1878); *По распадении* союза ... восточные славяне *разделились* на отдельные колена (Ключевск., Курс. русск. ист., I, VIII).

В то же время все более редкими становятся сочетания, включающие другие существительные, например:

По долгом пути приехали (Телеск., 1831, № 12); *Ушла* стремглав из сей юдоли слез... *По долгой*, тяжкой, истомительной *борьбе* (Тютч., Шепшиной); *По ссыпке* пшеницы, на этих самых подводах *повезли* в деревню оркестр музыкантов (Щепкин, Зап. актера, V); *По докладе* директору департамента... *сдает* книги для хранения в архив (ЖМНП, 1854, февр.).

В свою очередь, названия отрезков времени, явлений природы, общественных явлений, состояний, чувств, актов речи, а также названия конкретных предметов все шире используются в конструкциях с предлогом *после*.

Сказал ... после первых *приветствий* (Телеск., 1831, № 11); *После двадцатилетней* верной *службы, выгнали* меня из дому (Погорельск., Монастырка, 2, XXI); облака, *облегавшие* запад *после* сильного *дождя* (Н. Полевой, Живописец, II); *После* приятных *дней любви* и наслаждений, *наступила* гроза (Булг., Ив. Выж., III); *попадешь после рождества* на все балы (Грот, п. П. Плетневу, 20 ноября 1840); Лиза день было *погрустила после вас* (Гоголь, п. сестре Анне Васильевне, нач. мая 1840); *После* этого *концерта я составил* гениальный план (Бутк., Пб. верш., 1, Почтен. человек, II); *После* страшного *взрыва* его в 1730, вулкан долго *оставался покойным* (Совр., 1847, т. V, № 10); *После* долгой *нерешительности* ... неловко *высовывает* язык (Некр. и Станицк., Три стр. света, 3, II).

Однако у некоторых писателей 60—80-х годов не исключалось использование формы с предлогом *по* — с ограниченным кругом существительных: *по смерти, по приходе, по уходе, по выезде, по возвращении, по окончании* (последнее — с оттенком непосред-

ственного следования: *по окончании свадьбы* — «тотчас после свадьбы»).

По смерти князя Чебылкина, охотно *пристроился* под крыло генерала Голубовского (С.-Щ., Губ. оч., Общая картина); *По приходе* домой она *оставляла* шарманку (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XLII); *По уходе* его Пьер долго еще *ходил* по комнате (Л. Толст., В. и м., 1, 1, XII); — Вот положение,— *протянул, по выходе сестры,* Грегуар (Леск., На ножах, 5, 24); *По приезде* в подмосковную *найдены были* там новые известия (Сверб., Зап., I); *По отъезде* князя ... *жизнь* в Заборье *шла* по-прежнему (М.-Печ., Ст. годы, VII); Письмоводитель *рассчитывался по окончании работы* (Слепцов, Трудн. время, IV); *По возвращении* из двухлетнего пребывания моего в Италии, я *получил* место учителя (Бусл., Мои воспом., III); *По уходе ее* Докукин *схватил* себя за волосы (Чех., Последн. могиканша).

Вместе с ограничением конструкций с предлогом *по* во всех речевых сферах возрастала употребительность конструкций с предлогом *после,* в том числе и таких, в которые входили отвлеченные существительные).

Сведения ... *могли быть внесены* в чертеж только *после этого решительного похода* (Зап. Р. Г. О., 1877, т. VII); *После 1193 г. не встретилось* указаний (Там же); *После Вольфа* в Германии *вырабатываются* новые начала классификации (Н. Грот, Психология, 1, 3); *После новых усовершенствований* и *упрощений* своего аппарата Герц *испробовал* его (Осколки, 1881, № 15); Дарвин ... и до, и *после путешествия, исходил* вдоль и поперек не один уголок Англии (Тимиряз., Бессильн. злоба антидарвиниста, X); Сегодня *вышел* в первый раз *после почти двухмесячного заточения* (Брюсов, Дневн., 11 февр. 1898).

Таким образом, соотношение конструкций типа *сказал по долгом молчании — сказал после долгого молчания* к концу XIX в. изменилось: если в начале века сочетания с предлогом *по* в деловой речи явно преобладали, то к концу века их заметно «потеснили» построения с предлогом *после.* В эпистолярной, мемуарной прозе, в повествовании, в речи персонажей у многих писателей второй половины века или сосуществуют обе конструкции (например, у Достоевского), или даже предпочитается конструкция с предлогом *по* (например, у Фета). Тем не менее развитие сочетаний со значением «действие, совершающееся после названного временного отрезка или другого действия», выражается в усилении позиций построений со специализированным предлогом *после.*

Итак, в конце XVIII — начале XIX в. для выражения временных отношений в глагольно-именных сочетаниях употреблялось большое количество форм: за небольшим исключением, все почти пространственные конструкции — беспредложные и с первообраз-

ными предлогами — могли быть использованы при построении временных сочетаний. Кроме того, в это время как активное средство формирования временных сочетаний фиксируются специализированные предлоги *после, во время, в течение, в продолжение, спустя, накануне*. Из всех этих форм в результате процесса освобождения их от многофункциональности, осуществлявшегося в системе сочетаний с временным значением, как и в системах сочетаний с другими значениями, а также в результате процесса устранения дублетных форм, сохраняют продуктивность и употребительность сравнительно немногие формы с неспециализированными предлогами.

Тенденция к усилению ограничений при построении некоторых конструкций с многофункциональными предлогами привела к прикреплению к определенным формам словосочетаний существительных — названий временных отрезков. В результате действия этой тенденции на основе именной части отдельных сочетаний образовались устойчивые соединения.

Особенно интенсивно на протяжении XIX в. развиваются конструкции со специализированными предлогами *после, во время, в течение, в продолжение*. Отдельные конструкции с первообразными предлогами, потеряв продуктивность с существительными — названиями временных отрезков, сохраняют ее с существительными — названиями процессов, причем происходит локализация таких сочетаний в повествовательной и разговорной речи (ср.: *служил в войну — служил во время войны*). Стилистическая дифференциация способствовала сохранению в литературном языке и других дублетных конструкций (*пробыл всю кампанию — пробыл в течение всей кампании*).

В развитии глагольно-именных сочетаний разного типа в XIX в. ярко проявляется тенденция к разграничению их функций, приводившая к устранению диффузности значений. Процесс развития заключался в сокращении дублетности форм, в утрате многофункциональности беспредложных построений и построений с первообразными предлогами; этот процесс сопровождался ростом лексической несвободности. С другой стороны, активизировались формы со специализированными предлогами. Дублетные конструкции сохранялись в языке лишь при условии стилистической дифференциации.

ИЗМЕНЕНИЯ В СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ

Для имен существительных как грамматического класса в русском языке с древнейших времен были специфичны два типа сочетаний: сочетания с прилагательными и вообще согласуемыми словами и сочетания с беспредложным родительным падежом. Распространяться этими двумя способами могли все существительные. Все другие способы распространения существительных не были так универсальны; они всегда были свойственны лишь отдельным более или менее обширным группам слов.

Появление свойственных не всему классу существительных способов распространения, с одной стороны, было связано с общими процессами в развитии предложно-падежной системы русского языка, а с другой, определялось влиянием семантико-словообразовательных связей существительных: с древнейших времен на субстантивные словосочетания оказывали влияние глагольные, а в поздний период истории русского языка (XVIII — XIX вв.) стало значительным влияние и адъективных словосочетаний.

В ходе развития способов распространения существительных возникали соотносительные ряды семантически однородных, но различных по форме субстантивных словосочетаний, включающие конструкции, образовавшиеся в разное время и вследствие разных языковых процессов. Одни из таких рядов были обширны по возможному лексическому наполнению главного и зависимого компонентов входящих в них словосочетаний, другие узки. Наиболее обширный соотносительный ряд составляли словосочетания с отсубстантивными прилагательными и с беспредложным родит. пад. существительного (*отцов дом — дом отца, крылечные ступени — ступени крыльца*), долгое время сосуществовавшие в русском языке. Именно соотносительные ряды функционально однородных разноструктурных словосочетаний были центром изменений в системе субстантивных словосочетаний

Словосочетания, которые являлись единственно возможным средством выражения тех или иных значений и не входили в соотносительные ряды со словосочетаниями иной структуры, сохранялись без изменений. Таковы словосочетания с так называемым родительным падежом целого (*крыльцо дома, крышка чайника, полы шубы*), словосочетания с родительным падежом при названиях меры, количества (*стакан молока, кусок мяса, аршин сукна*), а также при названиях массы и совокупности (*облако пара, отряд солдат, груда камней*). Функции и границы лексического наполнения этих словосочетаний определились в русском языке уже в древности, и с тех пор они не подвергались существенным изменениям. В изучаемый период в их функционировании ничто не изменилось, если не считать того, что в конце XVIII — первой трети XIX в. данные словосочетания более интенсивно, чем в предшествующие периоды истории литературного языка, использовались как модели для образования фразеологических серий; ср. типичные для поэтической речи и языка романтической повести устойчивые сочетания: *берег жизни, под кровом ночи, тишины; пучины бед; обломок времен; врата смерти, рая; дверь гроба, могилы, ада; чаша забвенья, радости, веселья; облако печали, грусти, задумчивости; дым славы* и др., которые построены как метафоры, основанные на употреблении отвлеченных существительных на месте конкретных.

Характерной особенностью развития субстантивных словосочетаний в поздний период истории русского языка было убыстрение и активизация процессов семантической и стилистической дифференциации входящих в соотносительные ряды функционально однородных разноструктурных словосочетаний.

Чрезвычайно интенсивно эти процессы протекают в XIX в. На протяжении XIX в. почти не возникает новых конструкций субстантивных словосочетаний; исключение составляли лишь появившиеся в конце XIX в. словосочетания с новообразованными отыменными предлогами. Вместе с тем в XIX в. происходят большие и сложные изменения в соотношении разных способов распространения существительного: завершается длительный процесс функционального разграничения словосочетаний с отсубстантивными прилагательными и беспредложным родит. падежом, меняется соотношение между беспредложными словосочетаниями с разными падежами, соотношение беспредложных и предложных словосочетаний, соотношение между предложными словосочетаниями с разными падежами и предлогами.

ИЗМЕНЕНИЯ СООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СЛОВОСОЧЕТАНИЯМИ С ИМЕНЕМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ[1] И КОСВЕННЫМИ ПАДЕЖАМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Общие тенденции развития словосочетаний с отсубстантивными прилагательными

§ 1. Отношение одного предмета к другому в русском языке с древнейших времен могло выражаться в словосочетаниях двух разных структурных типов: в словосочетаниях с зависимым компонентом — существительным в косвенном падеже и в словосочетаниях с зависимым компонентом — отсубстантивным прилагательным. Высокая продуктивность и употребительность отсубстантивных прилагательных составляет исторически устойчивую характерную черту славянских языков.

В древнерусском языке отсубстантивные прилагательные по характеру выражаемого ими значения были очень тесно связаны с производящими существительными, выступали как своеобразные «сигналы», «заменители» предмета, что давало им возможность почти неограниченно сочетаться с существительными. Ярче всего черты этого типа слов представляли притяжательные прилагательные с их указательно-отсылочным значением, которое исчерпывается указанием на отношение к лицу. Но притяжательные прилагательные в древнерусском языке не были семантически обособленной группой слов: среди других отсубстантивных прилагательных имелся весьма обширный разряд слов, смысл которых также исчерпывался выражением отношения к предмету и не включал типичного для прилагательных значения свойства[2].

Отсубстантивные прилагательные этого типа сами по себе, вне сочетаний с существительными, обозначали прямое и недифференцированное отношение к предмету; их значение конкретизировалось только в сочетании с существительными (по-разному в сочетании с разными словами) и по своему характеру было близко значению косвенных падежей существительного, особенно родительного беспредложного, являющегося типичной формой субстантивного распространения.

Параллельное функционирование отсубстантивных прилагательных и форм косвенных падежей существительных как двух соотносительных средств выражения отношения к предмету вызывало непрерывно идущий процесс распределения функций между отсубстантивными прилагательными и косвенными падежами су-

---

[1] В главе используются материалы и наблюдения, содержащиеся в коллективной работе В. А. Белошапковой и Е. А. Земской «Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных» («Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. V. М., 1962).

[2] О границах этого разряда и его положении в классе прилагательных см. названную статью двух авторов.

ществительных, выражающими одинаковые или близкие отношения.

Уже в древнейший период существовали некоторые разграничительные условия употребления отсубстантивных прилагательных и косвенных падежей существительных, т. е. действовала тенденция к распределению функций между словосочетаниями с прилагательными, с одной стороны, и субстантивными словосочетаниями с косвенными падежами существительных — с другой.

В процессе этого распределения выражение некоторых видов отношений закрепляется за присубстантивными косвенными падежами, в частности за родит. пад. Так, по наблюдениям исследователей, уже в самых ранних памятниках древнерусского языка отношения массы и меры к веществу, целого к составным частям выражается преимущественно словосочетаниями с родит. пад.: *ведро воды, капля крови, копна сена, груда камней* [3]. Позднее всеми прилагательными, в том числе и притяжательными, полностью утрачивается возможность выражать объектные отношения в сочетаниях с отглагольными существительными, имеющими значение действия-процесса: ср. архаичные уже для конца XVIII в. сочетания типа *ответчиков допрос* (Сенатский указ 13 января 1789, ПСЗ, XXIII); *принятие ученическое* (Н. И. Новиков, п. А. А. Ржевскому, 14 февр. 1783); *спасение народно* (Озеров, Поликсена, I, 3). В XVII—XVIII вв. сильно сокращается употребление прилагательных в словосочетаниях, выражающих отношение между действием-процессом и его производителем; ср. исчезающие из языка сочетания типа *священников приказ* (Чулк., Пригож. повариха); *Фингалов приход* (Озеров, Фингал, I, 2).

Разрушение параллелизма отсубстантивных прилагательных и косвенных падежей существительных проявляется также и в более сложных семантических изменениях, происходящих в прилагательных. Функциональная близость косвенных падежей существительных и отсубстантивных прилагательных уменьшается вследствие утраты прилагательными значения единичной отнесенности: обозначение отношения к отдельному предмету делается специфической функцией родит. пад. существительного.

Важной эпохой в развитии этого процесса была первая половина XIX в. В этот период в литературном языке прекращается употребление притяжательных прилагательных как стилистически нейтрального средства выражения индивидуальной принадлежности. Уход притяжательных прилагательных из нейтрального литературного употребления был завершением длительного процесса утраты прилагательными возможности обозначать единичную отне-

---

[3] См.: Г. Г. Полищук. Некоторые вопросы грамматической синонимии. Канд. дисс. Саратов, 1954, стр. 94; В. Л. Георгиева. Некоторые вопросы истории относительных прилагательных в русск. языке. «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 130, 1957, стр. 34.

сенность и закрепления в этой функции родит. над. Следствием ухода притяжательных прилагательных явилось быстрое затухание в нейтральной литературной речи архаичного употребления отсубстантивных прилагательных других семантико-словообразовательных типов (и прежде всего самых продуктивных и употребительных прилагательных с суффиксами *-н-, -ск-, -ов-*) как семантических параллелей косвенным падежам существительных, т. е. в значении прямого отношения к предмету, не осложненного добавочными, специфичными для прилагательных значениями свойственности, типичности.

Однако полной утраты описанного выше архаического значения у всех прилагательных во всех случаях их употребления не происходит. По разным причинам в языке сохраняется значительное количество словосочетаний, отражающих прежнее значение прилагательного, прямо опирающееся на предметное значение производящего имени и противоречащее намечающимся тенденциям. Одна из таких причин — краткость и специфическая семантическая цельность сочетаний с отсубстантивными прилагательными, которая приводит к их превращению в привычные и устойчивые номинации, имеющие иногда терминологический характер [4]. А так как однородные в семантическом отношении слова обычно образуют словосочетания по одной модели, то под влиянием единичных задерживающихся в употреблении словосочетаний уходящего типа могут сохраняться (а иногда и возникать, обозначая новое явление по старому образцу) целые серии. Вторая, более глубокая причина состоит в том, что данный процесс идет в живой народной речи значительно медленнее, чем в письменном литературном языке, чему способствует сохранение в этой сфере языка притяжательных прилагательных.

История словосочетаний, выражающих отношение к лицу

§ 2. В литературном языке конца XVIII — начала XIX в. словосочетания с отсубстантивными прилагательными, функционально близкие словосочетаниям с зависимым словом — существительным в родит. над., составляли два разряда: 1) словосочетания, выражающие отношение к лицу, и 2) словосочетания, выражающие отношение к не-лицу (к вещи, животному, явлению, процессу, свойству и т. д.).

Первые входили в совершенно регулярный соотносительный ряд со словосочетаниями с беспредложным родит. над.: *отцовы слова — слова отца, ханские угрозы — угрозы хана, ханов.* Регулярность этого ряда определялась тем, что основное ядро прилага-

[4] См.: В. М. Павлов. О разрядах имен прилагательных в русском языке.— ВЯ, 1960, № 2, стр. 68.

тельных, выражающих отношение к лицу, составляли притяжательные, которые были семантически соотносительны с родит. пад.

Вторые лишь в отдельных случаях были функционально однородны словосочетаниям с косвенными падежами существительных, так как прилагательные, выражающие отношение к предмету, были семантически соотносительны с косвенными падежами или с предложно-падежными конструкциями только тогда, когда употреблялись для выражения недифференцированного отношения к предмету, без значения свойственности, типичности, характерного для прилагательных как особого класса слов.

На протяжении XIX в. произошли значительные изменения в соотношении между словосочетаниями с отсубстантивными прилагательными и словосочетаниями с косвенными падежами существительных; центром исторического процесса были словосочетания, выражающие отношение к лицу. В этом разряде словосочетаний в свою очередь выделяются словосочетания, выражающие отношение к отдельному лицу (индивидуальную принадлежность), и словосочетания, выражающие отношение к группе лиц.

Словосочетания, выражающие индивидуальную принадлежность

§ 3. В конце XVIII — начале XIX в., как и в более ранний период, индивидуальная принадлежность могла выражаться в словосочетаниях с притяжательными прилагательными на *-ов* (*-ев*), *-ин*, а также с прилагательными на *-ский, -цкий, -ий*[5].

---

[5] Об употреблении прилагательных для выражения индивидуальной принадлежности в более ранний период см.: С. Я. Макарова. Выражение принадлежности в русск. языке XI—XVII вв. Канд. дисс. М., 1952; е е ж е Родительный падеж принадлежности в русск. языке XI—XVII вв. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. III, 1954; В. Л. Георгиева. Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке Канд. дисс. Л., 1952; е е ж е. Некоторые вопросы истории относительных прилагательных в русск. языке; Н. С. Валгина. Притяжательные прилагательные в памятниках русской письменности XVI—XVII вв. Канд. дисс. М., 1953; е е ж е. Из истории притяжательных прилагательных (На материале русских памятников XVI—XVII вв.). «Научн. труды Московского заочн. полиграф. ин-та», вып. 3, 1955; Г. Н. Ковылина-Шакорян. Грамматическое выражение принадлежности в совр. русск. языке (К вопросу о синтаксической синонимике.) Канд. дисс. Тбилиси, 1954; е е ж е. Соотношение родительного принадлежности и притяжательных прилагательных в совр. русск. языке. «Уч. зап. Ереванского гос. русск. пед. ин-та им. Жданова», т. VII, 1956; В. К. Черпецкий. Грамматические средства выражения принадлежности в русск. лит. языке конца XVIII в.— первой трети XIX в. Канд. дисс. Одесса, 1953; Г. Г. Полищук. Указ. соч.; е е ж е. Некоторые случаи выражения принадлежности в совр. русск. языке. «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. 48, вып. филол, Харьков, 1957; М. Виднэс. О выражении принадлежности притяжательным прилагательным и родит. пад. принадлежности в русск. языке XVIII—XIX вв. «Scando-Slavica», t. IV. Copenhagen, 1958; е е ж е. О некоторых изменениях в позиции выражения принадлежности в рус-

В отличие от собственно притяжательных прилагательных, прилагательные на *-ский, -цкий, -ий* только в случае, если они были образованы от собственных имен (фамилий русских и иностранных), непосредственно указывали на отношение к одному определенному лицу.

Поджидая *ферморской дивизии* (Болот., 1, 42) (ср.: *корпус генерала-аншефа Фермора.* Там же); Еще четыре дни *суворовского марша* — и конец революции (В. Е., 1802, № 1); Бояре жалели о *временах адашевских* (Карамз., И. Г. Р., IX, II); на *державинском вечере* (Жих., Зап. совр., II, 30 марта 1807); Имеешь ли эти *вольтеровские письма?* (Вяземск., п. А. Тургеневу, 6 дек. 1818); приезжие из *воронцовского корпуса* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 13 дек. 1818); *лопухинский бал* (А. Тург., п. П. Вяземскому, 2 окт. 1818); прислать бы тебе мне *оду хвостовскую* (Вяземск., п. А. Тургеневу, 15 мая 1819).

Прилагательные на *-ский, -ий*, образованные от нарицательных существительных, могли получать значение принадлежности отдельному определенному лицу лишь в контексте предложения или большего по объему высказывания.

Непомерная *любовь* ко мне *подполковничья* (Чулк., Пригож. повариха); Я боюсь, чтобы *докторское предсказание* не сбылось (Н. Н. Трубецкой, п. А. М. Кутузову, 13 марта 1791); услышав шум *хозяйского* из дальних покоев *шествия* (Добрынин, Зап., I, IX); Слух о *угрозах генеральских* написать меня в солдаты достиг уже и до нашей корчмы (Болот., 1, 27); более в *честь* Годунова, нежели в *царскую* (Карамз., И. Г. Р., X, II); Литовский гонец доставит Иоанну *ответ королевский* (Там же, IX, V); выразумев важность *письма губернаторского* (Рикорд, Зап.); Хан *посольские угрозы* подтвердил (Озеров, Дим. Донск., IV, 2); Дойдя до *авторских упреков* молодым людям ... я уверился, что это писано еще очень молодым человеком (И. Дм., п. А. Тургеневу, 12 авг. 1809); Дело обошлось ... без *меча историографского*, и он остается в Нижнем (Вяземск., п. А. Тургеневу, 7 ноября 1812).

Употребление относительных прилагательных в значении притяжательных для выражения индивидуальной принадлежности, по-видимому, не было стилистически нейтральным уже к началу XIX в. [6]; оно шло из разговорной речи и бытовало преимущественно в тех стилях и жанрах литературного языка, которые были тесно связаны с разговорной стихией.

ском языке XVIII—XIX вв.— ВЯ, 1958, № 5; С. В. Фролова. Притяжательные прилагательные в ранних переводах с греческого языка. «Научн. докл. высш. школы». Филол. науки, 1959, № 4.

[6] О таком употреблении в древнерусском языке см.: В. Л. Георгиева. Некоторые вопросы истории относительных прилагательных в русск. языке.

Редки и необычны для литературного языка начала XIX в., хотя спорадически встречаются и позже (вплоть до конца века), случаи выражения индивидуальной принадлежности прилагательными, образованными путем прибавления к фамилиям на *-ов, -ин* падежных окончаний имен прилагательных.

Шильниково дело я давно знаю (Фонв., Друг честных людей, Краткий реестр [т. е. *дело Шильникова*]); изучение *Ломоносовой грамматики* (В. Светов, Краткие правила ко изучению языка российского. К читателю); *Новиковы труды* (Батюшк., Отрывки из зап. книжек. Чужое — мое сокровище); чтение *Шаликовых мадригалов* и Пушкина басенок (И. Дм., п. А. Тургеневу, 21 ноября 1818); Я покажу тебе мое издание *Сперанского перевода* «Подражания» (А. Тург., п. П. Вяземскому, 13 авг. 1819).

Чернышев замечает, что «эти редкие употребления принадлежат собственно народному языку, а не литературному»[7]. Такая стилистическая оценка справедлива и по отношению к началу XIX в., но в связи с тем, что в этот период просторечие более активно внедрялось в литературный язык, употребление прилагательных такого типа не воспринималось как нарушение нормы.

§ 4. Словосочетания с прилагательными, выражающими индивидуальную принадлежность, были очень широко распространены, но они не были единственной моделью, передающей данное значение: наряду с ними употреблялись словосочетания с беспредложным родит. пад. В конце XVIII в. норма соотносительного употребления прилагательных и родит. пад. для выражения индивидуальной принадлежности, выдвинутая «Российской грамматикой» Ломоносова[8], была в значительной степени поколеблена: родит. пад. употреблялся и в тех случаях, когда при зависимом существительном, называющем лицо, принадлежность которому обозначается, не было определения или приложения. В этот период прилагательное и родит. пад. существительного выступают как равноправные и не дифференцированные в употреблении способы передачи индивидуальной принадлежности. Это приводит к чрезвычайно многочисленным в самых разнообразных памятниках случаям параллельного употребления обеих форм рядом в одном контексте.

---

[7] В. П. Чернышев. Правильность и чистота русск. речи. Изд. 2, вып. 2, § 212, стр. 158.

[8] «Когда два имени существительные, к разным вещам принадлежащие, полагаются в слове без союза, одно должно быть в родительном падеже: *множество народа, туча стрел, столп церкви, сын отечества.* Когда же значит владение, существительное требует прилагательного: *дом отца моего, стихи древнего Гомера* или другого существительного: *стихи Гомера стихотворца, владение царя Константина* или само претворяется в прилагательное либо в притяжательное: *стихи Гомеровы, царство Константиново, дом отеческий*» (Наставл., 6, § 473).

Микеша, *сын Гура*; Недоедалов, *Гуров сосед; Дурак Гуров* (Копиев, Обращ. мизантроп, Список действ. лиц); *Век Вольтеров, Жан-Жаков* ... не уступает *веку Расина, Руало, Лафонтена* (Карамз., П. р. п., Париж, майя ... 1790); *Бескорыстие Святослава. Неблагодарность Изяславова* (Карамз., П. Г. Р., II, XV. Содержание); *Неблагоразумие и малодушие Ростислава. Гордость Мстиславова* (Там же, II, XII. Содержание); *воины Финслава. Неблагодарность Изяславова* (Карамз., П. Г. Р., II, XV).

В конце XVIII в. не существовало стилистических различий между этими двумя способами выражения индивидуальной принадлежности.

Грамматики конца XVIII — начала XIX в. дают очень немного указаний на правила, которыми в это время руководствовались при выборе той или иной формы. Некоторые из них повторяют положение, сформулированное Ломоносовым, и предлагают при отсутствии зависимых слов употреблять прилагательное (*стихи Гомеровы*), а при их наличии — родит. пад. (*стихи Гомера стихотворца*) [9]. Другие не содержат никаких нормативных положений и лишь констатируют возможность употребления и прилагательного и родит. пад. существительного [10]. Наконец, в ряде грамматик называется только одна из возможных двух форм — родит. пад., об употреблении же прилагательных для выражения принадлежности совсем ничего не говорится [11]. В этом обстоятельстве нельзя не видеть указания на широкую распространенность родит. пад. как средства выражения индивидуальной принадлежности.

По-разному, но оба односторонне и неточно отражают практику литературного языка начала XIX в. А. Востоков и Н. Греч. В грамматике Востокова говорится, что имя владетеля ставится в родительном падеже, «если не может обращено быть в притяжательное» [12]. Напротив, Греч очень суживает рамки употребления прилагательного: основным способом выражения принадлежности он считает родит. пад. Об употреблении для этой цели прилагательного в «Практической русской грамматике» сказано: «Сей последний способ выражения принадлежности употребляется пре-

---

[9] Таковы «Краткие правила ко изучению языка российского...», составленные В. Световым (М., 1790); «Краткие правила российской грамматики» А. А. Барсова (М., 1771); «Грамматика российская универсальная с семью присовокуплениями, сочинение Николая Курганова» (СПб., 1769; позднее неоднократно перепечатывалась под названием «Письмовник»).

[10] И. М. Борн. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808; Российская грамматика, сочиненная имп. Российскою академиею. СПб, 1802.

[11] П. И. Соколов Начальные основания российской грамматики. СПб., 1788; Сырейщиков. Краткая российская грамматика, изданная для народных училищ Российскей империи. СПб., 1787; И. Орнатовский. Новейшее начертание правил российской грамматики на началах всеобщей основанных. Харьков, 1810.

[12] А. Х. Востоков. Русск. грамматика. СПб., 1831, § 124, стр. 246.

имущественно для избежания повторений родительного падежа: напр., вместо *он рано выехал из дома родителя* говорят: *он рано выехал из дома родительского*» [13]. Перечисляя случаи невозможности употребить прилагательное, Греч указывает не только конструкцию, выделенную Ломоносовым (при названии владетеля есть распространяющее его определение или приложение), но и другую. Он пишет: «Должно наблюдать, чтобы в последующей речи не было ссылки на второе имя существительное, полагаемое в родительном падеже, в сем случае оно не может превратиться в притяжательное, напр., вместо *я повинуюсь приказаниям учителевым потому что он желает мне добра*, надобно сказать: *приказаниям учителя*, ибо в первом случае местоимение *он* не имеет предмета, к коему должно относиться» [14]. Это последнее наблюдение Греча верно улавливает закономерность словоупотребления в литературном языке. Действительно, в подобных случаях употребление прилагательного наблюдается очень редко и составляет отклонение от нормы.

Не слушая *слов всадниковых* боле, Конь мчит его во весь опор (Крыл., Конь и всадник); ощутил я всю истину другого *псалма Давидова*, в коем сказал он ... (Фонв., Рассужд. о суетной жизни человеческ.); Моу возвратился в Бассору с любовью и благодарностью *рабов Альзофановых*, который прибавил ему жалования (В. Е., 1802, № 7). Ср. в более поздний период: Искал *покровительства Казимирова*, который поступил чрезвычайно неосторожно (Н. Полевой, Ист. русск. народа, 5, VII); без *воли Дмитриевой*, который дозрит правду в суде (Там же, 5. II).

В более поздних грамматиках Перевлесского и Давыдова повторяется это сформулированное впервые Гречем правило, и употребление прилагательного в подобных случаях рассматривается как ошибка [15].

Помимо указываемого в грамматиках конца XVIII — первой половины XIX в. ограничения в использовании притяжательных прилагательных, в языковой практике существовали и некоторые другие ограничения.

Можно выделить несколько видов словосочетаний, в которых случаи употребления притяжательных прилагательных немногочисленны уже в конце XVIII в.; в первой четверти XIX в. такое употребление почти затухает. Это дает основание считать данные конструкции архаичными уже для начала XIX в.

1. При отглагольном существительном со значением действия

---

[13] Н. И. Греч. Практическая русск. грамматика. Изд. 2. СПб., 1834, § 323, стр. 312.

[14] Там же.

[15] П. Перевлесский. Начертания русского синтаксиса. М., 1847, § 93, стр. 40; И. И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русск. языка. Изд. 3. СПб., 1854, § 452, стр. 334.

или деятеля прилагательное обозначает отношение к лицу как объекту действия.

Прежде *ответчикова допроса* помирятся (Сенатский указ 13 января 1789. ПСЗ, XXIII); сего жестокого *Приамова убийцы* (Озеров, Поликсена, IV, 1); для *освобождения Игорева* (Карамз., И. Г. Р., II, XII); в деле о *Дмитриевом убиении* (Там же, XII, I); возвещу ему *пленение Сурово* (Кюхельб., Адо, I, Мнемоз., ч. 2, 1824).

Случаи употребления прилагательных в подобных конструкциях чрезвычайно редки. Нормой выражения объекта при глагольном существительном, соотносительном с прямопереходным глаголом, был родит. пад.

2. Прилагательное при отглагольном существительном со значением действия обозначает отношение к лицу как к субъекту действия. Употребление прилагательных для обозначения лица как субъекта действия наблюдается значительно чаще, чем для обозначения лица как объекта действия, однако родит. пад. и здесь абсолютно преобладает. Наблюдается следующая закономерность: чем более четко в определяемом существительном значение активного действия, тем ярче в определяющем слове значение субъекта и тем менее употребительно прилагательное. Поэтому редки случаи архаичного для XIX в. употребления прилагательных в сложных словосочетаниях, где значение действия-процесса в определяемом существительном укреплено и поддержано зависимыми косвенными падежами или предложно-падежными сочетаниями приглагольного типа.

Принялся я за выполнение *наместникова приказания* (Болот., 4, 223); *Приход Олегов к нам* раздоры окончает (Озеров, Ярополк и Олег, I, 1); незадолго до *бракосочетания Иоаннова с Нагою* (Карамз., И. Г. Р., IX, V); описание *похода Бонапартова в Египет* (С. О., 1812, № 9); *Наполеоново управление доходами и расходами* (Там же, № 7); Я получил вторую часть *Наполеоновой переписки с Директорией* (Л. Тург., п. П. Вяземск., 19 авг. 1819). Ср. в более поздний период: После *гнева Димитриева на Пимена* принужден был удалиться из Москвы (Н. Полевой, Ист. русск. народа, 5, III); до *поступка Ярославова с убийцами варягов* (С. Соловьев, Ист. Росс., I, VII).

Напротив, чем менее четко в определяемом существительном значение активного действия, чем более в нем развивается значение состояния, характеристической черты и другие неглагольные значения, тем более обычно при нем прилагательное, которое не обозначает ярко и дифференцированно отношение к лицу как субъекту, а лишь передает общую идею отнесенности к лицу.

Заслужив сперва *гнев Иоаннов* (Карамз., И. Г. Р., IX, VI); жертва *Борисовой ненависти* (Там же, XII, II); в начале *Василиева царствования* (Там же, XII, I); по *Наполеонову приказанию* (С. О., 1812, № 7).

3. Прилагательное в качестве однородного члена с родит. пад.

Может быть, относятся ко *временам Феодоровым или Годунова* и старые песни русские (Карамз., И. Г. Р., X, IV); прекратить наследственную вражду между *потомством Рогнединым и Ярослава великого* (Там же, II, X). Ср. в более поздний период: *сына Ибрагимова и Нур-Салтан*, одной из любимых жен его (Н. Полевой, Ист. русск. народа, 5, VIII).

§ 5. Весь разряд словосочетаний с зависимым словом — прилагательным, выражающим отношение к отдельному лицу (индивидуальную принадлежность), в конце XVIII — начале XIX в. широко употреблявшийся и бывший стилистически нейтральным, к концу XIX в. сохраняет возможность употребляться лишь с определенными стилистическими заданиями. Стилистически нейтральным средством выражения индивидуальной принадлежности становится родит. пад. существительного.

Процесс вытеснения притяжательных прилагательных родит. падежом существительного протекает очень интенсивно уже во втором и третьем десятилетиях XIX в. Сначала он в большей степени захватывает образования от нарицательных имен. Притяжательные прилагательные от нарицательных имен уже в конце XVIII — начале XIX в. были гораздо менее употребительны, чем прилагательные от собственных имен; они уходят из литературного языка раньше. В 20—30-х годах очень узок круг нарицательных имен, притяжательные прилагательные от которых стойко употребительны. Это преимущественно названия лиц по семейным отношениям и общественному положению: *болезнь сестрицына, приказчиков дом* (Гоголь), *баронессина нежность, батюшкины мысли, бабушкин роброн* (В. Одоевский), *невестины родители, баринов отъезд, старостина Алексаша* (Погодин), *женино кольцо* (Ф. Сологуб).

Но и эти немногочисленные прилагательные употребляются гораздо реже, чем соотносительные формы родит. пад. от соответствующих существительных, и преимущественно в художественной литературе, письмах, мемуарах. Последнее заставляет предположить, что притяжательные прилагательные от нарицательных имен уже во второй четверти XIX в. имеют разговорно-просторечную окрашенность.

Более устойчивым было употребление образований от собственных имен. Но и этот разряд притяжательных прилагательных к середине века выходит из нейтрального литературного употребления. В истории притяжательных прилагательных от собственных имен 20—30-е годы тоже были временем быстрых и значительных перемен. Если в памятниках первого десятилетия притяжательные прилагательные от собственных имен употреблялись чаще, чем родит. пад. существительного, то уже к середине третьего десятилетия преобладающей формой делается родит. пад. Вместе с тем притяжательные прилагательные от собственных имен остаются

употребительными и, по-видимому, не имеют стилистической окраски в течение всей первой половины века. В середине века в научной литературе и публицистике еще возможно нейтральное употребление целых рядов притяжательных прилагательных от собственных имен.

Мозерово сокращение Крейцеровой «Символики» (Москвит., 1841, февр.); Не бесплодны также остались для этого труда *Беккеров «Организм языка», Боппова «Сравнительная грамматика», Тренделенбурговы «Логические изыскания», Гумбольдтово введение* в «Исследование о языке Кави» (П. Басистов, Предисл. к 4-му изд. «Системы синтаксиса», 1848).

В это время в журналистике еще нередко параллельное употребление родит. над. существительного и притяжательного прилагательного.

Что-нибудь подобное *созданиям Шекспира* (Москвит., 1841, янв.); *Шекспирово создание* (Там же, февр.); *безмолвие Шеллинга; из безмолвия Шеллингова* (Там же, янв.); воздушная неопределенность очертаний *Гетевой Миньоны;* грациозная дикость *Эсмеральды Гюго* (Там же, февр.); ни *Рафаэлевой Мадонны*, ни *драмы Шекспира* (Совр., 1847, т. IV, № 8).

В 40-х годах словосочетания с притяжательными прилагательными от собственных имен — уже мало употребительный, но еще не имеющий стилистической окраски просторечности вид словосочетаний.

Такая окраска у словосочетаний с притяжательными прилагательными от собственных имен возникает позднее, в 50—70-х годах. К этому времени свободное употребление всех притяжательных прилагательных, в том числе и образований от собственных имен, сосредоточивается в просторечии и близкой к нему разговорной речи и используется в художественной литературе как средство стилизации. В художественных произведениях, повествующих о деревне, крестьянах и вообще «простом народе», притяжательные прилагательные широко употребительны. Так, в некоторых произведениях народнической литературы притяжательные прилагательные встречаются значительно чаще родит. над. У П. В. Засодимского в «Хронике села Смурина» (1874 г.) 71 случай употребления притяжательных прилагательных от собственных имен и только 9 случаев употребления родит. над. Подобное соотношение — прямое следствие намеренной стилизации. Многочисленны и разнообразны словосочетания с притяжательными прилагательными у писателей, пишущих в сказовой манере. Ср. у Лескова: *подбуфетчикова сестра* («Штопальщик»), в *свекровом доме*, на шестую весну *Катерины Львовниного замужества* («Леди Макбет Мценского уезда»), *дьяконов сын, просвирнин сын, женина спальня, платье предводительшино*, до *отца протопопова дома*, на *отца Захарьину трость, Фидиев Зевс, Ахиллины сапоги* («Соборяне»), *кумин племянник* («Воительница»).

§ 6. Более сложной была история словосочетаний с относительными прилагательными, выражающими принадлежность отдельному лицу. В отличие от притяжательных прилагательных, в литературном языке некоторые относительные прилагательные, образованные от имен лиц, в частности образования от фамилий типа *гоголевский, пушкинский, ломоносовский*, к концу века укрепились и расширили сферу бытования. До конца XIX в. сохранилось и употребление образованных от нарицательных имен относительных прилагательных для выражения индивидуальной принадлежности; однако словосочетания с относительными прилагательными, выражающими принадлежность отдельному лицу, получили яркую стилистическую окраску разговорности, ограничивающую сферу и характер их употребления.

Употребление относительных прилагательных, образованных от нарицательных имен, для выражения индивидуальной принадлежности, сравнительно редкое, жанрово и стилистически ограниченное уже в конце XVIII — начале XIX в., позднее еще более сокращается и ограничивается. С 30-х годов случаи употребления относительных прилагательных от нарицательных имен (исключая устойчивые сочетания типа *дьячковский сын, генеральская дочь, солдатская вдова*, имеющие качественно-оценочное значение) фиксируются в художественной литературе (в отличие от притяжательных прилагательных — не только как средство речевой характеристики, но и в авторском повествовании), в частной переписке и публицистике, где они применяются с определенным стилистическим заданием как типичные конструкции разговорной речи.

Тоненький голосок *консульской воспитанницы* не разнежил вас (Б-ка для чт., 1834, т. V); Не наемная рука заботилась о порядке и чистоте *казначейской квартиры* (Плещ., Житейск. сц., I); жертва *авторской необходимости*, чтобы запутать интригу (Москвит., 1841, февр.); *бричка* сломалась *генеральская* (Вельтм., Саломея, 1, I); Сегодня поеду проститься с *губернаторской семьей* (И. Пущин, п. Н. Д. Пущиной, 14 июня 1858); Высокий черный галстук ... твердо подпирал обе *графские щеки* (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 6, II); Худощавая лошадь директора гимназии ... ужасно рассмешила ... *асессорского кучера*. — Глянь-ка, глянь, как лапы выкидывает,— сказал он *директорскому кучеру* (Писемск., Тыс. душ, 4, X); совестился... страшным сходством лица своего с *хозяйским лицом* (Дост., Двойник, VII); Было необходимо сразу заморозить потоки *кандидатского сердолюбия* (Писарев, Реалисты, V); *предводительского внимания* удостоился (Леск., Соборяне, 1, 2); *фортепьянщицкий ученик* там арестован вчера (Леск., Воительница, 7); возвратился к компании, сидевшей молча под тяжелым впечатлением *крестьянского рассказа* (Знаменск., Воспом. о Пущине).

Употребительность словосочетаний с относительными прилагательными, образованными от собственных имен (главным образом,

от фамилий), на протяжении XIX в. не только не сокращается, но возрастает.

Я в тебя влюблен, как *кюхельбекеровский Державин* в Суворова (Пушк., п. П. Вяземск., конец марта — начало апр. 1825); Ты пишешь о *статье гольцовской*. Что такое? *Кольцовской* или *гоголевской?* (Пушк., п. Н. Н. Пушкиной, 11 мая 1836); *Пушкинский Онегин* с каким-то самоотвержением отдался зевоте; *лермонтовский Печорин* бьется на смерть с жизнью (Белинск., Соч. Пушк., 8); Этот водевиль слабее других *писаревских водевилей* (С. Акс., Лит. и театр. воспом., 1826); Мне стало легко после *гагинского рассказа* (Тург., Ася, VIII); взобрался в *ситниковскую коляску* (Тург., Отцы и дети, XIX); на крыльце *одинцовского дома* (Там же, XXII); открыть какой-нибудь мировой закон вроде *ньютоновского тяготения* или *дарвинской теории* естественного выбора (Писарев, Реалисты, II); погружен в изучение и пересмотр *гоголевских сочинений* (Анненк., Замечательное десятилетие, VIII); Он, барин, Пугачева угадал и в *пугачевскую душу* проник (Дост., Зимн. заметки о летн. впечатлениях, II); *Новиковская книга* стала проникать в самые отдаленные захолустья (Ключевск., Воспом. о Новикове); любовными песенками вроде *сумароковских* или *николевских* (Там же).

Однако этот способ выражения отношения к лицу не становится стилистически нейтральным: растущая употребительность отфамильных прилагательных наблюдается в таких жанрах письменной речи, которые близки разговорной. При этом растет употребительность не всех видов словосочетаний с отфамильными прилагательными, а лишь таких, в составе которых эти прилагательные имеют значение типичности для данного лица, характерной свойственности ему. Ср. толкование выражения *лермонтовский элемент* у Белинского: «Тут было много чего-то столь индивидуального, столь тесно соединенного с личностью творца, много такого, что мы не можем иначе охарактеризовать, как назвавши „*лермонтовским элементом*“» («Герой нашего времени»).

Значение характерной свойственности данному лицу у отфамильных прилагательных ярко выступает в сочетаниях со словами, называющими какие-либо стороны духовного облика человека (*талант, мировоззрение, ум, смелость, искренность* и т. п.), а также со словами, называющими различные проявления умственной деятельности (*мысль, идея, открытие, изобретение, произведение, сатира, смех, стихи, пьесы, картина, роль, музыка* и т. п.) или общественные явления, возникшие в результате деятельности человека (*течение, направление, движение*). На протяжении XIX в. не только возрастает частота употребления сочетаний этого типа, но и расширяется сфера их употребления: с 40-х годов они распространяются в публицистике, а к концу века — в научных сочинениях.

Место действия *корнелевских и расиновских трагедий* (Белинск., «Герой н. вр.»); мнимая родственность *гоголевского эпоса с гомеровским* (Белинск., Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «М. д.»); переводчик *гетевских стихотворений* (Тург., Лит. и жит. воспом., II); Характер *лермонтовской поэзии* противоречил временному настроению критика (Анненк., Замечательное десятилетие, IX); люди *новиковского направления* (Ключевск., Воспом. о Новикове); обличительный *вольтеровский смех* (Там же).

Употребительность сочетаний отфамильных прилагательных с существительными других семантических групп, в составе которых прилагательное, подобно притяжательному, обозначает прямое отношение к лицу без значения свойственности, сокращается, и сфера их употребления суживается. К концу века они фиксируются почти исключительно в художественной литературе, где используются как элемент разговорной речи или просторечия.

В бенефактовском домике (Леск., Соборяне, 1, 2); *из-за ризы плодомасовской* (Там же, 1, 5); Он боялся за все *станицынское дело* (Боборык., Китай-город, 1, XXI).

Словосочетания, выражающие отношение к группе лиц

§ 7. Уход из нейтрального литературного употребления притяжательных прилагательных и закрепление родит. пад. как единственного стилистически не окрашенного средства выражения индивидуальной принадлежности вызвали некоторые изменения в словосочетаниях, выражающих отношение к группе лиц.

В этом разряде словосочетаний с достаточной ясностью различаются: а) словосочетания, выражающие отношение к нескольким лицам, и б) словосочетания, выражающие отношение к роду лиц. И в той и в другой группе употреблялись одни и те же словообразовательные типы прилагательных (на *-ский, -цкий, -ий*), но их соотношение с параллельной конструкцией с родит. пад. в конце XVIII — начале XIX в. было различным.

Отношение к нескольким лицам выражалось, как правило, словосочетаниями с родит. пад. мн. ч.: *имущество сестер, помощь братьев, крики извозчиков, приказы офицеров*. Употребление прилагательных для выражения отношения к нескольким лицам наблюдалось редко, причем значение это создавалось контекстом.

Всё его выражениями писал, кроме *разговора крестьянского*, коих наречия не мог я изобразить толь живо, как во сне слышал (Лукин, Щепетильн., Письмо к г-ну Ельчанинову); Меня потащили из бани, и встретившаяся другая *злодейская партия* лишила бы меня жизни ... если бы первые мои злодеи не приняли меня под свое покровительство (Болот., 3, 151).

На протяжении XIX в. употребление прилагательных на *-ский, -цкий, -ий* для выражения отношения к нескольким лицам совсем

затухает. Однако в народной речи, по-видимому, сохраняется возможность такого употребления этих прилагательных, так как в художественной литературе время от времени они появляются.

Крестьянские объяснения относительно раскольников были несколько неясны (В. Соллог., Тарантас, XVII); Все смеялись надо мною ... Я не отвечал на *приятельские шутки* (С. Акс., Лит. и театр. воспом., 1826); Затылок его был всеобщею наковальнею, на которой пробовалась сила *хозяйских и товарищеских кулаков* (Гл. Усп., Нр. Растер. ул., XV).

Отношение к роду лиц могло выражаться тремя способами: 1) словосочетаниями с прилагательными на *-ский, -цкий, -ий*; 2) словосочетаниями с родит. пад. мн. ч.; 3) словосочетаниями с родит. пад. ед. ч. в обобщенном значении. Ср. *дворянские права — права дворян — права дворянина; мещанские обязанности — обязанности мещан — обязанности мещанина* [16].

Из этих параллельных конструкций в конце XVIII — начале XIX в. наиболее употребительной была конструкция с именем прилагательным.

Дослужившихся доныне офицеров никаким образом из *списка дворянского* исключить не можно (Дневн. зап. Больш. собр.); Казаки отставные, за дряхлостию или увечьем, полученным в службе, пользуются до смерти своей всеми *казацкими выгодами* (Проект законов о правах войск., II, I); отверст ему путь во все другие *мещанские упражнения* (Проект законов о правах ..., V, III); о разборе и о распределении *священно- и церковнослужительских детей* и самих церковников (ПСЗ, 1784, XXII, § 15978); По деревням *помещичий дом* имеет быть свободен от постоя (Там же, 1785, XXII, § 16187); имею *полковничий чин* в мои леты (Копиев, Обращ. мизантроп, IV, 5); Мы больше имеем попечения, нежели как думают, о сохранении *господской доверенности* к нашей совести... (Живописец, I, 20); Обещал я ему постараться доставить ему *сержантский чин* (Болот., 1, 32); Всё было тут смешано: и артиллерия с ее ящиками и снарядами, и полковые обозы, и *генеральские экипажи*, и *офицерские и солдатские повозки* (Там же, 46); Послал к ним Ододурова с убеждением не изменять чести, не срамить *имени шведского* (Карамз., И. Г. Р., XII, III).

Широко употреблялись и словосочетания с родит. пад. мн. ч. Они отличались от словосочетаний с прилагательными большей конкретностью выражаемых отношений: в них не развивалось качественное значение свойственности, появление которого так

[16] Иногда лексическое значение или форма числа определяемого существительного делали возможным употребление при нем родит. пад. только мн. или только ед. ч., и тогда соотносительный ряд конструкций, передающих отношение к роду лиц, сокращался до двучленного (*список дворянский — список дворян, помещичий дом — дом помещика*).

типично для словосочетаний с прилагательными на *-ский, -цкий, -ий*.

Словосочетания с родит. пад. ед. ч. по своим семантическим возможностям стояли ближе к словосочетаниям с прилагательными, так как вследствие обобщенного смысла зависимого существительного в них легко развивались качественные значения, ср.: — Неужели вы думаете, что подобное коварство может существовать в *сердце женщины?* — Княгиня,— отвечал Печорин сухо,— я прежде имел глупость думать, что можно понимать *женское сердце* (Лерм., Кн. Л., VI).

В языке конца XVIII — начала XIX в. конструкция с родит. пад. ед. ч. в обобщенном значении, по-видимому, не была стилистически нейтральной. Она почти совсем отсутствует в деловых документах, в комедии, в мемуарной литературе. Напротив, мы ее встречаем часто в поэзии и вообще в приподнятой, высокой речи. Очевидно, именно вследствие стилистического различия редки случаи параллельного употребления прилагательного и родит. пад. ед. числа.

Она желала бы сбросить с себя и сияние *княжеского титула* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2); Может быть вы пленяетесь *титулом князя* (Там же); Тут я в первый раз увидел бывшего при старом дворе камер-юнкера Ф. В. Растопчина уже в генерал-адъютантском мундире и с *достоинством графа* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 2, 4); Они все трое получили *графское достоинство* (Там же, 5).

Употребление прилагательных для выражения отношения к роду лиц постепенно сокращается. Это связано, с одной стороны, с общими процессами изменения соотношения между словосочетаниями с именами прилагательными и с косвенными падежами существительных. Поскольку для объектных и субъектных отношений устанавливается в качестве единственно возможного выражение их формами косвенных падежей существительного (как правило, родит. пад.), прилагательные перестают употребляться при существительных со значением действия или действующего лица для обозначения отношения к роду лиц как к субъекту или объекту. Словосочетания с такими значениями редки уже в конце XVIII — начале XIX в.

Хотя [женщины] и столь много служат к *посрамлению человеческому* (Живописец, I, 19); Правитель наместничества подтверждает *дворянский выбор* (ПСЗ, 1785, XXII, § 16187); замечать и записывать *учительские изъяснения* (Устав народным училищам Рос. имп., 1786); вспомнили, может быть, о выгодном и спокойном *правлении норманском* (Карамз., И. Г. Р., I, I).

Позднее словосочетания с прилагательными в объектном значении сохраняются лишь во фразеологическом и терминологическом употреблении *(рекрутский набор, дамский угодник* и т. п.),

а словосочетания с прилагательными в субъектном значении удерживаются лишь в том случае, если прилагательное имеет качественное значение свойственности, типичности. Ср.: бросается в глаза непрерывное *людское движение,* слышны смешанный гул *человеческого говора, детский плач, женское тараторство...*, *мужская ругань* (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XXXVIII).

С другой стороны, постепенно теряет стилистическую окраску «высокого» и укрепляется в общелитературном употреблении родит. пад. ед. ч. в обобщенном значении, обозначающий отношение к роду лиц. В некоторых сочетаниях, например при обозначении чинов, званий и титулов, он вытесняет прилагательное. Широко распространенные в конце XVIII — начале XIX в. словосочетания с прилагательным, называющие чины, звания, титулы, должности *(секретарский чин, секретарская должность, королевский сан, майорский ранг, бригадирский чин),* постепенно уходят из литературного употребления.

В конце XIX в. такие сочетания имеют разговорную окраску и встречаются в частной переписке и у писателей, обильно вводивших в свой язык разговорную речь. Ср.: [архиерейский хор], в который Ахилла Десницын попал по извлечении его из риторики и зачислении на *причетническую должность* (Леск., Соборяне, 1, 1).

Продолжающееся развитие в прилагательных, обозначающих отношение к роду лиц, значения свойственности, более отдаленной и непрямой связи с лицом, увеличивает различие в значениях словосочетаний с прилагательными и родит. пад. существительного.

Некоторое частное изменение в соотношение словосочетаний с прилагательными и родит. пад. существительного, выражающих родовую принадлежность, вносит то обстоятельство, что к середине века в литературном языке сокращается употребление широко распространенных в более ранний период прилагательных, образованных от названий городов и стран, но семантически тяготеющих к названиям их жителей.

Французскую наглость назвали мы благородною вольностию, а ныне *английскую грубость* именуем благородною великостию духа (Живописец, 9); дабы вам по совершении сего дела участниками называться *российского блаженства* (Там же, I, 12); с того времени, как сделались они жертвою *японского вероломства,* судьба их была для нас совершенно неизвестна (Рикорд, Зап.); Норвежцы разоряли берега Белого моря, мстя за *обиды новгородские* (Н. Полевой, Ист. русск. народа, 5, IV); Старая [религия] рушилась под ударами софистов и *своеволия афинского* (Москвит., 1841, март); описывает первобытные добродетели и чистоту *правов германских* (Там же); Обстоятельства *русского нападения* на берег Каспийского моря, и *росского* на Константинополь, одни и те же с нападениями норманнов на берега всех европейских морей (Там же, февр.); Что ни говорите, *уши* французов не то, что *итальянские* (Там же).

Во второй половине XIX в. у прилагательных этой группы устанавливается круг значений, более тесно связанный со значением производящего существительного, и подобные словосочетания делаются в литературном языке невозможными.

История словосочетаний, выражающих отношение к не-лицу

§ 8. В конце XVIII — начале XIX в. наблюдались остатки употребления отсубстантивных прилагательных в значении прямого недифференцированного отношения к предмету, названному производящей основой, без специфичного для прилагательных как особого класса слов значения свойственности. Это древнее значение прилагательных реализовалось в составе словосочетаний, семантически близких словосочетаниям с косвенными падежами существительных и предложно-падежными конструкциями в качестве зависимого компонента. Словосочетания с прилагательными, употребленными в таком значении, были уходящим типом; наряду с ними гораздо чаще, шире и свободней употреблялись функционально однородные словосочетания с косвенными падежами или предложно-падежными конструкциями. На протяжении XIX в. свободное употребление таких словосочетаний совсем прекращается.

Процесс функционального расхождения выражающих отношение к предмету отсубстантивных прилагательных и косвенных падежей существительного связан с резким сокращением употребительности притяжательных прилагательных [17]. Правда, в направлении и результатах этих процессов есть значительные различия: отсубстантивные относительные прилагательные утрачивают функции, близкие функциям косвенных падежей существительного, но остаются в рамках нейтрального литературного употребления, тогда как притяжательные прилагательные сохраняют функциональную однородность с родит. над., но удерживаются лишь в стилистически ограниченном употреблении. Однако существо этих процессов одинаково: в нейтральном литературном употреблении утрачивается возможность свободно выражать прямое недифференцированное отношение к предмету словосочетаниями с отсубстантивными прилагательными.

Рассмотрим уходящие виды словосочетаний с прилагательными, обозначающими отношение к предмету [18].

В ходе развития русского языка значительно сокращаются и становятся менее разнообразными сочетания отглагольных существительных, имеющих значение действия-процесса, с отсубстантивными прилагательными. Модели распространения этих отглагольных существительных, семантически очень тесно связанных с

---

[17] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964.

[18] Более подробное описание истории словосочетаний с именами прилагательными, обозначающими отношение к предмету (не-лицу), см. в названной выше статье В. А. Белошапковой и Е. А. Земской.

производящими глаголами, все более сближаются с моделями распространения соотносительных глаголов. Этот процесс находит отражение в литературном языке XIX в.: в этот период утрачивается свободное употребление нескольких видов сочетаний отглагольных существительных с прилагательными, выражающими отношение к предмету.

1. Уже в конце XVIII в. пережиточным явлением было выражение объектных отношений в словосочетаниях, состоящих из отглагольных существительных, называющих действие-процесс, и прилагательных.

Началось *палатное строение* в доме моем на Петровке (Нащокин, Зап.); Не думала я тогда об *украшении телесном* (Чулк., Пригож. повариха); Во время *евангельского чтения*... многие части городского укрепления взорвало (Рычков, Опыт Каз. ист., XI); бродил я ... вокруг города, занимаясь *местными наблюдениями* (Карамз., П. р. п., Лейпциг, 15 июля 1789).

Позднее сохраняются лишь терминологические сочетания подобного типа: *винная продажа, табачная торговля, сельдяная ловля, медвежья охота* и т. п. Они устойчиво употребляются как привычные номинации явлений (в частности, видов торговли и добычи зверей).

2. В течение XIX в. прекращается свободное употребление словосочетаний, состоящих из отглагольных существительных со значением действия-процесса и прилагательных, выражающих отношение к предмету как субъекту действия. Такое употребление было мало распространенным уже в конце XVIII — начале XIX в., но еще наблюдалось в разных сферах речи.

Стук каретный (Фонв., п. родным, 11 марта 1778); слышит на дворе *приезд каретной* (Кропот., Фомушка, I, 1); при сладком *водном шуме* (Раич, Из первой песни Ариостова «Неист. Орланда», Телеск., 1831, № 23); *сердечное движенье* (Батюшк., Отр. из I песни «Освобожд. Иерусалима»).

Отдельные случаи употребления словосочетаний с прилагательными для выражения субъектных отношений фиксируются и позже, до середины XIX в.

Наблюдение *планетных движений* вокруг солнца (Моск. набл., 1837, март, кн. 1); прислушаешься к *дубравному шуму* (Герц., Письма об изуч. прир., 1); в эпоху *падения римского* (Москвит., 1841, март).

Во второй половине века свободное употребление подобных словосочетаний становится чрезвычайно редким.

3. В течение XIX в. уходят из литературного употребления нетерминологические словосочетания, в составе которых прилагательное, определяющее отглагольное существительное, выражает отношение к предмету, характеризующему способ или орудие действия. Такие словосочетания были довольно широко употребительны во второй половине XVIII — начале XIX в.

Кофейное предсказание (Живописец, I, 19); *мячные игры* (Фонв., п. родным, 5/16 окт. 1774); *указное повеление* (ПСЗ, 1784, XXII, § 15967); *чурбанный удар* (Лепехин, Дневн. зап., I); *силковая ловля* птиц (Сл. АР); *кулачные удары* (Жих., Зап. совр., II, 7 апр. 1807); *палочные удары* (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, XIII); *пыжевой выстрел* (А. Тург., п. П. Вяземскому, 21 мая 1819); *ручные битвы* древних богатырей (Вяземск., п. А. Тургеневу, 29 авг. 1819).

Случаи употребления таких сочетаний нередки на протяжении всей первой половины XIX в.

Аукционная продажа (Моск. телеграф, 1825, № 20); *сабельный удар* (Марл., Роман и Ольга, V); *штрафное вознаграждение* (Булг., Ив. Выж., VI); *ручные наставления* [мужей женам] (Телеск., 1831, № 15); *каретное гулянье* (Москвит., 1841, март); *участковая продажа* земли (Сл. 1847 г.); *стаканная продажа* пива, меду; *тачечная возка* дров (Там же); *ружейная охота* (С. Акс., Лит. и театр. воспом., 1825 и 1826 гг.); *квартетная проба* моей новой оперы (М. Глинка, Зап., 6).

Позднее устойчиво сохраняются лишь сочетания терминологического характера: *аукционная продажа, сабельные, кинжальные палочные удары; кулачный бой; валовая торговля; машинное, ручное прядение; биллиардная, карточная игра* и др.

4. На протяжении XIX в. заметно сокращается употребление сочетаний, в которых прилагательное, в соединении с существительным, обозначающим действие-процесс, выражало отношение к предмету, характеризующему место совершения действия. Подобные значения чаще передавались сочетаниями с существительными в косвенных падежах (обычно в предложн. пад. с предлогами *в* и *на*).

Погребное свидание (Чулк., Пересмешн., 2); *Трактирная жизнь* моя кончилась (Карамз., П. р. п., Женева, 2 окт. 1789); во время вечерней *эрмитажной беседы* (Жих., Зап. совр., I, 31 дек. 1805); *московское пребывание* (Болот., 4, 225); *козловское житье* (Там же, 243, ср. здесь же: *житье в Козлове);* знаком еще по *могилевской службе* (Добрынин, Зап., XLVI); Мало заботился я о *толках петербургских* (Пушк., п. Н. Гнедичу, 4 дек. 1820); за строптивость, неправду и *волжские разбои* ваши (Марл., Роман и Ольга, VI); рассказ о *водных* и *земных сражениях* (Марл., Взгл. на старую и новую словесность в Росс.).

Случаи такого употребления встречаются и во второй половине XIX в.

Следы отчаянных драк и *уличного валянья* (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XXVI); донос об *острожном свидании* Карицкого (Речь Ф. Н. Плевако, 1871).

Более устойчивым было употребление сочетаний с прилагательными, образованными от географических названий: *торговля*

черноморская; каспийская торговля (Б-ка для чт., 1834, т. VII); *Сицилийский поход* (Моск. набл., 1837, март, кн. 2); *Бородинское сражение, Екатерингофское гулянье* и т. п.

§ 9. Среди сочетаний отсубстантивных прилагательных с неотглагольными существительными, более или менее широко и свободно употреблявшихся в конце XVIII — начале XIX в., было также несколько типов, употребление которых, в связи с общим процессом устранения параллелизма между косвенными падежами существительных и отсубстантивными прилагательными, сильно сокращалось или совсем затухало.

1. В XIX в. прекращается свободное употребление словосочетаний, в составе которых прилагательные обозначают отношение к предмету как к носителю признака. В начале века такие словосочетания употребляются довольно широко. Они часто приводятся в качестве иллюстраций употребления прилагательных словарями конца XVIII — первой половины XIX в.

Роговая крепость (т. е. крепость рога); *буерачная крутизна* (Сл. АР); *мачтовая толстота, крепость; адамантовая твердость; гиперстеновый отлив; металлическая крепость; свинцовая тяжесть* (Сл. 1847 г.). Такие словосочетания довольно широко представлены в литературе первой половины XIX в.

Ладонный запах (Болот., 1, 12); И дебри темные, и *глубины пещерны* (Озеров, Эдип в Афинах, IV, 4); *винный дух* (Крыл., Бочка); *сырный дух* (Крыл., Ворона и Лисица); Послание к Дмитриеву издержало мое время и *ручную силу* (Вяземск., п. А. Тургеневу, 18 апр. 1819); *тюллерийская пышность* (Телеск., 1831, № 21).

Ср. использование сочетаний с прилагательным и с родит. пад. существительного в одном контексте:

Поднятие *денежной ценности* (И. Горлов, Философия лажа, Москвит., 1841, февр.); *ценность денег* подымается (Там же).

Отдельные случаи употребления сочетаний с прилагательными, обозначающими носителя признака, встречаются и во второй половине XIX в.

Многие прилагательные в составе сочетаний этого типа развивали качественные значения *(малиновый цвет, алмазный блеск, снежная белизна)*. Подобные сочетания сохраняются в языке: внешне совпадая с описанными выше уходящими словосочетаниями, они отличаются от них по значению (ср. *свинцовая тяжесть* — «тяжесть свинца» и «тяжесть, как у свинца»).

2. Словарь АР и Словарь 1847 г. приводят многочисленные сочетания, в которых определяемое существительное называет часть предмета, а прилагательное обозначает отношение к предмету, являющемуся целым: *кастрюльная ручка, кафтанные пуговицы, кинжальная рукоятка, кроватная ножка, молотовый обух, пирамидное основание, сережной замочек, стульная ножка, сундучный замок, сундучная крышка* (Сл. АР); *днищевые доски, долотная*

рукоятка, зонтичная рукоятка, кисетная застежка, лоханные ушки, наволочные завязки, сковородная рукоятка, сверлильная ручка, халатный пояс, чашная ручка (Сл. 1847 г.).

Данные словарей показательны. Однако сопоставление их с наблюдениями над употребительностью сочетаний слов этого типа в литературе приводит к выводу, что словари отражают не столько практику литературного языка, сколько потенциальные возможности русской речи этого времени, реализующиеся преимущественно в разговорной сфере. В литературном языке конца XVIII — начала XIX в. отношение части к целому, как правило, выражалось словосочетаниями с родит. пад. существительного: *рукоятка кинжала, ножка кровати.* Сочетания слов, включающие прилагательное, соотносительное с родит. пад. целого, были мало употребительны. Отдельные, довольно редкие случаи их употребления наблюдаются преимущественно в жанрах, подверженных влиянию разговорной речи (художественная проза, мемуары).

У *спуску крылечного* лежал окровавленный нож (Чулк., Пересмешн., 20); смотря на мои *камзольные пуговицы* (Фонв., Чистосердечн. призн., 1); Мы нашли проклятый сей сургуч в *кафтанных фалдах* (Болот., 1, 28); закутало меня *палаточными полами* (Там же, 38); отбивать горло от бутылки о край стола или об *столовую ножку* (Добрынин, Зап., XXXV); *в карманах кафтанных и камзольных* (С. О., 1812, № 9); застегнуть ей *башмачную пряжку* (Нарежн., Росс. Жилбл., 4, VII).

Спорадическое употребление подобных словосочетаний продолжается, все более угасая, в течение всего XIX в., преимущественно в художественной литературе.

Спускались они с *крылечных ступеней* (Совр., 1847, т. IV); хоть стучи себе там по ночам, когда мертвецы встают, в *гробовую крышу* (Дост., Зап. из подполья, 2, VII); стукается ... о *тележные бока* (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XXXIX); *жилеточный карман* (Писемск., Тыс. душ, 2, V); смотрит прямо в *окошко каретное* (Некр., О погоде, 1, II, 4); *ламповый колпак* (Чех., Скучн. ист., II).

Показателен характер семантических изменений этих словосочетаний. Многие из них становятся устойчивыми номинациями разновидностей предмета: *печная, заводская, фабричная труба; каминная, садовая, тюремная решетка* и т. п. В таких сочетаниях прилагательное утрачивает значение единичной отнесенности и указывает на отношение к роду предметов. Поскольку предмет (целое) мыслится обобщенно, то и отношение к нему воспринимается как типичное, характеристическое, а это приводит к тому, что значение сочетания расширяется: возникает значение привычной связи предметов, которое может получать оттенок назначения или происхождения. В связи с этим меняется положение данных сочетаний в системе субстантивных сочетаний: прилагательное здесь становится соотносительным не только с беспредложным родит.

пад., а и с предложно-падежными конструкциями *«для* + родит. пад.», *«от* + родит. пад.». Ср. *ламповое стекло* — «стекло лампы, для лампы, от лампы».

3. Редкое, остаточное явление составляло в конце XVII — начале XIX в. выражение в словосочетаниях с именами прилагательными: а) отношения целого к составным частям, б) отношения массы к составляющему ее веществу. Уже в древнерусском языке эти отношения выражались в основном сочетаниями с родит. пад. существительного.

а) *Кресельные ряды* (Пушк., Е. О, 7, L); по всей городской прибрежной линии тянется *маячная* и сторожевая *цепь* (Марл., Ам.-Бек, IV).

б) [Р о з а н а] Теките, *реки слезны* (Николев, Розана и Любим, IV, 4); закурил трубку и начал пускать ему в нос и в рот *дымные облака* (Карамз., П. р. п., первая станция от Данцига, 1789); курили трубки и защищались от солнечных лучей густыми *табашными облаками* (Там же, Лейпциг, 17/30 июля 1789); среди дымящихся развалин, среди *куч пепельных* (Жуковск., К надежде); должность клетчатого платка нередко исправляли *бумажные отрезки* (Даль, Бедовик, II).

Позднее такие словосочетания выходят из употребления. Сохраняются лишь ставшие единственно возможными номинациями соответствующих реалий устойчивые сочетания типа *березовая роща, сосновый бор, еловый лес, вишневый сад.*

Изменения соотношений между словосочетаниями с качественными прилагательными и с родительным падежом отадъективного существительного

§ 10. В литературном языке начала XIX в. некоторая функциональная близость существовала не только между рассмотренными выше словосочетаниями с отсубстантивными прилагательными, с одной стороны, и словосочетаниями с родит. пад. существительного, с другой стороны, но и между словосочетаниями с непроизводными (с точки зрения живых словообразовательных связей) качественными прилагательными и словосочетаниями с родит. пад. существительных отадъективных или словообразовательно связанных с прилагательным общностью корневой морфемы.

Основу данного соотносительного ряда составляла семантическая и словообразовательная близость некоторых существительных к прилагательным (*синий — синева, красивый — красота, важный — важность, крепкий — крепость, новый — новизна*) [19].

Были соотносительны трехчленные словосочетания названных

[19] Подобная семантическая близость устанавливалась также между существительными, называющими свойство, и образованными от них прилагательными: *безобразие — безобразный, сила — сильный, интерес — интересный.*

видов, в которых при слове, называющем признак (прилагательном или существительном), имелось определяющее степень или характер признака слово (наречие при прилагательном, прилагательное при существительном): *ослепительно белое белье — белье ослепительной белизны, чрезвычайно тучная женщина — женщина чрезвычайной тучности, исключительно важное дело — дело исключительной важности, особенно интересные вещи — вещи особенного интереса.*

Ограничивало соотносительность этих двух конструкций различие между прилагательным и существительным в характере возможного распространения, вызывавшее во многих случаях несоотносительность третьего компонента словосочетания: а) не у всех возможных при отадъективном существительном прилагательных имелись соотносительные наречия, например: *человек недальной бойкости* (Болот., 1, 15); *собор достопочтенной древности* (Добрынин, Зап., XLII); б) отадъективное существительное могло быть распространено не одним прилагательным, а целым адъективным словосочетанием, не имеющим соотносительного наречного, например: *чиновник редкой в то время честности, человек самой привлекательной любезности.*

Конструкции, образующие рассматриваемый соотносительный ряд, резко отличались по степени употребительности: словосочетания с родит. пад. отадъективного существительного употреблялись гораздо реже, чем соответствующие им словосочетания с качественными прилагательными. Однако в начале изучаемого периода они имели разнообразное лексическое наполнение и использовались в разных по стилистическим качествам сферах речи.

Такой доброты сукон не вывозится (Сумарок., Лихоимец, I, 4); *азиатской пышности* мягкие *софы и диваны* (Держ., Описание Потемкинск. праздника); *картина неописанной приятности* (Карамз., П. р. п., Лондон, июля ... 1790); *бездна снежной белизны* (Добрынин, Зап., XLII); *муж толикой учености* (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, IX); *домы неравной высоты* (ЖДНП, 1823, авг.); [*человек*] *двусмысленной храбрости* (Марл., Второй вечер на бивуаке).

Употребление трехчленных словосочетаний с родит. пад. отадъективного существительного на протяжении XIX в. несколько сокращается. Устойчиво сохраняются словосочетания, несоотносительные с наречно-адъективными вследствие отмеченной выше специфичности третьего компонента, а из числа соотносительных с наречно-адъективными — такие, в которые входят существительные более общих значений [20].

Горы чудной высоты (Лерм., 1831-го июня 11 дня); *птичка*

[20] См. об этом: Н. Ю. Шведова. Из истории родительного квалитативного в русск. лит. языке XVIII—XIX вв. (К проблеме лексических ограничений в синтаксисе). «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. V, стр. 59.

чудесной красоты (Жуковск., Тюльпанное дерево); *вещи самого живого интереса* (Совр., 1847, т. IV, № 8); *храп неслыханной густоты* (Гоголь, М. д., 1, VII); *мужчина замечательной красоты* (Писемск., Тыс. душ, 2, I); *безукоризненной белизны жилет* (Там же, 1, III); *человек почти всеобъемлющей учености* (Тург., Лит. и жит. воспом., II); *женщина необыкновенной образованности* (Сверб., Зап., I); *руки барского изящества* (Боборык., Китай-город, 3, XXIII).

Сохранению словосочетаний с отадъективными существительными, словообразовательно и семантически соотносительными с качественными прилагательными, способствовало устойчивое употребление словосочетаний с близкими этим существительным по значению словами, не имевшими словообразовательных связей с именами прилагательными типа *качество, свойство, цвет, размер, величина, форма* и т. п. (ср.: *горы чудной высоты — горы огромной величины; человек обаятельной доброты, красоты — человек обаятельных качеств).*

§ 11. В составе двучленных сочетаний качественные прилагательные не были регулярно соотносительны с родит. пад. отадъективных существительных: последние как определения других существительных обычно употреблялись лишь с распространяющими их прилагательными (ср. *небо яркой синевы* при невозможности *небо синевы*).

Наблюдавшееся в начале XIX в. выражение качественно-характеристического определения родит. пад. отадъективного существительного без распространяющего его прилагательного составляло яркую черту «высокой» книжной речи [21].

Отдельные случаи употребления двучленных сочетаний, главным словом которых является название лица, а зависимым — отадъективное существительное, наблюдаются главным образом в поэтической речи начала XIX в. Такие словосочетания очень ограничены по своему лексическому составу, но широко употребительны и, как правило, являются устойчивыми штампами [22]. Наиболее распространены сочетания со словами *дева, ангел, муж* и др.: *дева красоты, девы веселия, муж славы, ангел красоты, муж добра* и т. п.

Вождь мудрости (Батюшк., Отр. из I песни «Освобожд. Иерусалима»); *дева красоты* (Жуковск., Певец во стане русск. воинов); *девы стыдливости* (Жуковск., К Филону); *девы веселья* (Пушк., Кавк. пленник, вариант).

Некоторые из подобных сочетаний бытовали и за пределами

---

[21] «Эпитет, выраженный только одним существительным в родит. пад. без определения, принадлежит речи книжной и слогу витиеватому» (Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика. М., 1959, § 243).

[22] См.: М. Т. Тагиев. Беспредложные именные словосочетания в поэтическом языке А. С. Пушкина (Словосочетания с именем существительным в родит. пад.). Канд. дисс. М., 1954.

поэтической речи как устойчивые сочетания, имеющие окраску «высокости».

Изверг вероломства (Карамз., И. Г. Р., II, XVI); *герои добродетели* (Там же, II, IV); *муж славы и доблести* (Там же, IX, IV); *муж силы* (Там же, XII, V); *ангел красоты и нежности* (Жих., Зап. совр., I, 30 июля 1806). Ср. в более позднее время: *человек добра* (Никитенко, Дневн., 29 авг. 1860).

Сочетания с главным словом — названием конкретного предмета (не-лица) гораздо более редки. Собственно отадъективные существительные со словами такой семантики почти не сочетались, но называющие признак или состояние существительные, семантически тесно связанные с производными от них прилагательными, могли употребляться и при названиях конкретных предметов.

Путь мрачности (Карамз., П. р. п., Берлин, 3 июня 1789); *убранства роскоши* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, V); *древо прохлады* (Жуковск., Песнь араба над могилою коня); *дорога печали* (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 9—24 июня 1824).

Сочетания такого типа также не были стилистически нейтральны и бытовали преимущественно в поэтической речи. Среди них особенно устойчиво употреблялись сочетания с главным словом, имеющим значение места.

Земля свободы (Карамз., П. р. п., Базель); *путь чести* (Рикорд, Зап.); *ложе роскоши* (Батюшк., Мечта); *ложе сладострастья* (Батюшк., Мои пенаты); *ложе счастия* (Батюшк., Таврида); *ложе грусти* (Пушк., Русл. и Людм., 2); *путь стыда* (Вяземск., п. А. Тургеневу, 18 июля 1819).

Более многочисленны и разнообразны были случаи употребления отадъективных существительных и близких им семантически существительных, связанных с соотносительными прилагательными общностью корневой морфемы и значения, при отвлеченных словах.

Час удобности (Радищ., Путеш., Хотилов); *вид чистосердечия и честности* (Фонв., Чистосердечн. призн., 2); на *подвиг славы* (Карамз., И. Г. Р., IX, VI); *дела славы* (Там же, II, IV); *дела великодушия* (Там же, I, III); со *вкусом прелести* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, LXXVII); *нравы скромности* (Гриб. и Вяземск., Кто брат, кто сестра, 4); *вид покорности* (Н. Павл., Именины); *в одиночестве печали* (Н. Павл., Ятаган, XII); *размер необъятности* (Б-ка для чт., 1834, т. V, кн. 9).

Особенно часто родит. пад. существительного, тесно семантически связанного с прилагательным, употреблялся при словах, называющих проявления речи, мысли или чувства: *слово, крик, песня, улыбка, движение, слеза* и т. п.

Слезы радости (Живописец, II, 6); *со слезами благодарности* (Фонв., Чистосердечн. призн., Вступл.); *учение истины*

(Карамз., П. р. п., Мариенбург, 21 июня 1789); с *улыбкой невинности* (Карамз., И. Г. Р., X, II); *мысль злодейства* (Там же, II, XII); *рев ярости* (Там же, XII, II); *веселья песнь* (Озеров, Поликсена, V, явл. последн.); *радости слеза* (Озеров, Фингал, I, 6); *сквозь слезы стыдливости* (Батюшк., Радость); *песни радости* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2, Плавание по Волге, Рыбная ловля с острогою); *улыбка ласки* (Н. Павл., Маскарад, I); *с улыбкой счастья* (Н. Павл., Ятаган, II).

Родит. пад. в составе таких словосочетаний имел сложное значение: он выражал качественную оценку, был функционально однороден прилагательному (ср. *песни радости — радостные песни, улыбка невинности — невинная улыбка*) и вместе с ним передавал внутреннее содержание речи, мысли или чувства, вступая в один ряд с родит. пад. в составе словосочетаний, имеющих другое лексическое наполнение зависимого компонента (*улыбка недоумения, слова приветствия, поцелуй прощения, движение ужаса*).

Употребление двучленных словосочетаний с отадъективными существительными не получает развития на протяжении XIX в. Напротив, этот ярко стилистически окрашенный тип качественно-характеристического распространения существительных уходит из литературного языка.

Уже в 30-е годы, в связи с изменениями в стилистической системе литературного языка и вызванной ими переоценкой элементов витиеватого «высокого» слога, двучленные словосочетания с отадъективными существительными начинают употребляться иронически: Ну, брат, все это похоже на пары зыбкого идеологизма, носящегося в *океане беспредельности* (С. О., 1827, № 16); ср. пародическое употребление подобных сочетаний в более позднее время: Он знает, как ему поступить ..., чтоб сокрушить рог гордыни и раздавить змею, грызущую прах в *презрении бессилия* (Дост., Двойник, VIII).

Более устойчивым было употребление родит. пад. отадъективных и других семантически близких прилагательным существительных в составе словосочетаний с главным словом — существительным отвлеченным. Некоторые из словосочетаний такого состава на протяжении XIX в. увеличивают свою продуктивность и употребительность (например, словосочетания со словами *вид, тон, окраска, колорит* и т. п.: *вид робости, тон бодрости, окраска книжности, колорит мрачности*). Стойко удерживаются словосочетания с главным словом, называющим проявление речи, мысли или чувства типа: *слово печали, улыбка благодарности, движение стыдливости.*

Вместе с тем на протяжении XIX в., главным образом в публицистике и ораторской речи, укрепляется употребление словосочетаний (возникших под влиянием словосочетаний с отадъективными и семантически близкими им существительными), в которых предмет (преимущественно лицо) определяется по типичному для

него признаку, выраженному отвлеченным существительным, непосредственно не соотносящимся словообразовательно и по значению с прилагательным. Такие словосочетания получают широкое распространение во второй половине XIX в., сохраняя стилистическую окраску книжности, риторичности.

Люди расчета, сомнения и существенной *пользы* (В. Одоевск., Кн. Мими, IV); *люди анализа* и *люди верований* (Совр., 1847, т. IV, № 8); *люди полумер* (Там же, т. II, № 4); *герой деятельности, движения* (С. Соловьев, Ист. Росс., I, VIII); *люди паралича и косности* (Дост., Скв. анекдот); *человек противоречий* (Сверб., Зап., I); *человек веры* (Леск., Собор., 3, 7).

Итак, в течение XIX в. в литературном языке завершается процесс функционального расхождения отсубстантивных прилагательных и косвенных падежей существительного: 1) уходят из нейтрального литературного употребления притяжательные прилагательные — тип слов, значение которых исчерпывается выражением отношения к отдельному лицу и которые поэтому равнозначны с родит. пад. существительных; 2) употребление относительных прилагательных для выражения индивидуальной принадлежности сокращается и получает четкую стилистическую направленность; расширяется употребительность лишь таких словосочетаний с относительными (отфамильными) прилагательными, в составе которых последние имеют значение типичной свойственности; 3) в нейтральном литературном употреблении прекращается выражение посредством отсубстантивных прилагательных отношения к нескольким лицам и сокращается выражение отношения к роду лиц; 4) утрачивают употребительность свободные сочетания, в составе которых значение отсубстантивного прилагательного исчерпывается обозначением отношения к предмету.

В результате этих процессов меняется, делаясь более однородной, семантика прилагательных как класса слов, общим, типовым значением которых является значение свойственности, качества.

В связи с общей тенденцией к разграничению функций прилагательных и присубстантивных косвенных падежей существительных сокращается употребление словосочетаний с родит. пад. отадъективных существительных, функционально однородных словосочетаниям с качественными прилагательными.

ИЗМЕНЕНИЯ В СООТНОШЕНИЯХ БЕСПРЕДЛОЖНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Изменения в соотношении словосочетаний с родительным и дательным падежами

§ 12. В языке конца XVIII — начала XIX в. активным было соотношение функционально однородных конструкций, образованных сочетаниями с беспредложным родит. и беспредложным дат.

пад.: *причина поступка — причина поступку; роспись вещей — роспись вещам; виновник дела — виновник делу; хозяин имения — хозяин имению; служба отечества — служба отечеству*[23].

В этом ряду сильным его членом могли быть сочетания как с родит., так и с дат. пад. Словосочетания с дат. пад. были сильным членом ряда в тех немногих случаях, когда дат. пад. был мотивирован семантико-словообразовательными связями отглагольных существительных с производящими глаголами, управляющими дат. пад.: *служба отечеству* (ср. *служить отечеству*), *помощь союзнику* (*помогать союзнику*) (см. § 19). В большинстве же случаев присубстантивный дат. пад. не был мотивирован словообразовательными связями стержневого существительного. Такие сочетания отражали идущее из древности параллельное присубстантивное употребление родит. и дат. пад. и, как правило, были слабым членом соотносительного ряда.

Происхождение и история дательного присубстантивного в русском языке во многом неясны. Очевидно, употребление дат. пад., как возможной параллели родит. пад., не чуждое в древности народной восточнославянской речи, было поддержано и укреплено влиянием старославянского языка, в котором присубстантивный дательный был очень широко распространен[24]. В связи с тем, что употребление дательного присубстантивного в русском литературном языке отражало закономерности, сложившиеся в народной восточнославянской речи, и вместе с тем в известной мере — закономерности, сложившиеся в старославянском языке, оно отличается неустойчивостью, хотя и имеет общие четкие тенденции развития.

В истории присубстантивного дат. пад. в русском литературном языке наблюдается взаимодействие двух основных тенденций.

С одной стороны, уже в древнерусском языке намечается, а позднее усиливается идущая, очевидно, из народной речи тенденция к прикреплению присубстантивного дат. пад. к определенным синтаксическим структурам. Для дат. пад. не характерна функция постоянного «распространителя» тех или иных существительных;

---

[23] В некоторых случаях ряд соотносительных конструкций включал еще одну функционально однородную конструкцию — *для* с родит пад.: *опора дела — опора делу — опора для дела;* об истории этого соотносительного ряда см. в главе «История соотношения беспредложных и предложных словосочетаний».

[24] А. Б. Правдин, исследовавший историю присубстантивного дат. пад. в русском языке вплоть до XVIII в., считает, что «дат. пад. в русском языке (в отличие от старославянского языка) никогда не был вполне равнозначен родит. определительному падежу», и высказывает предположение, что «многие случаи его употребления объясняются влиянием церковнославянской традиции» (А. Б. Правдин. К вопросу о выражении принадлежности в русск. языке. «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 51, 1957, стр. 107, 110). О соотношении родит. и дат. пад. в старославянском языке см.: Н. М. Елкина. Беспредложные конструкции приименных родит. и дат. пад. в старославянских и среднеболгарских памятниках. Канд. дисс. М., 1954.

присубстантивное употребление дат. пад. развивается и закрепляется в определенных синтаксических условиях; для него типично: а) употребление при сказуемом квалифицирующего, качественно-характеристического значения (он *друг брату*); б) употребление в составе сложных глагольно-именных сочетаний, включающих глагол, сочетающийся с дат. пад. (*дать начало делу*), где дат. пад. дополняет все сочетание в целом присущим ему значением назначения и вместе с тем тяготеет к существительному, непосредственно за которым следует; в) употребление в составе номинативных предложений, обозначающих призыв, побуждение и т. п. (*хвала героям, позор убийце*).

Употребляясь в этих условиях, дат. пад. сохраняет свойственное ему специфическое значение, отличающееся от значения родит. пад. По удачному определению А. Б. Правдина, присубстантивный дат. пад. в значительной мере является «падежом участия и интереса»: он «связан с представлением о направленности свойств, характерных для предмета, обозначаемого господствующим именем существительным, к предмету, обозначаемому именем в дательном падеже» [25], ср.: *он друг брата — он друг брату; отыскать решение загадки — отыскать решение загадке.*

С другой стороны, присубстантивный дат. пад. употребляется не только в указанных синтаксических условиях: очень рано намечается и тенденция к употреблению его при определенном круге слов — независимо от их синтаксических функций.

В русском языке, начиная с древнейшего периода, всегда было некоторое количество существительных, которые могли распространяться дат. падежом свободно, безотносительно к их синтаксическому функционированию. Правда, среди них было много слов, часто употреблявшихся, вследствие их значения или привычных фразеологических связей, в тех синтаксических конструкциях, к которым тяготел присубстантивный дат. пад.; но немало было и таких слов, для которых употребление в указанных конструкциях было нетипичным. Круг таких слов менялся, но в общем он был довольно устойчив [26].

Присубстантивный дат. пад., прикрепленный к определенному кругу слов и употреблявшийся в составе разных синтаксических структур, был функционально однороден родит. пад., но отличался от него стилистической окраской и сферой применения. Синтаксически не обусловленные словосочетания с дат. пад. были своего

---

[25] А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 107.

[26] А. Б. Правдин. Значение дат. пад. в древнерусском языке (XII—XVII вв.). Канд. дисс. М., 1954; Л. В. Капорулина. Дат. пад. при имени существительном в «Повести временных лет».— В сб.: «К вопросу управления». Рига, 1957; Л. И. Таубенберг. О некоторых именных конструкциях, связанных по способу управления, в русск. языке конца XVII — начала XVIII в. Там же; М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1957.

рода привычными книжными штампами, бытовавшими преимущественно в таких жанрах письменной речи, которые находились под воздействием старославянского языка [27].

С конца XVIII в. круг слов, свободно распространявшихся дат. падежом, постепенно сужается.

История сочетаний, в составе которых сокращается употребление дательного падежа

В употреблении словосочетаний со словообразовательно не мотивированным присубстантивным дат. над. в начале изучаемого периода отражались идущие из древности противоречивые тенденции. Такие словосочетания были неоднородны: одни из них не были прикреплены к каким-либо определенным синтаксическим структурам; другие проявляли четкую тенденцию употребляться в составе таких синтаксических структур, к которым тяготел присубстантивный дат. пад. В качестве стержневых слов этих двух типов словосочетаний употреблялись разные существительные.

Словосочетания, для которых не типична прикрепленность к предикативным структурам

§ 13. Существительные, которым было свойственно распространяться дат. пад. независимо от того, в какой синтаксической функции они употреблялись, составляли несколько тематических групп.

1. Слова со значением начала, причины или обоснования: *начало, источник, основание, основа, причина, вина, предлог, побуждение, объяснение, доказательство, свидетельство, подтверждение* и др.

Какая же *причина* сему Кривотолкову *заблуждению?* (Живописец, I, 2); спрашивал *тому причины* (Крыл., Почта духов, XXXV); посмотри еще *сему доказательство* (Там же, XI); *Сему свидетельства* подлинные находятся ... (Грамота на права ... росс. дворянства, 1785, ПСЗ, XXII, § 16187); Вот истинная *причина* долговременному моему *молчанию* (А. М. Кутузов, п. Е. И. Голенищевой-Кутузовой, 6/17 дек. 1790); какое имеет *основание* своему *донесению?* (Добрынин, Зап., XXXIX); полагая камень краеугольный во *основание* новому *дому* божию (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XXXVI); Не ты ли был *виной изгнанию* его? (Озеров, Эдип в Афинах, III, 1); *Соединению предлогом* Полиник (Там же, I, 4); А скоро ли

[27] Показательно полное отсутствие дательного присубстантивного в древнерусских грамотах (см. В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение. Львов, 1949, стр. 362). В Домострое присубстантивный дательный встречается лишь в первой его части, отличающейся от последующих, деловых частей большей книжностью, «высокостью» языка (см.: М. А. Соколова. Указ. соч., стр. 107).

сражениям начало? (Катен., Пир Иоанна Безземельного, I); представить *тому доказательства* (Шишк., Рассужд., II); Язык должен быть *основанием наречию*, а не наречие языку (Там же, III); *начало злу* (Карамз., И. Г. Р., IX, I, заголовок); сооружал *основания* нынешнему своему *величию* (С. О., 1812, ч. 5, № 3); представили бы *тому* ясные *доказательства* (Моск. вестн., 1828, № 5); Это составило бы *основание* всем нашим *системам и кодексам* (Там же); *причина единству* (Вяземск., Ст. зап. кн., 2).

К этим словам примыкали вследствие семантической и отчасти словообразовательной близости: а) названия лиц типа *зачинщик, заводчик, виновник, основатель, свидетель* и т. п., б) те существительные, у которых значения, связанные с понятиями источника, причины, обоснования, были метафорическими или развивались в специальном употреблении: *корень, зерно, ключ* и т. п.

а) Иметь *свидетелей* моему *счастию* (Карамз., П. р. п., Лондон, июля ... 1790); он был ... всему *злу заводчик* (Болот., 1, 16); *зачинщик* всему *злу* (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, XIII); был *свидетелем* несчастному *походу* в Молдавию (Пушк., Зап. Моро-де-Бразе).

б) Докажут и в глаза бесстыдно самому, Что *корень* ты и *столп ученью* их всему (Живописец, II, 6. Перевод сатиры Боало); [слова], *которым корни* ... находятся в общем языке (Шишк., Рассужд., III); *корень* всему *злу* (Н. Тург., Нечто о крепостн. состоянии в России, 3). Ср. в более позднее время: *Зерно* будущему *развитию* человечества (Москвит., 1841, № 1).

2. Слова со значением конца, предела: *конец, кончина, предел, исход, граница* и др., связанные с понятием исхода или предела.

Настал *конец страданию* нашему (Живописец, II, 3, Слово на выздоровл.); *конец смятениям* и *бедствиям* (Карамз., И. Г. Р., XII, IV); найду *бедам* моим *кончину* (Озеров, Поликсена, III, 1); решились не полагать других *границ* своему *сопротивлению* (С. О., 1812, ч. 2, № 12); *конец делу* (Рикорд, Зап.); Вот наконец *решение загадке!* (Гриб., Горе от у., IV, 13); обрела *предел* своим *несчастьям* (Моск. вестн., 1828, № 7); ...образованием такой почки, которая полагает уже *предел приращению* (М. Максимович, Жизнь растения, Там же, № 6); приближается и срок или *выпуск* моим *сестрам* (Гоголь, п. А. Данилевскому, 7 марта 1839); положены лишь необходимые *границы* его *свободе* (В. Одоевск., Русск. ночи, 2). Ср. в более позднее время: *разгадка созданию* того характера, который мы разбираем (Москвит., 1841, № 2).

К этой группе примыкали слова со значением исхода во времени: *срок, пора.*

Истекающий *срок* винному *откупу* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 9); *срок векселям* (Пушк., п. В. Огонь-Догановско-

му, май-июнь 1830); *срок отпуску* моему близок (Пушк., п. Н. Н. Пушкиной, 10 дек. 1831); скоро наступит *последний час владычеству* этих морских разбойников (Загоск., Росл., 1, III).

3. Слова *пример, образец, форма, название, определение* и семантически связанные с ними.

Выдумывал он новый *образец обшлагам* и *клапанам* на кафтане (Крыл., Почта духов, XIX); нашел ... *названия* некоторым *буквам* (Лепехин, Дневн. зап., 4, V); Москва всем *городам пример* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, III); *чему* находим многие *примеры* (Карамз., И. Г. Р., I, II); [авторы] для чтения в классах и *образца ученикам* (Рыл., Неск. мыслей о поэзии); исчислив многие *тому примеры* (Моск. телеграф, 1825, № 17); показал несколько *тому примеров* (Там же, № 18); приложены *формы ведомостям* (Там же, 1826, № 5).

4. Слова *цена, мера* и семантически связанные с ними.

Цена сену **(Нащокин, Зап.);** ***цены ржи и овсу*** весьма немалы (ПСЗ, 1784, XXII, § 15906); по нынешней *цене деньгам* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, IV); видели на воротах, на черной доске, одну только *таксу им* [плодам] (Там же, LXXV); *цена вину* (Жих., Зап. совр., I, 18 апр. 1806); Пусть пришлет он мне *меру* надлежащую *рисункам* (Вяземск., п. А. Тургеневу, 5 июля 1819); *Цена изданию* ... 185 франков (ЖДНП, 1823, авг.).

5. Названия перечней и систематических записей разного рода: *роспись, список, записка, реестр, каталог, ведомость, опись, смета, описание, журнал* и т. п.

О ведении краткой дневной *записи* всем получаемым в оной коллегии именным *повелениям, сообщениям, доношениям* и тому подобным *бумагам* (ПСЗ, 1784, XXII, § 15969); Надлежит вести *записку* заведенными и впредь заводимым народным *училищам* (Устав народн. училищам, ПСЗ, 1786, XXII, § 16421); Каждый учитель должен представить ... *список ученикам* своего класса (Там же); присылать *списки* всем *новорожденным и умершим* (Именной указ, 1789, генваря 23, ПСЗ, XXIII); ведет всем своим *делам* верную *записку* (Крыл., Ночи); *реестр бумагам* (П. А. Вельяминов, п. А. А. Ржевскому, 13 июля 1783); оставил только мне небольшой *реестр*, или **краткую поколенную** *роспись* **нашим** *предкам* (Болот., 1, 1); Извольте прислать *расчет* примерный *деньгам* (Письма Ф. В. Растопчина к А. В. Суворову, Моск. телеграф, 1826, № 7); представляет *счет* нужным *суммам* (В. Е., 1802, № 7); Что у него за рукописи ...? Я имею *реестр оным* (А. Тург., п. П. Вяземскому, 11 июня 1819); Всем же этим *вещам* ... повешена в передней комнате у дверей *опись* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, Прим. авт. к 3-й части); держать *реестр* печатаемым *патентам* (Жих., Зап. совр., II, 24 февр. 1807); *ведомость* мирским *рас-*

ходам (Вяземск., Ст. зап. кн., 8); *счет издержкам, расходам* и *доходам* (Гоголь, п. матери, 10 июля 1834).

Сюда же примыкали слова *план, чертеж, проект.*

Проект правам благородных (Дневн. зап. Больш. собр.); представленные от комиссии *планы* Санктпетербургской губернии, *Шлиссельбургу, Нарве, Ямбургу, Ораниенбауму, Повенцу*; Московской губернии, *Коломне, Серпухову, Рузе, Можайску, Верее, Волоколамску, Звенигороду, Клину* (ПСЗ, 1784, XXII, § 15905); сделан был *план уничтожению* сей торговли (Фонв., п. П. Панину, 18/29 сент. 1778); выдумывала *планы* своему *хозяйству* (Крыл., Почта духов, XXIII); Любопытствовал посмотреть нового *Кронштадту плана* (Радищ., Путеш., Чудово); *планы маневрам* (Болот., 2, 132); *чертеж строению, укреплению* (Сл. АР, III. «Начерчивать»); *план цветнику* (И. Дм., п. В. Жуковскому, 15 ноября 1805).

§ 14. Реже, чем при словах названных тематических групп, дат. пад. употреблялся при существительных со значением действия-процесса, образованных от прямопереходных глаголов. Дат. пад. при них называл объект действия и был соотносителен с винит. пад. при производящих глаголах.

Оный *набор рекрутам и лошадям* доныне еще не окончен (Сенатский указ, 22 февр. 1757, ПСЗ, XIV); Было *погребение* ... покойному первому российскому *генерал-фельдмаршалу* (Нащокин, Зап.); Такой великой *перемены чинам* в Европе редко бывает (Там же,); *Лов ей* [рыбе] не начинался еще (Головн., Зап., 2); Большая *мена лошадям* у них [калмыков] бывает на речке Бапраке (Лепехин, Дневн. зап., I); Мать возобновила *посещения* своему *сыну* (Добрынин, Зап., XXIX); Опять новое суждение о словесности, новая *браковка словам* (Шишк., Рассужд., III); Началась всем *им* [одам] *оценка* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3). Ср. в более позднее время: Как будто ни журнала никогда не существовало, ни *разбора* «мелким *стихотворениям*» (Вельтм., Приезжий из уезда, I, Москвит., 1841, № 1).

Подобные словосочетания отражали исчезавшее употребление присубстантивного дат. пад. объекта, развившегося под влиянием старославянского языка и довольно широко распространенного в XVII—XVIII вв.

Почти исключительно в официально-деловой речи (предписания, узакопения и т. п.) при отглагольных существительных употреблялся дат. пад. в значении субъекта действия.

О *вымене* Троицкой Лавры *властям* в Елецком уезде у помещиков и вотчинников земли (Дневн. зап. Больш собр.); законы о *непокупке*, у иноверцев, мурз и татар земель *помещикам, детям боярским* (Там же); О *мене* поместий московским всяких чинов *людям* с украинцы — детьми боярскими (Там же); *О бытии* армянскому *народу* по духовным делам и

церковным обрядам в ведомстве их патриарха (ПСЗ, 26 февр. 1798, XXV, § 18402, Высочайшая грамота Армянскому патриарху и армянскому народу); домики для *постоя офицерам* (Болот., 1, 25); По первому зимнему пути, последовал *поход нам* в город Рыльск (Добрынин, Зап., XI). Ср. в более позднее время: поехали просить позволения о *прибытии Феофилу* в Москву (Н. Полевой, Ист. русск. народа, 5, VII).

Это употребление развилось, по-видимому, под влиянием широко распространенных в официально-деловой речи императивных инфинитивных предложений с дат. субъекта, типа: *Быть поместьям и вотчинам* по поступке за теми людьми (Дневн. зап. Больш. собр.).

Употребление дат. пад. субъекта при отглагольных существительных со значением процесса было всегда явлением очень ограниченным, привязанным к определенным типам контекстов, стилистически окрашенным; к началу XIX в. оно оказывается за пределами литературной нормы и позднее утрачивается совсем. Для выражения субъекта действия при отглагольных существительных устойчиво употребляется родит. пад., а в составе сложных словосочетаний, включающих родит. пад. объекта,— творит. пад. (ср. обычное уже для начала XIX в. сочетание типа: о *прибытии Феофила* в Москву; о *вымене властями* Троицкой лавры *земли*).

§ 15. Употребление дат. пад. при словах перечисленных выше групп отмечается во всех грамматических трудах первой половины XIX в.; в некоторых из них содержится попытка объяснить это употребление.

Востоков считает такие словосочетания производными от глагольных и возникшими в результате того, что дат. пад., прежде относившийся к переходному глаголу, стал употребляться как распространение сочетавшегося с глаголом существительного. Он пишет: «Существительные, сочетавшиеся в винит. пад. с глаголами действительными, имеющими при себе падеж дательный, управляют и одни, без глагола, дательным падежом других существительных, причем подразумевается причастие опущенного глагола, наприм., когда говорится: *роспись книгам, смотр полкам, конец делу*, подразумевать должно: *роспись* (*сделанная*) *книгам, смотр* (*сделанный*) *полкам, конец* (*положенный*) *делу* и пр.» [28]. О подразумевании страдательного причастия в сочетаниях типа *роспись книгам, счет неделям, цена местам, книга расходам* говорит и Греч [29].

Соображение Востокова не лишено основания; слова, при которых употребление дат. пад. было устойчивым, часто входили в состав сложных словосочетаний, имевших своим центром глагол,

[28] А. Х. Востоков. Русск. грам., § 129, стр. 259—260.
[29] Н. И. Греч. Практич. русск. грам., стр. 288.

способный распространяться одновременно двумя косвенными падежами, один из которых — дательный: *дать название, определение, начало чему-нибудь*; *назначить цену чему-нибудь*; *служить доказательством чему-нибудь*; *положить конец, предел, основание чему-нибудь*. Употребление дат. пад. объекта, несомненно, поддерживалось включением отглагольных существительных в устойчивые глагольно-именные сочетания с глаголами, сочетающимися с дат. пад.

Чинить осмотры землям и домам (Проект прав третьего рода гос. жителей); *чинимы бывают свидетелям допросы* (ПСЗ, 1784, XXII, § 15939); *сделать разные преобразования почте* (Гоголь, п. Н. Я. Прокоповичу, 15 апр. 1838).

Подобные глагольно-именные сочетания были привычными обозначениями, бытовавшими преимущественно в официально-деловой речи. Их широкая распространенность могла поддерживать употребление дат. пад. при данных существительных и в других контекстах. Толкования Востокова и Греча очень интересны как факты осмысления современниками связи между глагольными и субстантивными сочетаниями с дат. пад. в языке начала XIX в.

Иное объяснение предлагает Буслаев. Он видит в употреблении дат. пад. вместо родит. средство изобразить связь между понятиями более живо. Свойство дат. пад. употребляться «для большей живости речи» Буслаев связывает с основной его функцией — выражения «отношения к лицу», ярко проявляющейся в словосочетаниях типа *друг кому*[30].

Наблюдения Буслаева, обратившего внимание на специфическое значение присубстантивного дательного падежа и его стилистические функции, также представляют интерес.

Многие слова, допускавшие распространение дат. падежом, в силу своей семантики нередко употреблялись как сказуемые, а при сказуемом дат. пад. (в отличие от родит.) имел, как уже сказано, специфический оттенок значения (см. § 19). Возможно, именно в этом и усматривал большую «живость речи», создаваемую употреблением дат. пад., Буслаев[31].

§ 16. Дат. пад. не был единственной формой распространения указанных групп существительных. Параллельно присубстантивному дат. пад. при данных стержневых словах широко употреблялся родит. пад.[32] В составе словосочетаний, не прикрепленных

---

[30] Ф. И. Буслаев. Ист. грам., § 244.

[31] Его замечание о том, что присубстантивный дат. пад. выражает преимущественно отношение к лицу, верно по отношению к словосочетаниям с существительными, которым свойственно распространяться дат. пад. в составе предикативных синтаксических конструкций (см. § 18).

[32] Некоторые из существительных, при которых употреблялся дат. пад., могли также распространяться предложно-падежными сочетаниями. При словах *причина, план* и семантически близких им (*основание, повод, пред-*

к предикативным синтаксическим структурам, дат. и родит. пад. в начале XIX в. не различались по значению; очевидно, они не различались и стилистически, так как часто наблюдается параллельное употребление обеих конструкций в одних и тех же текстах, например: *роспись словам,* в которых произносится буква h; *роспись омографов и омонимов* (Моск. телегр., 1826, № 8).

В течение XIX в. употребление дат. пад. при существительных перечисленных выше групп постепенно сокращается. Процесс вытеснения дат. пад. родительным как типичной формой субстантивного распространения захватывает прежде всего словосочетания с конкретными существительными. При словах *список, ведомость, реестр, роспись, опись* и т. п. названиях перечней и систематических записей дат. пад. уже к середине века почти полностью вытесняется родительным, удерживаясь лишь в канцелярской речи. Автор вышедшей в 1889 г. книги «Отчего? Зачем? И почему? Оскуднение и искажение русской речи» относит словосочетания *ведомость делам, список лицам, чинам, перечень суммам* и т. п. к числу грамматически не оправданных, портящих русскую речь шаблонных выражений и решительно восстает против такого словоупотребления, считая его извращением, которое может подать повод для других подобных: «А то ведь и на вывесках станут писать *магазин товарам, погреб иностранным винам, прием закладам или заказам* и пр.»,— иронически пишет он [33].

Параллельное употребление дат. и родит. пад. рано утрачивается также при словах *пример и образец;* к середине века обя-

---

лог; проект и под.) наряду с беспредложным дат. и родит. пад. употреблялись сочетания «*к* + дат. пад.» и «*для* + родит. пад.»:

Отнять *повод ко* всегдашним *недоразумениям и распрям* (ПСЗ, 1784, XXII, § 15920); занимается новыми *планами для* воскресающей *торговли* своей (В. Е., 1802, № 1); достаточная *причина для роскоши и мотовства* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, LXIV); *план* государя *для действий* в пользу Пруссии и Австрии (Жих., Зап. совр., II, 11, 12 и 13 апр. 1807); не нашли бы *причины к упрекам* (Добрынин, Зап., XXXI); благовременно открыты были *причины к* скорой *продаже* (Там же, XLII); несколько *проектов* для будущих *сочинений* (И. Дм., п. В. Жуковскому, 15 ноября 1805); благо казаков служило...*предлогом для скрытия* своего вероломства (Рыл., Жизнеописание Мазепы); он предлагает *план для завоевания* Китая (Моск. телеграф. 1825, № 20).

При словах *пример, образец, свидетельство* и семантически близких им употреблялось сочетание «*в*+ предл. пад.».

Положил там... *в латинском языке, в красноречии и в философии основание* (Новиков, Опыт ист. сл., «Крашенинников»); *пример в верности* (Крыл., Почта духов, XXIII); еще не зная *примеров в крамольстве* (Карамз., И. Г. Р., XII, I); показал нам *образец* и в *ученых разборах* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3).

Предложные конструкции не были семантически тождественны беспредложным: предлоги *к* и *для* выражали отношения назначения, сочетание «*в* + предл. пад.»— ограничительное значение.

[33] «Очего? Зачем? И почему? Оскуднение и искажение русской речи. Наблюдения А. Б.» СПб., 1889, стр. 34.

зательным делается функциональное разграничение: дат. пад. при этих словах (наряду с предложно-падежным сочетанием «*для* + родит. пад.») получает четкое значение адресата, которое ограничивает круг возможного лексического наполнения этой формы названиями лиц и групп лиц; ср.: *пример ученикам* и *примеры погрешностей слога.*

При существительных остальных тематических групп (в абсолютном большинстве отвлеченных) дат. пад. сохраняется вплоть до самого конца века и позднее, получая все более отчетливую стилистическую окраску книжности. Особенно устойчивым употребление дат. пад. оказывается там, где есть подкрепляющие его синтаксические условия: а) в составе привычных сложных глагольно-именных сочетаний; б) если стержневое слово употреблено в функции сказуемого; в) если стержневое слово употреблено в функции главного члена номинативного предложения.

Наблюдается также застывание дат. пад. в составе отдельных лексически строго ограниченных предложений других типов, в частности, в предложениях с глаголом *быть* или словом *нет* в качестве сказуемого (ср. современные *нет конца, исхода чему-нибудь, всему есть конец* и т. п.).

§ 17. Более сложной и своеобразной была история словосочетаний с дат. пад. объекта при существительных — названиях действий-процессов, производных от прямопереходных глаголов. В массе своей такие словосочетания, малоупотребительные уже в начале XIX в., в 30—40-х годах совсем выходят из употребления. Единственной формой выражения объекта при отглагольных существительных, соотносительных с прямопереходными глаголами, становится родит. пад.

Исключение составляют два вида сочетаний слов, в которых устойчиво удерживается дат. пад. объекта: 1) сочетания, главным компонентом которых являются слова узкой семантической группы — отглагольные существительные со значением отрицательного воздействия; 2) сочетания, главным компонентом которых являются предложно-падежные соединения с целевым значением: *в назидание, в оправдание* и т. п.

1. Отглагольные существительные со значением отрицательного воздействия (*унижение, оскорбление, огорчение* и т. п.) были словообразовательно соотносительны с прямопереходными глаголами; тем не менее они долго сохраняли возможность сочетаться с дат. пад.: *унижение, оскорбление, гонение, поругание, огорчение кому — чему-нибудь.* Употребление дат. пад. при этих словах поддерживалось двумя обстоятельствами. Во-первых, они часто употреблялись в составе устойчивых сложных словосочетаний, включающих глагол, сочетающийся с дат. пад., типа *нанести оскорбление, унижение кому — чему-нибудь.* Поддержанный частым употреблением в составе сложных глагольно-именных сочетаний, где он был мотивирован, дат. пад. употреблялся при словах

данной группы и там, где они не входили в состав глагольно-именных сочетаний такого типа.

Чтоб не навлечь тем еще новых *огорчений княжне* (Копиев, Обращ. мизантроп, IV, 5); О, буйна страсть завоеваний! Когда престанет быть виной *Невинным скорби и терзаний?* (Ив. Кованько, Ода на бегство Наполеона, С. О., 1812, ч. 5, № 5); не ездят в театр, не берут лож из одного *ругательства французам* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, LI); Это будет *тебе насилие* (Н. Муравьев, Любопытн. разговор); Порыв моей страсти был именно мщением, новым *ей унижением* (Дост., Зап. из подполья, 2, X).

Другим обстоятельством, поддерживающим употребление дат. пад. при данной группе отглагольных существительных, были их семантические связи с группой слов, также обозначающих отрицательное воздействие или его результат, при которых в конце XVIII — начале XIX в. и позднее устойчиво употреблялся дат. пад.: *упрек, укор, укоризна; обида, удар, ущерб, урон.* Эта группа слов имела тенденцию расширяться, притягивая семантически близкие существительные. Ср.:

Ужасными красками ... описывает подьячий *пытки ворам* (Ф. Морошкин, О России в царствование Алексея Михайловича, Москвит., 1841, № 3); жестокие *побои* одному крестьянскому *мальчишке* (Даль, Вакх Сидоров Чайкин, III).

На основе антонимических связей к этой группе примыкали слова *похвала, хвала*[34], у которых в начале XIX в. управление колебалось: был возможен и родит. и дат. пад. Ср.:

Похвалы Аполлону (Крыл., Почта духов, XXX); на *похвалу меня* истощал красноречие всех латинских авторов (Добрынин, Зап., XIX); терзают слух наш *похвалою минувшего* (В. Е., 1802, № 5); *похвалам Державину* не было конца (Жих., Зап. совр., II, 3 февр. 1807); начинает переписку ... *похвалою отца* ее и *семейства* (Моск. вестн., 1828, № 19—20). Ср. в более позднее время: посвятил целую статью *похвалам профессора* (Москвит., 1841, № 2).

К середине века при словах *похвала, хвала* как единственно возможная форма выражения объекта закрепляется дат. пад., родит. же делается только выражением субъекта действия (ср. *похвала брату — похвала брата*).

2. В конце XVIII — начале XIX в. при имеющих целевое значение сочетаниях *в поругание, в назидание, в оправдание, в извинение, в похвалу* и т. п. мог употребляться и родит. и дат. пад.

---

[34] Слова эти в свою очередь были центром небольшой семантической группы существительных, объединенных значением поощрительного воздействия.

Употребление родит. пад. здесь соответствовало общей норме распространения существительных, словообразовательно связанных с прямопереходными глаголами; употребление же дат. пад. было специфической особенностью именно данных предложно-именных сочетаний, развившейся вследствие их семантического и грамматического обособления от существительных и словообразовательно соотносительных глаголов[35].

В забаву царю (Карамз., И. Г. Р., IX, III); *в похвалу забав* (Пушк., Из Ариостова «Orlando Furioso»).

Дат. пад. употреблялся также при целевых оборотах, включающих существительные, не имеющие живых словообразовательных связей с глаголами. Вне состава данных целевых оборотов эти существительные не могли распространяться дат. падежом.

В честь добродетелям и заслугам (Грамота на права ... дворянства, 1785, ПСЗ, XXII, § 16187); заготовить похвальную грамоту с изложением заслуг ваших *и в память оным* сделать медаль (Именной указ, апреля 14, 1789, ПСЗ, XXIII); *в удовольствие Христиану* (Карамз., И. Г. Р., X, III); *в удовольствие народу* (В. Е., 1802, № 7).

В течение XIX в. такое особое управление этих целевых оборотов окончательно формируется и укрепляется. В развитии этого процесса отчетливо обнаруживается тенденция к закреплению в составе целевых оборотов дат. пад. лишь как выражения отношения к лицу. Поэтому при целевых оборотах, сочетающихся только или преимущественно с неличными существительными, употребление дат. пад. не развивается: *в объяснение, в подтверждение чего-нибудь*. При оборотах же, сочетающихся и с личными и с неличными существительными, дат. пад. закрепляется, как правило, только для обозначения лица: *в оправдание, в осуждение поступка*, но *в оправдание, в осуждение человеку*. Такое употребление дат. пад. как литературная норма устанавливается во второй половине XIX в. В первой половине века наблюдаются частые колебания в употреблении дат. и родит. пад. при целевых оборотах.

Освящается вода, *в память* сему *событию* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, VIII); И хитоном свой тулуп, *В угожденье Прозерпины*, Величает невпопад (Жуковск., К Воейкову); разобрать издания журналистов... *в* вечное *посрамление, в укоризну века, в укоризну подписчиков* (Б-ка для чт., 1834, т. II); хотя бы это обещание и было *в обиду* его законной *жены* (Совр., 1836, т. I); хотел только овладеть значительными суммами в *ущерб* своих *сотоварищей* (Там же).

---

[35] См.: О. П. Ермакова. Словосочетания, выражающие целевые отношения в совр. русск. языке. Канд. дисс. М., 1955, стр. 105—118.

Словосочетания, для которых типична прикрепленность к предикативным структурам

§ 18. Группа существительных, которые сочетались с дат. пад. преимущественно в предикативном употреблении, т. е. в функции сказуемого (со связкой или без нее) и в составе обособленных оборотов (со словом *будучи* или без него) состояла из названий лиц: а) по их отношениям к другим лицам или предметам: *отец, брат, друг, товарищ, сверстник, хозяин* и т. п.; б) по действию, направленному на другие лица или предметы: *мучитель, ненавистник, покровитель, преемник, защитник* и т. п. Сочетания со словами обеих этих групп в конце XVIII — начале XIX в. были многочисленны и продуктивны. В качестве зависимых слов в них могли употребляться названия лиц, конкретных предметов и отвлеченных понятий.

Нареченная твоя невеста двоюродная *племянница* нашему *воеводе* (Живописец, I, 23); не может быть она *тебе мучитель* (Там же, II, 15); я *невеста другому* (Фонв., Бригадир, I, 2); был *покровителем* тому дерзновенному *человеку* (Крыл., Почта духов, XLV); будучи природный истляндец и великой всем *чухнам защитник и покровитель* (Болот., 1, 27); Оба сии почтенные старички, и вкупе друзья между собою и *приятели отцу* моему, долго о сем деле думали (Там же, 13); навсегда остался *другом Изяславу* (Карамз., И. Г. Р., II, XII); Вернест *Олегу друг* (Озеров, Ярополк и Олег, III, 1); Видел я Дмитрия Арнольдовича Лопухина, бывшего калужского губернатора, непримиримого *врага Державину* (Жих., Зап. совр., I, 5 ноября 1805); на счет своих подданных, диких европейцев, непримиримых *врагов труду и трезвости* (Добрынин, Зап., XXXI); Велел расстрелять полковника Тютчева,— помнится, родного *брата* нашему *гостеприимцу* (Там же, XXI); О время! *истине* божественной *отец!* (Вост., Ода времени); да ниспошлет ей товарища в жизни, *друга сердцу* ее (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2, Село П., Женщина, каких мало); Чувствительность есть откровенье! Оно *рассудку вождь* прямой (Жуковск., К Саше Арбеневу); Он прав — и я *владыка им* (Жуковск., Двенадцать спящих дев, I); тот чахоточный, *родня вам, книгам враг* (Гриб., Горе от у., I, 7).

На протяжении XIX в. эти словосочетания изменялись в двух направлениях: 1) более строгими и обязательными становились синтаксические ограничения их употребления; 2) сужался круг существительных, употреблявшихся как в качестве их главных, так и в качестве зависимых компонентов.

В начале века дат. пад. при названиях лиц иногда употреблялся и в тех случаях, когда они не входили в состав предикативных или полупредикативных конструкций.

Приняла его в свой дом в *наставники* своим *детям* (Фонв., Друг честн. людей, Письмо от Стародума); находил во мне

защитника своему *жестокосердию* или *глупости* (Там же, Наставление дяди своему племяннику); о *начальнике* саратовским *командирам* (Держ., п. Ф. Щербатову, 27 июля 1774); Скорее лечат всех *наставника женам* (Живописец, II, 16. Буало, Сатира на женщин); сыскать *преемников* трем нашим *судьям* (Крыл., Почта духов, XXXVI); [Творения Гомера] по сие время не потемнеют для тех *чужестранцев Гомеру*, которые не могут никогда престать красотам его удивляться (Шишк., Рассужд., II); желали иметь *наследника престолу* (Карамз., И. Г. Р., X, II); видя в бирманах сильных *неприятелей* и *соперников англичанам* (Моск. телеграф, 1825, № 19).

Такое употребление присубстантивного дат. пад. при названиях лиц составляло и к началу века довольно редкое явление. Оно поддерживалось наличием устойчивых сложных глагольно-именных сочетаний, включающих некоторые слова из этого разряда. Ср. употребление в одном тексте дат. пад. при глагольной конструкции и родит. при субстантивной: *избрать преемника* опустевшему *престолу* (Б-ка для чт., 1834, т. II) и: для окончательного *избрания преемника престола* (Там же).

Тенденция к употреблению при названиях лиц в составе непредикативных конструкций родит., а не дат. пад. очевидна уже в первой трети века, однако отдельные случаи употребления дат. пад. в непредикативных конструкциях фиксируются на протяжении всей первой половины века и даже позднее.

В Рославлеве нет подобного *соперника* главному *герою* (Телеск., 1831, № 14); Нанял квартиру у приказничихи. Избранная таким образом *хозяйка ему* была маленькая, толстая женщина (Писемск., Тыс. душ, 1, VI).

Сужение круга существительных, входящих в описываемые сочетания с дат. пад., проявляется в том, что дат. пад. постепенно перестает употребляться при названиях лиц по действию, устойчиво сохраняясь лишь при названиях лиц по их отношению к другим лицам. Этот процесс захватывает даже существительные, соотносительные с глаголами, управляющими дат. пад., типа *подражатель, служитель, помощник, поклонник, изменник, мститель,* при которых дат. пад. был мотивирован словообразовательными связями стержневого слова. Существительные этого типа в конце XVIII — начале XIX в. обычно сочетались с дат. пад.

Все важные должности их в том единственно состоят, дабы... ездить позади за *идолопоклонниками счастию и рассеянию* (Страхов, Сатирич. вестн.); Она совершенная *последовательница оптимизму* (В. Е., 1802, янв.); Архирей здешний... сотоварищ известного Владимира в школе, *соревнователь ему* в проповедях (И. Долгорук., Славны бубны за горами, IV); Не нашел ты *изменников Отечеству* (С. О., 1812, № 6); Спросите сами недостойных *изменников отечеству* (Моск. вестн., 1828, № 8).

Редкие случаи употребления дат. пад. при названиях лиц, словообразовательно связанных с глаголами, управляющими тем же падежом, наблюдаются и позднее, в 30—40-х годах.

Покорный *слуга истине* (Марл., Лейт. Белозор, I); не любил *противников воле* его (Н. Полевой, Ист. русск. народа, 5, VI); встретил жарких *поклонников* своему *таланту* (Белинск., Похожд. Чичикова).

Во второй половине века и этот разряд слов втягивается в общую группу названий лиц по действию, для которой становится обязательным распространение родит. пад. как в непредикативном, так и в предикативном употреблении.

Сужение круга зависимых слов, которые в сочетании с предикативно употребленными названиями лиц могли иметь форму дат. пад., шло следующим образом: сокращалось употребление в этой конструкции существительных, называющих конкретные предметы и отвлеченные понятия; дат. пад. при предикативно употребленном названии лица закреплялся как выражение отношения именно к лицу, а не к предмету вообще. Употребление дат. пад. неличных существительных при названиях лиц с 40-х годов заметно уменьшается и получает стилистическую окраску книжности.

Современница резцам Канóвы и Торвалдсена в полном блеске их развития, *котурну* Тальмы и всеобщему *возрождению* пластических искусств в Европе; *сверстница* первому драматическому *гению* в музыке, нам современному, гению Россини, Паста первая сотворила в Италии... изящный драматический стиль пения (Москвит., 1841, № 2).

История сочетаний, в составе которых сокращается употребление родительного падежа

§ 19. Ряд функционально однородных конструкций, образованный сочетаниями с беспредложным родит. и дат. пад., в котором сильным его членом были сочетания с дат. пад., в конце XVIII — начале XIX в. был очень узок. Он включал весьма немногочисленные словосочетания с главным членом — существительным, словообразовательно связанным с глаголом, управляющим дат. пад.

Таким образом, употребление дат. пад. в составе этих словосочетаний было мотивировано словообразовательными связями главного слова, родительный же падеж не опирался на такие связи и употреблялся как типичная форма выражения отношения между двумя предметами.

Главное слово в словосочетаниях данного типа обозначало действие-процесс, а зависимое — объект этого действия. Употребление родит. пад. объекта при существительных со значением действия-процесса, образованных от глаголов, управляющих дат.

падежом, в конце XVIII — начале XIX в. было явлением малораспространенным. Устойчиво родит. пад. употреблялся лишь при словах *служение, служба, помощь, споспешествование.*

Дан им будет повод к лености и нерадению к *службе отечества* (Дневн. зап. Больш. собр.); Сии женщины должны быть употребляемы и к *служению больных* (Именной указ, апреля 6, 1789, ПСЗ, XXIII); для *споспешествования* вашего доброго *намерения* (Живописец, I, 17); описание мизантропа, находившегося в *службе Лудовика XIII* (Крыл., Почта духов, IV); [Лилия] истлела в неутомимом *служении натуры* (Карамз., П. р. п., Веймар, июля 20); Храброе войско свое привел на *помощь* своего *союзника* (Жих., Зап. совр., I, 18 дек. 1805); Покинув *службу Купидона,* Я променял сады любви На верх бесплодный Геликона (Борат., Л-ой); *служенье муз* Должно быть их достойно (Жуковск., К Батюшкову); Никогда не отторгнусь от *службы* премилостивейшего моего *государя* (Рыл., Жизнеописание Мазепы); Я еду на *службу Новгорода* (Марл., Роман и Ольга, VIII); *Служенье муз* не терпит суеты (Пушк., 19 октября); оставят *службу неверных* (Моск. вестн., 1828, № 7); Эроты златокрылы И нежный Купидон На *помощь* юной *Лилы* Летят со всех сторон (Пушк., Фавн и пастушка); Оскорбленная дружба призывает опять меня на *помощь* угнетенного дарования (Пушк., Неск. слов о мизинце г. Булг.).

Вместе с тем широко употреблялись и сочетания этих слов с дат. пад., воспроизводящие модель соответствующих глагольных сочетаний.

Зная верность верных подданных к *службе нам и отечеству* (Сенатский доклад, апреля 20, 1789, ПСЗ, XXIII); Первым удовольствием поставляет он себе *служение ближним* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2, Знакомство с П. И. Д.); Во сне и на яву мне грезится Петербург, с ним вместе и *служба государству* (Гоголь, п. матери, 26 февр. 1827).

Употребление родит. пад. при словах *служение, служба, помощь* прослеживается в течение всей первой половины XIX в. С середины века у существительных этой группы твердо устанавливается употребление дат. пад.

В конце XVIII — начале XIX в. колебалось управление у слов *учение, обучение, научение, выучка.* При глаголах, от которых произведены эти существительные, для обозначения предмета учения также употреблялся дат. пад. или (редко) родит. пад., ср.: *обучать катихизису* (Добрынин, Зап., XI) и: *обучал* певчих *латинского языка; обучались* у него *латинского языка* (Там же, XIX). Употребление родит. пад. при данных существительных прослеживается до 30—40-х годов XIX в.

Лучше учиться ремеслу или художеству, которое учение хотя не столь выгодно, как *учение наук,* но надежно (Проект

законов о правах...); отыскать какого-нибудь поспособнее и приставить ко мне для *научения немецкого языка* (Болот., 1, 6); видя мою охоту к *обучению языков* (Там же, 25); брать со всякого производящегося в попы... за *выучку катихизиса* (Добрынин, Зап., XI); кузнец, заплативший за *выучку мастерства* своего 1000 р. (Моск. вестн., 1828, № 18).

Позднее единственной формой обозначения предмета учения становится дат. пад., который и в начале века при данных существительных был широко употребителен.

Изменения в соотношениях словосочетаний с родительным и творительным падежами

§ 20. В конце XVIII — начале XIX в. формой родит. пад. мог быть назван объект не только при существительном, образованном от прямопереходного глагола или глагола, управляющего родит. пад. (*читать книгу — чтение книги; жаждать славы — жажда славы*), но и при существительном, образованном от глагола, управляющего творит. пад. (*владеть имением — владение имения, обладать властью — обладание власти*). Вместе с тем у отглагольных существительных, образованных от косвеннопереходных глаголов, управляющих творит. пад., имелась и другая возможность распространения, идущая от глагола: объект мог быть назван формой творит. пад. (*владеть имением — владение имением, обладать властью — обладание властью*).

К началу XIX в. словосочетания с родит. пад. в значении объекта при названиях действий-процессов, образованных от глаголов, управляющих творит. пад., были остаточным явлением и вытеснялись словосочетаниями, повторяющими модели соответствующих глагольных сочетаний. За исключением немногих устойчивых сочетаний примеры их употребления единичны.

Все почти береговые наши гости... подверглись *страданию морской болезни* (Рикорд, Зап.); *торговля рабов* (Карамз., И. Г. Р., II, III, Содержание).

Употребление родит. пад. поддерживалось стремлением избежать повторения формы творит. пад., если отглагольное существительное стояло в этой форме.

Дабы через то... народ обеспечить *наслаждением* премудрого ея *правления* (Дневн. зап. Больш. собр.); заготовить грамоты за государственною печатью, с *обнадеживанием* нашей *милости* и *благоволения* к народу их (Именной указ, февраля 28, 1789, ПСЗ, XXIII); уволены за болезнями от службы с *награждением чина* армейского поручика (Сенатский указ, мая 16, 1789, ПСЗ, XXII). Ср.: скоро пришла отставка, *с награждением чина* (Добрынин, Зап., XLI) и: представление сенату о *награждении* меня *чином* коллежского асессора (Там же, XLII).

Устойчиво родит. пад. объекта употреблялся главным образом при словах одной узкой семантической группы: *владение, завладение, овладение; обладание; управление, правление, заведование, командование, распоряжение.*

Продолжать завоевания к совершенному *овладению* всего *Казанского царства* (Рычков, Опыт Каз. ист., VII); о насильном *завладении людей и крестьян* положение учинено (Нащокин, Зап.); о побоях, бесчестиях, насильном *завладении имения* (Сенатский указ, генваря 13, 1789, ПСЗ, XXIII); вступив во *владение* братнего *имения* (Копиев, Обращ. мизантроп, IV, 5); доверил временное *управление Камчатки* г. лейтенанту Рудакову (Рикорд, Зап.); *распоряжение дел, имения* (Сл. АР, V. «Распоряжение»); Англия обещала Порте не вмешиваться в *правление земли* (В. Е., 1802, № 4); вступил в *управление* его *министерства* (А. Тург., п. П. Вяземскому, 30 июля 1819).

Употребление родит. пад. при словах данной семантической группы поддерживалось тем, что глаголы, от которых были образованы некоторые из входящих в эту группу слов, имели колеблющееся управление и могли употребляться как прямопереходные *(управлять, править, распоряжать, заведовать, руководить что*).

Наряду со словосочетаниями, в которых объект при отглагольном существительном со значением владения назывался родит. пад., широко употреблялись словосочетания с творит. пад.

О беспрепятственном и спокойном своею *землею владении* (Проект прав третьего рода гос. жителей); *владение* земляными *угодьями* восстановить (Сенатский указ, сентября 5, 1789, ПСЗ, XXIII); в полное *владение* недвижным *имением* вступать (Сл. АР); во время его *управления Малороссиею* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XIV); о *управлении вотчиною* (Добрынин, Зап., V); при тогдашнем *владении деревнями* (Там же, XXI); право пожизненного *владения* всем его благоприобретенным имуществом (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 8); *управление деревнями* (Жуковск., п. А. П. Киреевской (Елагиной), 26 апр. 1815); право *владения людьми* (Н. Тург., Нечто о крепостном состоянии в России, 2); Единственный союз, привязывающий меня к отечеству, есть *владение Нью-Стидом* (Моск. телеграф, 1825, № 20 [перевод письма Байрона к матери]).

В первой четверти XIX в. употребление родит. и творит. пад. при существительных со значением владения было не регламентировано, выбор той или иной падежной формы произволен; обе они употреблялись почти одинаково часто.

При слове *владение* Пушкин в 6 случаях употребления его в значении действия по глаголу *владеть* ставит название объекта в творит. пад.: был введен во *владение отчиной* (Ист. с. Г.); вступить во *владение* новоприобретенным *именем* (Дубр., IV) и др., а в двух случаях в аналогичных

контекстах в родительном: приехали вводить во *владение сего* Кирила Петровича Троекурова (Дубр., V); вступить *во владение Ньюстида* (Байрон).

При слове *управление* в значении действия по глаголу *управлять* название объекта 11 раз поставлено Пушкиным в родит. пад. и 9 раз — в творит. Ср.: Она не хочет входить в *управление имения* (п. Н. Н. Пушкиной, около 3 окт. 1832); вы хотите иметь доверенность на *управление части* Кистенева (п. Н. Павлищеву, 3 июня 1835); когда уже отказался я от *управления* нашим *имением* (п. Л. С. Пушкину, 3 июня 1836).

Позднее родит. пад. вытесняется творительным; употребление родит. пад. начинает осознаваться как отклонение от литературной нормы. В этом отношении показательны критические замечания журнала «Телескоп» (1831, № 21) по поводу языка «Повестей Белкина». Среди других, с точки зрения критика, неудачных, ошибочно построенных словосочетаний здесь называется *управление села* вместо *управление селом*. Однако родительный объекта при словах со значением владения сохраняется как возможный вариант вплоть до 60—70-х годов [36].

Он отдает мне отчет в *управлении* общего нашего *имения* (В. Одоевск., Кн. Зизи); Лейтенант Фокан, принявший *команду корабля* по кончине капитана и ездивший на берег с депешами, воротился к нам (Б-ка для чт., 1834, т. V, № 9); довольствовался только *управлением Рязани* (Н. Полевой, Ист. русск. народа, 5, VI); В звании квартальной надзирательши Авдотье Матвеевне как-то удобнее было входить в *заведывание квартала* (Вельтм., Саломея, 4, III); Исполнили ли долг те, которым он вверил внутреннее *распоряжение журнала* (Совр., 1836, т. I); Меня тотчас ввели во *владение* моей *комнаты* (И. Пущин, Зап. о Пушк.); *Управление* же *края* и *войск* было в полном заведывании Филипсона (А. И. Дельв., Полвека русск. жизни, I, 4); А ведь есть необъятное наслаждение в *обладании* молодой, едва распустившейся *души*! (Лерм., Кн. Мери, 11 июня); Он может, пожалуй, заняться *управлением имения* (Совр., 1847, т. II, № 4); *Крестьянских душ владение* Покончено (Некр., Кому на Р. жить хорошо, 3, II).

§ 21. В отдельных отглагольных существительных замена родительного объекта творительным вызывалась семантическими изменениями в производящем глаголе, отражавшимися на его управлении. Такова история сочетаний со словом *злоупотребление*. В XVIII и начале XIX в. при этом слове обычен родит. пад.,

---

[36] В устойчивых названиях со словом *управление* употребляется родит. пад. и в современном русском языке: *управление дороги, управление путей сообщения, управление строительства*. Однако нет оснований видеть в этих сочетаниях остатки старого родит. объекта. Слово *управление* в таком употреблении полностью утратило процессуальное значение и вступило в новый семантический ряд (ср. *ведомство, министерство, комитет, отделение, отдел* и др.).

который закономерно отражает управление глагола, сочетавшегося с винит. пад.[37] (ср. *употребить что*).

В случае *злоупотребления* данной *свободы* от большей части дворян (Дневн. зап. Больш. собр.); противоборствовать всякому *злоупотреблению сил* (В. Е., 1802, № 1); *злоупотребление вещи* не унижает ее достоинства (Жуковск., О критике); *злоупотребление* присвоенной им *власти* (С. О., 1812, № 10); от сего преступного *злоупотребления речи* перейдем к невинным *злоупотреблениям* слов (Вяземск., О злоупотреблении слов, Моск. телеграф, 1827, № 1)[38].

Наряду с этим, поскольку при глаголе был возможен и творит. пад., существовали и соответствующие именные сочетания. Они были менее употребительны.

У Пушкина встречаются и родит. и творит. пад.: *злоупотребление* общественной *доверенности* (О франц. революции); в *злоупотреблениях ума* (Франц. Акад.); противу *злоупотребления книгою* (Путеш. из М. в Пб., «Торжок»).

В 40-х годах соотношение между параллельными конструкциями меняется: преобладающими становятся сочетания с творит. пад. Однако возможность употреблять родит. пад. сохраняется до середины века.

Злоупотребление сил телесных (Телеск., 1831, № 15); *злоупотребления власти* (Там же, № 14); от *злоупотребления еды и питья* (Б-ка для чт., 1834, т. V, № 9); *злоупотребление слов* (В. Одоевск., Русск. ночи, Эпилог); *злоупотребление свободы книгопечатания* (Москвит., 1841, № 1); *злоупотребление вещи* (Совр., 1847, № 8); *злоупотребление доверия* (Показание М. В. Петрашевского).

Итак, на протяжении XIX в. происходят следующие изменения в соотношениях между беспредложными словосочетаниями.

1. Сокращается употребление присубстантивного дат. пад., не мотивированного семантико-словообразовательными связями стержневого существительного. Из двух ранее наметившихся противоречивых тенденций употребления присубстантивного дат. пад. (прикрепленность к определенным синтаксическим структурам и прикрепленность к определенному кругу слов) более действенной и возобладавшей в XIX в. оказывается первая. Круг существительных, при которых возможен дат. пад., сильно сокращается, и для словосочетаний с присубстантивным дат. пад. делается более обязательным употребление в составе определенных синтаксических структур.

---

[37] Л. А. Булаховский без всяких оснований рассматривает родит. пад. при слове *злоупотребление* как галлицизм («Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 373).

[38] В этой статье слово *злоупотребление* 16 раз употреблено с родит. пад. объекта; сочетания с творит. пад. отсутствуют.

2. Утрачивается употребление родит. пад. для обозначения отношения к предмету как к объекту при названиях действий-процессов, произведенных от глаголов, управляющих дат. или творит. пад.

В существовавшей ранее возможности употребить родит. пад. со значением объекта при существительных, образованных от глаголов, управляющих дат. или творит. пад., проявлялась противодействующая влиянию словообразовательных связей грамматическая специфика имени существительного как части речи (ср. употребление словосочетаний типа *книжное чтение, крестное целование, палатное строение* в более ранний период истории русского языка, вызванное той же причиной). В поздний период истории языка влияние словообразовательных и семантических связей существительных на формы их синтаксической сочетаемости значительно возрастает.

ИЗМЕНЕНИЯ В СООТНОШЕНИЯХ БЕСПРЕДЛОЖНЫХ И ПРЕДЛОЖНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

§ 22. В конце XVIII — начале XIX в. многочисленны и разнообразны были словосочетания с беспредложным родит. пад., функционально однородные различным предложным словосочетаниям. В соотносительных рядах, образуемых этими разноструктурными словосочетаниями, слабым, позднее вытесняемым членом, как правило, были беспредложные словосочетания с родит. пад.

Существование параллельных родит. падежу предложных сочетаний могло определяться семантическими или словообразовательными связями слов — главных компонентов таких словосочетаний: существительное распространялось тем или иным предложно-падежным сочетанием потому, что данная модель распространения была свойственна той семантической группе, в которую входило это существительное (*воспоминание об отечестве, любовь к отечеству*), или потому, что данная модель распространения была свойственна тому слову, с которым существительное находилось в тесных словообразовательных связях (ср. *зависимость от родителей — зависеть от родителей; уверенность в правоте — уверенный в правоте*). Употребление предложно-падежных сочетаний при тех или иных существительных могло также вызываться необходимостью четко выразить тот или иной частный вид отношений и было мотивировано значением предлога (ср.: *крестьяне из окрестных деревень, родник с прозрачной водой, надпись на кинжале*). Что же касается параллельного предложно-падежным сочетаниям беспредложного родит. пад. (*воспоминание отечества, крестьяне окрестных деревень, родник прозрачной воды, надпись кинжала*), то он, не имея частной мотивировки, употреблялся здесь как привычная форма выражения отношений между двумя предметами. В отдельных случаях употребление родит. пад. как парал-

лели предложно-падежных сочетаний поддерживалось влиянием французского языка.

Менее многочисленны были беспредложные словосочетания с дат. и творит. пад., функционально однородные предложным. В соотносительных рядах, образуемых этими словосочетаниями (*доверие силе — доверие к силе; заслуги отечеству — заслуги перед отечеством; брат мыслями — брат по мыслям*), слабым, вытесняемым членом в большинстве случаев также были беспредложные словосочетания, так как предлоги более четко выражали специфические отношения между предметами.

Случаи вытеснения предложных сочетаний беспредложными (*позволение от сената — позволение сената, письмо к другу — письмо другу, покорность к судьбе — покорность судьбе*) в истории субстантивных словосочетаний были очень редки.

Вытеснение беспредложных словосочетаний с родительным падежом предложными словосочетаниями

Активизация предложных словосочетаний, структура которых определяется характером главного слова

§ 23. В развитии соотношений род. пад., не имеющего частной (словообразовательной или семантической) мотивировки, и предложно-падежных сочетаний основным был процесс устранения родит. пад. и замены его тем или иным предложно-падежным сочетанием, специфическим для данных слов или вследствие их словообразовательных связей или вследствие их смысловой близости к словам, имеющим особую модель своего распространения.

В словосочетаниях, образуемых некоторыми существительными, происходила замена формы родит. пад.— типовой формы распространения для всего класса существительных — предложно-падежными сочетаниями, которые распространяли не все существительные вообще, а лишь данные слова или семантические группы слов. Закрепление этих сочетаний как обязательных форм распространения данных существительных означало изменение характера связи образующего словосочетание существительного с зависимым компонентом: это было развитие собственно управления, или «сильного» управления.

В конце XVIII — начале XIX в. существовало несколько рядов функционально однородных конструкций, образованных словосочетаниями с беспредложным родит. пад., с одной стороны, и, с другой стороны,— предложными словосочетаниями, структура которых (предлог и падеж зависимого слова) определялась характером главного слова — его словообразовательными и семантическими связями.

Самый обширный ряд здесь составляли словосочетания с главным словом — существительным, имеющим значение процесса

речи и мысли, а также продукта мышления или говорения. Такие слова распространялись существительными, называющими объект мысли или речи, в форме беспредложного родит. пад. или предложн. пад. с предлогом *о: воспоминание, память прошлого — о прошлом; мысль славы — о славе; рассказ, весть, слух, молва, повествование победы — о победе* [39]. При этом в субстантивных словосочетаниях родит. и предлож. «сказовый» пад. не различались семантически и не могли поэтому употребляться как двойное распространение слова (ср. управление соотносительных в словообразовательном и семантическом отношении глаголов: *вспоминать, помнить, думать, рассказать* и т. д. *что-нибудь о чем, о комнибудь*).

Из этих двух параллельных конструкций более сильной и гораздо более употребительной была предложная, так как она являлась специализированным средством выражения делиберативного объекта. Словосочетания с беспредложным родит. пад. употреблялись значительно реже; весьма вероятно, что их употребление поддерживалось влиянием французского языка [40]. В начале XIX в. словосочетания с родит. пад. были распространены главным образом в поэзии и художественной прозе, частной переписке, мемуарной литературе. Особенно активно употребляли эти словосочетания писатели и общественные деятели, связанные с «Арзамасом» и находившиеся под влиянием карамзинского слога. В деловой речи словосочетания с родит. пад. делиберативного объекта были малоупотребительны.

В *воспоминание* проведенных в сем монастыре юношеских своих *лет* (Добрынин, Зап., IX); довольствуясь ... *воспоминанием* виденных там *предметов* (Там же, XLI); великие *воспоминания побед* наших (В. Е., 1802, № 3); долговременная *память ужасов* [войны] (Карамз., И. Г. Р., I, III); волхвы славились при Олеге *гаданием будущего* (Там же, I, X); от Азова до Искера гремела *слава* их *удальства* (Там же, X, I); [представление] будет дано *в воспоминание* усопшего *Штейнберга* (Жих., Зап. совр., I, 7 марта 1806); *рассказ происшествия* (Жуковск., О басне и баснях Крылова); *мечты удовольствий*, которые най-

[39] Делиберативный объект мог также выражаться в субстантивных словосочетаниях с другими предлогами (*касательно, насчет, относительно, про* и др.), семантически близкими предлогу *о*, но отличающимися от него по стилистической окрашенности, что создавало жанрово-стилистические ограничения в употреблении словосочетаний с этими предлогами.

[40] См.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 217. Необходимо, однако, учитывать и то обстоятельство, что возможность употребления родит. пад. объекта при словах данной группы создавалась уже самим фактом наличия среди них существительных, произведенных от глаголов, при которых употреблялся винит. пад. (ср.: *рассказать что-нибудь — рассказ чего-нибудь; вспомнить что-нибудь — воспоминание чего-нибудь*). По-видимому, именно этим объясняется распространенность и стойкость употребления беспредложного родит. пад. делиберативного объекта в XIX в.

ти ... она воображала (Жуковск., Марьина роща); *воспоминание* неумышленного *преступления* (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, I); *повествование жизни* моей (Там же, 6, III); *повесть* нашей *прогулки* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XLIII); *мечты честолюбия и богатства* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2, Плавание по Волге, Благоденствие прибрежных волжских крестьян); бесчестный *договор обмена* (С. О., 1812, № 3); *повествование происшествий* (Там же, № 1); *воспоминание прошедшего* (Жуковск., п. А. П. Киреевской, ноябрь 1818); *весть смерти* (Катен., Горации, 4, II).

Круг существительных, при которых был возможен беспредложный родит. объекта речи или мысли, был широк; распространяться таким образом могли, по-видимому, все существительные данной семантической группы, независимо от их близости к глаголам речи и мысли, управлявшим винит. падежом. В этом отношении показательны случаи употребления родит. делиберативного объекта при непроизводных конкретных существительных, называющих виды высказываний.

Рассказывал нам любопытные *анекдоты* своего *пешеходства* (Карамз., П. р. п., Лион, марта ... 1790); *анекдот* потерянного *кольца* (В. Е., 1802, № 6); нелепая *басня* Расстригина *спасения* (Карамз., И. Г. Р., XII, I).

Беспредложный родит. пад. употреблялся также при существительных со значением мысли или речи, словообразовательно и семантически соотносительных с глаголами, имеющими предложное управление: *уверения дружбы* (Крыл., Почта духов, XIII); ... в собственном неколебимом *убеждении того*, в чем других убедить желаешь (Жих., Зап. совр., II, 12 окт. 1806). При таких существительных соотносительный ряд состоял из трех конструкций: беспредложный родительный, предложно-именное сочетание, построенное по типу управления соответствующего глагола, и «сказовый» предложный: *уверения дружбы — уверения в дружбе — уверения о дружбе.*

Широкое употребление беспредложного родительного объекта при словах со значением речи или мысли наблюдается в течение всей первой половины XIX в.

Вот *отчет настоящего* и *предположение будущего* (Вяземск., п. А. Тургеневу, 22 февр. 1819); подробный *отчет* последних *происшествий* (Пушк., п. В. Давыдову, март 1821); *мысль собрания* и систематического *свода* законов отечественных (Моск. телеграф, 1825, № 2); прочел *отчет деятельности* университета (Никитенко, Дневн., 20 мая 1826); *память горестей и благ* (Борат., Лета, I); сохранить в душе *память* одного *наслаждения*, доставленного ею [поэмой] (Моск. вестн., 1828, № 6, Нечто о характере поэзии Пушкина); светлая *дума минувшего* (Марл., Роман и Ольга, III); *весть разлуки* (Марл., Лейт. Белозор, VI); *воспоминание* прежних *радостей* (Там же, IV); анатомия как

наука человека (В. Одоевск., Русск. ночи, Предисл.); *память Дельвига* есть единственная тень моего светлого существования (Пушк., п. П. Плетневу, 24 февр. 1831): *воспоминание* недавних *бед* московских (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 1 янв. 1831); пришлите мне *отчет денег* (Пушк., п. И. Пеньковскому, 13 апр. 1834); у шотландцев жива *память Брюса* (Н. Полевой, Ист. русск. народа, 5, II); *рассказ* ужаснейшего *происшествия* (Б-ка для чт., 1834, т. VI, кн. 8); на *память новоселья* (Лажечн., Басурман, 1, 4); *мысль славы* теперь не так душит меня (Герц., п. Н. А. Захарьиной, 1 авг. 1836); не сохраняют *памяти событий* (Вяземск., Ст. зап. кн., 2); длинные *рассказы содержания* книг (Москвит., 1841, № 2); *воспоминания* столичной *жизни* (Там же); *рассказ* странного *поведения* бывшей подруги (Даль, Бедовик, I); *воспоминания* своих *похождений* (Даль, Денщик); дорожу *воспоминанием* таких *людей*, как вы (И. Пущин, п. Я. Казимирскому, 15 июня 1846).

Однако употребление беспредложного родит. в значении делиберативного объекта не было литературной нормой. Показательно, что в 1831 г. журнал «Телескоп» (№ 21, стр. 124) квалифицирует сочетание *память одного* как неправильно построенное, противополагая его «правильному» сочетанию *память об одном*... «Нельзя также сказать,— говорится там далее,— *воспоминание вас* (а *об вас*)». Буслаев в числе «нововведений, чуждых народной речи», называет словосочетания типа *воспоминание прошлых дней* (вм. *о прошлых днях*) [41].

Во второй половине века беспредложный родительный в этой конструкции совершенно вытесняется предложным с предлогом *о*, сохраняясь лишь пережиточно, причем часто у писателей, испытывавших влияние французского языка.

Предлагал всем ... коротко знавшим Гоголя, записать вполне искренние *рассказы* своего *знакомства* с ним (С. Акс., Ист. моего знакомства с Гоголем, Вступл.); выслушал невеселую *повесть пяти лет*, проведенных нами в разлуке (С. Акс., Лит. и театр. воспом., 1826); пораженная *мыслью разлуки* (С. Акс., Воспом., Гимназия); *воспоминание любви* все еще ... не зачерствело в ее сердце (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XII); не звучит ли в их именах *память прошедшего* (Гонч., Фр. «Пал.», От Кронштадта до мыса Лизарда); *воспоминание* прошедшей детской *любви* (Л. Толст., Юность, XVIII); говорила о *слухах войны* (Л. Толст., В. и м., 1, 3, VI); он начал меня морить допросами и *сомнениями* моей *любви* к нему (С. А. Толстая, Женитьба Л. Н. Толстого); постепенно зарождалась в подсудимом *мысль отцеубийства* (Дост., Бр. К., 12, VII).

§ 24. Менее многочисленны были словосочетания с главным словом, называющим эмоциональное отношение к кому-нибудь или

[41] Ф. И. Буслаев. Ист. грам., § 258, стр. 513.

чему-нибудь. Эти слова обычно распространялись дат. пад. с предлогом *к* [42]. Словосочетания типа *любовь к отечеству, презрение к смерти, почтение к родителям* были очень продуктивны и широко употребительны. Вместе с тем в первой трети XIX в. объект эмоционального отношения мог быть назван в форме беспредложного родительного.

Славился *презрением золота и роскоши* (Карамз., И. Г. Р., I, I); народ в владыках зрит *любовь* отечественной *славы* (Озеров, Дим. Донск., IV, 2); *пренебрежение* своего *туалета* (Жих., Зап. совр., II, 11 февр. 1807); *уважение обязанностей* человека и гражданина (Жуковск., О сатире и сатирах Кантемира); *уважение* чистой *морали* (Там же); основывает власть свою на *презрении* себе *подобных* (С. О., 1812, № 12); *пренебрежение* всех *приличий и порядка* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 8); *ненависть ласкательства* и *унижения* (Моск. телеграф, 1825, № 18); *неуважение собственности* (Пушк., п. А. Шишкову, 7 апр. 1825); христианские добродетели: убожество, скромность и *презрение мира* (Моск. вестн., 1828, № 7); сетуют на *пренебрежение* их *учености* (Бутк., Пб. верш., 2, Первое число, IV).

Употребление родит. пад. при словах данной семантической группы объяснялось прежде всего влиянием соотносительных глагольных словосочетаний *(любить отечество, презирать смерть, почитать родителей)*. Чем ощутимее в отглагольном существительном было процессуальное значение, тем больше имелось оснований для обычной трансформации глагольной модели словосочетания в типичную субстантивную с беспредложным родительным. При словах данной семантической группы, словообразовательно не соотносительных с прямопереходными глаголами, родит. пад. для названия объекта эмоционального отношения употреблялся значительно реже.

Ослабевает *доверенность законов* (А. М. Кутузов, п. И. В. Лопухину, 12/23 ноября 1790); Непримиримая *вражда свободы* поглощала все его сокровища (С. О., 1812, № 3).

Возможно, однако, и то, что толчок к употреблению родит. пад. давали соответствующие конструкции французского языка. Показательно, что Буслаев, помещая в своей «Исторической грамматике» примеры таких сочетаний, сопровождает их пометой «нововведение, чуждо народной речи» [43].

---

[42] Несколько слов со значением эмоционального отношения распространялись предложно-падежным сочетанием «*перед* + творит. пад.»: *благоговение перед святыней, страх перед наказанием*. Эта конструкция была продуктивной, особенно во второй половине XIX в., и иногда переносилась на слова, обычно сочетавшиеся с предлогом *к* и дат. пад. Ср.: не мог не почувствовать *уважения перед* метким *суждением*, верным *вкусом* и *инстинктом* Белинского (Тург., Лит. и жит. воспом., II).

[43] Ф. И. Буслаев. Ист. грам., § 258, прим. 6, стр. 513.

При отдельных существительных данной семантической группы указание на объект эмоционального отношения могло быть дано не только беспредложным родит. и дат. с предлогом *к*, но и некоторыми другими предложно-падежными конструкциями. Так, слово *надежда* в конце XVIII — начале XIX в. могло распространяться одним из четырех способов (перечисляем их в порядке убывания употребительности конструкций): 1) беспредложным родительным: *надежда приезда;* 2) винительным с предлогом *на: надежда на приезд;* 3) дательным с предлогом *к*: *надежда к выезду;* 4) «сказовым» предложным: *надежда о приезде.* Первые две конструкции отражали колеблющееся управление глагола *надеяться (надеяться чего-нибудь* или *на что-нибудь)* [44], причем с той или иной конструкцией не связывались ни различия в значении слова *надежда,* ни стилистические различия, ср.:

1) [Доктор] уверял *надеждою выздоровления* (Фонв., Из журн. путеш. в Ригу, Балдон и Митаву, 3 авг. 1789); в *надежде* скорой *присылки* денег (А. М. Кутузов, п. Н. Н. Трубецкому, 20 авг. 1791); в *надежде* хорошего денежного *сбора* (Жих., Зап. совр., II, 17 мая 1807); *надежда любви* и *счастья* (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, VI); *надежда грабежа* (С. О., 1812, № 10); в *надежде* двоякой *выгоды* (Вяземск., п. А. Тургеневу, 16 окт. 1816); *надежда свидания* с тобою (А. Тург., п. П. Вяземскому, 11 июня 1819); не отнимай у схимника *надежду рая* (Пушк., п. П. Вяземскому, 13—15 сент. 1825).

2) По несомненной *надежде на* непоколебимую *верность* к нам вашу (ПСЗ, 1784, XXII, § 15942); положить границы его *надежде на* наши *обстоятельствы* (Н. Н. Трубецкой, п. А. М. Кутузову, 4 авг. 1791); полон *надеждою на прошедшее,* как некогда *надеждою на будущее* (Жуковск., Письмо из уезда к издателю); *надежда на* лучшее *время* (С. О., 1812, № 10); *надежда на свидание* (Вяземск., п. А. Тургеневу, 3 окт. 1819); *надежда на* верное *возвращение* сюда Николая Михайловича (А. Тург., п. П. Вяземскому, 3 апр. 1816).

Параллельное, недифференцированное употребление обеих конструкций наблюдается в течение всей первой половины XIX в. Ср. у Герцена: Исчезла *надежда* скорого *свидания* и: *надежда на* скорое *возвращение* (п. Н. А. Захарьиной, 11 июня 1836).

Во второй половине XIX в. конструкция с беспредложным родительным постепенно становится менее употребительной, однако сохраняется до самого конца века, и даже в современном языке фиксируются отдельные случаи ее употребления, например: в

---

[44] Об управлении глагола *надеяться* в начале XIX в. и об изменениях этого управления см.: В. М. Филиппова. Вариантные глагольно-именные словосочетания в русск. лит. языке XIX в. (Материалы и наблюдения). «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. IV. М., 1957, стр. 180—183.

счастливой *надежде* зеленого цветущего *будущего* новой весны (Пришвин, Москва-река).

Два других возможных в начале XIX в. способа распространения слова *надежда* — «*к* + дат. пад.» и «*о* + предл. пад.» объяснялись двойными семантическими связями этого слова, определяющимися характером его значения. Как название чувства, эмоционального состояния, оно входило в активно пополняющуюся группу слов со значением эмоционального отношения, характерной приметой которой была способность сочетаться с конструкцией «*к* + дат. пад.» Вместе с тем значение слова *надежда* давало основание сближать его с группой слов, называющих акты мысли и речи, которые распространялись «сказовым» предл. пад.[45] Обе эти конструкции были мало распространены[46].

Сочетания типа *надежда о выздоровлении* рано выходят из употребления.

Надежда о благополучии нашем ныне непоколебима (Дневн. зап. Больш. собр.); *надежда* о счастливом *успехе* (ПСЗ, 1784, XXII, § 15934); питаются некоторою *надеждою о возвращении* в свое отечество (Рикорд, Зап.); я полагал несомненную *надежду о* его *выздоровлении* (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, XVII); *надежда об освобождении* от власти монголов (Н. Полевой, Ист. русск. народа, 5, III).

Сочетания типа *надежда к выздоровлению,* как отражение очень продуктивной модели словосочетания, спорадически употребляются вплоть до 70—80-х годов XIX в.

Имею *надежду к выздоровлению* (Фонв., п. родным, 23 янв. 1787); не было уже никакой *надежды к извлечению* его из погибели (Фонв., Чистосердечн. призн., Вступл.); *надежда к жизни* (Добрынин, Зап., XXXVII); *надежда к спасению* (Загоск., Росл., 3, IV); жду вашего мнения ... *о надежде к изданию* (И. Пущин, п. Е. Энгельгардту, 6 июня 1841); *надежды к выздоровлению* нет (Л. Толст., В. и м., 1, 1, XVIII).

§ 25. Особую группу составляли словосочетания, главное слово которых имело значение, связанное с представлением о взаимодействии, соотнесенности, обоюдной связи двух или нескольких предметов: *союз, сравнение, знакомство, вражда, беседа, соседство, разлука* и т. п. Некоторые из слов, входивших в эту группу, были семантически соотносительны с глаголами, управляющими творит. пад. с предлогом *с*.

---

[45] «Сказовый» предл. пад. в первой половине XIX в. употреблялся при многих других словах, обозначавших эмоциональные состояния (как правило, не направленные на объект): *радость о* толь благополучном *успехе* (Болот., 1, 29); *восхищение о том* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2, Плавание по Волге, Благоденствие прибрежных волжских крестьян); *чувство о музыке* (В. Одоевск., Русск. ночи, 8).

[46] Отмечаются также единичные случаи распространения существительного *надежда* предл. пад. с предлогом *в*: я ощущал... *надежду в том,* что я услышан (Добрынин, Зап., XXIX).

У всех слов данной группы были две возможности распространения указанием на предмет, с которым связан, взаимодействует, соотносится другой: 1) как и соответствующие глаголы, эти существительные могли сочетаться с конструкцией «*с* + творит. пад.»; 2) при них в том же значении мог быть употреблен беспредложный родительный.

1) Вещь сия *в сравнении с другою* есть ничто (Сл. АР, V. «Сравнение»); *знакомство со многими* (Добрынин, Зап., XXXV); при всяком *с ним свиданье* (Там же, XXIII); *союз с природой* обновляет (Жуковск., Мир); Но более всего *сравнение с ключом мне нравится* (Пушк., Т — прав, когда так верно вас...).

2) [Гекуба] Слабый Менелай, Неверныя *жены свиданьем* восхищенный (Озеров, Поликсена, III, 3); Довольно будет для вас чести *в сравнении* других европейских *послов* ... иметь вашей страже одни сабли (Рикорд, Зап.); *в соседстве народов* сильнейших и честолюбивых (В. Е., 1802, № 3); Правитель Швеции искал *союза России* (Карамз., И. Г. Р., IX, XI); прибавил *знакомство* флотского *монаха* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XLVII); Свободен, вновь ищу *союза* Волшебных *звуков, чувств* и *дум* (Пушк., Е. О., 1, LIX); ищите *его знакомства* (Моск. вестн., 1828, № 5); *в соседстве столицы* многолюдной (Там же, № 6); Петрищево, *в соседстве которого* ... найдете вы Екатерину Афанасьевну (Жуковск., п. А. И. Киреевской, 4/16 апр. 1836); несмотря на невыгодное *соседство стихов Пушкина* (С. Акс., Лит. и театр. воспом., 1826).

Первая конструкция четко выражала социативное значение и могла быть дополнена родит. пад., называвшим второй из соотносящихся, взаимодействующих предметов: *союз Италии с Францией, разлука матери с детьми, встреча всадника с караваном.* Во второй конструкции родит. пад. выражал отношение к предмету в общем, недифференцированном виде и не имел специальной частной аргументации. Употребление его, редкое и в начале века, совершенно прекращается в 40—50-х годах [47].

Употребление беспредложного родит. пад. при существительных данной семантической группы поддерживалось тем, что некоторые из входивших в нее слов были многозначны и могли обозначать понятия, не связанные с представлением о взаимодействии нескольких лиц или предметов; при употреблении этих слов в значениях такого рода они не могли распространяться сочетанием «*с* + творит. пад.». Так, существительное *вражда,* кроме значения «недоброжелательные, неприязненные отношения» (*вражда с соседями*), могло употребляться в значении «чувство неприязни, недоброжелательства», и в этом значении оно входило в описанную выше семантическую группу слов, обычно распространявшихся дат. пад. с предлогом *к*: [Дон Гуан] Вы в душе *к нему* питаете *вражду*? (Пушк., Кам.

[47] В 1831 г. журнал «Телескоп» (№ 21, стр. 124) приводит как неправильно построенное сочетание *по соседству деревни,* противопоставляя его сочетанию *по соседству с деревней.*

гость, IV). Слово *беседа* обозначало не только «разговор между двумя или несколькими лицами» (в этом значении оно могло распространяться сочетанием «*с* + творит. пад.»), но и «речь, рассказ»; «духовное поучение»; «собрание, общество»: *Он беседою своею всех пленил; Беседы Иоанна Златоуста; Он не бывает в беседах* (Сл. АР, I. «Беседа»). В последних трех значениях слово *беседа* не сочеталось с конструкцией «*с* + творит. пад.», а употреблялось или абсолютивно или с родит. беспредложным.

При некоторых словах, входивших в данную семантическую группу, мог употребляться также предлог *между* с творит. пад.: любопытное *сравнение между* обеими *столицами* (Пушк., Путеш. из М. в Пб., Москва).

Эта конструкция имела семантическое своеобразие: в ней подчеркивалось, что оба связанных, взаимодействующих предмета одинаково участвуют в данном соотношении, одинаково важны для него. Словосочетания такой структуры не претерпели изменений в XIX в.

§ 26. Некоторые отглагольные существительные, в словообразовательном и семантическом отношении тесно связанные с глаголами, имевшими твердо установившееся и не допускавшее колебаний предложное управление, в конце XVIII — начале XIX в. имели две возможности распространения указанием на объект: зависимое существительное при них могло быть употреблено в сочетании с предлогом (по глаголу) или в форме родит. пад. (обычной для субстантивного распространения): *зависимость от господ — зависимость господ, привычка к лени — привычка лени.* Существительные данной группы, как и соответствующие глаголы, не были объединены в семантическом отношении. Маловыразительная и неспецифичная для данной группы слов форма беспредложного родит. пад. была также малоупотребительной; к середине века ее употребление при существительных, образованных от глаголов с предложным управлением, совсем прекратилось.

Привычка жизни поддельной (Вяземск., п. А. Тургеневу, 15 (ноября) 1819); находилась в полной *зависимости* своей *госпожи* (Герц., Расск. о временах меровингских); *привычка заботы* не оставляет их (Герц., Москва и Петербург); заразилась ... *привычками насилия и непокорности* (Грановск., Латинск. империя. ЛК); изменения языка письменного под *зависимостью слога народного* (Срезн., Мысли об истории русск. яз., VI); выкупить его из *зависимости* глупой *судьбы* (Вельтм., Саломея, 8, III); оставить умирающего старика в полную *зависимость негодяя* Калмыка (С. Акс., Сем. хрон., Жизнь в Уфе); готов будет сделать для него все, что только будет в *его зависимости* (Писемск., Тыс. душ, 2, VIII); говорил с *привычкой разгула и власти* в голосе (Л. Толст., В. и м., 3, 4, XXII).

Предложно-падежные конструкции, идущие от соответствующих глаголов, были, напротив, очень специфичны для данных слов, так как предлоги в них в значительной степени грамматикализовались и стали «послелогами», знаками управления данных слов.

Активизация предложных словосочетаний, структура которых определяется характером смысловых отношений между главным и зависимым словом

§ 27. Основным процессом в развитии словосочетаний, структура которых определялась характером смысловых отношений между главным и зависимым словом, было вытеснение беспредложного родит. пад.— типовой формы выражения недифференцированного отношения одного предмета к другому — предложными сочетаниями, специализированными для выражения тех или иных частных, дифференцированных видов отношений между предметами.

В начале XIX в. как остаточное явление употреблялись словосочетания с беспредложным родит. пад., выражающие отношение одного предмета к другому, являющемуся местом возникновения или существования первого.

О *надписях идолов* славянских (Карамз., И. Г. Р., I, III); *надписи* Ретрского *истукана* (Там же); сюда наши *путешественники Средиземного моря* рассказали мне анекдот (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XLVII); вспомните время Екатерины, зимний ее дворец, *обедню* тамошнего *храма* (Там же, LXXXI); *происшествия* других *государств* (Н. Тург., Нечто о барщине); *надпись* дагестанского *кинжала* (Марл., Ам.-Бек, I).

Позднее такие словосочетания совершенно уходят из употребления: выражение пространственных отношений закрепляется за предложными конструкциями, передающими отношение к месту четко и дифференцированно.

§ 28. С беспредложными словосочетаниями с родит. пад. соотносились и взаимодействовали словосочетания с предлогом *из*. Предлог *из* в субстантивных словосочетаниях на протяжении XIX в. активизируется. Предложная конструкция теснит беспредложную в словосочетаниях трех видов.

1. Закрепляется употребление предлога *из* для обозначения отношения к предмету как к материалу. В конце XVIII — начале XIX в. предлог *из* в субстантивных словосочетаниях в этой функции был еще редок: при отсутствии зависимых слов здесь, как правило, употреблялось отсубстантивное прилагательное *(соломенная крыша,* а не *крыша из соломы);* если же при слове, обозначающем материал, было определяющее его прилагательное, то употреблялась преимущественно беспредложная конструкция с родит. пад.

У шляп, сверх бантов за поля были заткнуты *кукарды лаврового листа* (Нащокин, Зап.); золотые, серебряные, фарфоровые и прочие *разных металлов и минералов вещи* (Лукин, Щепетильн., Предисл.); *вино собственного винограда* (Добрынин, Зап., XVIII); *воротник чернобурых лисиц* (Там же, XI); *платье хорошего миткалю* (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, IX); *шуба калмыцкого меха* (Лажечн., Лед. дом, 1, 7); в *шапке золота литого*

(Лерм., Два великана); *воротник голубых песцов* (Марл., Лейт. Белозор. IV).

К концу XIX в. соотношение между беспредложным родит. пад. и конструкцией с предлогом *из* существенно меняется: в течение века предложные сочетания вытесняют беспредложные; устойчиво сохраняется лишь небольшое количество застывших выражений (ср. в современном языке: *мебель красного дерева, карельской березы* и т. д.). Дольше других удерживаются сочетания с существительными, называющими роды тканей.

Тонкого *голландского полотна рубашка* (Писемск., Тыс. душ, 3, V); В *сюртучке сукна атласного* Цвета трюфельно-колбасного (Курочкин, Рапсодии о нигилизме); французский *кафтан* или бархатный или *тончайшего синего сукна* (Сверб., Зап., I).

2. Возрастает употребительность предлога *из* в словосочетаниях, главное слово которых называет лицо или — реже — конкретный предмет, а зависимое — место, организацию, объединение лиц. За исключением собственных названий мест [48], все слова данных значений употреблялись как зависимый компонент словосочетания только с конкретизирующими их прилагательными. В соотносительном ряду функционально однородных конструкций, выражающих генетические отношения (*капитан другого полка — капитан из другого полка, крестьяне нашего села — крестьяне из нашего села, госпожа знаменитой фамилии — госпожа из знаменитой фамилии, вина моего погреба — вина из моего погреба*), более употребительной в конце XVIII — начале XIX в. была конструкция беспредложная.

Некоторой секты философ (Шишк., Прим. на письмо деревенск. жителя в «Сев. вестн.»); степной *дворянин Саратовской губернии* (Языков, Сержант Сурмин).

С 30—40-х годов значительно активизируются конструкции с предлогом *из;* процесс этот особенно усиливается к концу века. Однако полного вытеснения беспредложной конструкции не происходит. Между беспредложной и предложной конструкциями устанавливается семантическое различие: словосочетания с предлогом *из* четко выражают генетические отношения, беспредложные передают общую, недифференцированную связь лица или предмета с местом, организацией, объединением лиц как характеристическую примету его, ср. в современном языке: *солдат из стрелкового взвода — солдат стрелкового взвода.*

Заметнее сокращается употребление тех беспредложных слово-

---

[48] В конце XVIII — начале XIX в. для выражения генетической связи лица или предмета с местом, названным собственным именем, употреблялись сочетания с отсубстантивными прилагательными или сочетания с предлогом *из* и родит. пад. собственного имени: *киевский купец — купец из Киева, московский мещанин— мещанин из Москвы.*

сочетаний, зависимое слово которых имеет значение места [49] или учреждения; к концу века оно делается возможным лишь в том случае, если зависимое слово в контексте получает значение не собственно места или учреждения, а объединения лиц. Ср. бытовавшие в литературном языке более раннего периода сочетания следующего типа: ужинал я за общим столом с *путешественниками разных земель* (Карамз., П. р. п., Маинц, 2 авг.); *сего села поповна* (Добрынин, Зап., XXIII); не умнее последнего *ребенка нашей деревни* (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, XIII); ни одна *красавица окрестных замков* (Жуковск., Нормандский обычай).

3. Расширяется, захватывая новые группы слов, употребление предлога *из* в выделительном значении. По образцу словосочетаний, главный компонент которых называет отделяемую часть предмета, а зависимый — целый предмет *(отрывки из письма)*, в 30—40-х годах начинают образовываться близкие по характеру отношений словосочетания с отвлеченными существительными типа *черта, подробность, особенность, событие, случай, происшествие, факт, эпизод* и т. п.

Несколько занимательных *черт из нравов* приказного народа (Б-ка для чт., 1834, т. II, кн. 8); *происшествия из* французской *истории* (Москвит., 1841, № 2); *черта из жизни* Фонвизина (Там же); любопытные *эпизоды из своих путешествий* (Совр., 1847, т. II, № 4); рассказывал много любопытных *подробностей из* своей *жизни* (С. Акс., Лит. и театр. воспом., 1826); *факты из* психологической *истории* современного человека (Писарев, Реалисты, XXVI); *эпизод из* его морской *службы* (Ключевск., Петр Великий среди своих сотрудников, VI).

Параллельная конструкция с беспредложным родит. пад. становится малоупотребительной.

§ 29. С беспредложным родит. пад. взаимодействовало семантически соотносительное с ним сочетание предлога *с* и творит. пад. В начале изучаемого периода существовали два ряда словосочетаний, в которых названные конструкции были функционально однородными: а) словосочетания со значением качественной характеристики лица или (реже) предмета по внешнему или внутреннему признаку: *человек большого ума — с большим умом, благовидной наружности — с благовидной наружностью, открытого лица — с открытым лицом; помещик трех тысяч душ — с тремя тысячами душ; платье модного узора — с модным узором;* б) словосочетания, главное слово которых называет какое-либо событие, чаще неблагоприятное, а зависимое слово — лицо или предмет, которого

[49] Активное вытеснение беспредложной конструкции в словосочетаниях с зависимым словом, называющим место, поддерживалось тем обстоятельством, что к началу XIX в. полностью прекращается употребление беспредложного родит. пад. в субстантивных словосочетаниях с пространственными отношениями: для выражения этих отношений в субстантивных словосочетаниях закрепляются предложные конструкции (см. стр. 188).

оно касается: *приключение консула — с консулом, происшествие курицы — с курицей, недоразумение Тургенева — с Тургеневым, несчастье Маметкула — с Маметкулом.*

В конце XVIII — начале XIX в. для выражения качественной характеристики лица широко употреблялись обе названные функционально однородные конструкции, но более свободной и семантически емкой структурой было сочетание «*с* + творит. пад.». Эта конструкция могла употребляться и тогда, когда зависимый компонент не имел распространяющих его определений, в то время как конструкция с беспредложным родительным была обязательно трехчленной.

Люди с чувством (Карамз., П. р. п., Лондон, июля... 1790); *муж с заслугами* (Озеров, Поликсена, III, 4); *человек с расчетом* (Добрынин, Зап., XXXVI); *авторы с талантами* (И. Дм., п. А. Тургеневу, 19 мая 1819); *человек с умом* (Б-ка для чт., 1834, т. V, кн. 9); *женщина с характером* (Лерм., Кн. Мери, 16-го мая); *женщина с правилами* (Вельтм., Саломея, 1, I); *женщина с сердцем* (Там же, 3, IV); *женщина с весом* (Там же, 12, III).

Среди трехчленных словосочетаний в конце XVIII — начале XIX в. преобладали словосочетания с беспредложным родит. пад. Они допускали разнообразное лексическое наполнение. Особенно употребительны и разнообразны были словосочетания со значением качественной характеристики лица по внутреннему признаку: складу ума и характера, образу мыслей и поведения, кругу понятий и познаний.

Люди испорченных нравов (Живописец, I, 7); *человек простого нрава* (Там же, I, 18); *муж великого разума, искусства и знания* в древностях российских (Новиков, Опыт ист. сл. «Рычков»); *худых склонностей женщины* (Крыл., Почта духов, XXXI); *женщина столь нежного вкуса* (Там же, XXXVIII); *человек столь великого и высокого духа* (Там же, XL); *люди посредственного ума* (Там же); *человек большого здравого рассудка* (Фонв., Чистосердечн. призн., Вступл.); *муж глубокого разума* (Там же, 2); *смертные жестоких толь сердец* (Озеров, Поликсена, II, 1); *человек самого доброго и нежного сердца* (Жих., Зап. совр., I, 17 ноября 1805); *люди возвышенных чувств* (Там же, II, 28 мая 1807); *отменных дарований учитель* (Добрынин, Зап., XXVII); *люди нежного вкуса* (Там же, LXVI); *человек счастливой памяти* (Там же, XLVI); *человек честных правил, благородных мыслей* (Там же, XLII); *человек благородного поведения* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XXXVI); *человек кротких нравов* (Там же, XXXVIII).

Менее разнообразными по лексическому наполнению зависимого компонента были словосочетания со значением характеристики лица по внешнему признаку (главным образом по физическому складу и чертам внешности). Широко и устойчиво употре-

бительными среди них были лишь словосочетания со словами общих значений: *наружность, внешность, сложение, комплекция, осанка, формы, вид, облик* и под.

Словосочетания, включающие слова с частными, конкретными значениями, называющие отдельные стороны внешности, были малоупотребительны уже в начале изучаемого периода.

Человек лица белокурого и не сухого (Добрынин. Зап., XXXI); *девка* чернобровка *немецкой талии, греческого лица* (Там же); *хозяин* здесь живет *пространныя гортани,* Во храме божьем что ревет без всякой дани (Там же, XXXII); *женщина* с греческим лицом, росту большого и *стройного стана* (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, I); *мертвец злобного лица* (Марл., Вечер на кавк. водах); *один из молодцов* с рыжими усами и *открытого лица* (Марл., Страшн. гаданье); *моряк доброго, но сурового лица* (Марл., Лейт. Белозор, I); морской *солдат* самой *разбойничьей физиономии* (Там же, VII). Ср. в более позднее время: небольшой, *хорошенького личика,* белокуренький *человечек* (Сверб., Зап., II).

Малоупотребительны были также словосочетания, называющие другие внешние признаки (не черты наружности). Среди них устойчиво употреблялись лишь сочетания со словами *достаток, состояние* и т. п.

Обер-офицер посредственного достатка (Изм., Бедн. Маша); *помещик трехсот душ* (Даль, Вакх Сидоров Чайкин, X). Ср. в более позднее время: *помещик двух тысяч душ* (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 6, X); *помещица трех тысяч душ* (Писемск., Тюфяк, XI).

В течение XIX в. употребление словосочетаний с беспредложным родительным качественной характеристики сокращается, так как становятся более строгими ограничения лексического наполнения данной модели: к середине века совсем утрачиваются малоупотребительные и в начале века сочетания со словами, называющими конкретные черты внешности; сокращают употребительность словосочетания со словами конкретных значений, называющими внутренние свойства [50]. Соответственно на протяжении XIX в. возрастает употребительность словосочетаний с предлогом *с* и творит. пад. для выражения качественной характеристики лица как по внешнему, так и по внутреннему признаку [51]. Лексиче-

[50] Детальное описание истории этих словосочетаний см.: Н. Ю. Шведова. Из истории родительного квалитативного в русск. лит. языке XVIII—XIX вв. (К проблеме лексических ограничений в синтаксисе).

[51] В древнерусском языке конструкция «*с* + творит. пад.» употреблялась лишь со словами конкретных значений и не могла выражать качественной характеристики лица по внутреннему признаку. Расширение лексического наполнения этой модели, сделавшее возможным выражение характеристики лица по внутренним признакам, произошло в XVII—XVIII вв. См.: Е. Г. Сорокин. Словосочетания с предлогом *с* в русск языке в их историческом развитии. Канд. дисс. Горький, 1957.

ское наполнение этой модели не имеет ограничений и последовательно расширяется. Во второй половине XIX в. по этой модели часто строятся даже словосочетания со словами, которые раньше устойчиво употреблялись в форме родит. беспредложного, ср.: *господин важной осанки* (Некр. и Станицк., Мертв. озеро, XVI) и: *господин с важной осанкой* (Там же).

Некоторые из слов, в начале века обычно употреблявшихся в форме беспредложного родительного, во второй половине века начинают чаще употребляться в форме творит. пад. с предлогом *с;* таковы, например, сочетания со словами *душа, сердце.*

Родит. пад. качественной характеристики был малоупотребителен при названиях предметов (не-лиц). В течение XIX в. происходит дальнейшее его сокращение: он вытесняется конструкцией «*с* + творит. пад.» почти во всех случаях, где в начале века допускалось употребление словосочетаний и той и другой структуры. Уходят из употребления словосочетания типа: *родник самой свежей и прозрачной воды* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, LXXXIII); *заливы и проливы соленой воды* (Марл., Лейт. Белозор, I); *воздух своего собственного запаха* (Гоголь, М. д., 1, II); *озерко пресной воды* (Гонч., Фр. «Пал.». На Мысе Добр. Над.).

Расширяется на протяжении XIX в. употребление творит. пад. с предлогом *с* и при отвлеченных существительных, называющих разного рода события. Словосочетания типа *случай с лошадью, происшествие с хозяином* появились довольно поздно [52] под влиянием глагольных сочетаний *(случилось, произошло что-нибудь с кем-нибудь*). В конце XVIII — нач. XIX в. творит. падежом с предлогом *с* в значении ограничительного касательства могла распространяться лишь очень небольшая группа слов: *случай, приключение, происшествие, недоразумение, неудовольствие.*

Бывшее со мной несчастное *приключение с* купленной у чухны *лошадью* (Болот., 1, 28); досадный *случай с* моим *дядькою* (Там же, 30); *происшествие с князем* (Там же, 32); *приключение* свое *с незнакомкою* (Нарежн., Росс. Жилбл., 6, I); *неудовольствия с* великим *актером* (Жих., Воспом. ст. театр., I). Позднее круг слов, входящих в эти сочетания, расширяется.

История с векселем (Гоголь, п. А. Данилевскому. 20 авг. 1838); *история с вице-губернаторшей* (Совр., 1847, т. IV, № 8); *история с нищим* (Григорович, Переселенцы, 3, VIII); *эпизод* с сумасшедшей *Дуней* (Там же, 2, II); *в деле с рабочими* (Доброл., Опыт отучения людей от пищи); *трагедия с рабочими* (Там же); *суматоха с парусами* (Гонч., Фр. «Пал.», Атлантич. океан).

Вместе с тем в XIX в. совершенно утрачивается возможность употреблять в подобных случаях беспредложный родит. пад. и из

[52] Е. Г. Сорокин (указ. соч., стр. 67) не встретил их ни в одном из обследованных им памятников XVII и XVIII вв.

литературного языка уходят словосочетания типа: все занимаются *приключением шведского короля* (А. М. Кутузов, п. А. И. Плещеевой, 27 марта/7 апр., 1792); Что могу сказать ... *о недоразумении Тургенева,* которое мучит всех нас целые три месяца? (Жих., п. К. Булгакову, 19 мая 1831).

§ 30. На протяжении XIX в. происходит вытеснение беспредложных словосочетаний с родит. пад., имеющих ограничительное значение, предложными словосочетаниями с предлогом *по* и дат. пад.[53]

Беспредложный родит. пад. в начале изучаемого периода употреблялся в ограничительном значении в составе словосочетаний, образуемых существительными трех лексических групп.

1. В словосочетаниях с главным словом — названием лица:

Мастера инструментов математических и *физики* экспериментальной (Проект законов о правах..., VII, I); *товарищ* трактирного *обеда* (Радищ., Путеш., Тверь); *стряпчие* казенных *дел* (ПСЗ, 1784, XXII, § 15939); *товарищи пиров и неги* (Карамз., И. Г. Р., IX, II); *товарищ путешествия, товарищ* холостой *жизни* моей (Пушк., п. Н. Н. Пушкиной, 2 сент. 1833).

2. В словосочетаниях с главным словом — названием разного рода бумаг и сочинений и в составе сложных названий предприятий, учреждений и их отделов:

Экспедиция описания Каспийского моря (Новиков, Опыт ист. сл., «Соймонов»; учебные *книги* гражданского *права* (Моск. телеграф, 1825, № 17); *литература права* (Телеск., 1831, № 16).

3. В словосочетаниях с главным словом с общим значением деятельности (особенно часто и устойчиво при слове *хлопоты):*

Хлопоты отъезда (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 16 апр. 1829); *труды преобразования* (Телеск., 1831, № 16); *хлопоты приезда* (Пушк., п. Н. Н. Пушкиной, 28 апр. 1834); *хлопоты обзаведения* (Пушк., п. Н. И. Гончаровой, 25 авг. 1834); *хлопоты издания* (Пушк., п. Н. А. Дуровой, 25 июня 1836); черные *работы хозяйства* (Н. Павл., Демон, I); *хлопоты хозяйства* (Н. Павл., Ятаган, I).

Вместе с тем при словах этих же лексических групп широко употреблялась конструкция «*по* + дат. пад.».

1) *Делец по приказным делам* (Болот., 1, 3); *Знаток по гражданским делам* (Там же, 15); *товарищ по ремеслу* (Моск. телеграф, 1825, № 2).

---

[53] Ограничительные отношения могли выражаться также другими предложными конструкциями (с предлогами *по части, в области и др.),* но конструкция «*по* + дат. пад.» была наиболее семантически емкой и употребительной. О соотношении разных предложных конструкций с ограничительным значением см. в главе «Изменения в соотношениях предложных словосочетаний».

2) *Изъяснения* наши *по содержанию* той публикации (ПСЗ, 1784, XXII, § 15979); *жалобы по судным делам* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 2, 5); *бумаги по коллегии* (Жих., Зап. совр., II, 24 февр. 1807); *сочинения по естественной истории* (Моск. телеграф, 1825, № 17).

3) Текущие *дела по должности* (Добрынин, Зап., XLI); *занятия* мои *по службе* (Гоголь, п. матери, 10 окт. 1830); *хлопоты по имению* (Пушк., п. Н. Н. Пушкиной, 29 мая 1834); *обязанности по службе* (Марл., Мореход Никитин).

Беспредложные словосочетания с родит. пад., функционально однородные словосочетаниям с предлогом *по* и с дат. пад., постепенно уходят из употребления, вытесняемые интенсивно развивающимися предложными конструкциями. Устойчиво сохраняются лишь отдельные сочетания, главным образом, терминологического характера: *часовых дел мастер, министерство народного просвещения* и т. п.

Выражение ограничительных отношений закрепляется за предложными словосочетаниями и прежде всего за наиболее употребительной и семантически емкой конструкцией с предлогом *по*. Однако процесс вытеснения беспредложных конструкций в сфере выражения ограничительных отношений протекает медленно. Отдельные случаи употребления родительного беспредложного в ограничительном значении фиксируются в течение всей первой половины века и изредка позднее.

Друзья лицея (И. Пущин, п. Е. Энгельгардту, 25 янв. 1840 [по лицею]); *товарищи* моего *изгнания и заточения* (И. Пущин, Зап. о Пушк.); *подруги изгнания* (И. Пущин, п. Н. Г. Долгорукой, 26 дек. 1854); *товарищи заключения* (Москвит., 1841, № 2); *работы* московского *водопровода* (А. И. Дельв., Полвека русск. жизни, I, 5); *товарищи плавания* (Гонч., Фр. «Пал.», Через двадцать лет, V), *товарищи пажеского корпуса* (Л. Толст., п. жене, конец окт. 1893).

Устойчиво удерживается беспредложный родит. пад. при словах, называющих понятия, связанные со школой и образованием.

Лекции русской истории (Москвит., 1841, № 2); *лекция географии; лекция естественной истории* (Гонч., Фр. «Пал.». От Кронштадта до мыса Лизарда); *учитель этих предметов* (Д. П. Иванов, Сообщение при чтении биогр. В. Белинского). Ср. в современном языке: *учитель математики, урок химии.*

Параллельно род. падежу в сочетаниях ограничительного значения использовались отсубстантивные прилагательные. Словосочетания с отсубстантивными прилагательными были продуктивны и употребительны на протяжении почти всего XIX в.

Арифметический наш *учитель* (Фонв., Чистосердечн. призн., 2); *математический, танцевальный учитель* (Жих., Зап. совр., II, 21 янв. 1807); *похоронные хлопоты* (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, IV); не хочет отрывать меня от моих *исторических трудов* (Пушк., п. Е. Канкрину, 6 сент. 1835); *типографические хлопоты* (Пушк., п. Н. Н. Пушкиной, 11 мая 1836); если не

колыбельный, то *пансионский знакомец* (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 3 ноября 1835); *пансионный товарищ* (В. Соллог., Тарантас, XX); *академические товарищи* (Даль, Вакх Сидоров Чайкин, XV); несколько *исторических книг* (А. И. Дельв., Полвека русск. жизни, I, 3); *университетские товарищи* (Тург., Лит. и жит. воспом., I); *словарные хлопоты* (Ключевск., Имп. Екат. II, VI, II).

Только к концу века, когда делаются совершенно неупотребительны словосочетания ограничительного значения с беспредложным родит. пад., становятся малоупотребительны и словосочетания с отсубстантивными прилагательными.

§ 31. На протяжении всего XIX в. идет активизация употребления сочетания «*в* + предл. пад.», которое было функционально однородным беспредложному родит. пад. в составе словосочетаний с главным словом — названием качества или состояния; ср. *исправность отправления службы — исправность в отправлении службы, легкость движений — легкость в движениях, вольность обхождения — вольность в обхождении, резкость выражений — резкость в выражениях, недостаток пищи — недостаток в пище, изобилие товаров — изобилие в товарах, потребность образования — потребность в образовании.*

Интенсивному расширению употребления сочетания «*в* + + предл. пад.» способствовало то обстоятельство, что большинство слов со значением качества или состояния составляли существительные отадъективные, которые находились в тесных семантико-словообразовательных связях с прилагательными, распространявшимися сочетанием «*в* + предл. пад.»; ср.: *исправный в отправлении службы, легкий в движениях, вольный в обхождении, резкий в выражениях.* При словах, словообразовательно не соотносительных с прилагательными, распространяющимися сочетанием «*в* + + предл. пад.», более стойко удерживается беспредложный родит. пад. Так, при слове *потребность* беспредложный родит. пад. употреблялся (наряду с сочетанием «*в* + предл. пад.») вплоть до самого конца XIX в.

Потребность ярмарки (Вяземск., Ст. зап. кн., Н.-Новгород, 1822); *потребность умственной пищи* (Совр., 1836, № 1); *потребность светлой истины* (В. Одоевск., Русск. ночи, 2); *потребность изящного* (Совр., 1847, т. IV, № 8); *потребность литературы* (Срезн., Мысли об истории русск. языка, VII); *потребность добродетели* (Дост., Зимн. заметки о летн. впечатлениях, VI); *потребность доброго дела* (Гл. Усп., Нр. Растер. ул., XIV); *потребность образования* (Ключевск., Воспом. о Новикове).

Вследствие тесных семантических связей между словами *потребность* и *нужда* беспредложный родит. пад. переносился и в словосочетания со словом *нужда*: *нужда лжи* (Анненк., Замечательное десятилетие, XXXV). В процессе активно протекавшего взаимодействия между беспредложным родит. пад. и сочетанием «*в* + предл. пад.» делаются более строгими и обязательными усло-

вия употребления той и другой конструкции: за сочетанием «*в* + + предл. пад.», в отличие от беспредложного родит. пад., выражающего отношение к предмету как носителю качества или состояния, закрепляется функция ограничительного указания на область распространения качества или состояния. В связи с этим уходят словосочетания типа *цвет в лице* (Крыл., Почта духов, XIII); *покрой в платье* (Там же, XIX), *дороговизна в товарах* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XXVII).

Вытеснение беспредложных словосочетаний с дательным падежом предложными словосочетаниями

§ 32. Беспредложный дат. пад. был обычной формой распространения ряда существительных, которые находились в словообразовательных и семантических связях с управляющими тем же падежом глаголами или прилагательными. В течение XIX в. беспредложный дат. пад. в таких именных словосочетаниях вытесняется — при определенном круге слов — предложно-падежными сочетаниями «*к* + дат. пад.» и «*перед* + творит. пад.». Субстантивные предложные словосочетания этих двух моделей, «прикрепленных» к определенным семантическим группам существительных, на протяжении XIX в. очень продуктивны. В связи с этим из языка уходят словосочетания с беспредложным дат. пад. при существительных, называющих эмоциональное отношение к предмету, подобные следующим: *доверие силе* (С. О., 1812, № 4); *пристрастие славянофильскому образу мыслей* (Черн., Оч. гоголевск. периода, 3).

Беспредложный дательный вытесняется сочетанием «*перед* + + творит. пад.» при словах: *долг* (в значении «обязанность»), *обязанность, заслуга, благоговение, раболепство* и семантически близких им. Ср.: исполнив *долг отечеству, дружбе* и самому себе (Копиев, Обращ. мизантроп, V, 3); наши *обязанности перед* просвещенною *публикою* (Моск. вестн., 1828, № 5).

Входившие в эту группу слова не имели в начале изучаемого периода обязательного, устойчивого управления. Так, при словах *долг, обязанность* в конце XVIII — начале XIX в. наряду с беспредложным дат. пад. и сочетанием «*перед* + творит. пад.» употреблялись также сочетания «*в отношении к (по отношению к)* + + дат. пад.», «*против* + родит. пад.»:

Должности в отношении к вам (Радищ., Путеш., Крестьцы); *обязанности* человека *в отношении к вере* (Пестель, «Русск. Правда», Введение, Основные понятия, § 6); *обязанности* вассала *против владельца* и сего последнего *против вассала* (Ермолов, Зап., Приложения, Начальнику гл. штаба Дибичу, 12 января 1827).

Позднее у этих слов развивается сильное управление: для

их распространения указанием на объект делается обязательным употребление сочетания «*перед* + творит. пад.» [54].

Процесс вытеснения беспредложного дат. пад. при разных словах этой группы шел неравномерно. Долго сохраняется беспредложный дательный при словах *раболепство, рабство.*

Раболепство двум господствующим в наше время *страстям* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 2, 4); слепое, безусловное *раболепство* какому-нибудь *идолу* (Б-ка для чт., 1834, т. V, кн. 8); *рабство монголам* продолжается (Н. Полевой, Ист. русск. народа, 5, Содержание); Я упрекал его слегка *рабством авторитету* (Гонч., Заметки о личности Белинского); Ср.: *раболепство перед лицами* (М. Лунин, Взгл. на русск. тайн. об-во с 1816 до 1826 г.).

До конца века употребляется беспредложный дательный при слове *заслуга: заслуги государю и отечеству* (Добрынин, Зап., VIII); *заслуги престолу* императорскому (Там же, XI); его *заслуги* отечественной *словесности* (Совр., 1847, II, № 4); великие *заслуги русскому театру* (С. Акс., Лит. и театр. воспом., 1826); немалые *заслуги* русскому *просвещению* (Ключевск., Воспом. о Новикове).

§ 33. В течение XIX в. происходят изменения в соотношении функционально однородных конструкций, входивших в соотносительный ряд следующего состава: словосочетания с беспредложным дат. пад., с беспредложным родит. пад. и с предложно-падежным сочетанием «*для* + родит. пад.»: *опора семье — опора семьи — опора для семьи.* Распространяться таким образом могли слова с оценочным качественно-характеристическим значением (*отрада, утеха, изъян, урон, позор, обида* и т. п.), среди которых были существительные, словообразовательно и семантически близкие прилагательным, распространяющимся дат. пад. или сочетанием «*для* + родит. пад.» (*выгода, польза, вред, опасность* и т. п.); к *пользе государства; с пользою государства* (Проект законов о правах ..., IX, II); стараясь приобрести *пользу роду* человеческому (Там же); почел [комедии] *пользою для* твоего *сердца и разума* (Лукин, Щепетильн., I). К ним примыкали многочисленные слова, у которых качественно-оценочное значение развивалось как метафорическое, главным образом в условиях предикативного или полупредикативного употребления: *опора, праздник, урок, язва, магнит* и т. п. Кроме того, распространяться таким образом могли существительные *убежище, пристанище, притон* и т. п., дающие оценочное название месту.

На протяжении XIX в. меняется употребительность конструкций, входящих в данный соотносительный ряд: возрастает упот-

---

[54] В книжной речи конца XIX в. получает распространение сочетание «*по отношению к* + дат. пад.»: *обязанности по отношению к предкам* (Чех., Моя жизнь, XIX).

ребление предложной конструкции, сокращается и ограничивается употребление беспредложных.

Беспредложный родит. пад. при словах качественно-оценочных значений был маловыразителен, так как передавал лишь недифференцированное отношение к предмету. Напротив, дат. пад. и сочетание «*для* + родит. пад.» выражали предполагаемое характером главного слова значение отношения к предмету (чаще лицу) как заинтересованному адресату, на который распространяется воздействие явления, названного главным словом (см. § 12). Беспредложный родит. пад. постепенно выходит из употребления.

В первой половине века словосочетания с беспредложным родительным, параллельным дательному и конструкции «*для* + + родит. пад.», разнообразны и употребительны.

Долг, предписываемый государю *пользою государства* (Карамз., И. Г. Р., X, I); с меньшим *ущербом жертвоприносителя* и большею *выгодою жертвовзимателя* (Вяземск., Ст. зап. кн., 2); в случае *опасности Москвы* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 8); во всех последствиях видна *польза* его *государства* (Лажечн., Басурман, 2, 1); не для *пользы отечества* (Б-ка для чт., 1834, т. II, кн. 8); Роман Степанова ... *яд* провинциальной *молодежи* (Белинск., п. И. Панаеву, 10 авг. 1838); Жизнь — это *магнит* всего *народа* (Москвит., 1841, № 2).

Во второй половине века их употребительность сокращается. Наиболее устойчивым оказывается беспредложный родительный при слове *опасность*: пренебрежение *опасностью* слабого *здоровья* своего (Совр., 1847, II, № 4); Чуть не с *опасностью жизни* (Гонч., Фр. «Пал.», От Кронштадта до мыса Лизарда).

Употребительность дат. пад. при словах с качественно-характеристическим значением сокращается менее резко и не во всех конструкциях одинаково [55].

Более устойчив дат. пад. в случаях предикативного употребления оценочных существительных:

[Я р о п о л к] Ложный друг и льстец Есть *язва* злейшая *носящему* венец (Озеров, Ярополк и Олег, V, явл. последн.); [Т е з е й] Лавр *трону* есть *краса* (Озеров, Эдип в Афинах, I, 4); *Бессильным щит* его закон (Жуковск., Певец во стане русск. воинов); Они бывают *позор миру* и *человекам* (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, XI); Какой роскошный *пир восторгам и мечтам!* (Языков, В. М. Княжевичу); чтоб *мыслям* были всем и всем его *делам душою* — вы (Гриб., Горе от у., III, 1); Чванство — главнейшая *помеха* общественным *удовольствиям* (Телеск., 1831, № 15).

При непредикативно употребленных существительных качественно-характеристического значения дат. пад. удерживается глав-

---

[55] Об общих тенденциях в развитии присубстантивного дат. пад см. главу «Изменения в соотношениях беспредложных словосочетаний».

ным образом в тех случаях, когда эти существительные (употребленные в форме винит. пад.) зависят от глаголов, распространяющихся одновременно винит. и дат. пад.

[Антигона] Мы здесь *убежище найдем бедам* своим (Озеров, Эдип в Афинах, II, 1); *позор женам* и *дочерям* вашим ... *готовят* вам турки (Б-ка для чт., 1834, т. V, кн. 9); не *искала* легких *утех* женскому *самолюбию* (Н. Павл., Маскарад, I); Он *искал развлечения* своей *скуке* (Москвит., 1841, № 2); *найти* какое-нибудь *противоядие скуке* (Там же); Где же было *найти* у нас *опору* истинному *просвещению?* (Ключевск., Воспом. о Новикове).

Однако и в указанных двух случаях дат. пад. к концу века делается менее употребительным, чем предложно-падежное сочетание «*для* + родит. пад.». Широкое распространение предложной конструкции вызывалось тем, что, в отличие от беспредложного родит. пад., она была специфически выразительной, а в отличие от дат. пад. не имела ограничивающей ее употребление преимущественной прикрепленности к определенным синтаксическим структурам. Ср. почти обязательное употребление уже в первой половине XIX в. сочетания «*для* + родит. пад.» при оценочных словах в составе синтаксических конструкций, не типичных для присубстантивного дат. пад., например при оценочных словах, употребленных с предлогами или зависящих от глаголов, не сочетающихся с дат. пад.: без всякого *изъяна для* человеческой *истории* (В. Одоевск., Русск. ночи, 9); опасаясь *обиды для бека* (Б-ка для чт., 1834, т. V, кн. 8).

Расширению употребления предложно-падежного сочетания «*для* + родит. пад.» при словах качественно-характеристического значения содействовало то обстоятельство, что в том же значении заинтересованного адресата эта конструкция употреблялась при словах других семантических групп (не сочетавшихся с дательным, а иногда и с беспредложным родит. пад.), а также в составе сложных многочленных словосочетаний, причем такое употребление интенсивно развивалось на протяжении XIX в.

Занимательность для читателей беспрестанно возрастает (Атеней, 1828, № 9); от какой точки может начинаться *публичная жизнь* для бедного *поэта* (Б-ка для чт., 1834, т. V, кн. 9); Как возвысилось бы коммерческое *значение* Одессы *для* всей *Европы* (Совр., 1847, т. II, № 4); Здесь главный *вопрос для историка* состоит в том ... (С. Соловьев, Ист. Росс., I, Предисл.); *трудность* этого дела *для зодчего и живописца* (Даль, Русак).

Вытеснение беспредложных словосочетаний с творительным падежом предложными словосочетаниями

§ 34. На протяжении XIX в. прекращается употребление присубстантивного беспредложного творит. пад. в ограничительно-причинном значении; он вытесняется предложной конструкцией «*по* + дат. пад.» [56]

В конце XVIII — начале XIX в. при оценочных, качественно-характеристических названиях лиц для обозначения ограничительного основания качественной характеристики употреблялись параллельно беспредложный творит. пад. и конструкция «*по* + + дат. пад.» Как правило, оценочные названия лиц распространялись беспредложным творит. пад. в случаях их предикативного или полупредикативного функционирования:

Умный Фокс, *лисица именем, лев сердцем* (Карамз., П. р. п., Лондон, июля ... 1790); *Смелостью и мужеством витязь, ремеслом грабитель* (Карамз., И. Г. Р., XII, II); Мой Буринский, будущее светило нашей литературы, *поэт чувством, поэт взглядом* на предметы, *поэт оборотами* мыслей и выражений и *образом жизни* (Жих., Зап. совр., I, 20 дек. 1805); Я совсем *не щеголь ни одеждою, ни обращением, ни душою* (Н. Полевой, Живописец, I), Только для *детей умом и сердцем* могут иметь прелесть эти создания (Телеск., 1831, № 13).

Предложная конструкция употреблялась более свободно и не была прикреплена к предикативным структурам.

Сосед ему *по деревням* (Болот., 1, 17); *сотрудник* мой *по стихотворству* (Добрынин, Зап., XI); в кругу двух — трех *приятелей по мыслям* и *по сердцу* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, Введ.); *по чувствам братья* мы с тобой (Рыл., Посл. к А. А. Бестужеву); истинный *немец по* чистой *любви* своей *к науке, трудолюбию и умеренности* (Пушк., п. П. Плетневу, 26 марта 1831).

Процесс вытеснения беспредложных словосочетаний протекает медленно. Употребление беспредложного творит. пад. в ограничительном значении удерживается до 70—80-х годов.

Соседи колыбелями (Жуковск., п. А. П. Юшковой, 21 апр. 1841); *ремеслом носильщик* (Совр., 1847, т. II, № 4); *Богач* я стал хорошими *книгами* (Белинск., О жизни и соч. Кольцова); *происхождением мужик* (С. А. Толстая, Из тетради «Мои записки разные для справок», 14 февр. 1870); *дворянин происхождением* (Сверб., Зап., I).

Длительное сохранение присубстантивного ограничительного творит. пад. в значительной степени объясняется влиянием адъективных словосочетаний, в которых он остается широко употребительным.

[56] Ср. вытеснение приглагольного беспредложного творит. падежа в причинном значении предложными конструкциями.

Вытеснение предложных словосочетаний беспредложными

§ 35. Редкие случаи вытеснения предложных субстантивных словосочетаний беспредложными в своем большинстве представляли отражение изменений, происходивших в истории глагольных или адъективных словосочетаний [57].

Как правило, такие изменения были связаны с историей отдельных мелких лексических групп существительных или даже с историей отдельных слов.

Наиболее значительным по охвату лексического материала было изменение, состоящее в вытеснении сочетания *«от* + родит. пад.» беспредложным родит. падежом.

В начале изучаемого периода сочетание *«от* + родит. пад.» употреблялось параллельно беспредложному родительному при существительных двух семантических типов: 1) при отглагольных существительных нескольких лексических групп, как правило со значением результата (по семантическим связям к ним примыкало и некоторое количество существительных неотглагольных); 2) при словах узкой лексической группы из числа названий лиц, а именно, при существительных, называющих лицо как представителя каких-либо других лиц, коллективов, организаций (*посол, поверенный, депутат*).

В составе словосочетаний, образованных отглагольными и семантически близкими им существительными, сочетание *«от* + родит. пад.» было функционально однородно беспредложному родительному в значении субъекта действия. Распространялись сочетанием *«от* + родит. пад.» в этом значении, главным образом, названия разного рода волеизъявлений (*требование, распоряжение, приказание, зов, наставление, совет, позволение, запрещение* и т. п.), слова со значением одобрения или неодобрения (*награждение, благодарность, похвала, наказание* и т. п.) и слова, называющие проявление речи или мысли (*указ, письмо, ответ, свидетельство* и под.).

Употребление сочетания *«от* + родит. пад.» для указания на субъект действия при словах названных семантических групп в конце XVIII — начале XIX в. было широко распространено в официально-деловой речи, но не только в ней. Наиболее свободно употреблялись словосочетания, главное слово которых обозначало проявление речи или мысли.

По первому *позыву от самодержавной власти* (ПСЗ, 1785, XXII, § 16187); Письменное *от правительства свидетельство*

---

[57] О подобных изменениях в глагольных словосочетаниях см.: В. М. Филиппова. Наблюдения над развитием некоторых глагольных словосочетаний в русск. лит. языке XIX в. «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. V. М., 1962.

(Проект законов о правах войск ..., II, I); *дозволение от Медицинской Коллегии на лечение* (ПСЗ, 1784, XXII, § 15963); по *аттестатам от* их *начальств* (Там же, § 16006); во исполнение такового *от сената предписания* (Сенатский указ, генваря 13, 1789, Там же); с *похвалою от командующих* (Чулк., Пересмешн., 20); самым драгоценным *от создателя награждением* (Лукин, Щепетильн., 13); избежать *насмешек от модных господж* (Живописец, I, 20); изъявлял мне *от сената благодарность* (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 7 ноября 1790); для принятия *наставлений от государыни* (Н. И. Трубецкой, п. А. М. Кутузову, 20 февр. 1791); *представление от генерала де-Бодана* (Болот., 1, 28); *понуждение от начальников* (Там же, 44); сей *глас от* искренних *сердец* (Озеров, Эдип в Афинах, I, 1); *указ от синода* (Добрынин, Зап., XXIV).

Редким явлением, ограниченным сферой официально-деловой речи, было употребление сочетания «*от* + родит. пад.» для выражения субъекта действия при отглагольных существительных других лексических разрядов.

Без всякого *от неприятеля супротивления* (Нащокин, Зап.); в случае *злоупотребления* данной свободы *от большей части дворян* (Дневн. зап. Больш. собр., 1768—69).

Уже в первой трети XIX в. происходит значительное сокращение употребительности сочетания «*от* + родит. пад.» в значении субъекта действия [58]. При названиях действий-процессов единственной формой выражения субъекта становится в двучленных словосочетаниях беспредложный родительный (*сопротивление неприятеля*), а в трехчленных словосочетаниях, включающих родит. пад. объекта,— беспредложный творительный (*награждение солдата генералом*) [59]. Редкие уже в официально-деловой речи конца XVIII в. словосочетания с предлогом *от* при именах действий совершенно утрачиваются к началу XIX в. При отглагольных существительных со значением результата действия и семантически близких им неотглагольных существительных предложная конструкция оказывается более устойчивой; особенно долго удерживается сочетание «*от* + родит. пад.» при словах, называющих проявление речи и мысли. Однако к концу 30-х

---

[58] Ср. утрату сочетания «*от* + родит. пад.» в глагольных страдательных оборотах.

[59] Этот процесс был, однако, осложнен тем, что при некоторых лексических группах отглагольных существительных, в частности при словах, содержащих элемент качественной оценки, в книжной речи XIX в. укрепилось и распространилось выражение субъекта действия сочетанием отыменного предлога *со стороны* с родит. пад.: Такое зрелище, без сомнения, заслуживает *внимания со стороны правительства* (Пнин, Опыт о просвещении..., В чем состоять должно истинное просвещение); Пока ребенок был зверьком, *баловству со стороны Михаила Степановича* не было конца (Герц., Долг прежде всего, V).

годов и при этих существительных возобладал беспредложный родит. пад. Ср. ироническое употребление сочетания «*от* + родит. пад.» у Пушкина: доставить ему *ответ* его *друга* (или *от* его *друга*, как пишет Погодин) (п. Н. М. Языкову, 18 ноября 1831). Полного вытеснения предложной конструкции тем не менее не происходит на протяжении всего XIX в. и позднее. Возможность употребления предлога в словосочетаниях типа *ответ от друга* сохраняется в связи с тем, что сочетание «*от* + родит. пад.» в отличие от беспредложного родительного выражает отношение к лицу как к источнику, деятельностью которого произведен предмет, названный главным словом.

При названиях лиц типа *посол, поверенный, депутат* в конце XVIII — начале XIX в. для обозначения лица, коллектива, организации, которые представляет названное главным словом лицо, употреблялось преимущественно сочетание «*от* + родит. пад.».

Депутат от пехотных *солдат* (Дневн. зап. Больш. собр., 12 ноября 1768); *депутат от бухарцев* (Там же); *поверенные от купцов* (Проект законов о правах ..., XII, II); *гонцы от Девлет-Гирея* (Карамз., И. Г. Р., IX, III); *посол от принца* (Нарежн., Росс. Жилбл., 4, X).

Наряду с этим, в совершенно аналогичных контекстах, но значительно реже употреблялся и беспредложный родит. пад. Ср.:

От города Каргополя депутат (Подлинные мнения г. депутатов на проект правам благородных, № 3) и: *города Опочки депутат* (Там же, № 2).

Позже, к середине XIX в., преобладающей конструкцией становится беспредложная, хотя предложная не утрачивается и сохраняет продуктивность. Полного вытеснения сочетания «*от* + родит. пад.» и при словах этой лексической группы не происходит, так как предложная конструкция, в отличие от беспредложного родит. пад., четко выражает генетические отношения.

Итак, на протяжении XIX в. взаимодействие беспредложных и предложных субстантивных словосочетаний идет в направлении сокращения беспредложных и укрепления соотносительных им предложных словосочетаний. Отдельные явления обратного порядка (ср.: *письмо к кому-нибудь — письмо кому-нибудь*) нетипичны для эволюции субстантивных словосочетаний.

Вытеснение беспредложных конструкций (главным образом с родит. падежом) соотносительными предложными наблюдается в двух основных случаях: 1) беспредложные конструкции, не имеющие частной мотивировки, вытесняются предложными, мотивированными словообразовательными или семантическими связями существительных; 2) беспредложные конструкции, передающие отношение между предметами в общем, недифференцированном виде, вытесняются предложными, передающими определенные частные виды отношений.

В отдельных случаях (эта линия менее типична) укрепление предложной конструкции и вытеснение ею беспредложной связано с борьбой разных направлений в установлении модели распространения слова: беспредложная конструкция, мотивированная словообразовательными связями слова, уступает место предложной, мотивированной семантическими связями. Общая линия развития субстантивных словосочетаний в XIX в. такова: воздействие словообразовательных связей на модели распространения слов значительно возрастает, и вместе с тем возрастает влияние семантических связей; там, где они вступают в противоречие, чаще побеждает последнее (ср. изменения типа *отвращение от — отвращение к; доверие чему-нибудь — доверие к чему-кому-нибудь*).

ИЗМЕНЕНИЯ В СООТНОШЕНИЯХ ПРЕДЛОЖНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

§ 36. Наблюдавшиеся на протяжении XIX в. изменения в соотношении предложных субстантивных словосочетаний были многочисленны и разнообразны. Но в большинстве случаев они не характерны для истории субстантивных словосочетаний как особого типа сочетаний слов, так как были вызваны общими процессами, происходившими в системе предлогов, либо представляли собой отражение явлений, происходивших в глагольных или адъективных словосочетаниях и перенесенных в сферу субстантивных словосочетаний вследствие словообразовательных и семантических связей. В данной главе будут рассмотрены лишь такие изменения, которые специфичны именно для субстантивных предложных словосочетаний, так как наблюдаются исключительно или преимущественно в этой области, хотя, конечно, отражают общие тенденции развития предложно-падежной системы русского языка.

Для субстантивных словосочетаний были специфичны два вида, выражавшихся предлогами смысловых отношений: качественно-определительные и ограничительные.

Изменения в словосочетаниях, выражающих качественно-определительные отношения

§ 37. В области выражения качественно-определительных отношений в течение XIX в. происходит следующее изменение: из литературного языка уходят некоторые предложные словосочетания, выражающие конкретные и частные виды отношений; они вытесняются конструкцией с предлогом *с*, имеющей более отвлеченное и широкое значение. Продуктивная и ранее конструкция «*с* + творит. пад.» еще более активизируется и к концу XIX в. становится единственным выразителем качественно-определитель-

ных отношений, возникающих между названием лица или вещи (главное слово) и названием выделяемой как характерный признак детали внешности лица или части вещи (зависимое слово): *человек с усами, дом с плоской крышей, изба с тремя окнами.*

1. К концу XIX в. в нормированной речи перестают употребляться сочетания типа *человек в усах, в бороде, в косе, в темных волосах.* Такие сочетания вообще были малоупотребительны, но еще в середине XIX в. они не оценивались как нарушение нормы. Буслаев ставит их в одном ряду с широко употребительными сочетаниями типа *человек в шубе*: «Пребывание в одежде, а равно и в какой бы то ни было принадлежности внешнего вида, каковы, напр., *усы, борода*, означается предлогом *в* с предложн. падежом» [60].

Отдельные случаи употребления сочетаний типа *человек в усах* фиксируются на протяжении всего XIX в.

Землемер Шмит в усах и шпорах (Пушк., Метель); *Молдаван в усах* и бараньей шапке (Пушк., Кирджали); *женщина в волосах* с проседью (С. Акс., Детск. годы Багр.-вн., Чурасово); приезжий *господин в усах*, в серой шинели (Некр. и Станицк., Мертв. озеро, LXIV); *брюнет в бородке* (Боборык., Китай-город, 1, XXVIII); *девочка в* длинных *косах* (Там же, 4, IV).

2. В начале XIX в. для характеристики предмета по наличию у него определенного количества тех или иных деталей употреблялись три конструкции: «*о* + предл. пад.», «*в* + винит. пад.» и «*с* + творит. пад.»: *дом о трех окнах, дом в три окна, дом с тремя окнами.*

Словосочетания с винит. пад. и предлогом *в* имели более специальное значение, чем словосочетания двух других видов: в словосочетаниях с предлогом *в* и винит. пад. предмет характеризовался по наличию определенного количества таких деталей, которые определяли его размер; в связи с этим словосочетания данного типа были очень ограничены в лексическом наполнении как главной, так и зависимой части и имели характер устойчивых обозначений.

В три жилья дом (Николев, Розана и Любим, 4, авт. ремарка); *дом в четыре этажа* (Крыл., Почта духов, XXXVI); *дом в один этаж* (Карамз., П. р. п., Париж, июня ...); *квартира в три комнаты* (Жих., Зап. совр., II, 25 ноября 1806); *дом в два этажа* (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XVI). Ср.

---

[60] Ф. И. Буслаев. Ист. грам., § 251, прим. 1. Ср. аналогичное указание в грамматических заметках Новаковского: «Творительный с предлогом *с* при обозначении принадлежностей внешнего вида иногда заменяется предложным с предлогом *в*». (В. Новаковский. Некоторые выводы из анализа русской речи — ЖМНП, 1869, июль, отд. 3).

в более позднее время: *коляска в шесть лошадей* (Н. Павл., Ятаган, XII); *карета в четыре лошади* (Вельтм., Саломея, 1, V); *комнатка в два окна* (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XLIII); *домик в три окна* (Некр. и Станицк., Три стр. света, 6, VII).

В употреблении этих словосочетаний на протяжении XIX в. не происходит существенных изменений. Их существование поддерживается употреблением сочетания «*в* + винит. пад.» в значении количественного определителя при словах других лексических и грамматических разрядов (ср.: *увеличить в пять раз, сделать крюк в версту, бутылка вина в рубль).*

Словосочетания с предлогом *о* и предл. пад. и с предлогом *с* и творит. пад. имели более отвлеченное качественно-характеристическое значение и были гораздо более свободны в отношении лексического наполнения.

В начале изучаемого периода характеристика предмета по наличию определенного количества деталей чаще выражалась конструкцией «*о* + предл. пад.». Большинство грамматик XVIII и XIX вв. описывает ее значение и употребление, не делая никаких примечаний относительно других конструкций, функционально однородных ей [61].

Н. Греч, противопоставляя значение конструкций «*о* + предл. пад.» и «*с* + творит. пад.», писал: «Число частей в отношении к целому выражается следующим образом: 1) неопределенное число, принадлежность наружных частей к целому — творит. падежом с предлогом *с*, напр., *зверь с рогами, комната с окнами*; 2) определенное число наружных частей — предложн. падежом с предлогом *о*, напр., *церковь о пяти главах, дом о трех ярусах*» [62]. Сформулированная Гречем норма употребления данных конструкций неточно отражает практику литературной речи начала XIX в. В это время сочетание «*с* + творит. пад.» уже употреблялось и там, где называлось определенное количество деталей и где зависимое существительное сочеталось с числительным.

Горенка с одним окном (Карамз., П. р. п., Берлин, 30 июня 1789); *с одною мачтою судно* (С. О., 1812, ч. 2, № 12); *судно с двумя мачтами* (Марл., Мореход Никитин); *домик с пятью окошками* (Погорельск., Лафертовск. маковница).

Однако словосочетания с предлогом *о* и предл. пад. употреблялись гораздо шире. В конце XVIII — начале XIX в. они могли иметь очень разнообразное лексическое наполнение.

---

[61] См.: М. В. Ломоносов. Росс. грам., наставл. 6, § 557; В. Светов. Краткие правила по изучению языка российского. М., 1790, ч. 2, отд. VI; А. Х. Востоков. Русск. грам., стр. 296; Ф. И. Буслаев. Ист. грам., стр. 487.

[62] Н. И. Греч. Практич. русск. грам., III, гл. 1, § 332.

Старуха о трех или с половиною зубах (Чулк., Пересмешн., 9); *муж о двух женах* (Моск. Мерк., 1803, кн. 5); *вербы о двенадцати херувимчиках* (Жих., Зап. совр., II, 6 апр. 1807); *дрожки о двух колесах* (Батюшк., Прогулка по Москве); *шляпа о трех углах и о двадцати прорехах* (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, XI); *дом о двух жильях* (Добрынин, Зап., XXIII); *берлин о четырех полах* (Там же, XXXIX); *труба о четырех кранах* (Долгорук., Славны бубны за горами, LXXI); *домы об одном этаже* (Моск. телеграф, 1825, № 24).

Позднее лексическое наполнение словосочетаний с предлогом *о* и предл. пад. постепенно сужается. К середине века делаются малоупотребительными словосочетания с главным словом — названием лица или животного, хотя еще сохраняется потенциальная возможность их употребления: *верблюд об одной холке* (Даль, Жизнь человека); молодые *японцы и об одной и о двух шпагах* (Гонч., Фр. «Пал.», Русск. в Японии); *офицеры об одном эполете* (Там же, Манила, От Лю-чу до Манилы); *натура о двух сторонах, о двух безднах* (Дост., Бр. К., 12, XI. О Дм. Карамазове).

Словосочетания с главным словом — названием вещи были более устойчивы. Они широко употребляются и во второй половине XIX в.

Парадные *козлы о трех чехлах* (Герц., Кто виноват? 1, II); *избы о двух жильях* (Русск. вестн., 1857, т. VII); *хижины о трех стенках* (Гонч., Фр. «Пал.», Ликейск. о-ва); *мост об одной арке* (Там же); *дворец о трех окнах* (Дост., Зимн. заметки о летн. впечатлениях, III); *дом о семи комнатах* (Д. П. Иванов, Неск. мелочных данных для биогр. В. Белинского); *квартирка о двух комнатах* (Панаева, Воспом., 4); *лампа о трех рожках* (Помяловск., Оч. бурсы, 1); *квартира о пяти или шести комнатах* (Бусл., Мои воспом., XIX); *виола о трех струнах* (В. Е., 1890, т. III, кн. 6); *станок о четырех ножках* (Там же); *дом о двух подъездах* (Боборык., Китай-город, 4, XXV).

Вместе с тем во второй половине XIX в. активизируются словосочетания с предлогом *с* и творит. пад. К концу века они становятся значительно более распространенными, нежели словосочетания с предлогом *о* и предл. пад.

Резкое сокращение употребления, а в XX в. и полная утрата словосочетаний типа *стул о трех ножках* в значительной степени объяснялись также тем, что в составе этих словосочетаний предлог имел значение, очень далекое от основных, внутренне связанных его значений [63].

---

[63] Ср. утрату глагольных сочетаний типа *приехать о рождестве* с временным значением предлога *о*, объясняющуюся той же тенденцией к затуханию употребления предлога в значениях, не связанных с его семантическим стержнем.

Изменения в словосочетаниях, выражающих ограничительные отношения

§ 38. Более разнообразными и сложными были изменения в области выражения ограничительных отношений.

Основным средством выражения ограничительных отношений в начале изучаемого периода были словосочетания с предлогом *по* и дат. пад. и с предлогом *по части* и родит. пад. Они не были вполне синонимичны и различались как по возможному лексическому наполнению главного и зависимого компонента словосочетания, что было связано с различиями в значении предлогов, так и по сферам употребления, что определялось стилистическими различиями между исконным предлогом *по* и развившимся в деловой письменности предлогом *по части*. Предлог *по части* (в отличие от *по*) не был стилистически нейтральным словом; однако в начале XIX в. он широко употреблялся за пределами деловой речи и, по-видимому, имел лишь окраску книжности.

Наряду с предлогами *по* и *по части* при некоторых лексических группах существительных употреблялись предлоги *в* (с предл. пад.), *на* (с винит. пад.), *о* (с предл. пад.), *из* (с родит. пад.). Кроме того, для выражения ограничительных отношений могли использоваться многочисленные производные предлоги, выражавшие делиберативные отношения и отношения отвлеченного касательства: *в рассуждении, касательно, насчет, относительно, в отношении.*

Распространялись предложно-падежными сочетаниями ограничительного значения существительные четырех основных семантических разрядов: 1) названия лиц; 2) названия разного рода деятельности и занятости; 3) слова, связанные с понятиями мысли и речи; 4) слова, обозначающие состояния и качества, а также перемены в них.

В начале изучаемого периода наиболее распространенными и разнообразными были словосочетания ограничительного значения с главным словом — названием лица. В зависимости от лексического значения главного и зависимого слова, а также в зависимости от характера ограничительных отношений, в них употреблялись те или другие предложно-падежные сочетания.

Сочетанием «*по части* + родит. пад.» определялись главным образом имена лиц по должности и вообще по характеру практической деятельности. В составе таких сочетаний ярко ощущалось то значение слова *часть* («область проявления, распространения чьей-либо служебной, практической деятельности»), на основе которого возник предлог *по части* [64].

[64] См. об этом: Е. Т. Черкасова. К изучению образования русских отыменных предлогов. «Исслед. по грамматике русск. лит. языка». М., 1955.

Студенты по части естественной истории (Беллинсгаузен, Двукратные изыскания ..., 1, 1, 15 июля 1819); степень *магистра по части российского правоведения* (Моск. телеграф, 1825, № 18); *ученый по части зоологии* (Марл., Мореход Никитин); *инспектор по части русской словесности* (Никитенко, Дневн., 17 апр. 1839); *сотрудник по части смеси и политики* (Там же, 11 мая 1840); *рецензент по части палатских заседаний* (Москвит., 1841, № 2).

Словосочетания, главным компонентом которых было название лица, а зависимым — сочетание «*по* + дат. пад.», были гораздо более разнообразны по лексическому наполнению и по характеру смысловых отношений. Предлог *по* (в отличие от других предлогов, в том числе и от предлога *по части*, наиболее близкого ему семантически) мог иметь в сочетаниях типа *брат по душе, богатырь по силе и по уму* ограничительно-причинное значение [65], совершенно не свойственное предлогу *по части*.

В начале XIX в. предлог *по* в словосочетаниях с главным словом — названием лица мог употребляться также и в причинном значении.

Уроженец из Корсики — по имени Наполеон Бонапарте, по счастию и деятельности — император французов, по проворному властолюбию — покоритель Германии, Италии, Польши, Голландии, по стечению обстоятельств — увенчанный честию и славою быть зятем императора немецкого — приближался уже к границам Белоруссии, следственно и России (Добрынин, Зап., XLVI).

Такое употребление было редким.

Гораздо шире были возможности употребления предлога *по* и в области выражения собственно ограничительных отношений. Сочетание «*по* + дат. пад.» употреблялось во всех тех случаях, где при названии лица могло быть употреблено сочетание «*по части* + родит. пад.». Кроме того, предлог *по* употреблялся в некоторых специфических для него словосочетаниях, в составе которых было невозможно употребление предлога *по части*. Таким были словосочетания, в которых ограничительное указание имело характер основания для данной главным словом характеристики лица.

1. Только предлог *по* употреблялся в словосочетаниях с главным словом — названием лица по его отношению к другому лицу (*товарищ, приятель, сослуживец, сосед* и т. п.). Зависимое существительное таких словосочетаний могло быть как конкретным

---

[65] Словосочетания этого типа были функционально однородны беспредложным словосочетаниям с творит пад. (*брат душой, богатырь силой и умом*). Об их соотношении см. в главе «Изменения в соотношениях беспредложных и предложных словосочетаний».

(чаще всего со значением учреждения), так и отвлеченным (обычно со значением рода деятельности) [66].

Сотрудник мой по стихотворству (Добрынин, Зап., XL); *сослуживец мой по коллегии* (Жих., Воспом. ст. театр., I); *начальник мой по службе* (Гоголь, п. матери, 2 апр. 1830); *мой сосед по обеду* (Н. Павл. Именины); приятель его и *сослуживец по* княжей *конторе* (Даль, Жизнь человека); *товарищи по академии* (Даль, Вакх Сидоров Чайкин, XV); *один из моих товарищей по Институту* путей сообщения (А. И. Дельв., Полвека русск. жизни, 1, 4); *наш сосед по комнате* (Москвит., 1841, № 1).

2. Только предлог *по* употреблялся в словосочетаниях, образованных названиями лиц по степени родства, типа *брат по матери*.

Дед мой по отцу (Добрынин, Зап., 1); *мой брат по Музе* (А. А. Дельв., Пушкину); *по человечеству мой брат* (В. Раевск., Посл. к Комарову).

В конце XVIII — начале XIX в. в составе словосочетании с главным словом — названием лица широко употреблялся предлог *в* с предл. пад. Сочетание «*в* + предл. пад.» было преобладающей формой ограничительного указания на сферу проявления признака при словах оценочного, качественно-характеристического значения.

Знаток в модных уборах (Крыл., Почта духов, XIX); *Знаток в натуральных вещах* (Лукин, Щепетильн., 12); невинный *агнец в* любовных *хитростях* (Живописец, 25); *тиран в* своих *мнениях* (Там же, 1); *неуч в ябедах* (Капн., Ябеда, III, 5); *второй Соломон в женолюбии* (Карамз., И. Г. Р., IX); *Знаток в картинах* (Жих., Зап. совр., II, 25 дек. 1806); *искусники в моральной химии* (Добрынин, Зап., XIV); *знаток в драматическом искусстве* (И. Дм., п. Н. Сушкову, 8 июля 1823); *мастер в интригах, в хитростях, в притворстве* (Б-ка для чт., 1834, т. V, кн. 9).

Менее употребительно было сочетание «*на* + винит. пад.».

Великий *зверь на* малые *дела* (Крыл., Воспитание Льва); *искусник на женские рукоделья* (Жих., Зап. совр., II, 25 дек. 1806); удивительный *мастер на слог* (Б-ка для чт., 1834, т. V, кн. 12, отд. VI).

Предлог *по* при оценочных названиях лиц употреблялся редко, предлог *по части* в начале изучаемого периода был здесь совсем невозможен.

Лишь во второй половине XIX в. сочетание «*по части* + родит. пад.» начинает употребляться при названиях лиц качественно-

[66] Обязательным компонентом таких словосочетаний было также притяжательное местоимение или родит. пад., указывающие, по отношению к кому лицо, о котором идет речь, является тем, что обозначено главным словом (товарищем, сослуживцем, соседом и т. п.).

характеристического значения: *специалист* [т. е. «знаток»] *по части статистики* Парижа (Тург., Лит. и жит. воспом., VIII). Параллельно идет и расширение лексического наполнения зависимой части; ср., например: *специалист по части ловкости и хороших манер* (Дост., Зап. из подполья, II, III); *знаток по части клубнички* (С.-Щ., Помп. и помпадурши, IV).

Одновременно появляются при оценочных названиях лиц сочетания с предлогами *насчет, относительно*, например: *относительно* же *исполнения* служебного долга просто *лев* (С.-Щ., Пропала совесть); *насчет дам* большой *шельма* (Леск., Соборяне, 4, 7). Такие словосочетания употребляются главным образом в публицистике и художественной литературе как средство создания эффекта комического, возникающего вследствие различия в стилистической окраске оценочных существительных и предлогов. Однако самое их использование свидетельствует об изменении в характере возможного распространения слов данного разряда.

В нейтральном литературном употреблении с середины века постепенно расширяется функционирование при оценочных, характеристических названиях лиц предлога *по*; но до конца века прочно удерживается и сочетание «*в* + предл. пад.». Его поддерживает влияние семантически близких адъективных словосочетаний и словосочетаний с главным словом — отадъективным существительным (ср. *искусный в рукодельях, искусность в рукодельях, искусник в рукодельях)*. Употребление сочетания «*на* + винит. пад.» в литературном языке затухает; это сочетание сохраняет продуктивность в просторечии.

Сочетание «*в* + предл. пад.» в начале XIX в. употреблялось также при названиях лиц, не имеющих оценочного значения, главным образом, при названиях лиц по их отношению к другим лицам.

Наставники во благонравии (Карамз., И. Г. Р., II, XIV); *сотоварищ мой в резвостях* (Болот., 1, 16); *спутник в утренних прогулках* (Жих., Зап. совр., II, 9 мая 1807); *помощник в живописи* (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, IV); *товарищ в еде* (Там же, 5, XVIII); *учитель его в красноречии и поэзии* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 1); *учитель в стихотворном языке* (Пушк., п. А. Бестужеву, 24 марта 1825).

Употребление сочетания «*в* + предл. пад.» при словах этой семантической группы постепенно сокращается и к концу XIX в. совсем затухает. В словосочетаниях такого лексического наполнения в общелитературной речи широко распространяется предлог *по*.

В составе некоторых сложных наименований чинов и званий в начале изучаемого периода употреблялось сочетание «*от* + родит. пад.»:

Генералы от кавалерии (Нащокин, Зап.); *генерал от строения* (Болот.,

1, 18); *секретарь от регистратуры* (Добрынин, Зап., XXXIV); *от армии генерал* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 2, 5) [67].

На протяжении XIX в. употребление сочетания *«от* + родит. пад.» при названиях лиц в составе сложных официальных именований чинов и званий постепенно сокращается. Вместе с тем по их образцу в публицистических стилях середины XIX в. создается новый экспрессивно окрашенный тип словосочетаний с более широким и свободным лексическим наполнением сначала зависимого компонента, а позднее и главного: *генерал от поэзии, делец от литературы.*

§ 39. Из числа слов, обозначающих роды деятельности и занятости, в начале XIX в. распространялись ограничительным указанием на область деятельности, главным образом, слова с общим отвлеченным значением: *дело, занятие, упражнения, служба, обязанности, хлопоты* и т. п. При словах этого семантического круга предлог *по части* употреблялся преимущественно в тех случаях, когда выражалось ограничение, связанное с представлением о роде деятельности, например: *занятия по части русской словесности* (Пушк., Пов. Белкина, От издателя). В таких случаях мог употребляться и предлог *по,* ср.: *занятия по естественным наукам* (Совр., 1847, т. II, № 4).

Почти исключительно предлог *по* употреблялся в тех случаях, когда выражалось ограничение, связанное с представлением о конкретном предмете, направленность на который определяет объем и характер деятельности.

Дела по векселям, счетам (ПСЗ, 1784, XXII, § 15917); *хлопоты по имению* (Пушк., п. Н. Н. Пушкиной, 29 мая 1834); *занятия* мои *по шоссейным работам* (А. И. Дельв., Полвека русск. жизни, 1, 5); *дела по степи* (Белинск., О жизни и соч. Кольцова); *дела по цензурному комитету* (С. Акс., Лит. и театр. воспом., 1826).

Использование предлога *по части* в подобных случаях было чрезвычайно редким.

Ограничительное указание на связь деятельности со служебными обязанностями и долгом выражалось только в сочетаниях с предлогом *по: по должности, по обязанности, по службе.* Эти сочетания были устойчивыми.

Дела по должности (Добрынин, Зап., XLI); *должности по службе* (Моск. телеграф, 1825, № 19); *занятия по службе* (Гоголь, п. матери, 10 окт. 1830); *по должности, по службе хлопотня* (Гриб., Горе от у., I, 4).

На протяжении XIX в. значительно увеличивается употребление сочетаний *«по* + дат. пад.» и особенно *«по части* + родит. пад.» при существительных со значением конкретных действий-процессов.

---

[67] Сочетание *«от* + родит. пад.» употреблялось также в составе некоторых сложных названий учреждений: *канцелярия от строений, от крепостных дел.*

Наблюдения и опыты по части органической и особенно животной *химии* (Совр., 1847, т. I, № 2); *проектирование по части* хозяйственных *преобразований* (Б-ка для чт., 1857, CXLI, февр.); *помощь по приготовлению* [к экзамену] (Черн., Что делать? 4, XII); взаимное *соперничество по части знакомства* с вельможами (С.-Щ., Наш дружеский хлам).

К словам со значением деятельности примыкали по семантическим связям конкретные существительные, называвшие учреждения, предприятия: *комиссия, экспедиция, комитет* и т. п. При этих словах ограничительное указание на область деятельности в начале изучаемого периода могло быть выражено сочетанием «*о* + предл. пад.».

Комиссия о проекте нового Уложения (Проект законов о правах..., V, I); *Комиссия о учреждении* народных училищ (ПСЗ, 1784, XXII, § 15934); *Комиссия о строении* С.-Петербурга и Москвы (Там же, § 16197); *экспедиция о государственных доходах* (Там же, Сенатский доклад, 20 апреля 1789 г.); *комиссия о продовольствии* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 7). Ср. в более позднее время: *комиссия о пособии* разоренным жителям московским (Москвит., 1841, № 1); *комитет о тюрьмах* (Вельтм., Саломея, 2, II).

С середины века употребление таких сочетаний затухает. К концу века при словах данной лексической группы укрепляется сочетание «*по* + дат. пад.».

§ 40. При словах со значением речи или мысли предложно-падежные сочетания ограничительного значения в начале изучаемого периода семантически не были четко отделены от предложно-падежных сочетаний, выражавших делиберативные отношения. Диффузность значения ярко проявлялась у сочетания «*по части* + родит. пад.». Это сочетание при словах данной лексической группы в книжной речи употреблялось широко и разнообразно. Предлог *по части* мог сочетаться с названиями конкретных предметов и выражать не столько ограничительные, сколько делиберативные отношения: много *сочинений по части* одного *Шекспира* (Москвит., 1841, № 1); русская *книга по части* римских или греческих *древностей* (Совр., 1847, т. II, № 4). Вместе с тем в словосочетаниях другого лексического наполнения этот предлог выражал и собственно ограничительное значение.

В первой половине XIX в. преимущественно предлог *по части* употреблялся в случае, если нужно было обозначить широкую область, к которой относилось то или иное произведение мысли или слова.

Произведения по части наук и словесности (Моск. вестн., 1828, № 8); Некоторые свои *произведения по части словесности* (Моск. телеграф, 1825, № 19); *открытия по части наук, искусств и художеств* (Там же, № 20); Сколько глубоких и блистательных *творений по части политики,* точных *наук* и чистой

литературы (Пушк., Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем); *изобретения по части мануфактур* (Отеч. зап., 1839, т. V); много дельных *статей по части наук и промышленности* (Никитенко, Дневн., 10 мая 1843).

Сочетание «*по* + дат. пад.» было в данном случае менее употребительным.

Сочетание «*по* + дат. пад.» широко использовалось и было единственно возможной формой распространения слов со значением речи или мысли в тех случаях, когда ограничительное указание не касалось содержания речи или мысли, т. е. в составе словосочетаний, подобных следующим: *бумаги по коллегии* (Жих., Зап. совр., II, 24 февр. 1807); *бумаги по службе* (И. Пущин, Зап. о Пушк.); *распоряжения по департаменту, приказ по армии.*

Менее употребительным было также сочетание «*в* + предл. пад.», которое могло распространять некоторые из слов данного разряда. Устойчиво сочетание «*в* + предл. пад.» употреблялось при словах *сведения, познания, знания* и т. п.

Сведения в геометрии, астрономии, оптике, перспективе, химии и прочих (Проект законов о правах..., VII, I); *знание* свое *в крючкотворстве* (Крыл., Почта духов, XVIII); мое в *делах знание* (Фонв., Друг честных людей, Наставл. дяди своему племяннику); *сведения в арифметике* (Карамз., И. Г. Р., I, III); *сведения в* других *науках* (Рикорд, Зап.); *знания* г. Лисепса *в русском языке* (С. О., 1812, № 1); *знание в судоведении* (Добрынин, Зап., III); *сведения в музыке и архитектуре* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3). Ср. в более позднее время: *сведения в арифметике* (Совр., 1847, II, № 4); *познания в математике и литературе* (А. И. Дельв., Полвека русск. жизни, 1, 3).

В свою очередь, в значении ограничительного указания на сферу, область, к которой относится по своему содержанию то или иное создание мысли, могли употребляться в книжной речи сочетания с предлогами делибератив ного значения *в рассуждении, касательно, насчет, относительно.*

Малое *сведение в рассуждении теории искусства* (В. Е., 1802, № 6); *познания касательно мореплавания и физики* (Моск. телеграф, 1825, № 19); *труды касательно русской истории* (Там, же, № 20).

На протяжении XIX в. интенсивно развивается процесс разграничения делибератив ного и ограничительного значения и способов выражения того и другого. В связи с этим сокращается употребление в значении ограничительного указания на сферу, к которой относится названное главным словом пропзведение мысли и речи, сочетаний с предлогом *по части* и предлогами, для которых основным было делибератив ное значение. Напротив, активизируется в данной функции сочетание «*по* + дат. пад.», которое становится основным и универсальным выразителем ограничительных отношений.

Ряд существительных, главным образом названия отдельных актов школьной жизни (*урок, лекция, экзамен* и под.), в начале изучаемого периода распространялись сочетаниями «*из* + родит. пад.» или «*в* + предл. пад.»: *урок из географии — в географии, экзамен из арифметики — в арифметике*[68]. Словосочетания с предлогом *в* встречались реже; они устойчиво употреблялись главным образом при словах *урок, экзамен*[69].

Уроки в языках (В. Е., 1802, № 2); *уроки в живописи* (Нареж., Росс. Жилбл., 1, VII); *урок в математике* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 1); *уроки в русской словесности* (И. Дм., п. А. Шишкову, 22 мая 1821); *экзамен в арифметике и географии* (Изм., п. Н. А. Ш., 3 февр. 1822); не имеет полных *четырех баллов в статистике* (Никитенко, Дневн., 9 февр. 1828).

В середине XIX в. такие словосочетания постепенно исчезают. Позднее сочетание «*в* + предл. пад.» сохраняется лишь при употреблении главного слова в метафорическом значении, например: *уроки в низкопоклонничестве,* в *притворстве, хитрости* (Засодимск., Темн. силы, IV).

Словосочетания с предлогом *из* были употребительны на протяжении всего XIX в.

Урок из географии (Нарежн., Росс. Жилбл., 4, XIII); *экзамен из теоретической философии* (Никитенко, Днев., 13 янв. 1826); *лекция из философии* (Там же, 28 янв.); *чтения из географии* (Совр., 1847, т. IV, № 8); недостаточное число *баллов из поведения* (А. И. Дельв., Полвека русск. жизни, 1, 3); *экзамен из своего предмета* (Тург., Лит. и жит. воспом., III); во *время уроков из естественных наук* (Д. П. Иванов, Сообщение при чтении биогр. В. Белинского); *чтения из русской истории* (Засодимск., Хроника с. Смурина, 4, I); *уроки из грамматики или арифметики* (Плех., Рабоч. движение в 1891 г.).

Устойчивое употребление предлога *из* при словах данной группы вызывало появление сочетания «*из* + родит. пад.» и при других словах, связанных с понятиями мысли и речи; ср., например: важный *вопрос из науки, из искусства* (Н. Павл., Маскарад, II); *статьи из химии* (Доклад ген.-аудиториата по делу петрашевцев. О Момбелли). Подобные словосочетания были редки.

[68] Наряду с предложными сочетаниями при многих словах данной лексической группы употреблялся беспредложный родит. пад.: *урок географии, лекция естественной истории.*

[69] Употребительность словосочетаний типа *урок в арифметике* поддерживалась тем, что сочетание «*в* + предл. пад.», как уже отмечено, было устойчивым распространением слов *знания, познания, сведения.* Кроме того, в деловой речи оно широко употреблялось как указание на содержание разного рода бумаг: *репорт в недопущении* его пред Присутствие (ПСЗ, 1784, XXII, § 15939); *челобитье в бесчестье* (Живописец, II, 5); *исковая челобитенка в бесчестье* (Матинск., Спб. гост. двор, III, 3); *заемное письмо в пяти тысячах рублей* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 2, 6). На протяжении всего XIX в. сохранялось сочетание *отчет в чем-нибудь.*

К концу XIX в. наряду со словосочетаниями с предлогом *из* начинают широко употребляться словосочетания с предлогом *по (урок по арифметике, экзамен по географии)*, которые позднее (в XX в.) оказываются возобладавшими.

§ 41. При существительных с отвлеченным качественно-характеристическим значением, обозначающих состояния и качества, а также изменения в них, для указания на сферу проявления и распространения состояния или качества в начале изучаемого периода широко употреблялось сочетание «*в* + предл. пад.». Словосочетания с предлогом *в* не имели четкого ограничительного значения, предлог в их составе сохранял элемент пространственного значения.

Исправления в преподавании наук (ПСЗ, 1784, XXII, § 15934); *непорядки в делах* (Крыл., Почта духов, XXI); *неравенство в жалованье и производстве в чины* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 7); *усовершенствования в паровых машинах* (В. Одоевск., Русск. ночи, 3).

Наряду с этим было возможно употребление сочетания «*по* + дат. пад.», более определенно и дифференцированно выражавшего ограничительные отношения, не связанные с пространственным значением.

Упущения по должности (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, V); *беспорядки по театру* (Жих., Зап. совр., II, 2 марта 1807); *достоинства и по мыслям и по языку* (Там же, 5 мая 1807); *неприятности по откупным делам* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 9); неприятная *обуза по университету* (Гоголь, п. матери, 20 марта 1835); *невнимательность по службе* (Даль, Бедовик, I); *дельность по службе* (С. Акс., Лит. и театр. воспом., 1812); *улучшения по ткачеству* (Совр., 1847, т. II, № 4).

Употребительность таких словосочетаний на протяжении XIX в. возрастает. Во второй его половине распространяется при словах со значением состояния и качества также сочетание «*по части* + родит. пад.», причем это сочетание употребляется при более широком круге слов, чем сочетания «*по* + дат. пад.» и «*в* + предл. пад.».

Равнодушие по части теории своего родного отечественного слова (В. Половцов, Краткая летопись грамм. деятельности в Росс.); *бедность по части ... изящной словесности* (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г.); *успехи по части общежительности и дружбы* (Фет, Ранние годы моей жизни, XIII); *расцвет по части цветов удовольствия* (Гл. Усп., Вл. земли, XII); *дела* мои *по части здравия* (Чех., п. сестре, 26 ноября 1904); *недоразумения по части издательских дел* (Римск.-Корс., Летоп. моей музык. жизни, XX).

В связи с недостаточной разграниченностью между предлогами с ограничительным значением и предлогами, выражающими делиберативные отношения и отношения отвлеченного касатель-

ства, на протяжении всего XIX в. при словах данного лексического разряда в значении ограничительных указаний на сферу проявления состояния или качества употреблялись сочетания с предлогами этого семантически смежного разряда. Особенно часто в ограничительном значении использовались предлоги *относительно, в отношении к.*

Все *содержание* этого лазарета *относительно пищи, белья, опрятства и чистоты* около постелей отменную честь делает надзирателям (И. Долгорук., Славны бубны за горами, XLVIII); *перемены относительно преподавания* наук в училищах (Совр., 1847, т. IV, № 8); *недостатки в отношении к содержанию* (И. И. Давыдов, Опыт общесравнит. грам., Предисл. к 1-му изд. 1852 г.); *перемена* в Гоголе не *в отношении к наружности,* а *в отношении к его нраву* (С. Акс., Ист. моего знакомства с Гоголем); *нужды относительно белья и платья* (Д. П. Иванов, Сообщение при чтении биогр. В. Белинского).

§ 42. Таким образом, в течение XIX в. в субстантивных словосочетаниях ограничительного значения наблюдаются изменения двух родов.

Во-первых, эти словосочетания количественно увеличиваются, что связано, с одной стороны, с интенсивным ростом тех разрядов существительных, которые нуждаются в ограничительных указаниях (прежде всего, названия лиц и слова с качественным значением), а с другой стороны, с тем, что выражающие ограничительные отношения предложно-падежные сочетания начинают употребляться при новых разрядах и группах слов (ср. отмеченное выше распространение ограничительных указаний, выраженных сочетаниями с предлогами *по* и *по части* при названиях конкретных действий-процессов; сочетания «*по части* + родит. пад.» при более широком круге названий качеств и состояний).

В процессе расширения круга слов, допускающих ограничительные указания, особое значение имело наблюдавшееся в XIX в. употребление в роли ограничительных таких предлогов, которые обозначали отношения делиберативные и отвлеченного касательства. Вследствие отвлеченности значения эти предлоги обладали способностью сочетаться с очень широким кругом слов и как правило использовались в ограничительном смысле именно там, где был неприемлем предлог *по* и другие первообразные предлоги, а иногда и предлог *по части* (хотя у предлога *по части* с середины века, когда его значение делается более отвлеченным и утрачивается связь с семантикой существительного *часть,* тоже возникает тенденция выступать там, где был непривычен предлог *по*).

Грамматика ... имеет некоторые *новости в рассуждении склонений и спряжений* (И. М. Борн, Краткое руководство к росс. словесн., Предварительное известие); без должного *призрения относительно снабжения* их [арестантов] необходи-

мою одеждою (ПСЗ, 1824, XXXIX, § 29807); огромные *предприятия относительно промышленности и торговли* (В. Соллог., Тарантас, XX). *Изменения* ... языка русского *в отношении к значению и употреблению форм* (Срезн., Мысли об истории русск. яз., III); благословенная *часть* областей русских *относительно климата и качества почвы* (С. Соловьев, Ист. Росс., I, I); *ответственность касательно благосостояния* крестьян (Григорович, Переселенцы, 3, I).

Во-вторых, меняется соотношение между средствами выражения ограничительного значения. Все более активизируется сочетание «*по* + дат. пад.», становящееся к концу века универсальным выразителем ограничительных отношений при словах всех лексических разрядов, которые допускали распространение ограничительным указанием (ср. наблюдавшееся в начале XIX в. преобладание конструкции «*в* + предл. пад.» при оценочных названиях лиц, качеств и состояний). Сильно сокращается, а частично и совсем утрачивается употребление в этой функции сочетаний со всеми другими первообразными предлогами, не являвшимися специализированным средством выражения ограничительных отношений и имевшими целый ряд других значений (в отличие от предлога *по*, для которого в присубстантивном и приадъективном употреблении ограничительное значение было основным).

Вместе с тем заметно возрастает использование сочетаний с производными предлогами. Значительно расширяются лексико-грамматические рамки применения предлога *по части* (ср. развившееся к середине XIX в. употребление его при оценочных названиях лиц и словах со значением качества или состояния). К концу XIX в. в научной и публицистической речи распространяется предлог *в области*, сформировавшийся в середине века как предлог с чисто ограничительным значением при существительных всех тех лексических разрядов, которые допускают ограничительные указания на область распространения названного главным словом явления.

Абстрактное *философствование в области критики и публицистики* (Анненк., Воспом., Художник и простой человек, I); *открытия в области естественных наук* (Писарев, Пчелы, V); весьма крупное *изменение в области экономической организации* гребенного производства (Плех., Наши разногласия); *исследования в области* простейших *животных и растений* (Мечников, А. О. Ковалевский, II); *надежды в области* политических *реформ* (В. Е., 1890, т. III, кн. 5); *исследования в области* так называемых *двойных контрапунктов и канонов* (Римск.-Корс., Летоп. моей музык. жизни, XXV).

С появлением этого предлога, обладающего способностью сочетаться с почти неограниченно широким кругом слов, сокращается употребление для выражения ограничительных отноше-

ний предлогов со значением делиберативным и отвлеченного касательства.

Вследствие всех этих изменений словосочетания с ограничительными отношениями делаются более специфичными по форме и более резко отделяются от смежных структурно-семантических типов.

В характере протекавшего на протяжении XIX в. изменения соотношений внутри предложных словосочетаний с качественно-определительным и ограничительным значением были общие черты: и в той и в другой семантической сфере активизируется конструкция, которая делается универсальным выразителем данного значения; для качественно-определительных отношений такой конструкцией явилось сочетание «*с* + творит. пад.», для ограничительных — «*по* + дат. пад.».

Среди многочисленных и разнообразных изменений в субстантивных словосочетаниях на протяжении XIX в., объяснявшихся общими процессами развития синтаксической системы литературного языка, были два процесса, специфических для развития именно субстантивных конструкций:

значительно изменялось соотношение между такими моделями, которые были типичными формами распространения существительного как особого лексико-грамматического класса слов (сочетания с прилагательным и родит. падежом существительного);

интенсивно развивались модели, которые были формами распространения не всего класса существительных, а лишь их отдельных, более или менее обширных лексических или лексико-словообразовательных групп; во многих случаях эти модели становились обязательной формой распространения таких существительных, что приводило к развитию «сильного» управления в сфере существительного.

ИЗМЕНЕНИЯ В АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ

Развитие способности прилагательных распространяться зависимыми от них словами, т. е. образовывать адъективные словосочетания,— сложный и длительный процесс. Он тесно связан, пересекается и взаимодействует с другими языковыми процессами как в историческом прошлом русского языка, так и в исследуемый период.

Развитие адъективных словосочетаний тесно связывается прежде всего с развитием всей системы словосочетаний русского литературного языка и, шире, его синтаксической системы в целом. Представляя собою одну из составных частей этой системы, адъективные сочетания слов испытывали и испытывают на себе влияние других разрядов словосочетаний, в первую очередь — глагольных. Они подвергаются воздействию общих закономерностей сочетаемости слов, свойственных русскому языку (словообразовательные связи, развитие слабого управления, семантические факторы, приемы образования сочетаний усложненной структуры, способность выполнять номинативную функцию в языке и т. д.). Конечно, даже эти общие закономерности в различных разрядах словосочетаний (в частности, и в адъективных) обнаруживают в большей или меньшей мере и специфические особенности, обусловленные принадлежностью стержневого, распространяемого слова к определенной части речи.

В развитии адъективных сочетаний слов выделяются и такие явления и тенденции, которые характерны и типичны только для имени прилагательного как части речи, семантической основой которой является понятие качества. Эти явления были обусловлены спецификой распространяемого слова, его категориальными признаками и особенностями, а следовательно и теми сложными процессами, которые протекали внутри этого лексико-грамматического разряда слов и в значительной своей части продолжались и в XIX в. В истории адъективных словосочетаний этот второй круг явлений и тенденций, естественно, занимает центральное место.

Объединяясь по единому, общему для них признаку обусловленности развитием категории качества, эти явления, в свою очередь, подразделяются на две группы.

Это, во-первых, явления и закономерности, общие для адъективных словосочетаний: обусловленность развития адъективных сочетаний слов развитием категории качества; соотношение и изменения в них тех связей прилагательных, которые обусловлены синтаксической функцией распространяемого слова, т. е. связей окказиональных, с одной стороны, и связей категориальных, функцией распространяемого слова не обусловленных,— с другой; дифференциация прилагательных полных (как выразителей качеств) и кратких (как выразителей качественных состояний) в отношении их конструктивно-синтаксических возможностей.

Во-вторых, это те важнейшие явления и тенденции в развитии, которые характерны для отдельных групп адъективных словосочетаний. Являясь, таким образом, частными, они в своей совокупности дают представление об общем и весьма значительном расширении конструктивно-синтаксических возможностей качественных прилагательных [1].

РАЗВИТИЕ АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ КАЧЕСТВА

§ 1. Возможность для прилагательных (особенно кратких) сочетаться с зависимыми от них беспредложными и предложными формами существительных (или «управлять» последними) и с некоторыми разрядами наречий с различной степенью глубины отмечалась многими исследователями русского языка, начиная с М. В. Ломоносова. В трудах этих исследователей содержится много ценных наблюдений и выводов, отдельных замечаний и плодотворных мыслей, весьма важных для изучения адъективных словосочетаний. Однако характерно, что исследователи, глубоко и всесторонне изучавшие употребление существительных при глаголах и существительных (А. А. Шахматов, А. М. Пешковский и др.), в отношении имен прилагательных ограничивались констатацией возможности приадъективного употребления указанных зависимых слов, приведением примеров, подтверждающих эту возможность и, по существу, самыми общими замечаниями по этому вопросу.

К нашему времени в грамматической традиции сложился ряд положений, получивших освещение в специальных трудах, а

[1] См.: Н. Н. Прокопович. Адъективные словосочетания в совр. русск. лит. языке. Докт. дисс. М., 1955 (машинопись); Э. М. Самосюк. Сочетания прилагательного с зависимым от него существительным в совр. русск. языке. Канд. дисс. Ростов-на-Дону, 1954 (машинопись).

также воспроизводимых в учебниках. В основном они сводятся к следующему: 1) управление при именах прилагательных возникло под влиянием глагольного (и частично субстантивного); 2) краткие формы прилагательных ближе к глаголу, чем полные; они обладают большей способностью управлять существительными и даже сочетаться с наречиями, чем полные формы прилагательных; 3) возможность употребления зависимых слов при полных прилагательных ограничивается функционально — ролью их в предложении: управление рассматривается как характерное для полных прилагательных в роли так называемых обособленных определений и в роли сказуемого; 4) адъективные словосочетания рассматриваются как малоупотребительные даже в современном литературном языке.

Как будет показано ниже, эти положения требуют пересмотра. Сразу же нужно подчеркнуть их основной недостаток: отсутствие исторической перспективы и, самое главное, полное игнорирование неразрывной связи развития адъективных словосочетаний с развитием категории качества как основы имени прилагательного.

Между тем анализ адъективных словосочетаний как в XIX в., так и позднее, в наше время, легко обнаруживает тот несомненный факт, что не все разряды прилагательных способны распространяться зависимыми от них словами, т. е. образовывать словосочетания. Совершенно не отмечаются случаи сочетания с зависимыми словами прилагательных притяжательных. Крайне ограниченны, буквально уникальны, случаи употребления в сочетании с зависимыми словами относительных прилагательных, сохраняющих относительное значение, таких, как *железные с резьбой* ворота, *кружевной в кисти* рукав (хотя возможность образования некоторых моделей с такими прилагательными не исключена: *медный по краям, тульское по клейму* и др.).

Широко и свободно образуют адъективные словосочетания, по существу, лишь те прилагательные, которые принадлежат к разряду качественных или употребляются в качественном значении. Следовательно, способность распространяться зависимыми словами типична и характерна для качественных прилагательных, а развитие этой способности связано с развитием категории качества как семантической основы прилагательного.

Длительный и весьма сложный путь исторического развития прилагательного от лексико-синтаксической категории общеславянской эпохи и до морфологически оформленной современной части речи всесторонне и детально еще не изучен. Такая задача лишь поставлена [2]. Однако и то, что сделано в этой области, позволяет выделить ряд фактов и положений, исключительно важ-

---

[2] См.: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 218.

ных, необходимых для выяснения ведущих закономерностей в развитии адъективных словосочетаний в XIX в.

§ 2. Возникновение и последующее развитие в русском языке прилагательного как особой части речи было подготовлено лексико-синтаксическими процессами, протекавшими еще в эпоху общеславянской языковой общности. В результате развития в славянских языках синтаксической категории определения уже в общеславянскую эпоху в кругу имен выделяется особый разряд слов, обозначающих признаки определяемых предметов через отношение к другим предметам. Затем, «постепенно, с развитием отвлеченного мышления, признак обособляется как таковой, и мыслится отдельно. Тогда образуется качественное прилагательное, в котором образ предмета уже отсутствует. Качественное прилагательное — категория более отвлеченная, чем относительное» [3]. Следовательно, «образование лексико-синтаксической категории прилагательных», а также возникновение полных (или местоименных, членных) прилагательных «принадлежит еще общеславянскому языку, но возникновение специальной морфологической категории прилагательных происходит уже в отдельных славянских языках...» и связано с «их судьбой в дальнейшем развитии каждого языка. Так было и в русском языке» [4].

Очень важно при этом, что наряду с прилагательными, морфологически оформленными с помощью окончаний (генетически — местоимений) *-ый, -ая* и т. д., в языке сохраняются и продолжают употребляться и лишенные такого оформления неместоименные (или именные) формы. Обе формы в древнерусском языке были присущи и качественным и относительным прилагательным [5].

Уже в древнейшую эпоху в кругу качественных прилагательных (а круг этот в ходе истории неуклонно расширяется) полные и краткие формы разграничиваются и противопоставляются друг другу не только по своему морфологическому оформлению, но и по обобщающему семантическому признаку: первые обозначают качество, вторые — качественное состояние и качество.

Это противопоставление отражается и в разграничении тех и других форм по их синтаксической функции: в течение определенного исторического периода полные прилагательные выступают в предложении в чисто атрибутивной функции — в роли определения, а краткие — в роли сказуемого, а также определения, но с большим или меньшим элементом «энергичности», предикативности [6].

---

[3] См.: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 210.

[4] Там же, стр. 212.

[5] Об утрате кратких форм относительных прилагательных см.: Л. П. Якубинский. Указ. соч., стр. 218—219.

[6] См.: Е. С. Истрина. Употребление именных и местоименных форм прилагательных в Синодальном списке 1 Нвг. летописи.— ИОРЯС, т. XXIII, кн. 1, 1918; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Наконец, свойственные полным прилагательным окончания служат не только приметой рода, числа и падежа. Морфологически отграничивая полные прилагательные от кратких, они тем самым уже в древнейшую пору выступают как формальный признак складывающейся в языке категории прилагательного. Естественно, что в дальнейшем, к нашему времени, эти окончания становятся основным формальным признаком прилагательного, а следовательно, и присущего последнему категориального значения — качественности[7].

Таким образом, уже в начале того длительного пути, который в течение фиксированной письменными памятниками истории прошли прилагательные, оформляясь в современную самостоятельную часть речи, в них не только выделялись две группы форм: полные и краткие. В каждой из групп уже были заложены основные признаки, необходимые для отдельной, самостоятельной части речи (различные категориальные значения; различные основные синтаксические функции; различная морфологическая структура). Поэтому процесс становления, оформления прилагательного как части речи является в то же время процессом крайне медленного, но неуклонного, все возрастающего обособления кратких форм от полных, отрыва их от категории прилагательных и перехода в категорию состояния.

§ 3. Процесс этот, идущий из древности и полностью не завершившийся и в XIX в., естественно, не был простым, развивающимся прямолинейно. Напротив, он был и остается весьма сложным, а нередко и противоречивым. В его основе лежит отмеченное выше исконное различие в категориальном значении полных и кратких форм, и, главное, неуклонное развитие этих значений в обеих группах форм. С этим связана и лексико-семантическая дифференциация полных и кратких прилагательных; с этим связаны и изменения в синтаксическом их функционировании в строе предложения, прежде всего — такие существенные, как утрата краткими формами способности выступать в атрибутивной роли, а вместе с тем и утрата склонения, как возникновение у полных прилагательных способности функционировать в качестве сказуемого и многие другие явления; с этим, наконец, связано и развитие способности прилагательных распространяться зависимыми словами, а также изменения в соотношении этой способности у кратких и полных прилагательных.

Конечно, на развитие способности полных прилагательных иметь при себе зависимые слова («управляемые» существительные и примыкающие наречия) оказало влияние употребление пол-

[7] В. В. Виноградов. Русск. язык. М., 1938, стр. 189—190. См. также К. С. Аксаков. Сочинения филологические.— В кн.: К. С. Аксаков. Полн. собр. соч. М., 1861—1880, т. 2, ч. 1. М., 1875; его же: Опыт русской грамматики. Прибавление. М., 1860; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.

ных качественных прилагательных в роли сказуемого (см. § 11). Однако нельзя признать его единственным и решающим в развитии сочетаний полных прилагательных с зависимыми от них словами. Ведь предикативное употребление полных прилагательных само было тесно связано с развитием качественности, с древним различием в категориальном значении кратких и полных прилагательных. Показательно также, что употребление в функции сказуемого полных форм относительных прилагательных не привело к появлению при них зависимых слов. Характерно и то обстоятельство, что случаи употребления относительных прилагательных в полупредикативной функции единичны [8]. Развитие же в относительных прилагательных качественных значений (или оттенков значения), а тем более переход в разряд качественных прилагательных как правило приводит к возможности употребления их в сочетании с зависимыми словами.

§ 4. По наблюдениям исследователей, при сказуемом — полном прилагательном (качественном) еще в памятниках XVI в. не отмечается употребления зависимых слов; они появляются здесь лишь в XVII в. [9] В это время такие конструкции не принадлежали к широко употребительным: в некоторых сферах речи полные прилагательные — сказуемые представлены совершенно незначительно [10]. С другой стороны, весьма ограничен был и круг зависимых слов в таких сочетаниях [11]. Широко употребительными и довольно разнообразными по своим структурным типам словосочетания, образуемые полными прилагательными в качестве стержневого слова, становятся лишь к концу XVIII — началу XIX в.

Это очень показательно и закономерно. Идущий из глубокой древности процесс развития в прилагательном отвлеченных ка-

---

[8] При этом обычно в большей или меньшей мере отчетливо выступает качественный оттенок значения. Ср., например: Татьяна (*русская душою,* Сама не зная почему) С ее холодною красою Любила русскую зиму (Пушк., Е. О., 5, IV); Петр Великий был по преимуществу *русский человек,* русский именно в своих преобразованиях (Тург., Хорь и Калиныч).

[9] См.: Н. Ю. Шведова. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русск. лит. языке XV—XVIII вв. «Докл. и сообщ. Ин-та русск. языка АН СССР», вып. 1, 1948, стр. 110—111.— Единичные случаи распространения полных прилагательных-сказуемых отмечаются в других работах. Так, три таких примера приведены в исследовании А. А. Шумиловой «О зависимости управления при прилагательных от их лексического значения (на материале памятников XV—XVI вв.)».— Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. CXXXII, вып. 8, 1958, стр. 292, 294.

[10] См.: В. Н. Перетрухин. Синтаксис словосочетания в языке русской оригинальной сатирико-бытовой повести второй половины XVII в. Автореф. канд. дисс. М., 1958, стр. 15 и 18.

[11] См.: Р. С. Астрина. Адъективные словосочетания с детальным беспредложным в русск. языке XVII—XVIII вв. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. CXLVIII. Русский язык. Статьи и исследования, вып. 10, 1960, стр. 329 и сл

чественных значений на основе и за счет значений, опирающихся на предметные отношения, уже в XVII—XVIII вв. заметно активизируется. К самому же концу XVIII в. и на протяжении всего XIX в. он становится особенно интенсивным. При этом развитие качественности характеризуется не только быстротой, интенсивностью, но и разносторонностью. Оно проявляется и в лексико-семантических процессах, и в резком расширении круга качественных определений, и в словообразовательной системе прилагательных [12], и в расширении синтаксических функций полных качественных прилагательных, и в быстром росте адъективных словосочетаний различных структурных типов, а также их употребительности.

Уже во второй половине XVIII в. употребление зависимых падежных и предложно-падежных форм существительных, а также наречий не только при кратких формах, но и при полных прилагательных перестает быть редким. Хотя модели адъективных словосочетаний не отличаются большим разнообразием, они представлены в различных стилях литературного языка этого периода.

Мы приехали в Монпелье в *самое авантажное для него* время (Фонв., п. Ф. И. Фонвизиной, 31 дек. 1777/4 янв. 1778); [Стародум] Пойдем тотчас в армию и сделаемся *достойными звания дворянина* (Фонв., Недоросль, III, 1); Еще вас прошу, оставьте сие *не свойственное вам* искусство (Трутень, 1770, VI); А просвещенному Зрелуму и *подобным ему* разумным людям ничто удивительно быть не может (Трутень, 1769, XXXV); В самый первый день похищена я в сие *несносное для меня* и страшное жилище (Чулк., Пересмешн., 3); Мы возвели на престол, продолжал он, *весьма попечительного о подданных* государя (Там же, 2); Неслыханное также дело, *Достойное тебя* одной (Держ., Фелица); Тебе, герой, желаний муж, Не *роскошью* вельможа *славный* (Держ., Вельможа); *Чуждый надежд и мзды, чуждый* рабского *трепета,* он твердым гласом возвестит меня тебе (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть).

Самый же конец XVIII в. и весь XIX в.— это эпоха исключительно быстрого расширения в русском литературном языке круга качественных прилагательных, а вместе с тем и образуемых ими адъективных словосочетаний разнообразных моделей.

Уже в произведениях Карамзина обнаруживается большая часть тех моделей, которые представлены в языке конца XIX — начала XX в. Конечно, в отношении употребительности эти модели были далеко не одинаковы. Одни из них были почти так же употребительны, как и к началу XX в. Таковы, например,

---

[12] См. «Очерки по исторической грамматике русск. лит. языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного», М., 1964.

беспредложные сочинения с зависимым существительным в дат. пад. (*свойственный ему, милый сердцу*); сочетания с предлогом *для* и родит. пад., которые уже у Карамзина, как и вообще в ту пору, используются очень широко и «конкурируют» с названным выше дательным беспредложным (*любезные для него* и *любезные ему*); несколько уступающие по употребительности названным предложные сочетания с предлогом *в* и предл. пад. (*величественная в своем течении* река, *счастливый в своих предприятиях*); беспредложные словосочетания с творит. пад. (*славный своими фабриками*) и «конкурирующие» с ними предложные сочетания с предлогами *по* и *в* (*известный по своим фабрикам*) и др.

С другой стороны, многие модели, представленные у Карамзина немногочисленными и даже единичными примерами, только складывались в языке. На протяжении XIX в. они распространяются, становясь к концу века широко употребительными. Таковы, например, сочетания с предлогом *от* и существительным в родит. пад. (со значением причины: *оторопелый от смущения*), с предлогом *до* и тем же падежом (*до крайности говорливый*), с качественными наречиями (*величественно спокойный, тщетно предосторожный*) и др.

§ 5. На протяжении XIX в. круг прилагательных с качественным значением продолжает интенсивно расширяться. Это расширение идет по двум линиям. Круг качественных прилагательных продолжает расширяться за счет образований, в которых обозначение признака предмета через отношение к другому предмету, все ослабляясь, сменяется качественной характеристикой предмета.

Прилагательные на *-ск-ий*:

Почитал себя уже *совершенно светским* и обхождение знающим человеком (Болот., 1, 19); Это была *критическая для меня* минута (Моск. набл., 1837, авг., кн. 1); *совершенно рыцарские,* великодушные понятия (Гоголь, М. д., 1, VIII); человек *совершенно не практический* в житейском смысле (Тург., Встреча моя с Белинск.); С этого-то времени и начинается ... *бесчеловечно деспотическое* влияние Фомы Фомича на моего бедного дядю (Дост., Село Степ., 1, I); Весь этот угол дает свежему человеку чувство ... чего-то *татарского по своему неудобству* (Боборык., Китай-город, 1, XVII); Это был действительно факт *характеристический для* тогдашнего *состояния* умов (В. Е., 1890, т. IV, авг.); страстное, *глубоко поэтическое по* своей изящной, нежной *задушевности* выражение любви молодых людей Украины (Там же); Это, должно быть, такая наша *специально женская* психология (Купр., Прапорщ. армейск.).

Прилагательные других словообразовательных типов:

Он воображает меня *мертвою для* всех *чувств* добродетели! (Карамз., Юлия); Большая *очень пустынная* вилла (Моск. набл., 1837, май, кн. 1); Человек низенького роста, *чахоточ-*

ный на вид (Тург., Контора); Лицо этого бедняка было *слишком постное* (Дост., Скверн. анекдот); запевал *чересчур нецензурную* песню (Гонч., Обрыв, 2, XX); Оба по натуре *очень художественные* вообще (Стасов, Автобиогр., Училище правовед., V); Былина ... разрабатывала и сюжеты *по* своему *происхождению книжные* (В. Е., 1890, т. IV, авг.); Натура субъективная, *общественная до мозга костей* (Чех., п. А. Суворину, 18 окт. 1888); У него лицо *слишком выставочное*, так сказать, парикмахерское (Купр., Страшн. минута).

Как видно из примеров, степень качественности в отдельных прилагательных, соотношение в них качественных и предметно-относительных значений весьма различны. Различен и круг моделей, образуемых теми или иными прилагательными: у одних он широк, у других — ограничен, у третьих он только намечается, лишь потенциально заложен, хотя в исследованных материалах и не обнаружен. Сходное явление наблюдается и в развитии у таких прилагательных морфологических признаков качественности (степени сравнения, формы оценки, возможность образования наречий на *-о*, *-е* и др.). Способность распространяться зависимыми словами может возникать и не одновременно с возникновением у того или иного прилагательного качественных значений. Однако несомненно, что самое развитие этой способности неразрывно связано с развитием в прилагательном качественности.

Это хорошо прослеживается на словосочетаниях, образуемых прилагательными, которые обозначают цвет (включая цвет волос, масти животных).

Такие прилагательные, как *белый, серый, синий, желтый, черный* и т. п.; *седой, рыжий, гнедой, чалый* и др., т. е. такие, которые давно утратили элементы предметности и воспринимаются как отвлеченные обозначения качеств (цветов), свободно используются в сочетании с зависимыми словами уже в конце XVIII — начале XIX в. Их употребительность возрастает, а модели становятся разнообразнее на протяжении всего XIX в.: *очень, совершенно серый, серый в полоску, серый с искоркой, серый от пыли, серый по краям* и т. д.; *седая с чернью голова, седой от пережитого, седые у висков волосы, совершенно седой* и т. д. Вот несколько примеров:

Под печкою живут у нас два кролика: один беленький, а другой пестрый, *белое с черным* (Болот., 2, 125); [Платье] *белое с* мелкими разноцветными *полосками* (Моск. набл., 1837, авг., кн. 1); Увидели там всяких собак ... всех возможных цветов и мастей: муругих, *черных с подпалинами* (Гоголь, М. д., 1, IV); Все они были в *черных с* белыми *полосками* мантиях (Моск. набл., 1837, июль, кн. 2); Безухов — тот синий, *темносиний с красным*, и он четвероугольный (Л. Толст., В. и м., 2, 2, XIII); [рысаки] *серые в яблоках* (Тург., Лебедянь); лицо *красное от стыда* (Чех., Попрыгунья, V); Бросали камни

в *зеленый от тины* пруд (Купр., На переломе, I).

Группа прилагательных, выражающих качество по цвету, в XVIII—XIX вв. пополняется большим количеством заимствований. В широкий обиход включаются такие прилагательные, как *розовый, бордовый, оранжевый, лиловый, фиолетовый,* а позднее *шоколадный, кофейный, миндальный* и т. д. Однако первоначально и по употребительности с зависимыми словами и по разнообразию моделей эта группа значительно уступает той группе, которая была рассмотрена выше. Возможность распространения зависимыми словами постепенно возрастает и в этой группе, но все же словосочетания с указанными прилагательными в XIX в. сравнительно немногочисленны.

Встретился с белоногим рыжим Гладиатором Махотина, которого в *оранжевой с синим* попоне ... вели на гипподром (Л. Толст., А. К., 1, XXIV); мохнатое, *лиловое с черным,* одеяло (Боборык., Китай-город, 1, VI); морщинки, *розовые от* последних *лучей* солнца (Купр., Прапорщ. армейск.).

В дальнейшем, уже к концу XIX и особенно в XX в., слова этой семантической группы в целом употребляются с зависимыми словами значительно шире и свободнее.

С удивлением взглядывая на *миндальные от негодования* дашины щеки (А. Н. Толст., Сестры, III); Боже мой, совершенные опята! ... Такие *розоватые со ржавчинкой* (Федин, Необыкн. лето, 11); красавец-пойнтер, *шоколадной в* белых *крапинах* масти (Шолохов, Тихий Дон, 6, V).

§ 6. Вторым источником пополнения качественных прилагательных служит глагольное слово: качественные значения легко возникают на основе характеристики предмета по действию, как результат качественного осмысления последнего. Здесь, в свою очередь, выделяются: а) прилагательные, образованные от глагольных основ, и б) причастия, развившие качественные значения.

Развитие качественных значений, а вместе с тем и способности сочетаться с зависимыми словами легко прослеживается на группе отглагольных прилагательных с суффиксом *-тельн-*: *утомительный, привлекательный, замечательный, выразительный* и т. п. В прилагательных этого типа, сохранивших и до нашего времени известную близость к причастиям [13], исследователи отмечают далеко не единичные еще в конце XVIII — начале XIX в. случаи употребления их в действенном, процессуальном значении (напр., *замечательный* в значении «замечающий») [14].

---

[13] Близость этих прилагательных к причастиям на *-щий* отмечает В. В. Виноградов («Русск. язык», стр. 214), ссылаясь при этом на замечание А. А. Потебни («Из записок по русской грамматике», т. III, Харьков, 1899, стр. 400).

[14] См.: И. С. Ильинская. К истории словарного состава русск. лит. языка XIX в. «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. III. М., 1953, стр. 166—174.

Однако уже тогда прилагательные этой группы употреблялись и в качественных значениях; к концу же XIX в. эти значения стали господствующими. Вместе с тем неуклонно расширяется и употребление таких прилагательных в сочетании с зависимыми словами.

Выдал книгу *для иных утомительную, для других огорчительную* и не знаем к чему полезную (Моск. Мерк., 1803, ч. IV); должен невольно поражаться одним явным и *унизительным для* нашей *гордости* недостатком (Б-ка для чт., 1834, т. VI, кн. 10); Ростовы предполагали, что русская гвардия за границей есть *совершенно определительный* адрес (Л. Толст., В. и м., 1, 3, VI); Она сделала чуть заметное, но понятное для Кити, *одобрительное* ее *туалету и красоте* движение головой (Л. Толст., А. К., 1, XXII); Самое *мучительное для* кавалерийской *лошади* — это затянутое ее положение под тяжелым вьюком (Фет, Мои воспом., I, I); чтобы не продолжать этой жизни, позорной для нее и *оскорбительной для Лаевского* (Чех., Дуэль, XII).

И в этой группе прилагательных развитие качественных значений сочетается с развитием способности прилагательных образовать адъективные словосочетания. При этом характерно, что в ряде случаев самое распространение прилагательного по определенной модели служит показателем наличия качественного значения. Форма зависимого слова (*для* с родит. пад., или дат. без предложным) резко отличает в этих случаях прилагательные от соотносительных, близких по смыслу причастий, при которых зависимые слова в указанной форме исключены. Ср., например, *унизительный для него* и *унижающий его, привлекательный для меня* и *привлекающий меня, одобрительный ее туалету* и *одобряющий ее туалет* и т. д. [15]

К рассмотренным прилагательным примыкает довольно большая группа отглагольных прилагательных на *-мый* (большей частью в сочетании с приставкой *не*) [16], в которых совершенно отчетливо выступают не процессуальные, а чисто качественные значения и которые широко и свободно образуют сочетания с зависимыми от них словами.

Хранят внутри себя... тайну, может быт, *недосягаемую для человека в сей жизни* (В. Одоевск., Русск. ночи, предисл. к изд. 1844 г.); Сколько препятствий *для меня неодолимых!* (Пушк., Ист. с. Г.); Каждая женщина... подвергается игу враждебного наблюдения, *столь же неумолимого для прелестей, как и недо-*

[15] В прилагательных с суффиксом *-тельн-*, употребляемых в пассивном значении, нет указанной соотносительности и модели сочетаний иные.

[16] Эти «адъективированные или полуадъективированные образования» по замечанию акад. Обнорского, «ошибочно было бы считать собственно причастиями от подходящих отправных глаголов» (С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 200).

статков (Б-ка для чт., 1834, т. VI, кн. 10); Казалось, весь ум ее сосредоточивался на желании сказать мужу самое обидное, *самое невыносимое для любящего* (Фет, Мои воспом., I, XIV); Отвечал я с *нетерпимым для него* спокойствием (Дост., Игрок, VI).

§ 7. Идущее из древности развитие качественных значений в причастиях привело к тому, что уже в начале XIX в. представлено большое количество отпричастных образований, утративших глагольность, перешедших в прилагательные и употребляемых в сочетании с зависимыми словами. Таковы, например: *согбенный* (зодчие, *согбенные над чертежом.* Радищев), *надменный* (*надменный в сношениях* с людьми самого высшего звания. Пушкин), *незабвенный* (ты, *незабвенная* и *в* дикой *пустыне.* Жуковский), *откровенный, сокровенный, обыкновенный* и др.

С конца XVIII в. процесс окачествления причастий усиливается и в XIX в. становится весьма интенсивным. Наряду с уже отмеченным повышением роли категории качества в грамматической системе русского языка этому содействовало то, что причастия из категории стилистически ограниченной, реализуемой в высоком стиле, становятся достоянием общелитературного языка и получают в нем довольно широкое распространение [17].

На протяжении XIX в. (и позднее — в наше время) в систему прилагательных широким потоком вливаются образования с качественным значением, возникающие как омонимы при многих действительных и страдательных причастиях. Число их велико, и можно привести длиннейшие перечни таких омонимов — прилагательных и причастий, например: *блестящий, вызывающий, знающий, умоляющий* и т. п.; *разбитый, избитый, образованный, рассеянный, смущенный, сосредоточенный* и т. п. Такие отпричастные прилагательные неуклонно вовлекаются в систему адъективных словосочетаний, получая способность образовать типичные для последних модели. Однако развитие способности распространяться зависимыми словами у таких прилагательных, неуклонно развиваясь, все же несколько отстает от процесса адъективации причастий. Это объясняется тем, что зависимые слова, особенно существительные с предлогами и без предлогов, а среди них прежде всего существительные в винит. пад. прямого объекта (при образованиях с суффиксами *-ущ-*, *-ющ-*, *-ащ-*, *-ящ-*) и творительный действующего лица или орудия (при образованиях с суффиксами *-нн-*, *-т-*) обостряют глагольность причастия, его процессуальность. Поэтому употребление такого образования в адъективных словосочетаниях становится возможным при максимальном развитии в нем качественности. Иногда первоначально при отпричастных качественных прилагательных употребляются главным образом наречия (и, в первую очередь, наречия степени), которые

[17] См. работы В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, И. С. Ильинской и др.

невозможны при соответствующем соотносительном причастии. Ср., например, с одной стороны: *очень образованный человек* и с другой стороны: *изгиб, образованный рекой в этом месте,* где невозможно употребление наречия *очень*.

Губернатор наш был... во всех делах *несравненно более знающ* (Болот., 2, 87); Женитьба была *не блестящая в отношении родства, богатства и знатности* (Л. Толст., В. и м., 2, 3, XXIII); Начал он *совершенно умоляющим* голосом (Дост., Игрок, VII); Помогай вам бог на все доброе и достойное вас и ваших благородных и *благомыслящих родине* друзей (Леск., п. С. А. Юрьеву, 18 дек. 1870); Впечатление от Листовой игры было *решительно подавляющее* (Стасов, Автобиогр., Училище правовед., VII).

Отлично образованный по тогдашнему времени,... Волчков вступил в военную службу (Жих., Зап. совр., II, 3 марта 1807); Говорят... *разбитым от волненья* голосом (Тург., Тат. Бор. и ее племянник); Видный был собою человек и *чрезвычайно образованный* (Дост., Дядюшк. сон, VIII); Отец, вздохнув и *очевидно смущенный,* весьма скоро прервал свою речь (Л. Толст., В. и м., 2, 4, XIII); Отчаянная храбрость, *преданная до самоотвержения* (Тург., Лит. и жит. воспом., X); ребенок, умный и *развитой не по летам* (С. Ковалевская, Воспом. детства, 3, В. Е., 1890, т. IV, июль); Она, *вся потрясенная,* усталая... откинулась на спинку стула (Купр., Страшн. минута).

§ 8. Развитие качественности, расширение круга качественных прилагательных было поддержано влиянием западноевропейских языков, главным образом французского, с его развитой и гибкой системой выражения качественных характеристик. Это проявилось прежде всего в непосредственных заимствованиях прилагательных, в образовании их от нерусских основ (например, в названиях цветов: *бежевый* — франц. *beige*; *кремовый* — франц. *crème* «сливки», «крем»; *оранжевый* — франц. *orange* «апельсин») и в кальках (*трогательный* — франц. *touchant*; *влиятельный* — франц. *influent*), в расширении употребительности причастных образований в качественном значении (*рассеянный* — франц. *distrait, dissipé*; *утонченный* — франц. *raffiné; сосредоточенный; расположенный* и др. [18]). Влияние французского синтаксиса, видимо, сказалось на построении некоторых типов словосочетаний, на распространении предложных конструкций (см. ниже о расширении употребительности в XIX в. моделей с предлогами *для, в* и др.) [19].

---

[18] См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русск. лит. языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 162—165, 244—248.

[19] Любопытны в этом плане колебания Карамзина в выборе конструкций. В одном из его стихотворений сочетание *чистый в сердце* (Моск. журнал, 1792) позднее (Собр. соч. 1803 г.) заменено сочетанием *чистый сердцем* (см.: В. В. Виноградов. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева. «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. I, 1949, стр. 252).

Итак: многовековый процесс оформления прилагательного в самостоятельную часть речи характеризуется прежде всего развитием категории качества как его семантической основы. В ходе истории она получает грамматическое оформление — морфологические и синтаксические признаки. Одним из таких признаков становится способность распространяться зависимыми словами, присущая только качественным прилагательным.

Адъективные словосочетания получают широкое распространение в русском литературном языке исторически поздно, по существу в XVIII в., т. е. именно в эпоху, характеризующуюся значительной активизацией процесса развития качественности.

Этот процесс становится особенно интенсивным в XIX в.: в системе прилагательных быстро растут качественные образования, развиваются качественные значения в прилагательных относительных (и даже в притяжательных). В систему прилагательных устремляется поток причастных образований, в которых развиваются качественные значения и слабнут значения процессуальные, глагольные. В результате растет численность и употребительность адъективных словосочетаний, расширяется круг прилагательных, способных их образовывать, становятся все разнообразнее самые модели сочетаний.

Быстрое развитие адъективных словосочетаний в XIX в. явилось результатом неуклонного роста категории качества. Конечно, значительное влияние на это развитие оказывали и другие факторы, как общие, так и специфичные для прилагательного. Среди последних большое значение имели изменения в области синтаксического функционирования полных качественных прилагательных, что в свою очередь тесно связано с развитием категории качества.

ИЗМЕНЕНИЯ В СООТНОШЕНИИ МОДЕЛЕЙ, ФУНКЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ И НЕОБУСЛОВЛЕННЫХ (КАТЕГОРИАЛЬНЫХ)

§ 9. Как уже отмечалось (см. § 4), способность распространяться зависимыми словами у полных прилагательных развивается исторически поздно. Напротив, кратким прилагательным она присуща с древнейшей поры.

Вопрос об историческом развитии конструктивно-синтаксических свойств кратких и полных форм прилагательного не привлекал достаточного внимания историков русского языка. В тех трудах, в которых освещается развитие различных типов именного сказуемого в русском языке или проводится анализ их в отдельных памятниках (Буслаев, Потебня, Истрина, Карский, Петерсон, Обнорский, Борковский и др.), возникновение у прилагательного способности распространяться зависимыми словами специально не прослеживается. За исключением работы Н. Ю. Шведовой (см. § 4), этот вопрос не занял надлежащего места и в исследованиях, по-

священных истории синтаксического функционирования кратких и полных прилагательных [20], а также в тех обобщающих трудах, в которых затрагивается вопрос о синтаксических функциях прилагательного [21]. Однако отдельные наблюдения, замечания и особенно собранный в этих трудах фактический материал с несомненностью свидетельствуют об исторически очень раннем употреблении в русском языке зависимых существительных при кратких прилагательных, выступающих именно в функции сказуемого.

Приамос *телом высок — чист бровма,* Ектор — *силен крепостию* (Повесть о взятии Трои, Иоанн Экз. Болг.); *милостив убогым* (Лавр. летоп.); бе же Мьстислав *дебел телом, чермен лицем* (Лавр. летоп.); *телом* бяше *красен... тонък в чреслах... весел лицем* (Сказ. о Борисе и Гл.); *жадни веселиа* (Сл. о полку Иг.); *противен богу* и сеи *правде* (Смол. грам. 1229 г.); *волен в нем* князь великий, и *в его жене* и *в его детех* (Моск. грамота 1341 г.); *по своем животе волен* (Рязанск. грамота 1356 г.); и мы тому *ради* вашему *здоровью* (Полоцк. грамота 1475 г.) [22].

Об употребительности зависимых существительных при кратких прилагательных — сказуемых дают представление данные, приведенные В. И. Борковским в его «Синтаксисе древнерусских грамот». Рассматривая сказуемое, выраженное прилагательным без связки, он отмечает, что в этих конструкциях прилагательное «всегда употреблялось в именной форме», и приводит 21 пример (из 50 встреченных); среди этих примеров: 12 с зависимым существительным, 2 с зависимым инфинитивом и остальные 7 без пояснительных слов.

Таким образом, первоначально способность распространяться зависимыми словами была присуща только кратким формам; она отражала дифференциацию прилагательных по синтаксической функции в предложении: зависимые слова при кратких формах — сказуемых, отсутствие зависимых слов при полных формах — определениях. Возникшая в дальнейшем у полных прилагательных способность функционировать в качестве сказуемого нарушила это соотношение.

Нельзя не подчеркнуть глубокого различия между сочетаниями прилагательного (первоначально краткого) в древнерусском языке и адъективными сочетаниями слов в языке XVIII—XIX вв.

---

[20] См.: J. Fontenoy. De l'adjectif attribut au nominatif avec la copule *быть*. Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer. Paris, 1925; G. Gunnarsson. Recherches syntaxiques sur la décadence de l'adjectif nominal dans les langues slaves et particulièrement dans le russe. Stockholm — Paris, 1931.

[21] См., например: В. Unbegaun. La langue russe au XVI-e siècle (1500—1550). Paris, 1935, chap. VI; Л. П. Якубинский. Указ. соч.; П. Я. Черных. Историческая грамматика русск. языка. М., 1952.

[22] Примеры заимствованы из работ Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, М. Н. Петерсона и В. И. Борковского.

(как, конечно, и в современном). В древнерусском языке та или иная зависимая форма существительного включается в предложение как бы «сама по себе» [23] и сочетается не с качественным прилагательным как таковым, а с прилагательным, выступающим в определенной синтаксической функции — в функции сказуемого. Сочетаемость прилагательного с зависимыми словами при этом, естественно, не является общей для всех его форм.

Мы не располагаем данными о том периоде истории языка, когда возникает употребление прилагательных с зависимыми словами в полупредикативной функции [24]. Как показывают наблюдения, в XVIII в. полупредикативные полные качественные прилагательные с зависимым словом уже не только не единичны, но встречаются даже чаще, чем предикативные, точнее — выступающие в функции сказуемого.

Историческое развитие адъективных словосочетаний протекает, следовательно, в сложных условиях. Возникшая в строе предложения в определенной синтаксической функции и только у кратких форм прилагательных способность сочетаться с зависимыми словами в ходе истории распространяется и на полные формы и становится исторически сложившимся синтаксическим свойством качественных прилагательных. Вместе с тем появившиеся в строе предложения грамматические соединения прилагательных с зависимыми от них словами стабилизуются в языке, превращаясь в модели (структурные типы), характеризующиеся определенным оформлением и определенными обобщенными отношениями между именем прилагательным и сочетающимся с ним, распространяющим его зависимым словом (определительные, объектные, причинные и другие отношения).

Таким образом, историческое развитие адъективных словосочетаний, обусловленное ростом и укреплением категории качества, протекало в тесной связи и взаимодействии с развитием структуры предложения, с той функцией, которую в нем выполняет при-

---

[23] В этом плане большой интерес представляют наблюдения над историческим развитием другого разряда словосочетаний и в другом языке. Рассматривая развитие «групп имени существительного» в немецком языке, В. Г. Адмони подчеркивает различие «между конкретной грамматической структурой группы существительного в древнем и в современном немецком языке». При этом, по его наблюдениям, группа существительного в ходе исторического развития немецкого языка стабилизируется, все больше используясь в качестве целостной конструкции: «Члены группы существительного все более и более явственно включаются в предложение как бы не «сами по себе», а через посредство всей группы» (В. Г. Адмони. Структура группы существительного в немецком языке. «Уч. зап. 1 Ленинградского гос. пед. ин-та иностр. языков». Новая серия, вып. 1, 1954, стр. 101—104).

[24] О прилагательных в полупредикативной функции см.: А. Е. Бескровный. Полупредикативность как переходная ступень в развитии предикативности полной формы прилагательного. «Труды Краснодарского гос. пед. ин-та», 1938, т. VII, вып. 1. См. «Очерки по исторической грамматике русск. лит. языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», М., 1964.

лагательное. Предложение было — и остается в наше время — колыбелью, в которой рождаются и выкристаллизовываются различные словосочетания, в частности адъективные.

В связи с этим возникает деление моделей словосочетаний на обусловленные функцией стержневого слова в предложении и не обусловленные этой функцией, т. е. присущие всем формам прилагательного, образующего сочетание, такие, которые иначе можно назвать категориальными. Соотношение этих групп моделей в различные периоды истории языка оказывается различным.

§ 10. Развитие категории качественности в прилагательных уже в XVIII в. (особенно во второй его половине) привело к значительному росту адъективных словосочетаний и расширению их употребительности (см. выше, § 4). В этот период уже можно говорить о сложившейся в основном системе адъективных словосочетаний, т. е. о наличии в русском литературном языке значительного числа моделей, образующихся не только краткими, но и полными формами, отмечающихся в различных синтаксических функциях и, следовательно, ставших уже не эпизодическими, окказиональными, а категориальными. В этом легко убеждает обращение к произведениям различных стилей и жанров второй половины XVIII в.

Недра ее все *богатства полные* (Кант., Письма о прир. и чел., 3); Сия истина *не весьма новая* (Фонв., Друг честн. людей, Разговор у кн. Халдиной); Собрание *было весьма многолюдное* (Фонв., п. родным, 20 ноября/1 дек. 1777); слушав сей прекрасный и *для меня новый* инструмент (Фонв., п. родным, 16 окт. 1784); сделалась *ласковою до самой низости* (Фонв., Недоросль, 1, 2); Приуготовляя себя к вышним степеням, приуготовляйте и добродетели *нужные сему состоянию* (Трутень, 1770, I); Вот до какой глупости отцы, *подобные моему,* детей своих доводят! (Там же, VI); Язык его был *очень поворотлив,* и разум *довольно вертлявый* (Чулк., Пересмешн., 7); Случай, не токмо деревенским, но и многим и городским *жителям непонятный,* начали крестьяне... толковать различным образом (Там же); *С простым* ты *был простой* (Васильев, Дневн., 18 мая 1774); Посмотри на детей крестьян, *тебе подвластных* (Радищ., Путеш., Пешки); Зверский обычай порабощать *себе подобного* человека... простерся на лице земли (Там же, Хотилов); становится *послушен велениям* себе подобного (Там же, Зайцово); Приобрел *я лестное для меня* название человеколюбивого начальника (Там же); Царей они *подвластны воле,* Но *богу правосудны* боле (Держ., Фелица); Приди от дел попрохладиться, Поесть, попить, повеселиться Без *вредных здравию* приправ (Держ., Приглаш. к обеду).

Таким образом, в этот период уже многие модели оказываются присущими не только кратким, но и полным прилагательным и могут функционировать в предложении в различной роли:

и в составе сказуемого, и в качестве определения, и в полупредикативной функции (так называемые обособленные определения). Соответственно могут возникать «цепочки» (конечно, различной длины) такого типа как: картина *приятна для глаз* (или *была, будет приятна для глаз*); картина *была приятная для глаз*; *приятная для глаз* картина; картина, *приятная для глаз,* висела на стене; картина *оказалась весьма приятной для глаз* и т. д.

Правда, модели словосочетаний, способных образовать такие «цепочки», в XVIII в. еще не отличались большим разнообразием в структурном отношении. Это главным образом сочетания прилагательных с наречиями (особенно наречиями степени), с беспредложными существительными в родит. пад. (*полный тревоги, чужбый лени*), творит. пад. (*красивая лицом, славный своими фабриками*), дат. пад. (*приятный хозяйке, приличный молодому человеку*), с существительными в родит. пад. с предлогом *для* (*приятный для хозяйки)* и др.

Различной была и степень употребительности таких моделей в разных функциях в предложении. Сравнительно широко использовались они в полупредикативной функции (у́же — в роли так называемых обособленных определений), а также в функции чисто атрибутивной. В функции же предикативной в составе сказуемого (особенно со связкой *будет* и с нулевой связкой) преобладали не только в этот период, но и позднее, в начале XIX в., краткие формы [25].

Итак, уже в XVIII в. совершенно определенно, хотя и с отмеченными ограничениями, обнаруживается несомненная тенденция к развитию категориальных моделей адъективных словосочетаний за счет моделей, обусловленных функцией стержневого слова в предложении. Эта тенденция в дальнейшем превращается в интенсивный процесс, который проходит, все нарастая (особенно с 40—50-х годов), через весь XIX в.

Однако протекал этот процесс весьма своеобразно: это был, с одной стороны, процесс все более свободного употребления в различных синтаксических функциях моделей, образуемых полными прилагательными; с другой стороны,— процесс интеграции конструктивно-синтаксических свойств, точнее — способности распространяться зависимыми словами, у полных и кратких форм. Последний встречает на своем пути, как увидим ниже, могучее противодействие, связанное с нарастающим обособлением кратких и полных прилагательных.

§ 11. Расширение сферы синтаксического функционирования в кругу моделей, образуемых полными формами прилагательных, протекало неравномерно, с различной степенью интенсивности.

Рост употребительности различных моделей адъективных сло-

[25] См. «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», М., 1964.

восочетаний в предикативной функции тесно связан с ростом общей способности полного прилагательного выступать в роли сказуемого, с изменением соотношения в этой области между полными и краткими формами [26].

В первой половине XIX в., до 40—50-х годов, употребление адъективных словосочетаний в составе сказуемого с нулевой связкой и со связкой *буду* (*будет* и т. д.) было весьма незначительным и стилистически ограниченным. Несколько свободнее и шире употреблялись такие модели позднее, во второй половине века, но и в это время их нельзя считать распространенными в литературном языке.

Погрешность *весьма обыкновенная иностранным писателям* (Болот., 1, 35); Именье устроенное и *отличное во всех отношениях* (Жих., Зап. совр., I, 25 июня 1806); Здесь, на чужой стороне, все *для меня чужое* (Жуковск., Марьина роща [Слова Услада]); Из трех сочинений, Годвиново... бесспорно *самое занимательное по множеству... исторических подробностей* (Б-ка для чт., 1834, т. VI, кн. 10); *С рожи* она *престрашная* (Леск., Воительница, 5); Черта очень *тонкая* и *характерная* для времени, хотя она и брошена автором вскользь (Анненк., Воспом., Художник и простой человек, II); Она *всегда строгая. Строга* и *с людьми* и *с утками* (Чех., п. А. Суворину, 18 окт. 1888).

Значительно шире представлены адъективные словосочетания в составе сказуемого со связкой *был*. С 40—50-х годов такое употребление возрастает, и к концу века такие конструкции становятся довольно распространенными. Разнообразнее становятся и представленные здесь структурные типы сочетаний. Характерен при этом рост употребления творит. падежа прилагательных за счет именительного.

Полки сии *были* хотя славные и *для многих лестные*, но мне и слышать о том не хотелось (Болот., 1, 33); Голос *был подобный во всем человеческому* (Там же, 23); Он *был* слепой, *совершенно слепой от природы* (Лерм., Тамань); Она *вся была мокрая от духоты* в дедушкиной горнице (С. Акс., Детск. годы Багр.-вн., Багрово зимой); Он *был* не блондин, а *бледный лицом* (Гонч., Обрыв, 2, XIV); Достоинство и мастерство употребления этих снарядов *было равное здесь и там* (Анненк., Воспом., Художник и простой человек, II); Мы были все точно *опьянелые от восторга и изумления* (Стасов, Автобиогр., Училище правовед., VII); *Неугодными этому съезду бывали* весьма часто полезные земские деятели (В. Е., 1890, т. IV, авг.); Эта мысль *была мучительной для Нехлюдова* (Л. Толст., Воскрес., 1, IV); Третий акт *был роковым для Костромского* (Купр., Полубог, V).

---

[26] См. «Очерки по исторической грамматике русск. лит. языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения».

Представленные уже в начале XIX в. предикативные конструкции с глаголами бытия и пребывания в состоянии (*бывать, стать, казаться* и т. п.) и полными прилагательными с зависимыми словами такого типа как *казался неприступным со всех сторон, остался ему чужим, становились для него опасными* и т. п. к концу столетия становятся широко употребительными и наиболее продуктивными в группе собственно предикативных адъективных сочетаний.

Оно в самом деле *показалось* ей *отменно приятным* (Карамз., Бедн. Лиза); Он *казался со всех сторон неприступным* (Карамз., О-в Борнгольм); *Сделался* он чрез то *во всей российской армии известным* (Болот., 2, 84); Проворный француз *сделался почти необходимым Глебову* (Жих., Зап. совр., I, 30 июля 1806); Странное для тебя *кажется для нас весьма естественным* (Жуковск., Три пояса); Память его *казалась священною для Маши* (Пушк., Метель); Вормерский [округ] надолго *останется неспособным к земледелию* (Моск. телеграф, 1825, № 14); Дуэль у них *считалась позволительною только с врагами общества* (Моск. набл., 1837, июнь, кн. 1); Выписанная из Москвы молотильная машина *оказалась негодною по своей тяжести* (Тург., Отцы и дети, XXII); Она *почувствовала себя* покинутою княжной Марьей и *одинокою в своем горе* (Л. Толст., В. и м., 4, 4, I); Боюсь я немножко, как бы она *не оказалась слабою в поиске* (Фет, Мои воспом., I, X); Он *почел* это *слишком низким* (Дост., Скверн. анекдот); Величина [церкви] *казалась решительно громадною от слабого освещения* (Писемск., Тыс. душ, 1, IX); Самое понятие о пределе *показалось мне давно знакомым* (С. Ковалевская, Воспом. детства, V, В. Е., 1890, т. IV, июль); *считал необходимым обращаться с лошадью сурово* (Купр., Молох, III).

Рост употребительности адъективных словосочетаний в собственно предикативной функции протекал неравномерно и менее интенсивно, чем в других синтаксических функциях (см. ниже, § 13). Это приводило соответственно к сокращению звеньев в «цепочках» (или рядах) синтаксических функций, в которых употребляется та или иная модель, но, конечно, не могло остановить ни процесс превращения моделей функционально обусловленных в модели категориальные, ни процесс распространения категориальных моделей. Напротив, в XIX в. с несомненностью вырисовывается тенденция к все более широкому внедрению моделей адъективных словосочетаний в область предикативных отношений; на это указывает рост употребления полных прилагательных с зависимыми словами в составе сказуемых с *был* и другими связками (*казаться, делаться* и др.).

В этом плане весьма показательно все большее распространение таких предикативных конструкций, в которых в качестве присвязочного элемента выступает сочетание прилагательного с сущест-

вительным «ослабленного лексического значения» (*человек, женщина, мужчина, вещь, предмет, дело* и др.) [27], типа: «Он *человек полезный для общества*». В единичных случаях отмечаемые уже в конце XVIII — начале XIX в., такие конструкции в дальнейшем становятся более употребительными.

Он *человек умный во всем смысле слова* (Пушк., п. А. А. Дельвигу, 23 марта 1821); Эта сторона его особы хотя и была *предметом весьма любопытным для наблюдений,* но... (Дост., Село Степ., 1, II); Это был *человек весьма собою некрасивый,* толстый (Тург., Лит. и жит. воспом., III); Это была *женщина далеко недюжинная* и *по-своему образованная* (Анненк., Воспом., Молодость И. С. Тургенева, II); Незнакомец... *оказался человеком* лет тридцати, *некрасивым собой и ничем не замечательным* (Чех., Степь, VI); Это *был очень высокий* и *необыкновенно сильный мужчина,* молчаливый, всегда сумрачный, *жестокий с людьми и животными* (Купр., Лолли).

Наконец, распространению категориальных моделей адъективных словосочетаний несомненно способствовал неуклонный рост сказуемостного употребления полных прилагательных вообще, распространение при этом творительного предикативного и устранение во второй половине века стилистических ограничений в употреблении полных прилагательных в функции сказуемого.

§ 12. Развитию и укреплению категориальных моделей адъективных словосочетаний способствовал интенсивный рост на протяжении всего XIX в. (и особенно во второй его половине) таких построений, в которых прилагательное с зависимыми словами несет в себе элемент предикативных отношений, в различных конструкциях выступающих с разной степенью отчетливости и обычно переплетающихся с другими отношениями, в частности атрибутивными [28].

Собственно предикативными являются конструкции с знаменательными глаголами, прежде всего глаголами «вещественного движения и пребывания в состоянии», такие, как *приехал злой на всех, вернулась бледная от усталости* и т. п.

Облака... *взбираются* по ребрам утесов *подобные стадам горских овнов* (Марл., Кавказ. оч., II, Б-ка для чт., 1834, т. VI, кн. 10); Она *обернулась* ко мне *бледная как мрамор* (Лерм., Кн. Мери, 27 июня); Иван Данилыч *приехал* в сельцо Пересветово *чрезмерно гневный, не на шутку грозный* (Славутинск., Жизнь и похожд. Триф. Аф., XI); День *стоял* удивительный — и уже точно *не доступный ни перу, ни кисти* (Тург., Лит. и жит. воспом., IV); Аркадий *стоял* перед ним *полный тоскливого и мучительного ожидания* (Дост., Слабое сердце);

---

[27] См.: «Грамматика русск. языка», т. II, ч. 1. Изд-во АН СССР. М., 1960, стр. 419.

[28] В круг таких построений входят и генетически связанные с древнерусским вторым винительным.

Чаю с булкой кушаешь до бесконечности; жаркого и каши тоже, а *встанешь* из-за стола опять *весь до бесконечности пустой* (Леск., Соборяне, 1, 15); Луна *взошла сильно-багровая* и хмурая, точно больная (Чех., Степь, VII); День *выдался очень удачный для торжества* (Купр., Молох, VII).

Сюда же нужно отнести конструкции: «винт. пад. имени + прилагательное в творит. пад.», в некоторых случаях вытеснившие старые конструкции с двойным винительным, употребление которых свидетельствуется еще в конце XVIII — начале XIX в. (навещаю ее, *нахожу одну, печальную по-прежнему.* Жуковск., Марьина роща) [29].

Я... *нашел* его *от старости слабым* (Болот., 2, 106); *сделало* вас *чуждым климату* и образу жизни... (Пушк., А. П. В., II); о тех блистательных качествах..., которые *делали его столь драгоценным для откупных дел* (Славутинск., Читальщица, III); Она теперь *увидела* ее *совершенно новою* и *неожиданною для себя* (Л. Толст., А. К., 1. XXII); Прискорбный случай... *сделал* меня *в ее глазах смешным* (Купр., Прапорщ. армейск.).

К рассматриваемой группе примыкают сочетания прилагательных с зависимыми словами при глаголе *быть,* который в свою очередь может сочетаться с существительными, с фразеологическими сочетаниями «глагол + существительное» или употребляться самостоятельно.

Дав клятву быть верными совести, садятся на свои кресла (Карамз., Н. р. п.); скучное состояние праздных..., которых девиз — *быть приятным без пользы,* а иногда и со вредом других (Жуковск., Писатель в об-ве); Меня «уговорило» только *желание быть полезным России* (Стасов, Автобиогр., Училище правовед.).

Наконец, к этой же группе можно отнести и сочетания прилагательных с зависимыми словами при причастиях и деепричастиях в составе соответствующих конструкций.

Снискал чрез то знакомство с помянутым г. Пассеком, *бывшим до того мне незнакомым* (Болот., 1, 73); *почитая себя слишком слабым для удержания* оной, собирался тогда отступать далее назад за Инстербург (Там же, 41); замедлят нашествие до осенних дождей, всегда *бывших пагубными войскам* (Совр., 1844, т. XXXIII); Только графиня Елена Васильевна, *сочтя для себя унизительным* общество каких-то Бергов, могла иметь жестокость отказаться от такого приглашения (Л. Толст., В. и м., 2, 3, XX); Много моих тезисов, *казавшихся в свое время неосновательными и противными опыту...*, оправдались (Фет, Мои воспом., I. I); Общее впечатление довершала длинная грива... волос, *делавшая* эту характерную, гордую голову *похожей*

[29] См.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 332—333.

на львиную (Купр., Тапёр); У нее было нежное, матовое лицо темной шатенки..., большие глаза, *казавшиеся* вечером *совсем черными благодаря расширившимся зрачкам* (Купр., Страшн. минута).

§ 13. Наиболее широко и свободно адъективные словосочетания, образуемые полными формами, употребляются в функции полупредикативной (по Шахматову — атрибутивно-предикативной), иначе — в роли так называемого обособленного определения, а также в функции чисто атрибутивной, т. е. в роли обычного определения, лишенного элементов предикативности.

Модели таких сочетаний в полупредикативной функции широко представлены уже во второй половине XVIII в.

В первой половине XIX в. в связи с интенсивным развитием категории качества, общим ростом числа моделей, образуемых полными прилагательными и резким повышением их употребительности, быстро и неуклонно расширяется их употребление и в полупредикативной функции.

В отличие от моделей, употреблявшихся в собственно предикативной функции, модели с обособленными полными прилагательными не были ограничены ни стилистически, ни синтаксически.

Я говорил с философом, *всему свету известным...*, а он говорил с *...неизвестным ему* человеком (Карамз., П. р. п., Женева, дек. 1, 1789); Прошло еще две недели — *самые печальные для бедной Марии* (Жуковск., Марьина роща); Я это заключаю, право, не из какой-либо мизантропии, *в мои лета непростительной* (Жих., Зап. совр., I, 13 апр. 1805); На память сынам Оставлю я броню... И меч мой, *ужасный далеким странам* (Языков, Песня короля Регнера); Настала ночь, *ужасная для жителей!* (Пушк., Ист. Пугач., 7); Германн думал, что денщик его, *пьяный по своему обыкновению,* возвращался с ночной прогулки (Пушк., Пиков. дама, V); сослался на два произведения *замечательные* и *по достоинству поэтическому* (Моск. телеграф, 1825, № 13); — Сейчас,— сказал Круциферский, *полумертвый от страха и стыда* (Герц., Кто виноват? 1, IV).

Неуклонное и нарастающее расширение употребительности рассматриваемых адъективных словосочетаний характерно и для второй половины столетия.

Чтобы на месте рассмотреть все обстоятельства, *важные для войны* (Совр., 1844, т. XXXIII); Готовит их к опыту по намекам, *непонятным для наивных натур* (Гонч., Обрыв, 3, IV); Выскочил Крак, *весь черный от вонючей болотной тины* (Л. Толст., А. К., 6, X); Описание старого флигеля..., *верное в тоне,* весьма преувеличено пером романиста (Фет, Мои воспом., I, IX); Между ними уже мелькнула тень взаимного искреннего сближения людей, *родственных по духу* и *по задачам жизни* (В. Е., 1890, т. IV, авг.); *Бледный* и истомленный *от нескольких бессонных ночей,* капитан точно прирос к мости-

ку (Станюк., Вокр. света на «Корш.», 1, 4, III); У старых лип и берез, *белых от инея,* добродушное выражение (Чех., Дама с собачкой, III); *Красный от удовольствия* и улыбающийся, он сидел за своим зеленым столом (Чех., Драма на охоте, I); Ее платье, *белое от лунного света,* ушло в тень (А. Н. Толст., Хром. барин, Катя, I).

К концу XIX в. употребление в полупредикативной функции самых разнообразных моделей, образуемых полными прилагательными, становится массовым. Наряду с чисто атрибутивной полупредикативная функция выступает как основная и типичная для полных качественных прилагательных.

Некоторые исследователи склонны рассматривать полупредикативное употребление полных прилагательных как промежуточный этап в развитии у этих прилагательных способности выступать в собственно предикативной функции [30]. В свете сказанного выше с этим трудно согласиться.

Весьма характерно и то, что другие исследователи связывают самую способность полных прилагательных управлять существительными с употреблением прилагательного в строго определенной, ограниченной синтаксической функции. Так, И. С. Ильинская считает, что «те прилагательные, которые имеют сильное управление при полной форме, не являются простым определением существительного, а составляют так называемое обособление, отличающееся некоторой долей предикативности» [31].

Использование полных прилагательных с зависимыми словами в функции обособленного определения сыграло и играет большую роль в развитии конструктивно-синтаксических возможностей полных форм и в сближении их в этом отношении с краткими. Бесспорно также, что адъективные словосочетания с полными прилагательными в строе предложения на протяжении всего XIX в. (да и в наше время) очень широко употребляются в качестве обособленного определения. Однако совершенно бесспорно и то, что в тот же период достаточно широко такие словосочетания в строе предложения выступают и в функции чисто атрибутивной, т. е. в роли обычного, необособленного определения. В этом легко убеждает обращение к фактам языка. Уже во второй половине XVIII в. далеко не единичны случаи употребления адъективных словосочетаний в чисто атрибутивной функции (см. выше, § 4). В первые десятилетия XIX в. такое употребление расширяется, становится обычным.

Верхом... въедет в четвертый этаж одного дома... к *славной в то время* прелестницеТанюше (Жих., Зап. совр., I, 9 мая 1806); Отправился в *известное ему* увеселительное заведение Пушк., Дубр., XI); Старался в домашнем быту сохранить обычай *любезной ему* старины (Пушк., А. П. В. IV); Шум песен и говор голосов... заглушали *любопытный для меня* разговор (Лерм., Бэла).

[30] См.: А. Е. Бескровный. Указ. соч.

[31] И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики. «Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та», вып. 1, 1941, стр. 85.

В дальнейшем, опять-таки в связи с интенсивным развитием категории качества и общим ростом и все большим разнообразием моделей, образуемых полными прилагательными, использование последних в чисто атрибутивной функции становится очень широким. Такие модели широко представлены в различных сферах речи как в XIX, так и в XX в. Их употребление не ограничивается какими-либо синтаксическими условиями. Любое качественное прилагательное с зависимыми словами может функционировать в строе предложения в роли обычного, необособленного определения. Если полные качественные прилагательные в предикативной и полупредикативной функции могли иметь «конкурента» — соответствующую модель, образуемую краткой формой, то в функции чисто атрибутивной они исторически очень давно стали единственно возможными. Вот примеры из огромного количества таких моделей, представленных в русской литературе второй половины XIX в.

Какое-то странное, *непонятное ему* самому чувство овладело им (Гоголь, М. д., 1, VII); Запевал *чересчур нецензурную* песню или вдруг принимался за *неудобную для их стыдливости* мимику (Гонч., Обрыв, 2, XX); За супом явилось *спасительное в помещичьих хозяйствах* блюдо (Фет, Мои воспом., I, IX); Желала воротиться в *противное ей* Багрово (С. Акс., Детск. годы Багр.-вн., Летн. поездка в Чурасово); Отложил до завтра какое-то *нужное по хозяйству* дело (Там же, Перв. весна в деревне); Из кожи лезли, чтобы нагромоздить это *ни к чему не пригодное и жалкое по своему безвкусию* подобие дворца (М.-Сиб., Прив. мил., 2, XII); [Знакомство с Петербургом] не могло не отразиться на всем складе нравственной личности *по природе крайне впечатлительного* юноши (В. Е., 1890, т. IV, июль); Столкновения происходили из таких *непонятных по ничтожности* причин, что... (Л. Толст., А. К., 5, XIV); Нехлюдов надеялся, что семья, дети дадут смысл его *теперь бессодержательной* жизни (Л. Толст., Воскрес., 1, IV); облизывая свои *соленые от купанья* губы (Чех., Дуэль, V); Катя протянула ему *теплую еще от сна* руку (А. Н. Толст., Хром. барин, Донос, III).

§ 14. Таким образом, к концу XIX в. для подавляющего большинства моделей словосочетаний, образуемых полными прилагательными, характерна способность выступать в строе предложения в различных синтаксических функциях (хотя и с некоторыми ограничениями; см. § 11); точнее сказать, для них характерно отсутствие обусловленности той или иной модели функцией главного слова в предложении: подавляющее большинство моделей к этому времени стали уже категориальными, свойственными качественному прилагательному как части речи.

Лишь отдельные модели словосочетаний, образуемых полными прилагательными, сохраняют — полностью или частично —

функциональную обусловленность. Такова, например, модель словосочетания «полное прилагательное + зависимый от него инфинитив». Одни прилагательные (например, *готовый, склонный, способный, достойный*) образуют словосочетания по этой модели независимо от функции стержневого слова в предложении: новгородцы, *готовые умереть за вольность*, тайно желали... (Карамз., Марфа Посадн., 3); *нашел* его *готового пуститься в дорогу* (Пушк., К. д., XII). Другие (например, *нужный, необходимый, возможный)* образуют словосочетания по этой модели только в строго определенной функции: Я *почел бесполезным ложиться* в постель (Моск. набл., 1837, авг.); *считаю*, однако, *нужным сообщить* (Тург., Лит. и жит. воспом., Вместо вступл.); Высшим по положению русским людям *казалось... стыдным драться* дубиной (Л. Толст., В. и м., 4, 3, I); Менее четверти хозяев *находят возможным арендовать* землю (В. Е., 1890, т. IV, июнь). (Ср. невозможность сочетания прилагательных *нужный, необходимый* и под. с инфинитивом в чисто атрибутивной и др. функциях, вне связи с глаголом в составе трехчленного сказуемого).

К функционально ограниченным относится модель: «полное качественное прилагательное + существительное в родит. пад. с предлогом *у*, указывающее на принадлежность признака, обозначенного прилагательным». Такие модели в XIX в. представлены в составе сказуемого, например: — Да,— проворчал Маркелов: — люди *у вас здесь бесцеремонные* (Тург., Новь, 1, XX); Место *у него было довольно комфортное* (Дост., Сквери. анекдот); Глаза *у него коричневые,* большие, смелые и ясные (Леск., Соборяне, 1, 1); Выражение *у него приятное,* доброе (Чех., п. О. Л. Книпер, 6 ноября 1901).

Итак, господство категориальных моделей в кругу словосочетаний, образуемых полными прилагательными, не исключает сохранения и некоторого числа моделей, остающихся функционально обусловленными. Тем более не исключается, конечно, и возможность возникновения в строе предложения новых употреблений полных прилагательных в определенных синтаксических условиях, в определенной синтаксической функции: предложение было и остается «колыбелью», в которой возникают новые структурные типы словосочетаний [32].

§ 15. Более сложным оказывается процесс унификации конструктивно-синтаксических возможностей кратких и полных форм. Несомненным представляется исторически более раннее появление зависимых слов — особенно существительных — при кратких формах (см. § 9). Однако языковые факты свидетельствуют о том, что и на протяжении XIX в. происходит унификация типов словосочетаний, образуемых краткими и полными формами. При этом в целом ряде случаев, особенно в начале века, та или иная модель

[32] См.: «Грам. русск. языка», т. II, ч. 1, Изд-во АН СССР, § 21, стр. 44.

первоначально отмечается как образуемая только краткими формами или преимущественно встречается с краткими формами в роли стержневого слова; позднее она становится в одинаковой мере свойственной как кратким, так и полным формам. Таковы, например, словосочетания с зависимым существительным в родит. над. с предлогом *от* в причинном значении (*мокрые от слез глаза*, *злой от усталости*; ср. *мокры от слез, зол от усталости*). В самом начале XIX в. у Карамзина, Болотова и других писателей в качестве стержневого слова здесь встречается почти исключительно краткая форма (например, в «Письмах русского путешественника» Карамзина: они бывают *несчастливы от счастья; бедны от праздности)*. Но уже в начале XIX в. отмечаются отдельные случаи употребления в такой модели полных прилагательных (например, у Пушкина в «Арапе Петра Великого»: в сопровождении хозяина, *оторопелого от радости)*. На протяжении XIX в. употребление полных прилагательных в такой модели неуклонно возрастает, а к концу XIX — началу XX в. это — одна из наиболее употребительных моделей именно в кругу сочетаний, образуемых полными прилагательными.

Подобное явление отмечается и в развитии моделей с зависимым существительным в винит. над. с предлогом *на* в ограничительном значении. Первоначально они встречаются главным образом с краткой формой в роли стержневого слова: *тяжел на подъем*, *слаб на язык*, *нечист на руку*, *скор на расправу* и т. д.[33] К концу XIX в. эти модели легко образуют и полные прилагательные: *тяжелый на подъем, слабый на язык, нечистый на руку* и т. п. В некоторых случаях краткие формы оказываются и к концу XIX в. господствующими в определенной модели: таковы, например, модели с зависимым инфинитивом.

Отметим попутно, что сказанным, видимо, объясняется и упорно сохраняющееся в грамматической традиции с начала XIX в. и совершенно не соответствующее живому употреблению утверждение, будто бы управление свойственно почти исключительно кратким формам прилагательных.

В XIX в. со всей очевидностью обнаруживается, что процесс интеграции конструктивно-синтаксических возможностей кратких и полных форм наталкивается на более общий и более мощный процесс обособления кратких форм от категории прилагательного, медленно, но неуклонно проявляющийся в области и лексико-семантической, и стилистической, и в морфологии. В плане конструктивно-синтаксических возможностей это проявляется в столкновении процесса интеграции с прямо противоположным процессом дифференциации конструктивно-синтаксических возможностей полных и кратких форм. Это обусловливает необходимость

---

[33] См.: А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1831, стр. 310.

раздельного рассмотрения взаимодействия этих противоположных процессов.

Итак, на протяжении XIX в. интенсивно протекает процесс превращения эпизодических, окказиональных моделей адъективных словосочетаний в модели категориальные [34], присущие имени прилагательному как части речи и в соответствии с морфологическими свойствами последнего обладающие формами словоизменения.

К концу столетия такие модели, образуемые полными качественными прилагательными независимо от функции последнего в строе предложения, становятся господствующими в системе адъективных словосочетаний. К этому времени некоторые ограничения в синтаксическом функционировании отмечаются лишь в нескольких случаях: по существу, они касаются двух возможных употреблений адъективных сочетаний — в сказуемом со связкой *будет* и в сказуемом без связки.

На протяжении XIX в. обнаруживается совершенно очевидная тенденция к унификации многих моделей, к возможности образования их как краткими, так и полными формами. Однако установление причин и закономерностей этого, а равно и взаимодействия с прямо противоположными тенденциями, требует обращения к сложному процессу обособления кратких форм от категории имени прилагательного.

РАЗВИТИЕ КОНСТРУКТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПОЛНЫХ И КРАТКИХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 16. Развитие адъективных словосочетаний протекало в очень сложных условиях столкновения и взаимодействия двух прямо противоположных тенденций или процессов. С одной стороны, это отмеченная в предшествующей главе тенденция к интеграции конструктивно-синтаксических возможностей кратких и полных форм прилагательных. С другой — прямо противоположная тенденция к дифференциации этих возможностей, тенденция, отражающая более широкий и неуклонный процесс дифференциации полных форм как выразителей качества и кратких — как выразителей качественного состояния. Процесс этот, идущий из древности, продолжается и в XIX в.; при этом очевидно обнаруживает-

---

[34] Этот термин может быть употреблен и в другом значении. Категориальными могут быть названы также и модели, свойственные только имени прилагательному в отличие от других частей речи, но возможные при качественных прилагательных лишь в определенной форме (сравнительной и превосходной степени). Такова, например, модель: *самый приятный из друзей* и др. (ср. *самый приятный для меня*).

ся стремление кратких форм обособиться от категории имени прилагательного [35].

Процесс дифференциации кратких и полных форм прежде всего и наиболее ярко проявляется в их лексико-семантическом обособлении. В целом ряде случаев нарушается семантическая соотносительность полных и кратких форм: в последних могут отсутствовать многие из значений, присущих соответствующим полным формам, и, напротив, развиваться такие значения, которые не отмечаются у полных; при этом семантическое расхождение этих форм «идет, несомненно, по пути обогащения значений полных форм и ограничения значений форм кратких [36]. Такого рода расхождения в значениях кратких и полных форм наблюдаются в целом ряде случаев и в XIX в., что в свою очередь способствует нарушению параллелизма в отношении конструктивно-синтаксических возможностей этих форм (см. ниже, § 20).

Совершенно отчетливо и исторически уже давно полные и краткие формы обособляются друг от друга в морфологическом отношении (утрата изменения по падежам, нарастающие ограничения в образовании родовых форм и т. д.). Неуклонно, все нарастая, происходит разграничение кратких и полных форм и в области синтаксиса. Однако здесь дело обстоит значительно сложнее.

Прежде всего характерная в историческом прошлом дифференциация кратких и полных форм по функции в предложении (первые сказуемые, вторые определения) была нарушена в связи с неуклонным развитием способности полных прилагательных выступать в функции предиката,— способности, достигшей к концу

[35] В русской грамматической традиции издавна и единодушно отмечается двойственность грамматической структуры кратких форм. На этом основании одни ученые отделяют их от прилагательных, сближая с глаголом и рассматривая в качестве особой группы в системе последнего (А. Х. Востоков) или склоняясь к выделению кратких форм в самостоятельную грамматическую категорию (А. А. Шахматов); другие (А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов) «оставляют» краткие формы в системе прилагательного, придавая большее значение тем признакам кратких форм, которые у них являются общими с полными. Весьма показательны колебания А. М. Пешковского, который усматривал в кратких формах «совершенно новый способ выражать человеческую мысль», иначе говоря — новую грамматическую категорию. Л. В. Щерба, отмечая, что «значение категории прилагательных в русском языке — конечно, качество», склонялся к отнесению кратких форм к словам категории состояния (см.: Л. В. Щерба. О частях речи в русск. языке.— В кн.: Л. В. Щерба. Избр. работы. М., 1957, стр. 70, 74—75). В. В. Виноградов, отмечая несомненную тенденцию кратких форм к отрыву от категории прилагательного, рассматривает это как длительный и сложный процесс, связанный с грамматическими особенностями кратких форм и ярко проявляющийся в их семантическом и функционально-стилистическом обособлении от полных форм, как процесс, достигший различной степени своего развития и в различных группах форм, и в различных стилистических условиях (В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 265—270).

[36] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 265; Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в совр. русск. языке. «Уч. зап. МГУ», вып. 150. Русск. язык, 1952, стр. 74.

XIX в. очень высокой ступени. Это, однако, не привело к укреплению соотносительности полных и кратких форм, не способствовало смягчению общей тенденции последних к отрыву от категории имени прилагательного. С другой стороны, как известно, одним из важнейших, если не самым важным фактором, сдерживающим издревле заложенное в кратких и полных формах стремление к обособлению друг от друга, является возможность выступать в единой, общей для них синтаксической функции обособленного (полупредикативного) определения. Именно эта общность в синтаксической функции поддерживает несомненно угасающую соотносительность полных и кратких форм, удерживая последние в границах грамматической категории имени прилагательного [37]. Между тем, и в этой области на протяжении всего XIX в. происходят весьма значительные изменения.

§ 17. Мы не располагаем данными о том, когда возникает полупредикативное функционирование прилагательных. Несомненно, однако, что уже в XVIII в. и особенно во второй его половине в полупредикативной функции используются и краткие и полные формы, причем как те, так и другие могут выступать в этой функции и без зависимых слов и в сочетании с последними, т. е. в форме адъективных словосочетаний [38]. При этом полные прилагательные в рассматриваемой функции уже в этот период не только не являются уникальными, но, напротив, они, наряду с краткими формами, встречаются часто, представлены в языке того времени достаточно широко. Уже в эту пору отмечаются некоторые особенности в употреблении полупредикативных полных и кратких форм. Краткие формы и образуемые ими модели свободно используются и шире представлены в поэтической речи.

Подобен бурному приливу шумных вод, Стекается уже и наш, и их народ (Хераск., Россияда, 11); Узря Венеру, резвы волны Текут за ней, *весельем полны* (Богд., Душенька, 1); Не он ли есть зерцало чести? Не он ли образец судей? *Премудр и глух ко гласу лести,* Не просит похвалы ничьей (Держ., Похвала за правосудие); О Песнопевец! один ты способен Петь и под шумом сердитых валов, Как и при нас,— *себе лишь подобен* — Языком богов! (И. Дм., К Г. Р. Державину).

Напротив, в прозаических произведениях, в публицистике и других сферах речи во второй половине XVIII в. краткие формы в роли полупредикативного (обособленного) определения встречаются значительно реже. В некоторых произведениях они представлены, в других не встречены совершенно (например, в «Трутне» И. П. Новикова). Вот несколько примеров:

Строг для самого себя, имел он кроткое человеколюбие, столь свойственное слабости нашей (Фонв., Сл. похв. Марку

[37] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык. стр. 269—270.

[38] См.: «Очерки по исторической грамматике русск. лит. языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения».

Аврелию, Беседа Марка Аврелия с самим собою); Но смерть была Сократу торжеством и славою. *Невинен в своем сердце,* он бесстрашно простирал к ней руки свои. *Невинен в своем сердце,* он не хотел прибегнуть к силе красноречия для своего оправдания (Карамз., Афинск., жизнь).

В отличие от кратких, полные формы и образуемые ими модели словосочетаний в роли предикативного (обособленного) определения значительно чаще употребляются именно не в поэтической, а в прозаической речи.

И я в первый раз в жизни увидел зрелище, *для глаз несколько страшное* (Фонв., п. сестре, 11(22) сент., 1784); Но, государь мой, почто укрываете вы свое имя; имя, *всеобщия достойное похвалы* (Живописец, 1775, 1); Но не мог я без внутреннего страстей волнения слушать частой брани, *ни природе, ниже тогдашнему моему состоянию приличной* (Эмин, Письма Эрнеста и Доравры, I, 1); Когда находила на них задумчивость, *столь обыкновенная семнадцатилетнему женскому возрасту,* то... (Крыл., Каиб); Мы уже слышали стихи и комедии... г. Клушина, *известного публике как по сей комедии, так и по другим своим сочинениям* (Крыл., Рец. на комедию А. Клушина «Алхимист»); По истреблении мужественных граждан останутся и будут подвластны тебе робкие души, *рабства иго восприяти готовые* (Радищ., Путеш., Хотилов).

Употребление полных прилагательных в полупредикативной функции отмечается в XVIII в. и в поэтической речи, но сравнительно редко. Примеры весьма немногочисленны.

Подобное воде сквозь тонко покрывало, Неизреченныя красы лицо сияло (Хераск., Россияда, 11); Увидя ж Душеньку от страха еле живу, Оставил свой восторг и страх ее пресек, сказав ей с тихостью, *приличною Зефиру,* Что он несет ее к блаженнейшему миру (Богд., Душенька, 2).

Таким образом, уже во второй половине XVIII в. достаточно отчетливо обнаруживается тенденция к разграничению полупредикативных полных и кратких форм в функционально-стилистическом плане, или, точнее, тенденция резко ограничить сферу использования в языке кратких форм и образуемых ими моделей. Примерно к 40-м годам XIX в. эта тенденция становится нормой; краткие формы и образуемые ими модели словосочетаний оказываются вытесненными из прозаической речи. Здесь в кругу полупредикативных конструкций устанавливается безусловное господство полных форм, и особенно — распространенных зависимыми от них словами. Примеров такого рода в произведениях этого времени множество.

И графиня, *чуть живая,* вошла и опустилась в вольтеровы кресла (Пушк., Пиков. дама, III); *Бессильные на борьбу,* князья уступали (Н. Полевой, Ист. русск. народа, 5, II); И мысли мои, *всегда ленивые,* не бродят из узкого моего круга

(Жуковск., п. А. Тургеневу, 2/14 сент. 1828); *Никакой крамоле, никакому злу не причастный,* он виноват за чужие вины (Лажечн., Басурман, Пролог); *Полный жизни,* ты в символах передавал нам будущую судьбу человечества (В. Одоевск., Русск. ночи, 2); *Смешные для многих,* для нас они представляют печальное зрелище (Б-ка для чт., 1834, т. VI, кн. 10); *Так же точный в своем странствии, как земля в кругообращении,* он являлся в определенное время в тех же самых местах (Моск. набл., 1837, июль, кн. 1).

Краткие формы и образуемые ими словосочетания в этой функции в прозаических жанрах представлены крайне немногочисленными примерами.

Она взошла вся в белом, *ослепительно прекрасна* (Герц., Б. и д., 3, XXIII); Он не слишком дивился молчанию Стрелинского и *очень покоен сердцем* приехал в столицу (Марл., Испытание) [39].

Очень показательно, что во многих произведениях, в которых представлены полупредикативные полные формы, краткие формы в этой же функции отсутствуют. Они не встречены в таких произведениях Пушкина как «Арап Петра Великого», «Повести Белкина», их нет в «Истории села Горюхина» и др.; нами не отмечены эти формы у Болотова, Жихарева и др. Возможно, конечно, что употребление кратких форм в такой синтаксической роли может быть обнаружено в других источниках или в позднейших произведениях XIX и даже XX в. [40] Это не меняет положения: краткие формы в роли полупредикативного (обособленного) члена предложения уже в первые десятилетия XIX в. не характерны ни для языка художественной прозы, ни для других сфер прозаической речи.

Дольше удерживаются краткие формы в составе деепричастных конструкций с формами *будучи* (реже *быв*).

Будучи старику нашему очень дружен, видался с ним всех прочих чаще (Болот., 2, 119); *Будучи молод и вспыльчив,* я негодовал на малодушие и низость смотрителя (Пушк., Станц. смотритель); Всего хуже было то, что я, *будучи вспыльчив от природы,* сердился за насмешки (С. Акс., Детск. годы Багр.-вн., Зима в Уфе).

Однако и в этих конструкциях краткие формы явно вытесняются полными. С другой стороны, такие конструкции в целом вступают в активные соотношения со словосочетаниями, образуемыми полными прилагательными и употребляемыми в предложении в роли полупредикативного (обособленного) члена, ср.: *будучи недоволен его поступком — будучи недовольным его поступком* и *недовольный его поступком, я...* В ряду таких параллельных конструкций сильным и наиболее употребительным членом уже во второй половине XIX в. была третья конструкция.

---

[39] Подробнее об этом см.: «Очерки по исторической грамматике русск. лит. языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения».

[40] См., например, в «Петре Первом» А. Н. Толстого: Другой человек, *косматый, гол и страшен,* являлся народу, держа в руке три кочерги (2, 2, VIII), где, впрочем, употребление кратких прилагательных можно объяснить стилизацией.

Сферой использования полупредикативных кратких форм была поэтическая речь. В первой половине XIX в. они представлены здесь весьма широко и разнообразно.

Сын брани мигом ношу в прах С могучих плеч свергает И, *бодр,* на молнийных крылах В мир лучший улетает (Жуковск., Певец во стане русск. воинов); И, *верным счастием богат,* Я все забыл, товарищ милый (Пушк., Русл. и Людм., 5); В пышном, гетманском уборе, Кто сей муж, *суров лицом,* С ярким пламенем во взоре, Ниц упал перед Петром? (Рыл., Петр Великий в Острогожске); Когда, *крылат мечтою дивной сей,* Мой быстрый дух родную Русь объемлет (Шевырев, Посл. к А. С. Пушкину); В те дни — *светла, как житель рая, Сильна, как мысли божества, Свежа, как роза молодая, Как песня вольности жива,* Любовь свободно покоряла Все силы сердца моего (Языков, Эпилог).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, во-первых, употребление полупредикативных кратких форм в поэтической речи в начале XIX в. возрастает по сравнению с предшествующим столетием, что, очевидно, связано с общим распространением качественных определений (см. стр. 227); во-вторых, в этот период довольно широко представлены такие краткие формы, которые распространены зависимыми от них словами, т. е. образуют словосочетания.

В то же время активное распространение в разных сферах языка полных прилагательных в функции полупредикативных определений сказалось и в сфере поэтической речи: у поэтов первой трети XIX в. они далеко не редки.

Угрюмый, страшных мыслей полный, Он пробегал очами волны (Жуковск., Эпимесид); Евгений, тяжбы ненавидя, *Довольный жребием своим,* Наследство предоставил им (Пушк., Е. О., I, LI); *Усталый, жаждою томимый,* С лица стирая кровь и пот, Гарун меж скал аул родимый При лунном свете узнает (Лерм., Беглец); Един с Британских вод, другой с Альпийских гор, Друг другу подают чудотворящи длани; *Земного чуждые,* возносят к небу взор, В огне божественных мечтаний! (Тютч., Урания).

С 40—50-х годов XIX в. полупредикативные полные прилагательные, а, следовательно, образуемые ими словосочетания получают еще более широкое распространение в стихотворной речи, что приводит, естественно, к известному снижению употребительности кратких форм. Полные формы представлены как в стихотворной повести и романе, так и в других жанрах поэтической речи.

На горизонте — все черней Фигуры, *словно вырезные.* В степи пасущихся коней (А. Майк., В степях. Рассвет); Летела стрелой, *Полная счастья,* с горы ледяной (Некр., Саша, 2); Восторг, *похожий на испуг,* Уже захватывает дух (Полонск.,

И. С. Тургеневу): Привстал, и в гневе, *весь багровый,* Озирает опомевший мир (Полонск., Казимир Великий, 3); Кто истине, *верный призванью,* Себя безвозвратно обрек (Плещ., Ответ); А я, *попрежнему смиренный, Забытый,* кинутый в тени Стою коленопреклоненный (Фет, Полонскому).

Широко распространенными в поэтической речи остаются полупредикативные полные прилагательные и позднее, в самом конце XIX — начале XX в. Они часто встречаются у В. Брюсова, А. Блока.

Таким образом, к началу XX в. полупредикативные (обособленные) полные прилагательные не только широко употребляются в языке, но и являются нейтральными в функционально-стилистическом отношении. Употребительность кратких форм в этой же синтаксической роли, напротив, значительно снижается, а сфера их использования ограничивается рамками поэтической речи: они превращаются в специфическое средство стихотворного синтаксиса.

§ 18. Изменение в соотношении полных и кратких форм в полупредикативной функции приводит ко все большему нарушению параллелизма между этими формами. Характерно при этом, что на протяжении XIX в. (особенно во второй половине) несколько изменяется соотношение полных и кратких форм, распространенных зависимыми от них словами, с одной стороны, и нераспространенных — с другой. Хотя полупредикативные краткие формы, естественно, не утрачивают своей способности образовать различные модели словосочетаний, но практически в поэзии XIX в., начиная с 30—40-х годов, они довольно широко используются именно без зависимых слов. Уже у Пушкина в первой главе «Евгения Онегина» 60 процентов всех полупредикативных кратких форм не имеют при себе зависимых слов. Примерно таким же это соотношение остается у Некрасова («Русские женщины», «Мороз — красный нос»), Плещеева, Полонского и Фета. При этом сужается самый круг кратких прилагательных, представленных в сочетаниях с зависимыми словами; среди них видное место занимают такие прилагательные, которые употребляются в конструктивно-обусловленном значении: *похож, полон* (последнее особенно часто). Так, например, в стихотворениях Фета в кругу полупредикативных кратких форм, распространенных зависимыми словами, больше половины падает на *полон* (60%); в стихотворениях Плещеева и Полонского соотношение примерно такое же.

Полупредикативные краткие формы часто образуют ряды, состоящие из двух-трех однородных членов.

Как ты янтарным зерном налита, Гордо стоишь, *высока и густа!* (Некр., Саша, 2); Он долго, *важен, молчалив,* По комнате ходил (Некр., Русск. женщ., Кн. Трубецк., 2); Цветет, Красавица миру на диво, *Румяна, стройна, высока* (Некр., Мороз, Кр. нос, 1, IV); Новый день, *румян и весел,* Заглянул в мой

угол сонный (Полонск., В гостях у А. А. Фета); Молчало все кругом... *Прозрачна и ясна,* Лишь о скалу порой Дробилася волна (Плещ., Сон).

Без зависимых слов, и также рядами в два-три члена употребляются и полные формы.

Ее в Иркутске встретил сам Начальник городской, Как мощи сух, как палка прям, *Высокий и седой* (Некр., Русск. женщ., Кн. Трубецк., 2); И жду тебя, *Усталый и угрюмый,* Я,— как природа ждет дыхания весны! (Плещ., Бал); Я закричу, *беспомощный и бледный* (Блок, Среди гостей ходил я в черном фраке).

Однако для полупредикативных полных прилагательных характерно наличие зависимых слов. Они используются значительно чаще именно в виде словосочетаний, и модели их довольно разнообразны. Соотношение прилагательных одиночных и распространенных зависимыми словами здесь иное, чем в кругу кратких форм. В первой главе «Евгения Онегина» распространенные полные формы составляют 84%, а одиночные — 16%; в названных произведениях Некрасова соответственно 75% и 25%, также в произведениях Плещеева и т. д. Конечно, это соотношение у различных поэтов и даже в различных произведениях одного поэта может колебаться, но общая тенденция выступает совершенно очевидно. Кроме того, нужно отметить, что полные формы в полупредикативной функции и в поэтической речи представлены моделями разнообразными и нередко сложными по своей структуре.

Сожалея, Что, *долгу покорный,* не мог пощадить Преступного мужа (Некр., Русск. женщ., Кн. Волконск., III); Пусть вдруг он выступит из тьмы перед тобой — И ту рассеет тьму — *прекрасный сам собой И бесконечностью за ним лежащей дали* (А. Майк., Возвышенная мысль достойной хочет брони); Снова я, *раздумья полный,* В книгу прошлого гляжу, Но страниц, *отрадных сердцу,* В ней не много нахожу! (Плещ., Снова я...); где нет Ни светской чопорности скучной, Ни карт, ни пошлой болтовни, *С пустою жизнью неразлучной* (Плещ., А. П. Чехову); И, *неспособные заняться даже вздором,* Завесив окна коленкором, Лежим (Полонск., Прогулка по Тифлису); Громадный город спит, *в беспутстве закоснелый* (Полонск., У окна); Я б снова трепет ощутил, *Целебной силой с прежним схожий* (Фет, Гр. С. А. Толстой); Но как будто мимолетный Колокольчик прозвенел. Тот ли это... Или этот, *чуть заметный В цветнике моем и днем,* Узкодонный, разноцветный На тычинке под окном? (Фет, Колокольчик); И я, *невидимый для всех,* Следил мужчины профиль грубый (Блок, Она стройна и высока...); Я каждый день издалека Следил за ней, *на все готовый* (Там же).

§ 19. В современном языкознании к полупредикативным конструкциям обычно относят синтаксические построения, в которых

в большей или меньшей степени, с большей или меньшей ясностью выступает элемент предикативности, добавочного утверждения [41].

В § 18 рассматривалось соотношение полных и кратких форм в таких конструкциях, которые можно бы назвать собственно полупредикативными. Это синтаксические построения, выражающие аппозитивные (по терминологии Потебни), или атрибутивно-предикативные (по Шахматову) отношения. В этих построениях полное или краткое прилагательное, одно или с зависимыми от него словами, будучи связано по смыслу и грамматическим согласованием с определяемым существительным или личным местоимением (краткие — только в числе и роде), в то же время по смыслу связано и с глаголом-сказуемым. В устной речи это выражается интонационными средствами, путем выделения таких полупредикативных полных и кратких форм в интонационно-смысловые отрезки (по Л. В. Щербе — синтагмы).

Однако активное распространение в языке XIX в. полных форм за счет кратких, изменение в соотношении между ними наблюдается и в целом ряде других синтаксических построений, в которых в большей или меньшей мере содержится элемент предикативности.

В кругу полупредикативных конструкций, рассмотренных в § 18, выделяются такие, в которых прилагательное (одно или с зависимыми словами) оказывается удаленным от определяемого им существительного (личного местоимения) и следует непосредственно за глаголом-сказуемым [42], например: Трифон Иваныч выиграл у меня два рубля с полтиной и ушел, *весьма довольный своей победой* (Тург., Уездн. лекарь). При таком расположении компонентов в предложении двойная связь прилагательного с определяемым существительным и глаголом-сказуемым (а следовательно, выражение атрибутивно-предикативных отношений) осуществляется путем интонационного выделения, а на письме — далеко не полно — с помощью пунктуации. Однако в построениях с таким же порядком следования компонентов может усиливаться смысловая связь прилагательного с глаголом: прилагательное становится неотъемлемой смысловой частью сказуемого. Возникают отношения, свойственные уже компонентам составного сказуемого. Естественно, что в этих случаях нет интонационно-смыслового выделения (обособления); напротив, прилагательное объединяется с глаголом в одной синтагме: Мы начинали хохотать и, нахохотавшись, *расходились довольные своим вечером* (Лерм., Кн. Мери). В таких предикативных построениях краткие формы, возможные и в наше время, все больше вытесняются полными.

---

[41] См.: А. Е. Бескровный. Указ. соч.

[42] Описание структурных типов полупредикативных определений см.: Н. Н. Прокопович. Методика изучения обособленных определений. «Изв. АПН РСФСР», 1947, № 10.

Активное распространение в XIX в. полных прилагательных, как одиночных, так и образующих словосочетания разных моделей, характерно и для других синтаксических построений, в которых так или иначе присутствует элемент предикативности, хотя, конечно, с весьма различной степенью отчетливости. Эти конструкции рассмотрены выше в связи с выяснением соотношений функционально обусловленных и категориальных моделей (см. § 9—15). Поэтому здесь можно ограничиться лишь указанием на то, что и в этих конструкциях проявляется общий процесс расширения употребительности полных форм за счет кратких, а вместе с тем постепенно все больше нарушается соотносительность тех и других, ослабляется связь между ними. То же нужно сказать относительно полных и кратких форм, выступающих в собственно предикативной функции, которые в той же связи были рассмотрены выше (см. § 11) [43].

§ 20. Изменения в семантической структуре многих кратких и полных прилагательных, обусловливающие нарушение их соотносительности, функционально-стилистическая дифференциация кратких и полных форм, углубляющееся обособление в морфологическом отношении, изменения в соотносительности при использовании в различных синтаксических функциях в строе предложения,— все это неразрывно связано с медленным, но неуклонным процессом дифференциации полных и кратких форм и в отношении их конструктивно-синтаксических возможностей.

1. Расхождение в лексических значениях кратких и полных форм приводит к нарушению параллелизма и в моделях словосочетаний, образуемых теми и другими формами. Случаи такого рода многочисленны. Так, например, в семантической структуре слова *хороший* отмечается несколько значений; с одним из них — «красив, привлекателен своею внешностью», свойственным лишь краткой форме, связаны специфические модели словосочетаний.

Богат, *хорош собою,* Ленский Везде был принят как жених (Пушк., Е. О., 2, XII); Она *хороша до невозможности:* росту высокого, брюнетка (Дост., Дядюшк. сон, III).

В семантической структуре слова *богатый* отмечается значение «великолепный, пышный, роскошный», присущее только полной форме; соответственно образуется и модель словосочетания:

Кроме *богатой по материалу и работе* раки, множество серебряных лампад (В. Е., 1890, т. IV, июль).

---

[43] Об изменениях в соотношении полных и кратких форм в предикативной функции см.: «Очерки по исторической грамматике русск. лит. языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения». См. также интересную, хотя далеко не бесспорную в ряде положений работу Л. Р. Евсеевой «Управление при кратких и полных формах имени прилагательного в совр. русск. языке». Канд. дисс. М., 1960 (машинопись).

В кругу значений слова *злой* есть значение «едкий, острый»; при переносном употреблении оно свойственно полным формам, образующим сочетание *злой на язык*.

Подобные явления приобретают особенное значение в XIX в., когда обнаруживается несомненная тенденция к изменению семантической структуры прилагательных в сторону расширения круга значений полных форм (см. выше, § 16).

Целый ряд кратких форм, утрачивая семантическую соотносительность с полными формами в отдельных значениях, все более обособляется от имен прилагательных (ср. *здоров врать, любопытен знать, известен о чем* и т. п.), переходя в разряд слов категории состояния и становясь в один ряд с такими словами как *рад, должен*[44] и т. п.

...*О которых* уже вся губерния была *известна* (Радищ., Путеш., Зайцово); Да я нестерпимо *любопытен предвидеть*, в чем сие будет заключаться (Леск., Соборяне, 1, 2).

Такие слова, естественно, получают способность образовать модели словосочетаний, свойственные или только им, или и полным формам, но лишь в определенных синтаксических условиях (см. § 14).

Нужно отметить, что полный переход кратких форм в категорию состояния приводит к утрате ими способности выступать и в функции полупредикативного (обособленного) определения. Это понятно, если вспомнить, что важнейшим признаком слов категории состояния является их функционирование в роли сказуемого. В изученных материалах не отмечено ни одного случая употребления таких слов в роли обособленного члена предложения.

2. С семантическими процессами связаны и те довольно многочисленные случаи, когда при полном прилагательном нет соотносительных кратких форм; это, естественно, способствует и нарушению соотносительности в образовании словосочетаний.

Известно, что многие качественные прилагательные (как и все относительные, употребляемые в качественном значении), как правило, не имеют соотносительных кратких форм. Это не мешает таким полным прилагательным распространяться зависимыми от них словами и образовывать разнообразные модели адъективных словосочетаний. Такие модели широко представлены в языке XIX в.

...Думает, что это труд другого, *безыменного для нас* человека (М. Погодин, О достоверности древн. русск. ист., Б-ка для чт., 1834, т. VI, кн. 10); никогда не считал его за человека *весьма делового* (Дост., Скверн. анекдот); Ночь с четырнадцатого на пятнадцатое она провела... *в соседней от той комнаты,*

[44] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 403.

в которой лежал князь (Л. Толст., В. и м., 3, 2, VIII); нежась под горячими лучами *родного ему* южного солнца (Станюк., Максимка, V); два больших, *роковых для пьесы* монолога (Чех., п. А. Суворину, 7 янв. 1889).

Характерны в этом отношении прилагательные на *-лый (загорелый, смелый, полинялый, поседелый* и т. д.), краткая форма от которых либо не употребляется совсем, либо употребляется крайне редко.

В подавляющем большинстве случаев не имеют соотносительных кратких форм перешедшие в прилагательные причастные образования с суффиксами *-ущ(-ющ), -ащ(-ящ)* (*цветущий, блестящий, умоляющий, сияющий, волнующий* и т. п.). Правда, от некоторых из них краткие формы отмечаются.

Пишу стихи и, следовательно, должен быть *смыслящ* в древней истории (Жих., Зап. совр., II, 30 ноября 1806); Сад тенист и *цветущ* (Вельтм., Саломея, 7, IV); любит Иванова за то, что он хороший человек, за то, что он пылок, *блестящ* (Чех., п. А. Суворину, 30 дек. 1888).

Можно было бы привести еще ряд подобных примеров; и все же образования такого рода немногочисленны и употребляются редко; стилистическая ограниченность, налет книжности выступает в них очень уж явственно.

3. Наконец, и это особенно показательно и важно, в языке XIX в., особенно с 40—50-х годов, возникают такие модели адъективных словосочетаний, в которых в качестве стержневого слова могут выступать только полные прилагательные, независимо от того, есть ли при них соотносительная краткая форма или нет (*серые с искрой* брюки, *черная с проседью* борода, *белое в горошинку* платье и т. п.). В этих случаях активная роль в нарушении соотносительности между полными и краткими формами принадлежит полным прилагательным.

Образуемые такими прилагательными модели словосочетаний различны по структуре. Особенно употребительны следующие модели:

а) Модели, в которых прилагательное распространяется существительным в творит. над. с предлогом *с*.

Увидели там всяких собак ... всех возможных цветов и мастей: муругих, *черных с подпалинами,* полвопегих (Гоголь, М. д., 1, IV); выставлялась лошадиная голова, *гнедая с извилистой проточиной* (Тург., Бежин луг); Особенно поразили меня его глаза, *темнокарие с желтоватыми белками* (Тург., Лит. и жит. воспом., VI); красивый старик с *черной с проседью* бородой (Л. Толст., А. К., 8, XV); А то так тебя разрисую, что выйдешь ты серо-буро-соловый, в полтени *голубой с крапинами* (Леск., Соборяне, 2, 10); *белые с золотом* обои (Боборык., Китай-город, 1, XXVIII).

б) Модели, в которых прилагательное распространяется существительным в предл. над. с предлогом *в*.

Больше всех понравился нам жеребец у Загряжского: *бурый в масле*, большого роста (Жих., Зап. совр., I, 1 апр. 1805); широкозадые рысаки ... *серые в яблоках*, вороные, гнедые (Тург., Лебедянь); с сияющим выражением своего *красного в веснушках* лица (Гарин-Мих., Гимназисты, 10) [45].

в) Модели, в которых прилагательное распространяется существительным в винит. пад. с предлогом *в* (*серые в клеточку, желтое в полоску* платье и т. п.). Такие модели образует прежде всего семантически однородная группа качественных прилагательных, обозначающих цвет (включая цвет волос) или масть животного. Для словосочетаний с такими прилагательными характерна вообще ярко выраженная номинативность; в таких сочетаниях как *синий в клеточку, серый в яблоках, черная с проседью* и т. п. способность служить обозначением единого, хотя и сложного понятия, выступает очень отчетливо: это, по существу, названия цветов и мастей.

В связи с этим (а также и другими процессами) [46] уже к концу XIX в. отмечается весьма ощутительно тенденция — в дальнейшем нарастающая — к расширению семантического круга прилагательных, способных образовать такие модели. В этот круг вовлекаются прилагательные иной семантики. Здесь прежде всего можно отметить такие, которые близки к основной группе.

Давно вынута из портфеля душистая, *цветная с виньетками* бумажка (Моск., набл., 1837, авг., кн. 2); *Ясные с темной поволокой глаза* молодой вдовы были очень мало заплаканы (Леск., Котин доилец и Платонида, 14); Села и вся ушла в свой *легкий с кружевами* капот (Чех., Супруга).

Сюда же тяготеют различные, в большей или меньшей степени развивающие качественные оттенки прилагательные, обозначающие признак по материалу: *деревянный с резьбою* портсигар, *серебряная с финифтью* табакерка и т. п. Предложно-падежная форма в таких сочетаниях по смыслу может тяготеть не только к прилагательному, но и к существительному.

Юбки к этим рединготам *кисейные с широкими рубцами* (Моск., набл., 1837, июнь, кн. 2); Послал ей прекрасные парные гребешки, *черепаховые с бирюзою* (Там же, авг., кн. 2); Подносил им всем свою *серебряную с финифтью* табакерку (Гоголь, М. д., 1, I); рукава *гладкие с* вышитыми *отворотами* у кисти руки (Совр., 1847, дек.); надела шумящее *шелковое с серебристым отливом* платье (Гонч., Обрыв, 3, XVIII); Под мундиром ... был надет длинный засаленный, *шелковый с цветочками, жилет* (Л. Толст., В. и м., 4, 2, XI). Ср. позднее: Вытащив от-

---

[45] Ср. у писателей нашего времени: Ткнул валенком,— *белым в красных мушках*,— в жердину, лежавшую не у места (А. Н. Толст., Петр Перв., 1, 5, VIII); открытые, *серые в крапинках* глаза (Шолохов, Подн. целина. 1, 25).

[46] См.: Н. Н. Прокопович. Адъективные словосочетания в совр. русск. языке. Докт. дисс. М., 1955, стр. 249—259 (машинопись).

туда кучу шапок, выбрал одну — *смушковую с малиновым верхом* (А. Н. Толст., Хмурое утро, XV); Впереди ... цвели бабьи завески, но он искал одну, *белую с прошитой каймой* (Шолохов, Тихий Дон, I, IX); В ящике беспорядочно лежали пачки папирос, коробка печенья, книги, *деревянный с резьбой* портсигар (Шолохов, Подн. целина, 1, 15).

Таким образом, в XIX в. совершенно четко обнаруживается тенденция к дифференциации полных и кратких форм и в области конструктивно-синтаксических их способностей, тенденция, правда, сдерживаемая другими процессами, свойственными системе словосочетаний русского языка в целом, пересекающаяся с этими более общими процессами.

Идущий из древности процесс дифференциации кратких и полных прилагательных интенсивно протекал на протяжении всего XIX в. и к концу его достиг весьма высокого уровня. Проявляясь в разных сторонах структуры прилагательных и их функционирования, процесс этот оказывал и оказывает влияние на развитие системы адъективных словосочетаний, в частности и на соотношение полных и кратких форм в образовании моделей словосочетаний.

1. В XIX в. активно развивалась лексико-семантическая дифференциация полных и кратких форм. В семантической структуре все большего числа прилагательных возникают такие значения, которые свойственны только одной из форм, полной или краткой, и это, нарушая их лексико-семантическую соотносительность, в ряде случаев приводит к нарушению соотносительности и к способности образовать ту или иную модель словосочетания. При этом семантически более емкими чаще оказываются полные формы.

2. Возникшее исторически весьма рано морфологическое обособление кратких форм от полных продолжалось и в XIX в., проявляясь в ограничении способности кратких форм изменяться по падежам, а также в расширении круга полных прилагательных, при которых нет соотносительных кратких форм (ср. *крошечный, чахоточный*, прилагательные с суффиксами *-ущ* (*-ющ*), *-ащ* (*-ящ*), развивающие качественные значения прилагательные с суффиксом *-ск* и с его разновидностями — *трагический, циничеcкий, мальчишеский* и т. п.). Вновь возникающие при некоторых из таких прилагательных краткие формы малоупотребительны и несут на себе яркий отпечаток стилистической ограниченности (книжности). Нарушения в морфологической соотносительности, естественно, способствуют нарушению соотносительности и в образовании моделей словосочетаний.

3. На протяжении XIX в. использование в роли полупредикативного (обособленного) определения полных форм значительно возрастает, а кратких — заметно снижается. Происходит функционально-стилистическая дифференциация кратких и полных форм, выступающих в этой синтаксической роли: нейтральными,

общими для всех стилей литературного языка (включая и поэтическую речь) к концу века стали полные формы, использование же кратких форм ограничивается сферой поэтической речи. Так нарушение параллелизма в полупредикативном употреблении полных и кратких форм подтачивает ту нить, которая привязывает краткие формы к категории прилагательного.

4. Способность полных прилагательных выступать в собственно предикативной функции в XIX в. развивается и закрепляется. Очень важно при этом, что к концу века полные прилагательные в сказуемом 1) развивают способность обозначать признак временный, эпизодический; 2) становятся нейтральными в функционально-стилистическом отношении; краткие же формы выступают как стилистически ограниченные. Таким образом, прежняя соотносительность полных и кратких форм нарушается и при собственно предикативном их использовании.

5. Несмотря на указанные процессы, в литературном языке наблюдалось и прямо противоположное явление — распространение однотипных моделей, т. е. моделей, образуемых как полными, так и краткими прилагательными. Такие модели, весьма значительные по количеству, сохраняются в наше время. Далее, сохраняется единство словообразования, что уже само по себе содействует поддержанию соотносительности полных и кратких форм. С этим связано и другое явление, общее для всех разрядов системы словосочетаний русского языка в целом. Для этой системы, как известно, характерны две тенденции: с одной стороны, дифференциация структурных типов, моделей словосочетаний по разрядам в соответствии с принадлежностью стержневого слова к определенной части речи, а с другой — прямо противоположная тенденция к распространению однотипных моделей в различных разрядах словосочетаний, что приводит к образованию таких рядов, как *злиться на сына — злой на сына — злость на сына; уподобиться чему — подобный чему — уподобление чему*. Эта вторая тенденция обусловлена словообразовательными связями слов. Поэтому наличие однотипных моделей адъективных словосочетаний, образуемых как полными, так и краткими формами (или, во всяком случае многих из таких моделей), можно объяснить не только сохранением соотносительности этих форм, но и общностью приемов словообразования. Это особенно ярко выступает там, где однотипные модели образуют полные прилагательные и те краткие формы, связь которых с прилагательным максимально ослаблена и которые лишь по традиции относят к этой части речи (ср.: *готов отправиться в дорогу* и *готовые отправиться в дорогу*, мы столпились у крыльца).

ИЗМЕНЕНИЯ
В НАРЕЧНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ

СОЧЕТАНИЯ НАРЕЧИЙ С ЗАВИСИМЫМИ ИМЕНАМИ

Способность управлять зависимыми именами свойственна немногим наречиям [1]. Некоторыми из них эта способность унаследована от тех слов, от которых наречия образованы, другими принята форма управления того семантического разряда слов, в который данное наречие вошло. Показательно однако, что управляют именами главным образом так называемые предложные наречия, т. е. слова, употребляемые и в роли наречия и в роли предлога или находящиеся в переходном состоянии между наречием и предлогом. Соответственно изменения и колебания в формах управления обнаруживаются обычно там, где такой переход является живым процессом, там, где происходит взаимодействие морфологического и семантического факторов или взаимодействие между семантическими разрядами слов.

Преодоление именного управления отыменными наречиями

§ 1. Некоторые наречия, связанные словообразовательно с именами существительными, в первой половине XIX в. преодолевают именное управление родит. пад. (сохранившееся при большинстве отыменных предлогов), стабилизируя формы управления, обусловленные семантически, и как бы закрепляя тем самым свою синтаксическую независимость от категории породивших их имен.

При наречиях, выражающих понятия близости и отдаленности (*близко* [2], *вблизи, поблизости; далеко, недалеко, вдали, вдалеке,*

[1] «Наречие с трудом и в сравнительно редких случаях несет на себе тяжесть управления» (В. В. Виноградов. Русск. язык. М.—Л., 1947, стр. 395).

[2] В грамматиках Ломоносова, Барсова, Востокова *близко,* наряду с *близ,* включается в разряд наречных предлогов, управляющих родит. паде-

поодаль), именное управление беспредложным родительным уступает место предложному управлению тем же падежом (*от*+родит. пад.).

Сочетания наречий *близко, поблизости, вблизи* с родит. пад. без предлога, постепенно убывая, отмечаются в XVIII и на протяжении всего XIX в.

Садится очень *близко советницы* (Фонв., Бригадир, I, 3): «*Сопредельно* —... *близко границ* какого государства» (Сл. АР); Плывет ... Уж *близко челнока* (Рыл., Смерть Ермака); Рукой завистника убит *Вблизи развалин* Татартуба (Пушк., Тазит); *близко шинка* будет поворот (Гоголь, Пропавш. грамота); Природа помещает всегда противоядие *вблизи яда* (Марл., Мореход Никитин); пройтись *близко дома* (Марл., Мулла-Нур, VIII); требовать вещей и городов, лежащих *поблизости* его *владения* (Б-ка для чт., 1834, т. II); *поблизости их* не было никого (Лажечн., Лед. дом, 3, 1); Она была счастлива *вблизи Эдуарда* (Совр., 1847, т. IV, № 8); ехал *близко шарабана* (Некр. и Станицк., Мертв. озеро, LXIV); Дом тетки был в центре города, *близко базара и церкви* (Славутинск., Читальщица, III); *Вблизи* большого *города* ... шел старый больной человек (Тург., Милостыня); *Вблизи них* уже не хочется думать о горах и море (Чех., Дама с собачкой, III); проводить зиму где-нибудь *поблизости Москвы* (Чех., п. М. П. Чеховой, 24 мая 1908).

Сочетания наречий *далеко, далече, вдалеке, вдали* с родит. пад. без предлога отмечаются преимущественно в первой половине XIX в.

Проезд в Темрюк *неподалеку его* ... ныне есть свободный верхом и на возах (Рапорт Суворова гр. Румянцеву-Задунайскому, 28 янв., 1778 г.) [3]; *Далеко родины* священной, *Далеко кровных* и *друзей* (Милонов, Освобожд. пленники); Так! Я паду в стране чужой, *Далеко родины*, изгнанником невинным (Д. Дав., Элегия); С Вакхом нежились лениво Школьной *стражи вдалеке* (Пушк., Воспом. [К. Пущину]); Стократ блажен, кто может сном забыться *Вдали столиц, карет и петухов*! (Пушк., Сон); *Далече* северной *столицы* Забыл я вечный ваш туман (Пушк., В стране, где Юлией венчанный); *вдали страны* родной Могу ль всегда быть равнодушен? (Рыл., Войнаровск., I); *Недалеко Люттиха* есть иезуитский монастырь (Никитенко, Дневн., 8 окт. 1841); Старики сидели *поодаль огня* (Некр. и Станицк., Мертвое озеро, XLII).

жом. Но было бы упрощением рассматривать в связи с этим *близко*, управляющее родительным, как предлог, вышедший впоследствии из употребления (см.: М. С. Бунина. Из наблюдений над второобразными предлогами совр. русск. лит. языка. «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. Потемкина», т. XXXIII, вып. 3, 1954). «Наречность» этого слова подтверждается и тем, что оно часто определяется наречием степени.

[3] Однако в том же сборнике документов чаще встречаются сочетания с предлогом *от*: *неподалеку от Керчи, неподалеку от Козлова* и т. п.

Наряду с беспредложными сочетаниями на протяжении всего изучаемого периода употребляются сочетания тех же наречий с предлогом *от* и именем в родит. пад. При этом соотносительность предложных и беспредложных сочетаний для разных наречий различна. Сочетание *близко чего* выходит из употребления к середине века, *поблизости чего* встречается до начала XX в., *вблизи чего* употребляется наряду с *вблизи от чего* и в настоящее время, очевидно, вследствие менее самостоятельного, более близкого к предложному значения слова. Сочетания *далеко, вдалеке, вдали чего* встречаются в первой трети XIX в. преимущественно в поэзии, что само по себе свидетельствует о некоторой устарелости этих конструкций. Показательно, что уже в «Письмах русского путешественника» Карамзин не употребляет наречий со значением близости и отдаленности с родит. пад. без предлога.

Вообще наречия со значением близости сохраняют управление родительным беспредложным значительно дольше, чем наречия со значением отдаленности, вероятно, под влиянием семантически родственной группы предлогов (ср.: *близ* — и *около, возле, подле*).

Изменения в управлении рассмотренной группы наречий следует также соотнести с соответствующими явлениями в управлении отложительных глаголов (ср. *удаляться чего* и *от чего*) [4].

§ 2. Остатки управления родительным беспредложным встречаются в первой половине XIX в. и при наречиях именного происхождения, вошедших в активный семантический разряд слов, управляющих дательным: *назло кого-чего* — и *кому-чему; наперекор кого-чего* — и *кому-чему*. Ср. также *вопреки кого-чего* и *кому-чему*. Аналогично значение дательного при глаголах соответствующей семантики *(препятствовать, перечить, вредить, противодействовать кому-чему)*: это косвенный объект, во вред, в противодействие которому направлено действие.

Чуть-чуть, *на зло моих затей* Меня похвальная привычка Не увлекла среди степей Вслед за кибиткою твоей (Пушк., Калмычке); *наперекор природы* Причелся к графам и певцам (Вяземск., Эпиграмма); *На зло* безграмотных *нахалов* И *всех*, кто только им сродни (Вяземск., На новый 1828 год); *назло* лихой *судьбы* (Шевырев, Храм Пестума); живет *наперекор страстей* (Лерм., Когда б в покорности незнанья ...); Я вас люблю так, как любить вас должно: *Наперекор судьбы* и *сплетен* городских, Наперекор, быть может, *вас самих* (Д. Дав., Я вас люблю).

Сочетания с родит. пад. в первой трети XIX в. встречаются преимущественно в поэзии, но одновременно с ними, иногда в тех же произведениях, употребляются сочетания с дат. пад. К 30-м годам они вытесняют устаревший родит. пад. при этих наречиях.

[4] См.: В. М. Филиппова. Вариантные глагольно-именные словосочетания в русск. лит. языке XIX века.— «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. IV. М., 1957.

Не может идти *наперекор* своему *призванию* (Жих., Зап. совр., II, 5 мая 1807); *мне* все идет *на перекор* (Пушк., п. П. Вяземскому, 6 февр. 1823); Здесь будет город заложен *Назло* надменному *соседу* (Пушк., Мед. всадник., Вступл.); Но *назло чуме и гадам* Невредимый я стою (Шевырев, Храм Пестума); Я жить хочу! Хочу печали, *Любви* и *счастию назло* (Лерм., Я жить хочу! Хочу печали ...); Он счел обязанностью сделать *наперекор* своему *другу* (Марл., Фр. «Н.», IV); вышел в отставку *на зло* своему *покровителю* (Герц., Кто виноват? 1, V); *назло ему*, нарочно не поедет (Писемск., Тюфяк, XV); *На зло маме* и *Хине* нарочно не пойду замуж (М.-Сиб., Прив. мил., 1, VIII).

Слово *вопреки*, трактовавшееся грамматистами XIX в. как наречие, фактически уже в XVIII в. употреблялось как предлог. Но колебания родит. и дат. пад. при нем обусловлены были принадлежностью его к тому же семантическому разряду слов, что и рассмотренные выше наречия. Эти колебания продолжались еще во второй трети XIX в.

С родит. пад.:

Если, *вопреки видов* правительства, критика будет стесняема (И. Дм., п. Д. Языкову, янв. 1806); Он грабит меня с А-вым пополам, *вопреки 20-ти писем* отдает тому деньги (Марл., п. К. Полевому, 9 ноября 1833); сделать счастие ваше *вопреки вас* самих (Пушк., Дубр., 2, XV); *вопреки* всякого *приличия* (Москвит., 1853, № 4); *Вопреки опасений* княжны Марьи, не велел насильно увезти ее (Л. Толст., В. и м., 3, 2, VIII) [5].

С дат. пад.:

Вопреки данному *слову*, не ходил с великим князем на половцев (Карамз., И. Г. Р., II, VI); Ищут для дочерей своих богатых супружеств *вопреки* их *чувствованиям* (Жих., Зап. совр., II, 30 марта 1807); *Вопреки мелочам* своего характера, имел сердце доброе и благородное (Пушк., Егип. ночи, I); [впал в соблазн] *вопреки* своему *рассудку* (Б-ка для чт., 1834, т. II); Барон на барона ходил войной *вопреки* своему *сюзерену* (Марл., О ром. Н. Полев. «Клятва при гробе госп.»); Казак мой, *вопреки приказанию*, спал крепким сном (Лерм., Тамань); Это и говорю, *вопреки мнению* Белинского, или, по крайней мере, *вопреки* его *словам* (Гонч., Заметки о личности Белинск.) [6].

Колебания между родит. и дат. пад. отмечаются также при наречии *напротив* того же семантического разряда.

---

[5] Ср. явно «несовременное» звучание данной конструкции в литературе нашего времени: Он был убежден, что все хорошее в искусстве создается *вопреки течений* (К. Федин, Необыкн. лето, 12).

[6] Ср. пример, приводимый В. В. Виноградовым (Русск. язык, стр. 681): *Городничему* это было *не вопреки*, а домовитой городничихе совсем по сердцу (Лесков).

Все до самых мелочей совершается *мне напротив* (Гоголь, п. В. Жуковскому, 6 авг. 1844); Жить совершенно *напротив тому*, как писано в книжках (Белинск., п. Н. Х. Кетчеру, 3 авг. 1841); Совсем *напротив* этой *свадьбы* идет (Дост., Униж. и оскорбл., 3, V); Баба ... даже *напротив того,* окидывает стариков презрительным взглядом (Слепцов, Трудн. время, X). Ср. также: употребляла *вы* и *ты наоборот* общепринятому *обычаю* (Л. Толст., Детство, XX); Все действия его наоборот здравому *смыслу и логике* (Дост., Бр. К., 12, III); поступает как раз *наоборот* с собственными *намерениями* (М.-Спб., Прив. мил., 5, VI).

Аналогичные колебания родит. и дат. пад. наблюдаются при некоторых предложно-падежных конструкциях, близких по значению предложным наречиям рассматриваемого семантического разряда.

Сочетания с родит. пад.:

Игра, точно как нарочно, взяла совсем другой оборот,— *во вред хозяина* (Путеш. критики, XVII); Как вы осмелились, *в противность* всех *приличий*, назвать меня гусаком? (Гоголь, Пов. о том, как поссорился ..., II); высказал, *в противоположность* этого *величия*, самую простую отеческую нежность (Л. Толст., В. и м., 3, 2, XXVI).

Сочетания с дат. пад.:

(Расплюев) Нет ли ... таких, которые умерли, а между тем *в противность закону* живут (Сухово-Коб., Смерть Тарелкина, III., 2); Рот, *в противоположность носу,* был огромен (Гарш., Денщик и офицер).

§ 3. Тот же процесс утраты именного управления характерен для предложных наречий *вслед* и *навстречу*. В первой трети XIX в. еще встречаются сочетания этих слов с родит. пад. Рядом, вытесняя их, употребляются беспредложные сочетания с дат. пад., для которых, в отличие от первых, характерно свободное местоположение зависимого имени (постпозиционное и препозиционное, контактное и дистантное), а также предложные сочетания *вслед за* (*кем-чем*) и *навстречу к* (*кому-чему*), в которых можно видеть либо сложносоставной предлог, либо — в составе глагольных словосочетаний — двойственное управление предложно-именной конструкцией со стороны глагола и наречия одновременно (ср. *идти вслед за кем — идти за кем; выйти навстречу к кому — выйти к кому*).

Вслед с родит. пад.:

Вслед отправленного к вашему сиятельству моего *рапорта* честь имею донести... (Рапорт Суворова гр. Румянцеву-Задунайскому, 28 янв. 1778); *Вслед* гремящей *славы* Направя бодрственно полет... (Радищ., Вольность, 48); Дерзайте ваших *вслед отцов!* (Держ., Осень во время осады Очакова); С Олимпийския вершины Сходит мать Церера *вслед* Похищенной *Прозерпины*

(Жуковск., Элевзинский праздник); [Сабля] хранится у меня памятником моего странствования *вослед* блестящего *героя* (Пушк., Путеш. в Арзр. 5).

Употребление конструкций с наречием *вслед* и дат. пад. или творит. пад. с предлогом *за* со временем дифференцируется: первая связывается преимущественно с глаголами *смотреть, глядеть, крикнуть, сказать* и т. п.; в составе второй закрепляются глаголы движения. Но в начале века эти значения часто не разграничиваются. В Словаре АР: *Идти в след своим предкам. Кричать в след за кем.*

Вслед с дат. пад.:

Прельщенные грубым самозванцем, текут *ему вослед* (Радищ., Путеш., Хотилов); И гибель *вслед* пошла кровавым *знаменам* (Пушк., Наполеон на Эльбе); трава *Ей вслед* шептала милые слова (Тург., Параша); долго смотрел *мне вслед* (Герц., Докт. Круп., I); кричал *мне вслед* (Л. Толст. Детство, VII); Долго, очень долго смотрела Юлия *вслед ему* (Писемск., Тюфяк, XIV).

Вслед с творит. пад. с предлогом *за:*

Я *вслед* за моим *приятелем* скакал так скоро, что... (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); Венгры устремились *вслед за ним* (Карамз., И. Г. Р., II, VI); И долго *вслед за* ним незримая глядишь (Пушк., Ты вянешь и молчишь...); *Вслед за ними* везли на подводе женщину (Вельтм., Саломея, 7, I); бросились *вслед за нею* (Дост., Прест. и наказ., 5, V).

Навстречу с родит. пад.;

(Советник) Пойдем же *навстречу сына* друга моего (Фонв., Бригадир, I, 2); *На встречу* бедного *певца* Прыгнула Оленька с крыльца (Пушк., Е. О., 6, XIII); *Навстречу Печорина* вышел его лакей (Лерм., Максим Максимыч); Все руки, все очи поднялись *навстречу дождя* (Марл., Мулла-Нур, VII).

Навстречу с дат. пад.:

Ехавший *мне навстречу* частный пристав соскочил с саней (Жих., Зап. совр., I, 17 янв. 1805); *Навстречу им* она встает (Пушк., Егип. ночи, III); сбежали с лестницы *навстречу гостям* (Вельтм., Саломея, 7, VI); поспешными шагами шел *мне навстречу* (Герц., Кто виноват?, 2, IV).

Навстречу с дат. пад. с предлогом *к:*

О беспокойном духе моем, который всегда идет *навстречу к неприятностям* (Марл., Поездка в Ревель); пошли *к ней навстречу* (Пушк., Росл.); пойдемте *к нему навстречу* (Герц., Кто виноват?, 2, V); выбежала *к нему навстречу* (Писемск., Боярщина, 1, III).

Таким образом, по отношению к рассмотренным словосочетаниям можно говорить о борьбе управления, обусловленного семантическими факторами, с управлением как явлением собственно грамматическим.

§ 4. Эта борьба может еще осложняться влиянием семантико-словообразовательных связей между частями речи. Ср. историю развития предлога *относительно (чего)* из наречия *относительно (к чему)*, входившего в словообразовательный ряд *относиться (к чему) — отношение (к чему)*. Материал показывает, что с конца XVIII в. до второй половины XIX в. различие конструкций не являлось средством разграничения наречного и предложного значений: многие случаи представляются переходными[7].

Люди *относительно к своему родоначальнику* суть члены одного семейства (Сл. АР, IV); Во мне гаснет чувство любопытства и интереса *относительно к политическим делам* Европы, *относительно к моей науке* (Н. Тург., Дневн., 15 сент. 1818); Система арабских грамматиков, *относительно к гамме* гласных, чрезвычайно замечательна (Сенковск., Древн. гекзаметр.); ...граф, во всех своих действиях *относительно Анны Павловны* пока выжидавший (Писемск., Боярщина, 2, VI); Вот эту-то самую роль... играет Молчалин *относительно человека* норова и непредвиденных движений души (С.-Щ., В среде умеренности и аккуратности, I, I.).

Процесс адвербиализации проявился и в утрате именного управления наречием *впоследствии*[8], в первой половине XIX в. употреблявшимся еще преимущественно в сочетании с существительным *время:*

Мужество, которым *впоследствии времен* истреблено царство Батыево (Держ., Евпраксия, Предуведомление); Написал довольно дельную бумагу, но *в последствии времени* оказавшуюся недостаточной (Пушк., Дубр., I); *Впоследствии времени* захотели сами быть начальниками школы Елагин и Фонвизин (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3). Но ср.: Но *в последствии* желтоватые ... воды Енисея поглощают ее [Ангарскую воду] совершенно (Моск. вестн., 1828, № 19—20).

Изменения, обусловленные взаимодействием семантических разрядов слов

§ 5. В истории некоторых наречных сочетаний отразилось характерное для первой половины XIX в. взаимодействие между семантическим разрядом слов, обозначающих сравнение, сходство,

---

[7] «В пути от знаменательности наречия к формальности предлога не бывает скачков и перерывов» (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике», т. I—II. М., 1958, стр. 128).

[8] Ср. замечание Грота: «На нашей еще памяти писали не иначе как *в последствии времени.* Употреблять абсолютно в таком же смысле одно слово *последствие* стали недавно, и так как это значение придается слову только в соединении с предлогом *в,* то мы и считаем позволительным видеть тут нераздельное наречие» (Я. К. Грот. Филологические разыскания, т. I. Изд. 2. СПб., 1876, стр. 584).

согласованность, управляющих творит. пад. с предлогом *с*, и семантическим разрядом слов со значением соответствия, сопоставления, уподобления и «расподобления», управляющих дат. пад. Большая часть наречий этой группы произведена от прилагательных с сильным управлением, в свою очередь пополняющих разряд предлогов. Ср. колебания в управлении глаголов, принадлежащих к указанным семантическим разрядам: *соразмерять, сравнить, совпадать, согласовать, сообразовать* и т. п. *чему* или *с чем*.

В начале XIX в., по свидетельству грамматик [9], с дат. пад. употреблялись следующие наречия названной выше семантической группы: *вопреки, подобно, прилично, пристойно* (оба последние в значении «соответственно»), *противно, свойственно, соответственно, угодно*.

Что ты заводишь песню военну, *Флейте подобно*, милый снегирь? (Держ., Снегирь); Сей народ, *подобно всем* иным, в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного (Карамз., И. Г. Р., I, III); намерен преобразовать и их, *подобно пехоте* (Телеск., 1831, № 5); жить *прилично своему состоянию* (А. Х. Востоков, Русск. грам., § 130); имеет средства жить *прилично званию* (Вельтм., Саломея, 11, I) и т. д.

Творительным с предлогом *с* из наречий отмеченного семантического разряда управляли следующие: *согласно* (т. е. *подобно*) [10], *одинаково, сообразно, сходно, сходственно, сравнительно*.

Поступать сходственно, *сообразно с рассудком* (Росс. грам. 1802, § 406); Говорить *согласно с истиною* (Там же); С изобилием вещи, *сравнительно с требованием* оной, цена ее уменьшилась (Моск. вестн., 1828, № 17); Действие этих вод возрастает в геометрическом содержании *сравнительно с действием* ... лекарств (Б-ка для чт., 1834, т. VII, № 12).

Однако большая часть перечисленных наречий на протяжении XIX в. колеблется в значении и управлении между двумя этими разрядами: *согласно с кем-чем* и *согласно чему* (ср. *согласиться с кем, согласовать чему, согласоваться чему* и *с чем, согласование чего с чем); сообразно с чем* и *сообразно чему* (ср. *сообразоваться с чем); соразмерно с чем* и *соразмерно чему; соответственно с чем* и *соответственно чему* [11]; *сходно с чем* и *сходно чему* и т. д.

---

[9] См., например: «Российская грамматика, сочиненная имп. Российской Академиею». СПб., 1802, § 404 и 406.

[10] Тот факт, что значение слова одного из этих разрядов поясняется в Росс. грамм. 1802 г. словом другого разряда, сам по себе говорит об их семантической близости, предрасполагающей к взаимодействию разрядов. Ср. также: От сего-то истребилось всякое *подобие* слов с изображаемыми *предметами* (И. Орнатовский. Новейшее начертание..., X).

[11] Судя по регламентации А. Х. Востокова (*соответствовать чему; соответственно чему;* но: *соответственный* и *соответственность с чем*. Русск. грам., § 129 и 139), наречия могли опережать прилагательные в развитии своих синтаксико-семантических связей.

Сочетания *согласно* с творит. пад. с предлогом *с*:

Если бы я, *согласно с* лестным для меня *вашим отзывом*, надеялся... (И. Дм., п. И. Лепехину, 22 июля 1797); Действовать *согласно* с общею или особенною *пользою* своего народа (Карамз., И. Г. Р., I, III); показывает предметы *согласно с* предполагаемым им *намерением* (Остолопов, Сл. древн. и нов. поэзии, II); Савельич, *согласно с мнением* ямщика, советовал воротиться (Пушк., К. д., II); Пламя костров, *согласно с догорающим западом*, озаряло картину пира (Лерм., Вадим, XXIII); Последние ... *согласно с первыми* нападают, в том же тоне (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 1); роль Эдипа понимал он *согласно с своими средствами* (Жих., Воспом., ст. театр., II); живя *согласно с строгою моралью* (Некр., Нравствен. чел); все это делалось ... *согласно с его намерениями* (Л. Толст., В. и м., 1, 2, XVI).

Как в сочетаниях *согласно с кем-чем*, так и в сочетаниях *согласно кому-чему* на рубеже XVIII—XIX вв. можно обнаружить и первичные лексические значения (связанные с понятиями «согласие», «лад»), и значения соответствия, основания, близкие к предложному. Ряд случаев можно рассматривать как переходные. Однако на протяжении XIX в. в конструкции *согласно чему* начинают преобладать отвлеченные существительные сравнительно ограниченного круга. Устанавливается, таким образом, предложное употребление этой конструкции:

Говорит дельно, *согласно понятию* большинства (В. Соллог., Тарантас, XV); поступаю *согласно своему желанию* (Гарш., Над. Никол., III); ваши родители препятствуют вам поступить *согласно влечениям* вашего сердца (Чех., Дурак).

Сочетания *сообразно с чем* и *сообразно чему* на протяжении всего XIX в. употреблялись без строгой дифференциации значений. И хотя наречное значение сильнее в сочетании *сообразно с чем*, оба эти сочетания движутся по пути к формализации [12].

Сочетание *сообразно с чем:*

[По уставу], *сообразно с греческими номоканонами*, отчуждены от мирского ведомства монахи и церковники (Карамз., И. Г. Р., I, X); Обратить прилежное и особенное внимание на обработание этого предмета *сообразно с его важностию* (Б-ка для чт., 1831, т. VII, № 12); Преобразовать свои войска *сообразно с* нынешним *состоянием* его народа (Телеск., 1831, № 5); Языку нашему надобно воли дать более — (разумеется, *сообразно с духом его*) (Пушк., п. М. Погодину, ноябрь 1830); Каждый любит *сообразно с своим темпераментом, характером, понятиями* и т. д. (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г.);

---

[12] Росс. грам. 1802 г. (§ 406) и Востоков (Русск. грам., § 140) считают, что наречия *согласно* и *сообразно* требуют конструкции «*с* + творит. пад.». В Словаре АР отражено двойственное управление наречия: *сообразно истине* и *сообразно с состоянием*.

Войска движутся *сообразно с движениями* неприятеля (Л. Толст., В. и м., 3, 1, XXII).

Сочетание *сообразно чему:*

Приняла на себя роль невинной девушки и ежедневно исполняла ее *сообразно намерениям* Перрена (Жих., Зап. совр., II, 21 окт. 1806); одет по-дорожному, но *сообразно форме,* отдаваемой в ежедневных приказах моды (Вельтм., Саломея, 9, II); обстроивается обывательскими домами *сообразно плану* (Совр., 1847, т. IV, № 8); действовать *сообразно указаниям* опыта (М.-Сиб., Прив. мил., 2, IX).

Аналогично употреблялись сочетания с *соразмерно* и *соответственно* [13].

Сочетания с дат. пад.:

Наградить кого *соразмерно его трудам* (Сл. АР); тебе отвечал бы *соразмерно* твоему *вопросу* (Радищ., Путеш., Любани); Торговая цена установляется *соразмерно издержкам,* употребленным промышленностию на новые изделия (Моск. вести., 1828, № 18); если бы *соразмерно* его *рвению* давали ему награды (Гоголь, Шинель).

Отцы наши ... живали *соответственно своему роду* (М. Дм., Письмо к изд. журн. «Моск. зритель»); Цена товара должна ... понижаться *соответственно умножению* оного (Моск. вестн., 1828, № 18); Первое, *соответственно грамматическому разбору,* называется логическим подлежащим (П. Перевлесский, Практич. русск. грам., III, I, I. Спб., 1857) [14].

Сочетания с творит. пад. с предлогом *с*:

Наказания, которые, будучи употреблены *соразмерно с виною,* произведут и сознание, и раскаяние (Белинск., Детск. сказки дедушки Иринея); Усиливайте ваши выражения *соразмерно с его речью* (Доброл., Темн. царство, IV); *соответственно с этим* ценили ее услуги (С.-Щ., Пошехонск. стар., III); *Соответственно с таким обращением* соразмерялась и плата за требы (Там же); ... чтобы две новых пирамиды ... имели *соответственно с первою* общие грани (Билибин, Элемент. геометрия, VII, § 659).

К середине XIX в. развивается соотносительное употребление конструкций *параллельно с чем* и *параллельно чему.* В конкретном пространственном значении *параллельно* выступает как наречие, в переносном, отвлеченном — как предлог или, во всяком случае, в переходном к предлогу состоянии. Важно, что и здесь различие конструкций не становится еще средством разграничения наречного и предложного значений: и то и другое выражаются сочетаниями как с дат., так и с творит. пад.

[13] В современном словаре обе конструкции считаются, по-видимому, равнозначными: Тратить деньги *соразмерно заработку* (или *с заработком)* (Сл. Уш.).

[14] Но ср. у Л. Толстого: *соответственно этого поступала* (Дьявол, VII).

Сочетания с творит. пад. с предлогом *с:*

Выступил с обозами... и так он шел *параллельно с г. Леонтьевым* (Рапорт князя Прозоровского графу Румянцеву, 6 янв. 1778 г.); идущая *параллельно с берегом* кедровая аллея (Гонч., Фр. «Пал.», II, 1); Литература каждого образованного народа идет *параллельно с обществом* (Остр., «Ошибка», пов. г-жи Тур); Улицы расположены *параллельно с берегом* Камы (М.-Печ., Дорожн. зап.); *Параллельно с* этим *торжеством* начинались новые происки и интриги (М.-Сиб., Горн. гнездо, XXVII); *Параллельно с этим* я описал также порядки, заведенные смотрителем (Корол., Ист. м. совр., 3, 2, XI); *Параллельно со мной* жили и делали свою карьеру люди сравнительно со мною пустые (Чех., Пассажир 1-го кл.).

Сочетания с дат. пад.:

Держаться надо *параллельно берегу* (Марл., Фр. «Н.», VI); *Параллельно* глухой *стене* ... шел деревянный забор (Дост., Прест. и наказ., 2, II); Болезни, смерти ... и всякое расстройство шли *параллельно успехам* кабака (Гл. Усп., Грехи тяжкие, IV, 1).

Приведенные в § 2 примеры сочетаний *наоборот с чем* и *наоборот чему* свидетельствуют о взаимодействии тех же семантических разрядов слов: обозначающих сходство, сравнение, согласованность, взаимность (управляющих творит. пад. с предлогом *с*) и обозначающих соответствие, уподобление, подчинение (управляющих дат. пад.). Ср. также: *равный кому, равен кому,* но *равно с кем, наравне с кем, равномерно с кем, равняться с кем* и т. п.

В результате отхода от семантических и словообразовательных связей с творит. пад. выкристаллизовывается новый предлог *согласно (чему);* другие сочетания этой группы — *согласно с чем, сообразно чему* и *с чем, сравнительно с чем, соответственно чему* также часто употребляются в функции, близкой к служебной [15].

Лексическая ограниченность моделей наречных словосочетаний, двойственность функций предложных наречий, переходный характер этих функций — все это говорит о принципиальной близости наречного и предложного управления [16].

§ 6. В колебаниях управления при некоторых наречиях, не составляющих семантического единства, отражается взаимодействие рассмотренного выше разряда, управляющего дат. пад., с некото-

---

[15] Современные толковые словари (Ушакова, Ожегова) управление дат. пад. считают основанием для отнесения слов *согласно, соразмерно, сообразно, соответственно* к предлогам. Однако в XIX в. эти слова в обеих конструкциях — и с дат. и с творит. пад.— употребляются с разной степенью конкретности своих лексических значений. См. «Очерки по исторической грамматике русского лит. языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги и союзы». М., 1964.

[16] А. А. Шахматов. Синтаксис. Изд. 2. Л., 1941, стр. 425.

рыми другими семантическими разрядами слов, например: *перпендикулярно чему* (преобладает оттенок подчиненности чему-л.) и *перпендикулярно к чему* (преобладает оттенок отношения к чему-л., положения по отношению к чему-л.):

Подымал ноги *перпендикулярно туловищу* вверх (Корол., Ист. м. совр., 3, 2, VI). Ср.: Рассеки шар плоскостями *перпендикулярно к диаметру* АВ (Гурьев, Опыт о усовершении элементов геометрии); Большая стрелка станет прямо вверх, а маленькая почти *перпендикулярно к ней* вправо (Купр., Ночн. смена); Около окна, *перпендикулярно к нему* — письменный стол (Купр., Памяти Чехова, III).

Примечательно, что колебания могут встречаться в одной и той же книге. Например, в «Кратком морском словаре» В. В. Вахтина (СПб., 1875); *перпендикулярно плоскости* инструмента (стр. 136) и: *перпендикулярно к ветру, течению* и проч. (стр. 163).

При наречии *предпочтительно* в первой половине XIX в. с дат. пад. успешно конкурирует творит. пад. с предлогом *перед*. Это было связано с усилением разряда слов со значением психических, морально-этических явлений, обращенных на объект, выраженный формой творит. пад. Ср. глагольные сочетания: *раболепствовать перед кем, усердствовать перед кем* — сменившие *раболепствовать, усердствовать кому, благоговеть перед кем* — сменившее *благоговеть к кому*.

Надлежит любить бога *предпочтительно всему* (Сл. АР); Место депутата привлекает всякого *предпочтительно* всем другим *местам* (Моск. вестн., 1828, № 19, 20).

Параллельно, постепенно вытесняя дательный беспредложный, употребляется при этом наречии творит. пад. с предлогом *перед*.

Ищут помощи у него *предпочтительно перед другими докторами* (Фонв., п. родным, 20 ноября/1 дек. 1777); «Литературная газета», коей разборчивости и вкусу можно доверить *предпочтительно перед* всеми *прочими* петербургскими журналами (Телеск., 1831, № 5); По воскресеньям я *предпочтительно перед другими днями* посещаю Положиловых (С.-Щ., В среде умеренности и аккуратности, II, II, I); Мариинская система ...самая любимая судоходствами *предпочтительно перед другими* двумя *системами* каналов (Максимов, Куль хлеба, 20, X) [17].

§ 7. При некоторых предикативных наречиях родит. пад. со значением объекта, по отношению к которому проявляется состояние, сменяется творит. пад. с предлогом *перед: стыдно, совестно людей — перед людьми*. При тех же наречиях родит. пад. со значением основания названного состояния сменяется винит. па-

[17] Ср. соответственно в субстантивных сочетаниях: *предпочтение* одной женщины *всем остальным* (Герцен), *предпочтение* формы *содержанию* (Чернышевский) и: *предпочтение* немецких фамилий *перед русскими* (Марлинский), *предпочтение* одного или одной *перед всеми остальными* (Л. Толстой).

дежом с предлогом *за*: *стыдно, совестно, страшно своих слов — за свои слова.*

а) Сочетания с родит. объекта.

Чтоб *не стыдно* было *учителя* (Белинск., Детск. сказки дедушки Иринея); *людей совестно* (Остр., Гроза, V, 1); Мне *стыдно* своих *родных*, своих *знакомых* (Остр., Волки и овцы, III, 8); Мне *совестно* всех своих *знакомых* (Писемск., Виновата ли она?); ему было *совестно сына* (Чех., Отец).

Сочетания с творит. пад. с предлогом *перед.*

Перед соседями совестно так мало платить (Герц., Долг прежде всего); Мне *стыдно* будет *перед литераторами* (Вельтм., Саломея, 2, II); *совестно перед читателем* (Совр., 1847, т. IV, № 8); Вам действительно *передо мной совестно* такие куши давать (Дост., Прест. и наказ., 5, III); Мне было *стыдно перед господином,* который... (Л. Толст., Юность, XIII); Привалову было *совестно перед стариком* (М.-Сиб., Прив. мил., 5, V).

б) Сочетания с родит. пад. основания.

Ей становилось *совестно* и *стыдно своих чувств* (Тург., Накануне, XXI); Ей стало и *стыдно,* и *страшно своей смелости* (Там же, XIV); Ему, видно, сделалось *совестно своих слов* (Писемск., Тюфяк, XVII); Ростову все так же было неловко *и чего-то совестно* (Л. Толст., В. и м., 3, 1, XV); Рыжему тотчас же стало *стыдно этой пощечины* (Чех., 75000).

Сочетания с винит. пад. с предлогом *за.*

Мне стало *совестно за свое незнание* (Л. Толст., Юность, XLIII); Мне сделалось *стыдно за себя* и досадно на него (Писемск., Виновата ли она?); Ему стало *стыдно за человечество* (Чех., Месть женщины).

Итак, в развитии сочетаний наречий с зависимыми именами в XIX в. отразились разные процессы.

Одни из них связаны с передвижениями внутри системы частей речи. С одной стороны, наречия отыменного происхождения утверждали свою синтаксическую независимость от существительных; собственно говоря, этот процесс к началу XIX в. в основном уже закончился, мы застаем его остаточные явления. С другой стороны, в это время активен переход группы наречий в предлоги.

Другие процессы связаны с взаимодействием, перераспределением материала между близкими семантическими разрядами слов: семантические взаимодействия глагольных, адъективных словосочетаний отразились в изменениях и колебаниях управления в некоторых группах наречий.

Процессы первого и второго типа протекали не изолированно друг от друга, они переплетались и взаимодействовали.

СОЧЕТАНИЯ НАРЕЧИЙ С НАРЕЧИЯМИ

§ 8. На протяжении XIX в. расширяется круг наречий, вступающих в сочетания с глаголами, прилагательными, наречиями, словами категории состояния. Этот процесс отвечал растущей потребности в дифференциации качественно-количественных определений действия, состояния, качества, признака — с одной стороны, и с другой — в развитии экспрессивно-оценочных возможностей речи. Потребность эта вызывает формирование некоторых новых разрядов качественно-количественных наречий и активизацию связей, сочетаемости этих новых и некоторых старых разрядов с глаголами, качественными прилагательными и наречиями. История развития сочетаний прилагательных и наречий с качественно-количественными наречиями, в которой сплетаются аспекты лексико-семантический, синтаксический и стилистический, представляет интерес с точки зрения постепенного обогащения литературного языка новыми выразительными средствами.

Изменения в сочетаниях с наречиями меры и степени

§ 9. Грамматики от Ломоносова до Востокова дают краткий перечень наречий, «усиливающих напряжение», или определяющих меру качества: *весьма, очень, отменно, слишком, крайне, нарочито, довольно* [18].

В словарях и литературе начала XIX в. встречаются в роли наречий меры также *чрезвычайно, гораздо, изрядно, отлично* и др. Они объединяются общим значением высокой степени признака с точки зрения незаурядности, исключительности его.

Обошелся со мною *отменно милостиво* [19] (Фонв., Чистосердечн. призн., 2); Трагедия играна была *отменно хорошо* (Фонв., п. родным, апр. 1778); Картина сия *отменно живо* написана (Сл. АР); *Изрядно* (нар.) изящно, *нарочито хорошо* (Сл. АР) [20]; рассуждаешь *нарочито здраво* (Нарежн., Бурсак, 2, II); Служив *отлично-благородно* [21] Долгами жил его отец (Пушк., Е. О., 1, III); Старик, по-старому шутивший: *Отменно тонко* и умно (Там же, 8, XXIV); Ковры собственные девки ее умеют *отлично хорошо* выделывать (Гоголь, Ив. Фед. Шпонька, III); он *отлично хорошо* знал, что ... (Дост., Прест.

---

[18] См., например: А. Х. Востоков. Русск. грам., § 93, стр. 209.

[19] Ср.: воспитана *отменно от них* (Своеручные памятные записки кн. Н. Б. Долгоруковой). Ср.: Замечание ваше *отменно* основательно, могу сказать, необыкновенно основательно (Совр., 1847, т. IV, № 8).

[20] См. наблюдение Даля над изменением значения этого слова: «*Изрядный* — из ряду вон хороший, отличный, превосходный; *ныне* однако значение этого слова упало и оно употребляется вместо *довольно хороший, порядочный, недурной, годный;* между хорошим и средственным» (т. II).

[21] Ср. разные значения наречия *отлично: От всех людей отлично* одеться (Сумарок., Пустая ссора); Славяне *отлично ненавидели его* (Карамз., И. Г. Р., I).

и наказ., 1, VII); Поживаю я *отлично скверно* (Вс. Крестовск., Панургово стадо. ЛК); *отлично хорошо* умеет все понимать (С.— Щ., Сатиры в прозе. К читателю).

Состав этой группы наречий переживает изменения, прежде всего в силу изменения лексических значений некоторых из этих слов. Наречие *нарочито* в значении «изрядно, лучше посредственного» (Сл. АР) малоупотребительно уже в начале XIX в. [22] Слова *отлично* и *отменно* из наречий степени (даже при словах отрицательной семантики) постепенно превращаются в качественные наречия, самостоятельно обозначающие положительное качество действия или признака. На протяжении всего XIX в. оба эти значения сосуществуют. Например, в «Записках современника» Жихарева их можно встретить уже и в той и в другой функции: давали оперу «Die Luft-Bälle», которая *шла отлично* (I, 23 ноября 1805); Зубов ... *отлично хорош* в «Клейнсбергах» Коцебу (I, 18 окт. 1805); *отлично умный* человек (I, 17 ноября 1805).

Во второй половине века употребление этих слов, особенно *отлично*, в значении степени, по-видимому, приобрело уже характер устарелости.

Наречие *гораздо* в конце XVIII и в первой половине XIX в. еще широко употреблялось в значении «очень, весьма» не только при сравнительной степени прилагательных и наречий, но и при положительной, а также при глаголах [23].

Употребление это поддерживалось, по-видимому, активностью слова *гораздо* в народных говорах [24].

Гораздо смешно (Кант., Примеч. к I сатире); это *гораздо хорошо* сделано (Сл. АР); Мы увидели прямо перед носом и уже *гораздо близко* еще один водяной столб (Броневск., Тифон); *Гораздо спустя* говорит отец Настеньке ... (М.-Печ., Бабушк. россказни, II).

---

[22] Словарь 1847 г. еще толкует наречие *нарóчито* как «весьма, значительно, отлично». Однако в Словаре Даля (изд. 3) замечено: «Слово это вышло из обычая, или употребл. ошибочно, вм. *нарочно*» (т. III), причем Даль ставит ударение на третий слог (*нарочи́то*). Ср. также: «Особенно страдает слово *нарочито*, которым сплошь и рядом заменяют слово *нарочно*, где прямо подсказывается и прилаживается оно в смысле умышленно, с намерением, тогда как *нарочитый* всегда сохраняет свое древнее значение (вышедшее из обычая) чего-либо отличного, значительного и даже именитого» (Максимов. Крылатые слова. СПб., 1890, стр. 430).

[23] Если в «Росс. грам». 1802 г. регламентация употребления слов *нарочито, гораздо* еще осторожна («наречия *гораздо, несравненно* употребляются по большей части с степенем сравнительным», § 410), то А. Х. Востоков уже определенно связывает *гораздо* со сравнительной степенью (см. «Русск. грам.», § 93, стр. 209).

[24] Словарь II Отд. АН устанавливает стилистическую дифференциацию. «Гораздо — наречие, употребляемое в *образованном языке* только при сравнит. степ. прилагательных для усиления понятия. *В народном же языке* гораздо употребляется и при глаголах — в смысле „весьма“, „значительно“» (т. I, вып. 1).

§ 10. По мере того как выходили из употребления одни наречия степени, распространялись другие, выражающие: а) высокую степень признака (*исключительно, значительно, совершенно, особенно, вполне, сильно, решительно, положительно, буквально* и др.) или б) ослабленность, приблизительность, относительность признака (*довольно, достаточно, порядочно, несколько, относительно, сравнительно* и др.).

а) Партию доны Анны ... исполнила она ... *совершенно удовлетворительно* (Жих., Зап. совр., I, 15 янв. 1806); *Особенно* же я *охотно* занимался ... сочинением писем (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 1); беспрерывно и *особенно усердно* подувая на ложку (Дост., Прест. и наказ., 2, III); Любимое место княгини было *совершенно внизу,* в самой глуши сада (Л. Толст., Юность, XXVI); Мне было в то время *буквально невозможно* сойтись с ними (Там же, XLIII); Глаза были *сильно навыкате* (Славутинск., Жизнь и похожд. Триф. Аф., VII); [Работа] совершалась *вполне форменно* (М.-Сиб., Прив. мил., 5, V); делался *значительно навеселе* (Писемск., Тюфяк, XVII); *решительно трудно* понять (Гарш., Конкурс на пост. выставке худож. произведений); Развивать [язык] преимущественно перед мыслью *положительно вредно* (К. Ушинский, Предисл. к 1 изд. «Детского мира»).

б) Он принимал все денежки и полушки ... *довольно равнодушно* (Радищ., Путеш., Клин); [Лукерья] *Немножко более* плеча открой (Крыл., Урок дочкам, 7); *несколько неучтиво* стал расспрашивать (Жих., Зап. совр., II, 27 янв. 1807); еще было *несколько рано* (Б-ка для чт., 1834, т. VII, № 12); Из этого, кажется, *достаточно видно,* что ... (Там же); Молчалин *не довольно резко* подл (Пушк., п. А. А. Бестужеву, янв. 1825); Вам будет *немножко скучно* (Лерм., Бэла); да и мне самому *порядочно* уже *скучно* (Лерм., Кн. Мери, 27-го июня); вырисовывать буквы стала *довольно порядочно* (Пушк., Барышня-кр.); Мы нашли [в книжке] *сравнительно мало* любопытного (Совр., 1847, т. IV, № 8); В бенефис Март[ынова] шло «Горе от ума» и, признаюсь, шло *довольно плоховато* (Доброл., Дневн., 29 янв. 1857); народ, *несколько почище* одетый (Дост., Прест. и наказ., 2, I); [в отделении казармы] *достаточно грязно* (Гарш., Трус); знаю эту женщину *сравнительно давно* (Гарш., Над. Никол., XI); Стало пусто и *сравнительно спокойно* (А. Н. Толст., Без крыльев).

С начала века и далее — все активнее, несмотря на запреты пуристов[25], в качестве наречия степени функционирует местоименное наречие *так.*

---

[25] «Часто пишут: *эта музыка мне так нравится* или *я вас так люблю.* Эти выражения неправильны. Слово *так* непременно требует дополнения; должно сказать: *эта музыка мне так нравится, что я ее невольно напеваю;*

Вечерний ветер веет *так прохладно,* И ласточки летают *так отрадно* (Тург., Параша); Я *не так давно* в здешней труппе (Герц., Сорока-воровка); Она пожала ему руку *так дружески, так симпатично* и скрылась за деревьями (Герц., Кто виноват? 1, IV); Жизнь ... казалась ему столь прекрасною, потому что он *так иначе* понимал ее теперь (Л. Толст., В. и м., 1, 3, XIX).

В передаче крестьянской речи писатели пользовались в таких сочетаниях наречием *таково.*

Грустно мне *таково* (Тург., Конец Чертопх., 1); Соловей в саду *таково удивительно* поет сладко!.. (Тург., Живые мощи); *тяжко таково* дышит (Славутинск., Жизнь и похожд., Триф. Аф., VII). Ср. в Словаре Даля: На дворе *хорошо таково,* тепло ... *Таково радостно* мне сына видеть!

По-видимому, в первой половине XIX в. роль лексико-синтаксических средств выражения степени признака усиливается отчасти и в связи с ослаблением активности словообразовательных средств выражения степени.

В грамматиках и руководствах первой половины XIX в. большое внимание уделяется префиксально-суффиксальным средствам, обозначающим усиление и ослабление качества. Даются детальные рекомендации относительно использования приставок и суффиксов как показателей степени признака, устанавливается соотносительность уменьшительных или увеличительных аффиксов с соответствующими наречиями меры [26]. Однако эти рекомендации не всегда соблюдались; сами предостережения являются показателем того, что отступления от правил начинают угрожать самим правилам. Очевидно в силу стилистической ограниченности суффиксально-префиксальных средств (прикрепленность приставок *наи-, все-* к книжной речи, суффиксов *-оват-, -еват-, -онек-, -енек-, -ехонек-, -ешенек-* — к речи разговорной) их роль по сравнению с богатой в стилистическом и семантическом отношениях лексической системой средств выражения меры и степени оказывается менее значительной.

или: *я вас так люблю, как еще не любил никого.* Особенно грешат против этого правила г.г. переводчики, сохраняя в русском переводе этот французский оборот» (А. Н. Греч. Справочное место русского слова. СПб., 1845, стр. 108).

[26] См., например: Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. СПб., 1827, § 97, 105, 106, 112, 240; См. в «Русск. грамматике А. Х. Востокова: «К прилагательным спрягаемым сравнит. степени приставляется предлог *по,* когда не упомянут предмет сравнения, напр.: *этот холст побелее, потоньше;* но: этот *холст белее, тоньше того*... Можно конечно употребить предлог *по* и тогда, когда предмет сравнения упомянут...; но в таком случае *по* есть приставка усилительная, означающая то же, что *несколько, немного*» (§ 34; ср. § 93). Об образованиях типа *белехонек:* «В важной речи сие окончание заменяется обыкновенным спрягаемым, с приложением слов *совсем* или *совершенно,* когда говорится о беспримесности, и слов *весьма, очень,* когда говорится о сильнейшей степени» (§ 34). Ср. в «Справочном месте русского слова» А. Н. Греча: «Говоря правильно по-русски, должны мы избегать следующих речений: рукава *немного узки;* сегодня *немного холодно.* В нашем языке есть для этого особые выражения; говорят: рукава *узковаты,* сегодня *холодновато* и т. п. ...При этом же случае можно заметить, что не должно говорить также: *несколько поистасканный,* как сказано в одной новой русской книге... Слово *поистасканный* уже значит само по себе: «несколько истасканный», следовательно, нечего прибавлять *несколько*» (стр. 66).

Развитие эмоциональных и субъективно-оценочных определителей степени

§ 11. С конца XVIII в. все шире сочетаются с прилагательными, наречиями и словами категории состояния качественные наречия, служащие эмоциональным определением интенсивности признака или состояния: *необыкновенно, необычайно, неслыханно, удивительно, ужасно, страшно* и т. п. [27]

Одни из этих определений выражают высокую степень признака через понятие необычности, непостижимости, невыразимости, либо непоколебимости, неизменности признака. В эту группу широко вовлекаются наречия, образованные от глагольных прилагательных на *-мый*, а также и некоторых других словообразовательных разрядов, обычно с отрицанием (*невыразимо, неизъяснимо, неописуемо, непостижимо, необъяснимо, неуловимо, неизмеримо, недосягаемо, незыблемо, невероятно, неимоверно, невозможно* и т. д.):

Мне *весело необыкновенно* об нем говорить и думать (Жуковск., п. И. Дмитриеву, 1817); Приехал в Кишинев на несколько дней, провел их *неизъяснимо элегически* (Пушк., п. Л. Пушкину, 25 авг. 1823); Груди становится больно и *легко невообразимо!* (Марл., Мореход Никитин); Грустно стало Искандер-беку, *неизъяснимо грустно* (Марл., Мулла-Нур, V); На дворе *необыкновенно жарко* (Сл. 1847 г.); Темное, чистое небо торжественно и *необъятно-высоко* стояло над нами (Тург., Беж. луг); Дешевые предметы продавались ... *неслыханно дорого* (Григорович, Свистулькин, II); мне *невозможно совестно* было за него (Л. Толст., Юность, X); Вы так *непогрешительно-правильно* устроили вашу жизнь (Тург., Отцы и дети, XVII); Все эти высшие люди, ... казалось, стояли так *неизмеримо выше* его (Л. Толст., В. и м., 1, 3, IX); *Бесконечно долго* тянулись для него несколько минут (Гарш., Ночь).

Эмоциональность этих определений создавала большие возможности для их различного стилистического использования. Широкое распространение они получили в литературе романтического направления, позже

---

[27] Как синонимы эмоциональных наречий степени употреблялись сочетания отвлеченного существительного той же семантики в родит. над. с предлогом *до: до невероятности кисло* (Гоголь, Коляска); *до наивности пестро и плохо* (Тург., Накануне, XXXIII); *до высочайшей степени кротко* (Герц., Кто виноват?, 2, VI); *до страшности мало* (Дост., Прест. и наказ., 3, V); *до крайности небрежно* (Там же, 5, II); *до такой степени сильно* (Л. Толст., Юность, XII); *глупо до боли* (М.-Сиб., Прив. мил., 5, IV).

См. замечание В. В. Виноградова: «...Предлог *до*, служащий для обозначения предела, степени качества и действия..., становится грамматическим средством префиксального образования качественных наречий и наречных выражений со значением степени (*до ужаса, до невозможности, до невероятности* и т. п.)» («Русск. язык», стр. 358). См. также: Н. Н. Прокопович. Адъективные словосочетания в русск. языке. Докт. дисс. М., 1955, стр. 167 (машинопись).

служили одним из средств передачи экспансивности или инфантильности героев, при этом в авторской речи они как бы заключали в себе потенциально индивидуальную экспрессивную интонацию авторского отношения к изображаемому (напр., у Гоголя, Вельтмана, Достоевского); их подчеркнутая эмоциональность могла выражать ироническую экспрессию (ср., например: Выражался он *необыкновенно изящно* и, видимо, щеголял своими манерами. Тург., Льгов; Все у нее выходило *необыкновенно художественно, грациозно и мило*. Чех., Попрыгунья, II). Одновременно с углублением экспрессивных возможностей использования этих определителей в некоторых стилях шло угасание их эмоциональности, превращение их в речевые штампы.

§ 12. Наречия другой группы выражают высокую степень признака, обозначая эмоциональное, психологическое состояние субъекта речи (субъекта или объекта действия), возникающее как реакция на интенсивность признака. Некоторые наречия этой группы *(ужасно, страшно, удивительно)*, утратив или ослабив свое первоначальное лексическое значение, уже в конце XVIII в. употреблялись по существу как количественные [28], отличаясь от последних повышенной эмоциональностью и разговорной окраской [29].

Я пошла за гробом *удивительно легко* (Пушк., Марья Шонинг); Сон и мечтания граждан карбаса прерваны были *страшно внезапно* (Марл., Мореход Никитин); Кадрили тянулись *ужасно долго* (Лерм., Кн. Мери, 29-го мая); То она стоит, осужденная, так просто, *удивительно просто* (Герц., Сорока-воровка); Мне становилось *ужасно* душевно *холодно*, одиноко и тяжко (Л. Толст., Люцерн); стало почему-то *страшно жалко* ее (М. Г., Старуха Изергиль); Я, знаете, последние дни *страшно хорошо* жил — все время с рабочими читал, говорил, смотрел (М. Г., Мать, 2, XIX); В общем, вы все это *страшно зря* (А. Н. Толст., Милосердия!).

В первые десятилетия XIX в. активно пополняется группа наречий, образованных от прилагательных на *-тельный*, с теми же количественными значениями, что и у рассмотренных выше наречий *(изумительно, поразительно, томительно, отвратительно, мучительно* и т. п.).

Уморительно смешно (Пушк., п. Л. Пушкину, около 20 дек. 1824); Огненные лучи ... *поразительно ярко* освещали старые деревья сада (Л. Толст., Юность, XXII); *соблазнительно ясно* (Дост., Прест. и наказ., 3, V); Вы *замечательно смело* рассуждаете (М.-Сиб., Прив. мил., 2, IX); *Ослепительно ярко* свети-

[28] В Словаре АР зарегистрированы значения степени у наречий *ужасно, страшно, удивительно*. Словарь 1847 г. отмечает вторичное значение степени у наречия *ужасно* («очень, чрезвычайно, необыкновенно»), но не видит его в наречии *страшно*.

[29] Ср. рассуждение М. Горького, вложенное им в уста героя автобиографической трилогии: «Воспитанный на красивом языке бабушки и деда, я вначале не понимал такие соединения несоединимых слов, как *ужасно смешно, до смерти хочу есть, страшно весело;* мне казалось, что смешное не может быть ужасным, веселое — не страшно...» (В людях, IV).

лись горна (Там же, 3, XI); Кругом — *томительно тихо* (М. Г., На плотах) [30].

Семантически близки к этой группе, хотя словообразовательно связаны с предыдущей, наречные сочетания со словами *невыносимо, нестерпимо, несносно,* которые определяют высокую степень признака через эмоциональную реакцию субъекта:

Почта идет *несносно долго* (Пушк., п. П. Вяземскому, нач. июля 1825); И ей опять становилось *невыносимо тяжело* (Герц., Кто виноват? 1, VII); *Нестерпимо душно* было в комнатах (Славутинск., Читальщица, II); Ей *несносно жаль* своего брата (Леск., Захуд. род, I, 9); Зимой ... в больнице становилось *нестерпимо душно* (Гарш., Красн. цветок, 1); Учителю становится *нестерпимо жутко* (Чех., Репетитор).

С 60-х годов XIX в. в эту группу вовлекается новый разряд наречий, образующихся от действительных причастий: *вызывающе, поражающе, чарующе, угрожающе, предостерегающе, удручающе* и т. п.:

Его тихие речи и улыбки действовали *смягчающе успокоительно* (Л. Толст., А. К., 4, XXI); Глуховатый голос его звучал *подзадаривающе лениво* (М. Г., Городок Окуров); — Дяденька! — вскрикнула она *умоляюще тоскливо* (М. Г., Нищенка); Снова стало внушительно и *пугающе тихо* (М. Г., Ошибка); Пляшет он *чарующе хорошо* (М. Г., Сторож); Заговорила она *угнетающе грубо* (М. Г., Расск. о безответн. любви); *Предостерегающе-тревожно* крякала проснувшаяся на пруде утка (Бунин, Суходол, III).

Наречия, совмещающие в себе количественные значения с экспрессивно-оценочными, происходят чаще всего от близких по значениям прилагательных на *-тельный, -мый* и причастий на *-щий* [31], в большинстве своем образованных от переходных или косвенно-переходных глаголов. С этим связано то, что в соответствующих наречиях потенциально присутствует значение направленности действия на объект.

§ 13. Развитие адъективных и наречных сочетаний с эмоциональным определителем признака, качества приводит к усложнению семантико-синтаксических отношений между наречием-определителем и наречием (или прилагательным)-определяемым.

В очень условной, схематической форме это усложнение можно представить так: 1) *работа подвигается медленно, очень мед-*

---

[30] Ср. аналогичные примеры адъективных сочетаний: *уморительно смешна* (Пушк., Гости съезжались на дачу); *ужасно хороша* (Вяземск., Море): Разговор становился *мучительно любопытен* для Лизаветы Ивановны (Пушк., Пиков. дама, IV); [Путь] *утомительно долог* (Одиссея, пер. Жуковск.).

[31] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 214; «Грам. русск. языка», т. I, § 555. В начале XIX в. замечания об этом находим еще у И. Тимковского («Опытный способ к философическому познанию российского языка». Харьков, 1811, стр. 5).

ленно, чрезвычайно медленно, страшно медленно, невероятно медленно,— выражение интенсивности признака с нарастанием эмоциональности; 2) *работа подвигается удивительно медленно, поразительно медленно, поражающе медленно, удручающе медленно, невыносимо медленно, мучительно медленно, необычайно медленно, странно медленно, подозрительно медленно, недопустимо медленно* — выражение интенсивности признака через эмоциональное состояние субъекта или путем субъективной оценки признака. Во второй группе сочетаний определяющее наречие обозначает не просто признак признака, а эмоционально-логическую оценку признака со стороны субъекта речи или лица, по воле автора воспринимающего события.

Можно до некоторой степени сблизить подобные сочетания со сложноподчиненными конструкциями, где те же наречия выступают в роли предиката: *удивительно, как медленно подвигается работа; удивительно, что так медленно подвигается работа; странно, как медленно ...; странно, что так медленно ...; подозрительно, что так медленно ...; недопустимо, что так медленно* и т. п. Или: *поражает, что так медленно ...; удручает, что так медленно ...; настолько медленно, что удивляет, поражает, удручает ...* Ср. также: *работа подвигается так медленно, что это вызывает удивление (подозрение); что это представляется странным (недопустимым)* и т. п.

Некоторые из этих определяющих наречий могут быть соотнесены с вводными словами: *работа подвигается, к удивлению, очень медленно; работа подвигается, как ни странно, очень медленно.*

Все эти аналогии и соотношения не стирают грамматической специфики каждой конструкции; важно однако подчеркнуть, что аналогии эти невозможны для наречных сочетаний, выражающих собственно количественные или собственно определительные отношения.

Возможно, что рассматриваемые конструкции возникли как книжный вариант разговорных, ярко эмоциональных сочетаний типа *ужасно как горестно, чудо как мила,* на протяжении всего XIX в. встречающихся в литературе, преимущественно в речах персонажей, а также в письмах [32].

Состав этих фразеологизированных оборотов говорит об их прежнем предикативном значении: *ужасно как горестно, ужас как весело, страх как жарко, чудо как мила, необыкновенно как*

---

[32] О стилистической прикрепленности этих сочетаний свидетельствует замечание Н. А. Добролюбова по поводу манеры изображения крестьян в дворянской литературе 50-х годов (в рец. на «Повести и рассказы С. Г. Славутинского».— Совр., 1860, № 2): «Разница вся состояла в том, что вместо *я тебя страстно люблю...* они [герои простонародных рассказов] говорили: *я тебя страх как люблю*» (см.: В. В. Виноградов. О языке Л. Н. Толстого. «Лит. наследство», 1939, № 35—36, стр. 122).

хорошо, беспримерно как стыдно, а также без слова *как: смерть жарко, страх досадно* и под.:

Ведь это *ужасть как далеко* (Пушк., Роман на Кавк. водах); *страх досадно* думать, что ... (Марл., п. М. Полевому, 19 авг. 1831); Румянец *необыкновенно как хорошо* ложится на бледное матовое лицо (Вельтм., Саломея, 8, III); *Ужасно как горестно* вздыхал Щепиков (Там же, 5, I); Мне стало *смерть стыдно* (Герц., Докт. Круп., I); [Кречинский] А ведь *чудо как было весело!* [Лидочка] Ах, *чудо как весело!* (Сухово-Коб., Свадьба Кречинск., I) [33]; *прелесть как весело!* (Слепцов, Трудн. время, XII); *смерть досадно* (Писемск., Тюфяк, X); *Ужесть как неловко* все выделаны (М.-Печ., Бабушк. россказни, I); *беспримерно как утешно* (Там же):

§ 14. Развитие субъективно-оценочных определителей в наречных словосочетаниях создавало разнообразные виды семантико-синтаксических отношений между двумя наречиями. В сочетаниях со словами *неуместно, несообразно, неестественно, умышленно, преувеличенно* и т. п. выражалась интенсивность признака, дошедшего до степени, вступающей, с субъективной точки зрения, в противоречие с известными нормами, обычаями, ситуацией.

Однако в сочетаниях с этими наречиями может и не быть значения степени. Субъективно-оценочное наречие может определять только соответствие или несоответствие признака, названного вторым наречием, изображаемой ситуации, вскрывать, с точки зрения наблюдателя-рассказчика, отношение действующего субъекта к признаку:

Разговаривали между собой *непристойно громко* (Фонв., Друг честн. людей, Письмо от Стародума); Самое изложение иногда *неуместно велеречиво* и плодовито (Совр., 1847, т. IV, № 8); Она *старательно холодно* приняла меня (Л. Толст., Дневн., 15 сент. 1858); Обращался с ними *преувеличенно вежливо* (Тург., Двор. гнездо, XXXII); *неестественно громко* (Дост., Прест. и наказ., 2, I); Осень *несвоевременно рано* настала (Славутинск., Жизнь и похожд. Триф. Аф., VI); *притворно рассеянно* взглянув в записную книжку (Л. Толст., Юность, XIV); *умышленно резко* отвернулся (Купр., Чудесн. доктор); спрашивает ... *притворно небрежно* (Бунин, Оброк, III).

Определяющее наречие может совсем не обозначать степени признака, оно выражает только субъективно-экспрессивную оценку признака, окрашивая изображаемое личным отношением говорящего либо персонажа:

Не то, чтоб весело, скорее грустно, но *хорошо грустно* (Герц., Кто виноват? 1, IV); *Приятно-отчетливо* мелькали

---

[33] Ср. там же: [Лидочка] ... *так весело, что чудо.*

ноги лошадки (Тург., Отцы и дети, XI); глядела как-то *забавно сурово* (Там же, XVI); *Ласково-глянцевито* блестела вода (Л. Толст., В. и м., 1, 2, VIII); *безжалостно долго,* целую минуту выдержала его в таком положении (Дост., Бесы, 1, IV); время, идущее *беспощадно ровно* (Гарш., Ночь, I); Губы его сжались *странно строго* (М. Г., Мать, 1, III); Везде ее встречали *обидно грубо* (М. Г., Жизнь Матв. Кожем., II) [34]; *Неприятно рано,* по-осеннему, зажгли огонь в будке (Бунин, Забота).

Определяющее наречие в этих сочетаниях говорит не о самом признаке, а только о впечатлении, производимом этим признаком на субъект. Поэтому о сочетании типа «определяющее — определяемое» здесь можно говорить в известной степени условно. Отношения здесь сложнее рамок словосочетания: экспрессивно-оценочные определители служат одним из средств углубления субъектного плана повествования.

§ 15. Параллельно с сочетаниями, включающими субъективно-оценочные определители, развиваются наречные сочетания, в которых объединяются два семантически одноплановых признака, представляющих собой как бы две стороны сложного явления; при этом они могут быть близкими по значению, даже синонимичными, уточняющими друг друга (а), либо контрастными, противоречивыми (б) [35]:

а) Обходился с ней *презрительно-холодно* (Тург., Накануне, XXXII); застонал *пронзительно-визгливо* (Славутинск., Жизнь и похожд. Триф. Аф., VII); Закричала... смело и *капризно-весело* (Л. Толст., В. и м., 1, 1, XVI); Глаза эти, налитые счастливыми слезами, робко, сострадательно и *радостно-любовно* смотрели на него (Там же, 3, 3, XXXII); *Мертвенно-бледно* зеленела равнина хлебов (Бунин, Суходол, II).

б) *Развалисто-грациозно* переступая (Тург., Накануне, I); Увидать его, говорить с ним ... было *мучительно-радостно* и ужасно (Л. Толст., В. и м., 3, 2, VIII); почувствовал себя както *жутко-хорошо* (М.-Сиб., Прив. мил., 2, XVII); глядя ... *пристально-тупо* (Бунин, Суходол, VII).

---

[34] Ср. аналогичные адъективные сочетания *отвратительно интересные* иностранцы (Б-ка для чт., 1834, т. VII, № 12); *неприятно напряженная* музыка (Тург., Двор. гнездо, XXV); *обидно вежливый* голос (Бунин, Господин из Сан-Франц.); *глупо красивые* лица (Купр., Allez!).

[35] Прием сочетания противоположных по значению определений наполнялся различным смысловым и стилистическим содержанием у писателей разных направлений и разной степени таланта. Ср., например, романтический эффект у Марлинского: Волнение ходило горами, дождь лился потоком, и к довершению этой *ужасно-прекрасной картины* невдалеке показались смерчи, или тромбы (Фр. «Н.», I) и проникновение в диалектику человеческой психики у Л. Толстого: *пристально-бессмысленным* взором следит за нами (Отрочество, I).

Сочетания этого типа близки по характеру отношений к сложным словам, о чем в известной мере свидельствует и их орфографическое оформление, преимущественно в изданиях XIX в.

§ 16. В сочетаниях с определяющим наречием на *-ски* наречия, образованные от относительных прилагательных, ограничивали сферу проявления признака; наречия, образованные от качественно-относительных прилагательных, вносили в сочетание оттенок сравнения:

Астрономически и географически точно определять место и время (Герц., Кто виноват? 1, X); *нервически* злобно ... засмеялась (Тург., Отцы и дети, XIV); *старчески грациозно* подопрет одной рукой бок (Гонч., Обрыв, 1, VIII); *отечески горячо* целовал дочь (Там же, 1, XV); надетая *мальчишески набекрень* шляпка (Дост., Прест. и наказ., 2, VII); закрыл книгу ... *нервически быстро* (Л. Толст., Юность, XII); очень *дружески-родственно* приняла меня (Там же, XX); С ее поднятого кверху личика *детски доверчиво* смотрели ему в лицо синие глазки (М. Г., Нищенка); закричала ... *институтски-восторженно* (Бунин, Суходол, II).

Некоторые из наречий на *-ски,* утрачивая конкретное значение, приближались к эмоциональным определителям интенсивности признака:

— И еще так *адски холодно* рассуждаете о любви! — *Адски холодно* — это ново! В аду, говорят, жарко (Гонч., Обыкн. ист., 1, III); *умно чертовски* (Белинск., п. А. Герцену, 19 февр. 1846); Самую очевидную, режущую глаза действительность они принимали *фантастически глупо* (Дост., Зап. из подполья, 2, III); *дьявольски медленно* (Л. Андреев, Петька на даче).

Рассмотренные в § 11—16 группы наречных сочетаний не исчерпывают многообразия семантико-синтаксических отношений между наречиями, особенно активно развивающихся к концу XIX в. и позднее, в XX в. Эти новые экспрессивно-оценочные отношения в адъективных и наречных сочетаниях складывались в художественной литературе и проникали в близкие к ней по экспрессивной насыщенности стили публицистики, литературной критики, эпистолярные, в языке крупных писателей, сохраняя явные следы индивидуального отбора языковых средств.

Нейтральной речи эти сочетания были чужды. Однако некоторые из них, в силу фразеологически ограниченного характера связи и частоты употребления, утрачивали свою экспрессивность и превращались в языковые штампы.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ[1]

Аблесимов А. О. Мельник-колдун, обманщик и сват.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950 (*Аблес., Мельн.-колдун*).

Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Ред. Н. К. Гудзий. Academia [1934].

Аксаков С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. Литературные и театральные воспоминания. История моего знакомства с Гоголем.— В кн.: С. Т. Аксаков. Собрание сочинений, т. 1—4. М., 1955—1956 (*С. Акс., Сем. хрон., Детск. годы Багр. вн., Лит. и театр, воспом., Ист. моего знакомства с Гоголем*).

Андреев Л. Повести и рассказы. М., 1957. Вор.— В кн.: Л. Андреев. Рассказы. М., 1957; Любовь к ближнему.— В кн.: Русская одноактная пьеса XIX—XX в. М.— Л., 1945.

Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960 (*Анненк., Воспом.*)

Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 гг., т. I. СПб., 1911, Вып. 5. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 гг., т. III. Пг., 1921.

Атеней. М., 1928.

Бажин Н. Ф. Степан Рулев.— В кн.: Русские повести XIX века 60-х годов, т. 2. М., 1956.

Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792 гг. Пг., изд. ОРЯС, 1915.

Переписка П. А. Вельяминова, А. И. Веревкина, М. Вилемсон, Е. И. Голенищевой-Кутузовой, А. Н. Засекина, Н. М. Карамзина, В. Я. Колокольникова, А. М. Кутузова, И. В. Лопухина, М. И. Невзорова, Н. И. Новикова, А. А. Плещеева, А. И. Плещеевой, А. Н. Радищева, А. А. Ржевского, Н. Н. Трубецкого, И. П. Тургенева, М. М. Хераскова[2].

Батюшков К. Н. Сочинения, т. I—III. СПб., 1885—1887; Сочинения. М., 1955 (*Батюшк.*).

[1] В скобках курсивом дается принятое в книге сокращение. Примеры из источников, помеченных в тексте буквами «ЛК», заимствованы из картотеки Словарного сектора в Ленинграде; эти источники в настоящий список не включаются.

[2] Здесь и далее после описания книги с абзаца дается перечень произведений, извлеченных из этой книги в качестве источников.

Бегичев С. Н. См. Грибоедов А. С. Письма к С. Н. Бегичеву.
Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. 1—XIII. М., 1953—1959; Избранные письма, т. 1—2. М., 1955 (*Белинск.*).
Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 гг., совершенные на шлюпах «Восток» и «Мирный», под начальством капитана Беллинсгаузена. М., Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1960 (*Беллинсгаузен, Двукратн. изыскания*).
Бестужев-Марлинский А. А. см. Марлинский А. А.
Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1834, 1843, 1854, 1857 (*Б-ка для чт.*).
Билибин Н. Элементарная геометрия. СПб., 1887 (*Билибин, Элемент. геометрия*).
Блок А. Стихотворения. Л., 1955.
Боборыкин П. Д. Китай-город. На ущербе. Обречена. Проездом. Вторая от воды. В отъезд.— В кн.: П. Д. Боборыкин. Собрание романов, повестей и рассказов, т. 1—12. А. Ф. Маркс. СПб., 1897, т. 1, 5, 6 (*Боборык.*).
Бок Т. Е. См. Декабристы и их время. М.— Л., 1951.
Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1794, т. 1—4. СПб., 1871—1873 (*Болот.*).
Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951 (*Борат.*).
Броневский В. Г. Тифон.— В кн.: В. Г. Броневский. Записки морского офицера, ч. I. СПб., 1818 (*Броневск.*).
Борн И. М. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808 (*Борн, Кратк. руковод. к росс. словесн.*).
Брюсов В. Дневники 1891—1910 гг. Изд. Сабашниковых, 1927 (*Брюсов, Дневн.*).
Будильник. Сатирический журнал с карикатурами. СПб., 1865 (*Будильн.*).
Булгарин Ф. В. Иван Выжигин.— В кн.: Ф. В. Булгарин. Полное собрание сочинений, т. 1—7. СПб., 1839—1844, т. 1 (*Булг., Ив. Выж.*).
Бунин И. А. Собрание сочинений, т. 1—5. М., 1956.
Буташевич-Петрашевский М. В. См. Дело петрашевцев.
Бутков Я. П. Петербургские вершины, кн. 1 и 2. СПб., 1845—1846 (*Бутк., Пб. верш.*); Сто рублей. Хорошее место. Горюн. Невский проспект или Путешествия Нестора Залетаева.— В кн.: Русские повести XIX века 40—50-х годов, т. I. М., 1952 (*Невск. просп.*).
В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. ГИХЛ, 1962.
Воспоминания о Белинском Д. П. Иванова, И. И. Лажечникова, Н. Е. Иванисова, Н. А. Аргилландера. П. П. Прозорова, К. С. Аксакова, Н. М. Сатина, А. И. Герцена, В. А. Панаева, Ю. К. Арнольда, К. Д. Кавелина, И. И. Панаева, А. Я. Панаевой, П. В. Анненкова, Н. Н. Тютчева, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, И. Шмакова, А. В. Орлова, А. М. Берх. Письма И. А. Гончарова к К. Д. Кавелину, М. В. Белинской к П. А. Астафьеву.
Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897 (*Бусл., Мои воспом.*).
Васильев. Дневник поручика Васильева. СПб., 1896 (*Васильев, Дневн.*).
Вельтман А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. М., 1957 (*Вельтм., Саломея*).
Вельяминов П. А. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Веневитинов Д. В. Избранное. М., 1956 (*Веневит.*).

Веревкин А. И. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Вересаев В. В. Собрание сочинений, т. 1—5. М., 1961 (*Верес.*).
Вестник Европы. М., 1802, 1803 (*В. Е.*).
Вестник Европы. Журнал истории и литературы. СПб., 1890 (*В. Е.*).
Вилемсон М. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Владиславлев М. Современные направления в науке о душе. СПб., 1866 (*Владиславл., Совр. направления в науке о душе*); Психология. Исследование основных явлений душевной жизни, т. 2. СПб., 1881 (*Психология*).
Волконский С. Г. Записки Сергия Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901 (*Волконск., Зап.*).
Вундт В. Основания физиологической психологии. Перевел и дополнил по новейшим исследованиям В. Кандинский. М., 1880 (*Вундт, Осн. психологии*).
Вяземский П. А. Полное собрание сочинений, т. I—XII. СПб., 1878—1896 (*Вяземск.*). См. также: Остафьевский архив.
Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений, т. 1—5. М., 1957 (*Гарин-Мих.*).
Гаршин В. М. Сочинения. М.— Л., 1951 (*Гарш.*).
Герцен А. И. Рассказы о временах меровингских. Москва и Петербург. Письма об изучении природы. Кто виноват? Сорока-воровка. Доктор Крупов. Долг прежде всего. Былое и думы.— В кн.: А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 1—26. М., Изд-во АН СССР, 1954—1962 [продолж.] (*Герц., Расск. о временах меровингск., Письма об изуч. прир., Докт. Круп., Б. и д.*).
Глинка М. И. См. Михаил Иванович Глинка. Автобиографические и творческие материалы.
Глинка С. Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 г. СПб., 1837 (*С. Глинка, Зап. о М.*).
Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян против французов, в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии, ч. II. М., 1815 (*Ф. Глинка, Письма русск. офицера*). См. также Декабристы.
Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений, т. 1—14. М., 1937—1952; Письма Н. В. Гоголя, т. 1—4. Ред. В. И. Шенрок. СПб., 1901, т. 1.
Голенищева-Кутузова Е. И. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина, ч. 1—3. СПб., 1894 (*Головн., Зап.*).
Гончаров И. А. Собрание сочинений, т. 1—8. М., 1952—1955 (Гонч.).
Горький М. Мать. Жизнь Клима Самгина. Жизнь Матвея Кожемякина. Нищенка. Старуха Изергиль. Ошибка. На плотах. Городок Окуров. В людях. Сторож. Рассказ о безответной любви. Письма.— В кн.: М. Горький. Собрание сочинений, т. 1—30. М., 1949—1955 (*М. Г., Жизнь Кл. Самг., Жизнь Матв. Кожем., Расск. о безответн. любви*).
Гребенка Е. П. Кулик.— В кн.: Русские повести XIX в. 40-х годов, т. 1. М., 1952.
Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений, т. 1—3. СПб., 1911 — Пг., 1917; Письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву. 1816—1826. М., 1860 (*Гриб.*).
Грибоедов А. С. и Вяземский П. А. Кто брат, кто сестра или Обман за обманом.— В кн.: А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений, т. 1. СПб., 1911 (*Гриб. и Вяземск., Кто брат, кто сестра*).
Григорович Д. В. Избранные сочинения. М., 1955.
Грот Н. Психология чувствований в ее истории и главных основах. СПб., 1879—1880 (*Н. Грот, Психология*).

Грот Я. К. Филологические разыскания, т. 1—2. СПб., 1876.
Т. 1. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (Разбор для присуждения Ломоносовской премии). Карамзин в истории русского литературного языка (*Я. Грот, Разбор Сл. Даля, Карамз. в ист. русск. лит. яз.*).
Т. 2. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне (*Спорн. вопросы русск. правописания*).
Грот Я. К. Переписка с П. А. Плетневым, т. 1—3. СПб., 1896.
Гурьев С. Е. Опыт о усовершении элементов геометрии. СПб., 1798 (*Гурьев, Опыт о усовершении элем. геом.*).
Гусев-Оренбургский С. Повести и рассказы. М., 1958 (*Гусев-Оренб.*).
Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940 (*Д. Дав.*).
Даль В. И. Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского), т. 1—10. СПб.— М., 1897—1898 (*Даль*).
Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. Изд. АН СССР [Литературный архив]. М.— Л., 1936.
Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. М.— Л., 1951.
Произведения К. Рылеева, В. Раевского, Ф. Глинки, П. Катенина, В. Кюхельбекера, А. Бестужева (Марлинского), А. Одоевского, Н. Тургенева, И. Бобрищева-Пушкина, Н. Бестужева, С. Муравьева-Апостола, Д. Завалишина, Г. Батенькова, Н. Чижова, Н. Лорера, Ф. Вадковского, В. Давыдова, Н. Заикина, М. Бестужева, А. Пушкина, А. Грибоедова, Н. Гнедича, Н. Хмельницкого, П. Вяземского, О. Сомова, С. Путяты, В. Григорьева, Н. Языкова, В. Розальона-Сошальского, В. Зубова, А. Шишкова, В. Сокольского, Е. Ростопчиной, М. Орлова, Н. Муравьева, В. Штейнгеля, М. Фонвизина, М. Бестужева-Рюмина, П. Пестеля, П. Каховского, М. Лунина.
Декабристы и их время. Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени, т. II. М., 1932.
Записи С. П. Трубецкого.
Декабристы и их время. Материалы и сообщения. Ред. М. П. Алексеев и Б. С. Мейлах. М.— Л., 1951.
Письма В. К. Кюхельбекера и К. Ф. Рылеева к разным лицам. Письмо П. Бестужева к А. Бестужеву (Марлинскому) о смерти Пушкина. Записка Т. Е. Бока и др. материалы.
Дело петрашевцев, т. I. М.— Л., 1937.
Документы следствия по делу М. В. Буташевича-Петрашевского, Н. А. Момбелли, Ф. Н. Львова, Р. А. Черносвитова. Копии документов из утраченного следственного дела о М. В. Петрашевском.
Дельвиг А. А. Стихотворения. Л., 1951 (*А. А. Дельв.*).
Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига. 1820—1870. М.— Л., Academia, 1930 (*А. И. Дельв., Полвека русск. жизни*).
Державин Г. Р. Стихотворения. Оды. Записки. Переписка.— В кн.: Г. Р. Державин. Сочинения, т. 1—9. СПб., 1864—1883 (*Держ.*).
Детский мир и хрестоматия. Книга для классного чтения... Сост. К. Ушинский. Изд. 1. СПб., 1861.
К. Ушинский. Предисловие к 1-му изданию «Детского мира», (*К. Ушинск., Предисл. к 1-му изд. Детск. мира*).
Дмитриев И. И. Сочинения, т. 1—2. СПб., 1895 (*И. Дм.*).
Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. Изд. 2. М., 1869 (*М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.*).
Дневные записки Большого собрания. См. Исторические сведения о Екатерининской комиссии.
Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений, т. 1—6. М., 1934—1939 (*Доброл.*).

Добрынин Г. И. Истинное повествование или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752—1823, ч. 1—3. [Изд. 2]. СПб., 1872 (*Добрынин, Зап.*).
Долгорукий И. М. Славны бубны за горами. Путешествие мое коекуда 1810 года. М., 1870 (*И. Долгорук.*).
Долгорукова Н. Б. Своеручные записки кн. Натальи Борисовны Долгорукой. СПб., 1913 (*Н. Долгорук., Зап.*).
Достоевский Ф. М. Собрание сочинений, т. 1—10. М., 1956—1958; Письма к жене. М.— Л., 1926 (*Дост.*).
Дружинин А. В. Полинька Сакс.— В кн.: А. В. Дружинин. Собрание сочинений, т. 1—8. СПб., 1865—1867, т. 1. (*Дружинин, Пол. Сакс*).
Ермолов. А. П. Записки, ч. II, 1816—1827 гг. М., 1868 (*Ермолов, Зап.*).
Живописец. См. Новиков Н. И.
Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала.— В кн.: С. П. Жихарев. Записки современника. М.— Л., 1955 (*Жих., Зап. совр., Воспом. ст. театр.*).
Жуковский В. А. Собрание сочинений, т. 1—4. М.— Л., 1960; Три пояса.— В кн.: В. А. Жуковский. Сочинения. Гослитиздат, 1954 (*Жуковск.*).
Жуковский В. А., Мойер М. А., Протасова Е. А. Письма. Под. ред. Е. А. Грузинского [Уткинский сборник, I]. М., 1904.
Переписка В. А. Жуковского, М. А. Мойер, Е. А. Протасовой, А. А. Воейковой и А. П. Киреевской.
Журнал Департамента народного просвещения. СПб., 1821, 1823 (*ЖДНП*).
Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1854, 1869 (*ЖМНП*).
Журнал приятного, любопытного и забавного чтения. М., 1802 (*Журн. приятн. чт.*).
Загоскин М. Н. Рославлев или Русские в 1812 году. М., 1955 (*Загоск., Росл.*).
Записки имп. Русского географического общества. СПб., 1874, 1877 (*Зап. Р. Г. О.*).
Засекин А. Н. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Засодимский П. В. Темные силы. Хроника села Смурина.— В кн.: Русские повести XIX века 60-х годов, т. 2. М., 1956 (*Засодимск., Темн. силы, Хроника с. Смурина*).
Златовратский Н. Н. Избранные произведения. М., 1947 (*Златовратск.*).
Знаменский М. С. Воспоминания о Пущине.— В. кн.: И. И. Пущин. Записки о Пущине. Письма. ГИХЛ, 1956 (*Знаменск., Воспом. о Пущине*).
Иванов Д. П. См. В. Г. Белинский в воспоминаниях современников.
Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1—3. Л., 1951.
Н. И. Тургенев. Из «Дневников» (*Н. Тург., Из «Дневн.»*); С. П. Трубецкой. Из «Записок» (*Трубецк., Из «Зап.»*); К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Несколько мыслей о поэзии (*Рыл., Неск. мыслей о поэзии*); П. И. Пестель. «Русская Правда» (*Пестель, «Русск. Правда»*); В. Ф. Раевский. О рабстве крестьян (*В. Раевск.*); М. С. Лунин. Взгляд на русское Тайное общество с 1816 до 1826 года (*Лунин, Взгляд на русск. Тайн. об-во*) и др.
Измайлов А. Е. Собрание сочинений, т. 1—3. М., 1890 (*Изм.*).
«Илиада» Гомера. Перевод Н. И. Гнедича. М.— Л., Academia, 1935 (*Илиада, пер. Н. И. Гнедича*).

Искра. Сатирический журнал с карикатурами. Изд.-редакторы Н. Степанов и В. Курочкин. СПб., 1859.
Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения, ч. 5 (1768—1770).— В кн.: Сб. имп. Русск. ист. об-ва, т. 36. СПб., 1882.
Дневные записки Большого собрания. Проект законов о правах войск казачьих. Подлинные мнения г. депутатов на проект правам благородных. Проект законов о правах среднего рода государственных жителей. Проект прав третьего рода государственных жителей (*Дневн. зап. Больш. собр., Проект законов о правах, Проект законов о правах войск, Проект прав третьего рода гос. жителей).*
Каблиц И. И. Основы народничества, ч. 1. Изд. 2. СПб., 1888 (*Каблиц, Осн. народничества).*
Кантемир А. Д. Письма о природе и человеке. Депеши и политические письма.— В кн.: А. Д. Кантемир. Сочинения, письма и избранные переводы, т. 1—2. СПб., 1867—1868, т. II. (*Кант., Письма о прир. и чел.*); Стихотворения. Басни.— В кн.: А. Кантемир. Собр. стихотв., Л., 1956.
Каппист В. В. Ябеда.— В кн.: В. В. Каппист. Собрание сочинений, т. 1—2. М.— Л., 1960 (*Капп.*).
Карамзин Н. М. Собрание сочинений, т. 1—3. СПб., 1948; История Государства Российского, т. I—XIII, СПб., 1892 (*Карамз.*). См. также: Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в. См. также: Пантеон иностр. словесности.
Каронин С. (Н. Е. Петропавловский). Снизу вверх. На границе человека. Борская колония.— В кн.: С. Каронин (Н. Е. Петропавловский). Сочинения, т. 1—2. М., 1958 (*С. Каронин, Борск. колония*).
Киреевский П. В. Письма к Н. М. Языкову. М.— Л., 1935 (*П. Киреевск.*).
Клушин А. И. Алхимист.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950; Несчастный М-в.— В кн.: Русская проза XVIII века, т. 2. М.— Л., 1950 (*Клушин, Несч. М-в*).
Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. I—III. М., 1904—1912 (*Ключевск., Курс русск. ист.*); История сословий в России (Курс, читанный в Московском университете в 1886 г.). М., 1913 (*Ист. сосл. в Р.*); Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени. Императрица Екатерина II. Петр Великий среди своих сотрудников.— В кн.: В. О. Ключевский. Очерки и речи. Второй сб. статей. Пг., 1918 (*Воспом. о Новикове, Имп. Екат. II*).
Книппер О. Л. См. Чехов А. П. Переписка с О. Л. Книппер.
Княжнин Я. Сочинения, т. 1—5. Изд. 3. СПб., 1817—1818 *(Княжн.).*
Кокорев И. Т. Сибирка. Мелкая промышленность в Москве. Извозчики лихачи и ваньки. Саввушка. Кулак и барышник.— В кн.: И. Т. Кокорев. Сочинения. М.— Л., 1959 (*Мелк. промышл. в М., Извозчики лихачи*).
Колокольников В. Я. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Копиев А. Д. Обращенный мизантроп или Лебедянская ярмонка.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950 *(Копиев, Обращ. мизантроп).*
Коробьин Гр. Речь депутата Комиссии для сочинения нового Уложения Коробьина. 1768.— В кн.: Русская проза XVIII в., т. 1. М.— Л., 1950 *(Речь депутата Коробьина).*
Короленко В. Г. Собрание сочинений, т. 1—10. М., 1953—1956 (*Корол.*).
Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, т. 1. СПб., б/г (*Костом., Русск. ист.*).
Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб., 1906.
Кошелев См. Новиков Н. И.

Крестовский Вс. Влад. Петербургские трущобы (Книга о сытых и голодных). М.— Л., 1937 (*Вс. Крестовск., Пб. трущ.*).
Кропотов П. А. Фомушка, бабушкин внучек.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.—Л., 1950 *(Кропот., Фомушка).*
Крылов И. А. Собрание сочинений, т. 1—3. М., 1944—1946 *(Крыл.).*
Крупская Н. К. Письма к родным. См. Ленин В. И.
Куприн А. И. Собрание сочинений, т. 1—6. М., 1957—1958 (*Купр.*).
Кутузов А. М. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Кюхельбекер В. К. Стихотворения. Адо.— В кн.: Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. М.— Л., 1951 (*Кюхельб.*). См. также: Мнемозина, ч. II.
Лажечников И. И. Ледяной дом. Басурман.— В кн.: И. И. Лажечников. Собр. сочинений, т. 1—5. СПб., 1858, т. 1, 5 *(Лажечн. Лед. дом).*
Левитов А. И. Сочинения в одном томе. М., 1950.
Лейкин Н. А. См. Русский фельетон.
Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Письма к родным.— В кн.: В. И. Ленин. Сочинения, т. 1—40. Изд. 4. Госполитиздат, 1941—1962. [Т. 37, Приложения — письма Н. К. Крупской].
Лепехин И. Дневные записки путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г., т. 2. Изд. 2. СПб., 1802 (*Лепехин, Дневн. зап.*); Путешествия академика. Ивана Лепехина в 1772 году, ч. IV. СПб., 1805 (*Путеш.*); Окончание Записок путешествия академика Лепехина.— В кн.: Полное собрание ученых путешествий, издаваемое имп. Академией наук, т. 5. СПб., 1882.
Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений, т. 1—6. М.— Л., 1954—1957 *(Лерм.).*
Лесков Н. С. Собрание сочинений, т. 1—11. М., 1956—1958; На ножах.— В кн.: Н. С. Лесков. Полное собрание сочинений, т. 1—36. Изд. 3, СПб., 1902—1903, т. 23—27, *(Леск.).*
Лопухин И. В. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Лукин В. И. Щепетильник.— В кн.: В. Лукин. Сочинения и переводы, ч. 1. СПб., 1765 (*Лукин, Щепетильн.*).
Лунин М. С. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.
Львов-Рогачевский В. Л. А. П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах. М., 1923 (*Львов-Рогачевск.*).
Автобиография А. П. Чехова. Переписка А. П. Чехова с разными лицами.
Майков А. Н. Лирика.— В кн.: А. Н. Майков. Полное собрание сочинений, т. 1—4. СПб., 1901 (*А. Майк.*).
Максимов С. В. Куль хлеба и его похождения. СПб., 1873 *(Максимов, Куль хлеба).*
Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы. Горное гнездо.— В кн.: Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений, т. 1—8. М., 1953—1955, т. 2—3 *(М.-Сиб., Прив. мил., Горн. гнездо).*
Манифест Пугачева. См. Русская проза XVIII в.
Марлинский А. А. (А. А. Бестужев-Марлинский). Собрание сочинений, т. 1—2. М., 1958; Поездка в Ревель.— В кн.: А. А. Марлинский. Полное собрание сочинений, ч. 1—12. СПб., 1835—1838. ч. 11 (*Марл.*). См. также Декабристы.
Матинский М. Санкт-Петербургский гостиный двор.— В кн.: Русская комедия и комич. опера XVIII в. М.— Л., 1950 (*Матинск., Спб. гост. двор*).
Мейл Л. А. Стихотворения и драмы. Сов. писатель, 1947.

Мельников-Печерский П. И. Старые годы. Именинный пирог. Бабушкины рассказни.— В кн.: Русские повести XIX века 60-х годов, т. 1. М., 1956 (*М.-Печ., Ст. годы, Бабушк. рассказни*); На горах. М., 1956; Дорожные записки.— В кн.: П. И. Мельников (Андрей Печерский). Полное собрание сочинений, т. 1—7. Изд. 2. СПб., 1909, т. 7 (*Дорожн. зап.*).

Менделеев Д. Основы химии, ч. 2. Изд. 3. СПб., 1877 (*Менд.*).

Мечников И. И. Страницы воспоминаний. М., 1946.

Милонов М. В. Освобожденные пленники.— В кн.: М. В. Милонов Сочинения. СПб., 1849 (*Милонов, Освобожд. пленники*).

Михаил Иванович Глинка. Автобиографические и творческие материалы.— В кн.: Литературное наследие, т. I. Л.— М., 1952.

Записки М. И. Глинки, ч. 1—4 (*М. Глинка, Зап.*).

Мнемозина. Собрание сочинений в стихах и прозе, ч. I—III. Изд. В. Одоевский и В. Кюхельбекер. М., 1824 (*Мнемоз.*).

Момбелли Н. А. См. Дело петрашевцев.

Мордвинов Я. Я. Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова, ч. I. Журнал о походах в Соловки и на Валаам острова (в 1744, 1752, 1764, 1777 и 1784 гг.). СПб., 1888 (*Мордв., Зап.*).

Морской сборник, изд. Морским ученым комитетом. СПб., 1856 (*Морск. сб.*).

Москвитянин. Изд. М. П. Погодин. М., 1841, 1851, 1853, 1856 (*Москвит.*).

Московский вестник. Изд. М. П. Погодин. М., 1828 (*Моск. вестн.*).

Московский Меркурий. Изд. П. И. Макаров. М., 1803 (*Моск. Мерк.*).

Московский наблюдатель. Журнал энциклопедический. М., 1837 (*Моск. набл.*).

Московский телеграф. Журнал литературы, критики, наук и художеств. Изд. Н. Полевой. М., 1825, 1826 (*Моск. телеграф*).

Нарежный В. Т. Избранные сочинения, т. 1—2. М., 1956 (*Нарежн.*).

Нащокин В. А. Записки. СПб., 1842 (*Нащокин, Зап.*).

Невзоров М. И. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Некрасов Н. А. Стихотворения. Кому на Руси жить хорошо. Осенняя скука. Заметки о журналах. Письма.— В кн.: Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. I—XII. М., 1948—1953 (*Некр.*); Петербургские углы.— В кн.: Н. А. Некрасов. Сочинения. М., 1950 (*Пб. углы*).

Некрасов Н. А. и Станицкий Н. [А. Я. Панаева]. Три страны света. Мертвое озеро.— В кн.: Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. I—XII. М., 1948—1953, т. VII и VIII (*Некр. и Станицк., Три стр. света, Мертв. озеро*).

Никитенко А. В. Дневник, т. 1. 1826—1857. М., 1957 (*Никитенко, Дневн.*).

Николев Н. П. Розана и Любим.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950.

Новиков Н. И. Трутень. Живописец. Кошелек. Пустомеля.— В кн.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.— Л., 1951 (*Трутень, Живописец, Кошелек, Пустомеля*); Избранные сочинения. М.— Л., 1951.

Всякая всячина. Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г. (*Вс. всячина*). Критические статьи. Статьи по истории и философии. Опыт исторического словаря о российских писателях (*Опыт. ист. слов.*). Пословицы российские. «Живописец», изд. 3, 1775. См. также: Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Новогодник. Собрание сочинений в прозе и стихах современных русских писателей. Изд. Н. Кукольник. СПб., 1839.

Проза Ф. Булгарина, Н. Греча, П. Каменского, Н. Кукольника, В. Луганского, А. Марлинского, Медведовского, Основьяненка, И. Сахарова,

В. Троицкого. Стихотворения В. Бенедиктова, Е. Гребенки, Э. Губера, М. Деларю, А. Ильичевского, П. Корсакова, Н. Кукольника, П. Кукольника, Э. Мещерского, Д. Минаева, А. Полежаева, Н. Полевого, Л. Якубовича, Н. Яковлева.

Одиссея Гомера. Пер. В. А. Жуковского. М.— Л., Academia, 1935 (*Одиссея, пер. Жуковск.*).

Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М., 1959; Русские ночи. М., 1913 (*В. Одоевск., Русск. ночи*).

Озерецковский Н. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804 (*Озерецковск., Описание Колы*).

Озеров В. Сочинения. Изд. 3. СПб., 1856.

Осколки. Художественно-литературный журнал. СПб., 1881.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812—1819. СПб., 1899.

Остолопов Н. Словарь древней и новой поэзии, ч. 1—3. СПб., 1821 (*Остолопов, Сл. древн. и нов. поэзии*).

Островский А. Н. Полное собрание сочинений, т. I—XVI. М. 1949—1953 (*Остр.*).

Отечественные записки. Учено-литературный журнал. Изд.-ред. А. Краевский. СПб., 1839, 1843 (*Отеч. зап.*).

Павлов И. П. Центробежные нервы сердца. Нервные теплотные центры и их участие в лихорадке.— В кн.: И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. I. Изд. 2. М.— Л., 1951 (*Павлов, Центробежн. нервы, Нервн. теплотн. центры*).

Павлов Н. Ф. Повести и стихи. М., 1957 (*Н. Павл.*).

Панаев И. И. Литературные воспоминания. ГИХЛ, 1950 (*Панаев, Лит. воспом.*); Онагр. Актеон. Родственники.— В кн.: Русские повести XIX в. 40—50-х годов, т. I. М., 1952.

Панаева А. Я. (Головачева). Воспоминания. ГИХЛ, 1948 (*Панаева, Воспом.*).

Пантеон иностранной словесности. Переведено Н. Карамзиным, ч. 1. Изд. 2. М., 1818 (*Пантеон иностр. словесн.*).

Пассек Т. П. Из дальних лет, т. I. СПб., 1878 (*Пассек, Из дальн. лет*).

Пестель П. И. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.

Петрашевский М. В. См. Дело петрашевцев.

Петрашевцы. Сборник материалов, т. 3. Ред. П. Щеглов. М.— Л., 1928. Доклад генерал-аудиториата по делу петрашевцев.

Писарев Д. И. Пчелы. Реалисты.— В кн.: Д. И. Писарев. Сочинения, т. 1—4. М., 1956.

Писемский А. Ф. Сочинения, т. 1—3. М., 1956 (*Писемск.*).

Плетнев П. А. См. Грот Я. К. Переписка с П. А. Плетневым.

Плеханов Г. В. Наши разногласия. Рабочее движение в 1891 г.— В кн.: Г. В. Плеханов. Сочинения, т. I—XXIV. Изд. 2. М.— Пг., 1923—1927, т. II, IV (*Плех., Рабоч. движение в 1891 г.*).

Плещеев А. А. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Плещеев А. Н. Избранное. Стихотворения. Проза. М., 1960 (*Плещ.*).

Плещеева А. П. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Погодин М. Норманский период русской истории. М., 1859 (*Погодин, Норманск. период русск. ист.*).

Погорельский А. [А. А. Перовский]. Двойник или Мои вечера в Малороссии. Монастырка. М., 1960 (*Погорельск., Двойник*); Лафертовская маковница.— В кн.: Русские повести XIX в. 20—30-х годов, т. 2. М.— Л., 1950 (*Лафертовск. маковница*).

Подлинные мнения г. депутатов на проект правам благородных. См. Исторические сведения о Екатерининской комиссии.

Полевой Н. Мечты и жизнь. Были и повести, ч. 1—4. М., 1833—1834; История русского народа, т. 1—6. М., 1829—1833, т. 5 (*Н. Полевой, Ист. русск. народа*).
Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. XII, XIV, XV, XXII, XXIII, XXV, XXVI, XXXIX. СПб., 1830 (*ПСЗ*).
Половцов. В. Краткая летопись грамматической деятельности в России. СПб. 1847.
Полонский Я. П. Собрание стихотв., т. 1—5. СПб., 1896 (*Полонск.*).
Помяловский Н. Г. Сочинения. М.— Л., 1951 (*Помяловск.*).
Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Сост. Н. Дубровин, т. 2. СПб., 1885.
Рапорт князя Прозоровского графу Румянцеву, 6 янв. 1778 г.
Проект законов о правах войск казачьих. См. Исторические сведения о Екатерининской комиссии.
Проект законов о правах среднего рода государственных жителей. См. там же.
Проект прав третьего рода государственных жителей. См. там же.
Прозоровский. См. Присоединение Крыма к России.
Путешествие критики, или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частию сам был очевидным свидетелем. Сочинение С* фон Ф*. 1818. М., 1951 (*Путеш. критики*).
Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. 1—16. Изд-во АН СССР, 1937—1949 (*Пушк.*).
Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. ГИХЛ, 1956 (*И. Пущин, Зап. о Пушк.*).
М. И. Пущин. Встреча с Пушкиным за Кавказом. Из дневника 1826 года (*М. Пущин, Встр. с Пушк., Из дневн. 1826*).
Пущин М. См. Пущин И. И. Записки о Пушкине.
Радищев А. Н. Полное собрание сочинений, т. 1—3. М.— Л., 1938—1952 (*Радищ.*). См. также: Барсков Я. Д. Переписка моск. масонов XVIII в.
Раевский В. Ф. Стихотворения.— В кн.: Поэзия декабристов. Л., 1950 (*В. Раевск.*). См. также: Декабристы. М.— Л., 1951; См. также: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.
Растопчин Ф. В. От главнокомандующего в Москве. Вести или Убитый живой. Дружеские послания (Растопчинские афишки).— В кн.: Ф. В. Растопчин. Сочинения. СПб., 1853 (*Растопч., От главнокомандующ. в М., Вести, Дружеск. посл.*).
Речи депутатов Комиссии для сочинения нового Уложения. См. Русская проза XVIII в.
Речи прокуроров, присяжн. поверенных и др. судебные речи см: Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах.
Ржевский А. А. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Рикорд П. И. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб., 1816 (*Рикорд, Зап.*).
Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. 1844—1906. Изд. 2. СПб., 1910 (*Римск-Корс., Летоп. моей музык. жизни*).
Ростопчина Е. См. Декабристы. М.— Л., 1951.
Русская мысль. Журнал научный, литературный и политический Изд. А. С. Суворин. М., 1887 (*Русск. мысль*).
Русская проза XVIII века, т. I. М.,— Л., 1950.
Речи депутатов Комиссии для сочинения нового Уложения. Манифест Пугачева.

Русские поэты, современники Пушкина. Антология. Л., 1937.
Стихотворения Жуковского, Батюшкова, В. Л. Пушкина, Гнедича, Д. Давыдова, Вяземского, Катенина, Рылеева, Гюхельбекера, Дельвига, Боратынского, Козлова, Языкова, Полежаева, А. Одоевского, Веневитинова, Шевырева, Тютчева.
Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах, т. VII. Изд. 2. М., 1899—1903.
Речи защитников, прокуроров, судебные заключения.
Русский фельетон. М., 1958.
Фельетоны А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова, М. Д. Чулкова, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова, К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева, А. С. Пушкина, Н. А. Полевого, О. И. Сенковского, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. В. Дружинина, И. И. Панаева, Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, М. А. Антоновича, В. С. Курочкина, П. И. Вейнберга, Г. З. Елисеева, М. М. Стопановского, Д. Д. Минаева, Г. И. Успенского, Д. А. Клеменца, Н. К. Михайловского, К. М. Станюковича, И. Ф. Горбунова, Н. А. Лейкина, А. П. Чехова, Д. А. Линева, А. В. Амфитеатрова, В. М. Дорошевича, А. С. Серафимовича, А. М. Горького, В. В. Воровского, М. С. Ольминского, К. С. Еремеева, Д. Бедного.
Русское богатство. Ежемесячн. журн. СПб., 1880 (*Русск. богатство*).
Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений. Academia, 1934 (*Рыл.*). См. также: Декабристы; Избранные социально-политические и философские произведения декабристов; Декабристы и их время. М.—Л., 1951.
Рычков Н. Опыт Казанской истории древних и средних времян. СПб., 1767 (*Рычков, Опыт Каз. ист.*).
Салов И. А. Мельница купца Чесалкина. Грачевский крокодил.— В кн.: Русские повести 70—90-х годов XIX века, т. 1. М., 1957 (*Салов, Грачевск. крокодил*).
Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. Губернские очерки. Сатиры в прозе. Наш дружеский хлам. Помпадуры и помпадурши. В среде умеренности и аккуратности. Письма к тетеньке. Сказки.— В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений, т. 1—20. М., 1933—1941 (*С.-Щ., Пошехонск. стар., Губ. оч., Наш дружеск. хлам, Помп. и помпадурши*).
Свербеев Д. И. Записки, т. 1—2. М., 1899 (*Сверб., Зап.*).
Северный вестник. Изд. И. И. Мартынов. СПб., 1805 (*Сев. вестн.*).
Сенковский О. И. Древний гекзаметр.— В кн.: Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса), т. 1—9. СПб., 1858—1859, т. 7 (*Сенковск., Древн. гекзаметр*).
Сеченов И. Физиология нервной системы. СПб., 1866 (*Сеченов, Физиол.*); Физиологические очерки, ч. 1—2. СПб., 1898 (*Физиол. оч.*).
Славутинский С. Т. Жизнь и похождения Трифона Афанасьева. Читальщица.— В кн.: Русские повести XIX века 60-х годов., т. 1. М., 1956 (*Славутинск., Жизнь и похожд. Триф. Аф.*).
Слепцов В. А. Сочинения, т. 1—2. М., 1957.
Современник, литературный журнал. Изд. А. С. Пушкин. СПб., 1836; Литературный журнал А. С. Пушкина, изд. по смерти его П. А. Вяземским, В. А. Жуковским и др. СПб., 1837 (*Совр.*); Литературный журнал. Изд.-ред. П. А. Плетнев. СПб., 1844 (*Совр.*).
Современник, литературный и политический журнал. Изд.-редакторы И. И. Панаев и Н. А. Некрасов. СПб., 1847 (*Совр.*).
Соллогуб В. А. Тарантас. СПб., 1845 (*В. Соллог.*).
Соловьев С. История России с древнейших времен, т. 1—29. М., 1851—1879, т. 1 (*С. Соловьев, Ист. Росс.*).
Сологуб Ф. Мелкий бес. Изд. 9. Пг.— М.— Берлин, 1923 (*Ф. Сологуб, Мелк. бес*).

Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1959 (*Срезн., Мысли об истории русск. яз.*).

Станицкий Н. (А. Я. Панаева). Семейство Тальниковых.— В кн.: Русские повести XIX в. 40 — 50-х годов, т. 2. М., 1952 (*Станицк., Семейство Тальн.*).

Станюкович К. М. Между своими. Вокруг света на «Коршуне».— В кн.: К. М. Станюкович. Собрание сочинений, т. 1—6. М., 1956—1959, т. 1, 2 (*Станюк., Вокр. света на «Корш.»*).

Стасов В. В. Автобиография.— В кн.: В. В. Стасов. Собрание сочинений, т. I—III. СПб., 1894, т. III (*Стасов, Автобиогр.*).

Страхов Н. И. Сатирический вестник.— В кн.: Русская проза XVIII века, т. 2. М.— Л., 1950 (*Страхов, Сатирич. вестн.*).

Стрекоза. Художественно-юмористический журнал. СПб., 1876.

Суворин А. С. Дневник. М.— Пг., 1923 (*Суворин, Дневн.*).

Суворов А. В. Письма и бумаги. Из «Суворовского сборника» имп. Публичной библиотеки. [Вып. 1]. Изд. В. Алексеев. СПб., 1901.

Судебные заключения. См. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах.

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, ч. 1—10, изд. 2. М., 1787 (*Сумарок.*); Ссора у мужа с женою.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950.

Сухово-Кобылин А. В. Свадьба Кречинского. Дело. Смерть Тарелкина. М.— Л., 1949 (*Сухово-Коб., Свадьба Кречинск.*).

Сын отечества. Исторический и политический журнал. Ред. Н. И. Греч. СПб., 1812; Журнал литературы, политики и современной истории. Ред.-изд. Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин. СПб., 1827 (*С. О.*).

Телескоп. Журнал современного просвещения. Изд. Н. Надеждин. М., 1831 (*Телеск.*).

Тимирязев К. А. Бессильная злоба антидарвиниста (По поводу статьи г. Страхова: «Всегдашняя ошибка дарвинистов»). М., 1889 (*Тимиряз., Бессильн. злоба антидарвиниста*); Растение и солнечная энергия.— В кн.: К. А. Тимирязев. Сочинения, т. 1—10. М., 1937, т. 1 (*Тимиряз., Растение и солн. энергия*).

Толстая С. А. Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891. Изд. М. и С. Сабашниковых. Л., 1928 (*С. Толстая, Дневн.*).

Толстой А. Н. Без крыльев. Хромой барин. Милосердия! Хмурое утро.— В кн.: А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 1—15. М., 1951—1953, т. 1, 2, 4, 8 (*А. Н. Толст., Хром. барин*).

Толстой Л. Н. Война и мир. Анна Каренина. Воскресение. Детство. Отрочество. Юность, Люцерн. После бала. Дневник. Письма.— В кн.: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 1—90. М.— Л., 1928—1958 (*Л. Толст., В. и м., А. К., Воскрес., Дневн.*).

Трубецкой Н. Н. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Трубецкой С. П. См. Декабристы и их время. М., 1932; см. также: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.

Труды Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения. СПб., 1818 (*Тр. Вольн. об-ва соревноват. просвещ.*).

Труды Общества любителей российской словесности при имп. Моск. университете. 1812 (*Тр. Об-ва люб. росс. слов.*).

Трутень. См. Новиков Н. И.

Тургенев А. И. См. Остафьевский архив князей Вяземских.

Тургенев И. П. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Тургенев И. С. Собрание сочинений, т. 1—12. М., 1953—1958 (*Тург.*); Встреча моя с Белинским. Письма к Н. А. Основскому.— В кн.: В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. ГИХЛ, 1962.

Тургенев Н. И. См. Декабрист Н. И. Тургенев; см. также: Декабристы; Архив братьев Тургеневых; Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.

Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. М., 1957 (*Тютч.*); Полное собрание сочинений. Изд. 6, испр. и доп., А. Ф. Маркс. СПб., 1912.

Успенский Г. И. Нравы Растеряевой улицы. Грехи тяжкие.— В кн.: Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, т. 1—14. Изд-во АН СССР, 1952—1954, т. 2, 11 (*Гл. Усп., Нр. Растер. ул.*).

Ушинский К. См. Детский мир и хрестоматия.

Фет А. А. Мои воспоминания, ч. I. М., 1890 (*Мои воспом.*). Ранние годы моей жизни. М., 1893.

Фонвизин Д. И. Собрание сочинений, т. 1—2. М.— Л., 1959. Избранные сочинения и письма. М., 1946 (*Фонв.*).

Хемницер И. И. Сочинения. СПб., 1853 (*Хемн.*).

Херасков М. М. Избранные произведения, Л., 1961 (*Хераск.*). См. также: Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Храповицкий А. В. Дневник А. В. Храповицкого с 18 января 1782 г. по 17 сентября 1793 г. М., 1901 (*Храповицк., Дневн.*).

Чернышевский Н. Г. Что делать? Дневник. Письма.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. I—XV. М., 1949—1950 (*Черн., Дневн.*).

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем, т. 1—20. М., 1944—1951 (*Чех.*); Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер, т. 1—3. М., 1936, т. 2. См. также: Львов-Рогачевский В. Л. А. П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах.

Чулков М. Д. Из сборника «Пересмешник или Славянские сказки». Пригожая повариха или Похождения развратной женщины.— В кн.: Русская проза XVIII века, т. 1. М., 1950 (*Чулк., Пересмешн., Пригож. повариха*).

Шапир О. Кандидат Куратов.— В кн.: Русские повести XIX в. 70—90-х годов, т. 2. М., 1957.

Шевырев С. П. Стихотворения.— В кн.: Д. Веневитинов, С. Шевырев, А. Хомяков. Стихотворения. Сов. писатель, 1937.

Шеллер-Михайлов А. К. Лес рубят — щепки летят. Тина.— В кн.: А. К. Шеллер-Михайлов. Полное собрание сочинений, т. 1—16. Изд. 2. СПб., 1904—1905, т. 1, 6 (*Ш.-Мих*).

Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. Примечания на критику, изданную в «Московском Меркурии» на книгу «Рассуждение о старом и новом слоге».— В кн.: А. С. Шишков. Собрание сочинений и переводов, ч. 1—17. СПб., 1818—1839 (*Шишк., Рассужд., Примеч. на критику, изд. в «Моск. Мерк»*).

Щепкин М. С. Записки актера Щепкина. Academia, 1933 (*Щепкин, Зап. актера*).

Щербатов М. М. Политические сочинения.— В кн.: М. М. Щербатов. Сочинения, т. 1—2. СПб., 1896, 1898 (*Щербат.*).

Эртель А. И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. М., 1890 (*Эрт., Гард.*).

Языков Н. М. Собрание стихотворений. М., 1948.

Словари

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4. Изд. 3. СПб.— М., 1903—1909 (*Даль*).

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Вновь пересмотренное, исправленное и пополненное издание, ч. I—VI. СПб., 1806—1822 (*Сл. АР*).

Словарь русского языка, составленный Вторым Отделением имп. АН, т. I, А — Д. СПб., 1895 (*Сл. II Отд. АН*).

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отд. имп. АН, т. 1—4. СПб., 1847, (*Сл. 1847 г.*).

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов 5

Предисловие 7

Изменения в глагольных словосочетаниях 17

Развитие словосочетаний, выражающих причинные отношения 19

Система словосочетаний, выражающих причинные отношения, в конце XVIII — начале XIX в. 19

Словосочетания с первообразными предлогами 21

Словосочетания с производными предлогами 27

Изменения в системе словосочетаний, выражающих причинные отношения, в языке XIX в. 30

Изменения в соотношениях конструкций с родительным падежом с предлогами *с* и *от* 30

Развитие конструкций с родительным падежом с предлогом *вследствие* в их соотношении с конструкциями других форм 34

Изменения в употребительности конструкций с родительным падежом с предлогом *из* 36

Изменения в употребительности конструкций с дательным падежом с предлогом *по* 38

Развитие конструкций с предлогами *в силу* и *ввиду* . . . 42

Изменения в употребительности конструкций с творительным падежом с предлогом *за* 43

Развитие конструкций с родительным падежом с предлогом *из-за* 45

Развитие конструкций с предлогом *благодаря* 47

Изменения в употребительности конструкций с предлогами *по причине, по случаю* 48

Изменения в конструкциях с «осложненными» значениями 50

Развитие словосочетаний, выражающих целевые отношения . 53

Словосочетания, выражающие целевые отношения в конце XVIII — начале XIX в. 56

Изменения в группе конструкций с неспециализированными предлогами 57

Развитие конструкций со специализированными предлогами 62

Конструкции с предлогом *для* 62

Конструкции с предлогом *с целью* и *в видах* 67
Изменения в конструкциях с осложненными значениями 68
Причинно-целевые конструкции 69
Объектно-целевые конструкции 72
Развитие словосочетаний, выражающих пространственные отношения 74
Словосочетания, выражающие пространственные отношения, в конце XVIII — начале XIX в. 76
Колебания в употреблении пространственных словосочетаний в языке XIX в. 77
Колебания, обусловленные факторами грамматического порядка 78
Колебания, обусловленные факторами лексического порядка 83
Колебания, связанные с формированием новых предлогов . 88
Изменения в словосочетаниях, выражающих временные отношения 90
Непродуктивные конструкции 92
Адвербиализация именной или предложно-именной части словосочетания 93
Затухание дублетных конструкций 97
Освобождение от многофункциональности форм 102
Закрепление разных названий временных отрезков за определенными формами словосочетаний 107
Развивающиеся конструкции 109
Конструкции с предлогом *во время* 110
Конструкции с предлогами *в течение, в продолжение* . . . 113
Конструкции с предлогами *до, к, перед* 117
Конструкции с предлогом *после* 122
Изменения в субстантивных словосочетаниях 128
Изменения соотношений между словосочетаниями с именем прилагательным и косвенными падежами существительного 130
Общие тенденции развития словосочетаний с отсубстантивными прилагательными 130
История словосочетаний, выражающих отношение к лицу . . 132
Словосочетания, выражающие индивидуальную принадлежность 133
Словосочетания, выражающие отношение к группе лиц . 143
История словосочетаний, выражающих отношения к не-лицу 147
Изменения отношений между словосочетаниями с качественными прилагательными и с родительным падежом отадъективного существительного 152
Изменения в соотношениях беспредложных словосочетаний . . 157
Изменения в соотношении словосочетаний с родительным и дательным падежами 157
История сочетаний, в составе которых сокращается употребление дательного падежа 160
Словосочетания, для которых не типична прикрепленность к предикативным структурам 160
Словосочетания, для которых типична прикрепленность к предикативным структурам 170

История сочетаний, в составе которых сокращается употребление родительного падежа 172
Изменения в соотношениях словосочетаний с родительным и творительным падежами 174
Изменения в соотношениях беспредложных и предложных словосочетаний 178
Вытеснение беспредложных словосочетаний с родительным падежом предложными словосочетаниями 179
Активизация предложных словосочетаний, структура которых определяется характером главного слова 179
Активизация предложных словосочетаний, структура которых определяется характером смысловых отношений между главным и зависимым словом 188
Вытеснение беспредложных словосочетаний с дательным падежом предложными словосочетаниями 197
Вытеснение беспредложных словосочетаний с творительным падежом предложными словосочетаниями 201
Вытеснение предложных словосочетаний беспредложными 202
Изменения в соотношениях предложных словосочетаний 205
Изменения в словосочетаниях, выражающих качественно-определительные отношения 205
Изменения в словосочетаниях, выражающих ограничительные отношения 209
Изменения в адъективных словосочетаниях 221
Развитие адъективных словосочетаний как результат развития категории качества 222
Изменения в соотношении моделей, функционально обусловленных и необусловленных (категориальных) 234
Развитие конструктивно-синтаксических возможностей полных и кратких форм прилагательных 248
Изменения в наречных словосочетаниях 263
Сочетания наречий с зависимыми именами 263
Преодоление именного управления отыменными наречиями .
Изменения, обусловленные взаимодействием семантических разрядов слов 269
Сочетания наречий с наречиями 276
Изменения в сочетаниях с наречиями меры и степени . . . 276
Развитие эмоциональных и субъективно-оценочных определителей степени 280
Список основных источников 287

БИБЛИОТЕКА
ин-та русского языка
ин-та языкознания АН СССР

Изменения в системе словосочетаний

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор Издательства *В. А. Ицкович*
Технические редакторы *Ю. В. Рылина, О. М. Гуськова*

Сдано в набор 9/VIII 1963 г. Подписано к печати 27/XII 1963 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 19 л. Уч.-изд. л. 20,1.
Тираж 5000 экз. Изд. № 2079. Тип. зак. 2599

Цена 1 руб. 41 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
19	6 сн.	*выпуща*	*выпущаю*
33	9 сн.	*подаешь*	*падаешь*
67	19 сн.	сосредоточенные	сосредоточены
75	3 св.	*граде*	*градъ*
88	5 св.	*в деревню*	*на деревню*
90	1 сн.	филологи	филолог
90	2 сн.	проблематики падежных	проблематике падежных
92	4 св.	*после*	*поле*
112	19 св.	*на время*	*во время*
136	3 св.	*Руало*	*Буало*
136	8 св.	*слава. Неблагодарность Изяславова* (Карамз., И. Г. Р. II, XV).	*гала. Барды Старновы и Фингаловы* (Озеров, Фингал, I, 4)
152	4 св.	XVII	XVIII
228	1 св.	сочинения	сочетания
286	6 сн.	писателей, сохраняя	писателей сохраняя
287	21 св.	1928	1828
293	1 сн.	Мейл	Мей
302	1 св.	с предлогом	с предлогами

Заказ № 2599